

ПАНТЕОНЪ

№ 1. — ЯНВАРЬ.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИДЕАЛЪ или ЖЕНИТЬБА БЕЗЪ ЛЮБВИ. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. *Н. Я. Яковлевскаго.*

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. МИЗИНЧИКЪ МЕРИ. Повѣсть *Л. Бранта.*

2. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Пѣвѣтокъ *А. Реймера.*
2. М. И. Ч...ой. *П. Басистова.*
3. Мечтай, мечтай *Д. Сушкова.*
4. Смерть младенца *П. Буле.*

3. ЛЮБОВЬ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ БАРЫШНИ. Повѣсть *А. Бутовскаго.*

III. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

Галерея русскихъ художниковъ : ЕЩЕ ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ТРАГИКОВЪ.

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАЛЫМЫ, писанныя имъ самимъ. Книга первая, главы 1, 2, 3 и 4.

V. ЮМОРИСТИКА.

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ. Неправдоподобный разсѣздъ *В. Натухайскаго.*

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Заговорило ретивое, или урокъ бѣдовой дѣвухкѣ. Оригинальная комедія, въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе *П. И. Григорьева 1—го.*
2. Интересный вдовецъ или ночное свиданіе съ иллюминаціей. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г****
3. Провинціальный братецъ. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи.
4. Фантазія. Оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *У и З.*
5. Вечеръ артистовъ. Дивертисманъ.

(*Бенефисъ г. Максимова 1).*

Писательница. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Г-жи М. Корсичи.*

VII. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція (*Письмо изъ Парижа отъ 13 января.*)

Новости и приготовленія на театръ Большой Оперы. — Таинственная пѣвица, комическая Опера, либретто *Евгенія Скриба*, музыка *Виктора Массе*. — Итальянская Опера въ Парижѣ. — Огромный успѣхъ тенора *Иванова* въ роль *Ажем-норо*, въ «*Лукреція-Боржія*». — Дебютъ *Коллин*, въ роль отца въ «*Лидвѣ де-*

Шамуни. Г-жа Фіорентини въ роль *Лукреціи*. — Г-жа Зонтагъ — въ *Линдъ*. — Будущія приготовленія Лумей — ожиданіе дебюта дѣвицы Дюпре, и невзгоды, готовящіяся Итальянской Оперѣ въ Парижѣ. — **Флейтцакъ**, античная комедія въ стихахъ *Эмиля Ожье*. — **Домашніе враги**, комедія *Камилля Дусе*. — **Искушенія Антуанетты**, водевилъ *Клервилля и Кордые*. — Дебюты двухъ прекрасныхъ водевилныхъ актрисъ дѣвицы *Вольфъ и Амедины Лютеръ*. — **Безпокойная ночь**, водевилъ *Рошфора и Лангле*. — **Фехтовальный учитель**, водевилъ соч. *Гиндъ*. — **Помпонаета и Помпадуръ**, водевилъ г. г. *Моле-Жантильома и Констана Геру*. — **Земля улятокъ**, фарсъ гёвие г. г. *Левеня, Бруисвита и Артюра Боллана*. — **Господинъ, бѣгающій за жемчужинами**, комедія г. г. *Балра и Декурселя*. — **Двери и шкафы**, путаница г. г. *Варся и Лериса*. — **Пальяццо**; драма г. г. *Деннери и Марка Фурнье*. — **Фредерикъ Леметръ и Кларисса Мируа**. — **Женихи Жемблетты**, водевилъ г. г. *Поля Дандре и Сенефа*. — **Процессъ Историческаго Театра**. — Открытіе новаго театра подъ старымъ названіемъ *«Театръ Бомарше»*. — Открытіе «Олимпійскаго Цирка» — подъ названіемъ *Национальнаго театра*.

Статья *Анпюлиарія Бонаветуры*.

VIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ.

Какъ Петербургъ отдыхаетъ и наслаждается. — Музыкальнныя его наклонности. — Юсифъ Гунгль и достоинствѣ его. — Кстати, слово о театральннхъ оркестрахъ. — Отечественный композиторъ танцевъ Фодоръ Вальцъ. — Его житейская и музыкальная школа. — Итальянская опера въ сезонъ 1850—1851 года. — «Севильскій цирюльникъ» и «Карлъ Смѣлый» — Россини. — *Donna del Lago*; «Королева Голкондская» — Донизетти. — Цѣнители и судьи. — Музыкальнныя наслажденія № 2. — Оркестръ въ Пассажѣ. — Московскіе цыганы. — Контрафакція цыганъ: Братья Мальчугины — Цыганскіе драмы-дивертисманы. — Пассажъ и его зрѣлища. — «Анатомическій Музеумъ г. Навратила. — Дѣтскій театръ г-жи Гебгартъ. — «Нувелистъ» издаваемый г. Бернардомъ. — «Исторія Итальянской Оперы» сочиненіе г. Кажинскаго. — Инструменты Лихтенгала. — Балы и маскарады. — Семейные вечера въ Благородномъ Собраніи. — Швейцарь-поэтъ.

IX. СМѢСЬ.

1. Два года въ плыву у горцевъ. (Воспоминанія о жизни и походахъ въ Кавказскихъ горахъ Штабсъ-Капитана Новоселова). *В. Савинова*.
2. Исторія поединковъ и дуелей.
3. Живописецъ Давидъ и его женитьба.
4. Нѣсколько словъ по поводу отзыва г-на Вл. Ч. о комедіи «Женская Дружба».

X. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острия слова, шутки и проч.

XI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

СВАДЕБНЫЙ СТОЛЪ БЕЗЪ МОЛОДЫХЪ или **СТАРАЯ ЛЮБОВЬ НЕ РЖАВѢЕТЪ**.
Оригинальный водевилъ въ одномъ дѣйствіи *П. А. Каратыгина*.

Къ этому номеру прилагаются :

1. ПОРТРЕТЪ АКТЕРА ЯКОВЛЕВА, *рисованный Клоквинимъ* **ЕСТЬ**
2. ИНСТРУМЕНТЫ НОВАГО ИЗОБРѢТЕНІЯ г. *Лихтенгала* **НЕТ**

Печ. Паша Печни.

Рис. Калквинъ.

А. С. ЯКОВЛЕВЪ.

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1851.

ДОНЕЖСКОЕ
УПРАВЛЕНІЕ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. В. БЕЛЫЯ

107460

ПАНТЕОНЪ

№ 123456789

ИЗДАТЕЛЬСТВО

№ 1234

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 2 Февраля 1851 г.

Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. К. КРАЙЯ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИДЕАЛЬ

ИЛИ

ЖЕНИТЬБА БЕЗЪ ЛЮБВИ,

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Н. Я. ЯКОВЛЕВСКАГО.

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, Императорскими придворными актерами, 15-го января 1851 года, въ бенефисъ г. Мартынова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ Ильичъ Черемухинъ, богатый золотопромышленникъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ.
Върочка, дочь его.
Владиміръ Александровичъ Борецкой.
Татьяна Борисовна Кочуева.
Сергій Андрейчъ, сынъ ея, промотавшійся зевъ.
Аполлонъ Ивановичъ Каплуновъ, молодой человекъ 50-ти лѣтъ.
Графиня Марковна Рукавицына, богатая вдова 35-ти лѣтъ.
Слуга Черемухина.

АКТЕРЫ:

Г. Третьяковъ.
Г-жа Самойлова 2.
Г. Смирновъ 2.
Г-жа Громова.
Г. Максимовъ.
Г. Каратыгинъ 2.
Г-жа Волкова 1.
Г. Старцевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на дачѣ Черемухина. Между первымъ и вторымъ актомъ проходитъ около двухъ мѣсяцевъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богатую гостиную. — Средняя дверь ведетъ въ садъ Двери по обѣимъ сторонамъ. На авансценѣ диванъ, кресла и рояль.

I.

ВѢРОЧКА (*Сидитъ за роялемъ и въ задумчивости беретъ аккорды.*) Боже! какъ медленно и скучно двигается время безъ него! (*вставая*) Нѣтъ... не могу!... когда я не съ нимъ, то перестаю жить.... Если бъ только могъ онъ знать, какъ сильно я люблю его!... И могла-ли я когда нибудь адѣяться, что въ жизни своей должна съ нимъ встрѣтиться? Вѣдь достоинства, вѣдь высокія и прекрасныя чувства, которыми я надѣяла въ воображеніи того, кого давно душа моя просилась любить.... я вѣдь нашла въ немъ!... Да, онъ мой истинный идеалъ! Но что-же пойдетъ онъ? Зная, что мы должны провести цѣлый день вмѣстѣ, я не могла сомкнуть глазъ цѣлую ночь.... Зачѣмъ онъ пойдетъ?... зачѣмъ онъ такъ терзаетъ меня?... Въ ожиданіи я не знаю, за что приняться, что дѣлать? Боже! наконецъ я его вижу!

II.

ВѢРОЧКА и СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ.

ВѢРОЧКА. Наконецъ это вы, Сергѣй Андреичъ.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Виновать, тысячу разъ виновать, опоздалъ.... Матап уже здѣсь и вѣрно всѣ ждутъ меня одного?...

ВѢРОЧКА. Нѣтъ... ваша матап еще не пріѣзжала, но Глафира Марковна и Аполлонъ Ивановичъ давно уже здѣсь....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Я опоздалъ потому, что ѣздилъ въ городъ, нарочно, единственно за тѣмъ, чтобы достать вамъ французскій романъ, про который я вамъ говорилъ вчера.... Вотъ онъ....

ВѢРОЧКА. Благодарю!... Вы меня ужасно балуете.... зная мою страсть къ чтенію, вы мнѣ безпрестанно доставляете случаи читать.... Вотъ я и теперь уже готова не ѣхать на прогулку; была бы даже въ восхищеніи остаться дома, я и пачать читать вашъ романъ.... Я увѣрена, что онъ прекрасенъ, потому, что все рекомендованное вами всегда необыкновенно интересно и полно

истинной поэзіи.... Но что съ вами?... вы сегодня ужасно блѣды.... здоровы-ли, Сергѣй Андреечъ?

Сергѣй Андреечъ. Вы находите меня блѣднымъ.... встревоженнымъ?... Да, я точно болѣнъ.... душа моя безпокойна.... возмущена.... Неизвѣстность, какъ должна рѣшиться судьба моя, недозволила мнѣ сомкнуть глазъ цѣлую ночь... я все терзался опасеніемъ и страхомъ.... (*про себя*.) Очень кстати мнѣ неудалось сегодня выспаться и, хотя я порядочно проигрался у Пьера, но теперь не жалѣю.... (*вслухъ*.) Согласитесь, что положеніе мое ужасно!

Вѣрочка. Мое положеніе не лучше.... но быть можетъ сегодня даже....

Сергѣй Андреечъ. Какъ?... такъ вы еще ничего не говорили съ вашимъ папа? Онъ еще ничего не знаетъ?

Вѣрочка. Нѣтъ.... недостало духа.... не осмѣлилась.... притомъ хотѣла еще поговорить съ вами.... послѣ нашего разговора, я быть можетъ рѣшусь....

Сергѣй Андреечъ. Вы желаете мнѣ сказать что-то? Ради Бога, говорите, Вѣра Петровна.... (*про себя*.) Наконецъ становится скучно : она просто имѣетъ страсть къ чувствительнымъ сценамъ.... (*вслухъ*.) Я васъ слушаю....

Вѣрочка. Вотъ видите-ли, Сергѣй Андреечъ.... Мнѣ все кажется, что вы со временемъ будете раскаиваться.... Я не принадлежу къ тому кругу, въ которомъ привыкли вы жить.... да, можетъ быть, и теперь я не вполне соответствую той дѣвушкѣ, которую начертало воображеніе ваше достойною быть вѣчной вашей подругою?

Сергѣй Андреечъ. Вы оскорбляете меня, Вѣра Петровна! (*про себя*.) Какія еще у нея дѣтскія, наивныя мысли.... миллионъ приданаго и она не увѣрена въ моей любви къ ней!... (*вслухъ*.) Развѣ вы еще не поняли меня? Или я все еще въ глазахъ вашихъ ни что иное, какъ пустой свѣтской франтъ?

Вѣрочка. Я съ вами буду откровенна и пусть это докажетъ вамъ, какъ я цѣню и.... уважаю васъ. Я васъ узнала недавно, мы познакомились здѣсь, на дачѣ, стало быть, немного еще извѣстно вамъ объ насъ.

Сергѣй Андреечъ (*про себя*). Знаю, что есть миллионъ приданаго.... чего мнѣ болѣе знать?

Вѣрочка. Я вамъ расскажу всю жизнь мою. Вы знаете, что мы приѣхали въ Петербургъ изъ Сибири. Тамъ родилась я и безвыѣздно жила до нашего приѣзда сюда. Несмотря на наше

богатство, мы всегда жили уединенно и не пышно. Матушки я лишилась давно, когда была еще совершеннымъ ребенкомъ и мнѣ оставалось любить только одного добраго отца моего, также вѣжно, какъ онъ теперь любитъ меня, свою единственную дочь. Уединенная наша жизнь протекала счастливо: скука никогда не дотрогивалась до насъ. И я такъ привыкла къ спокойной жизни, что никогда не рѣшусь промѣнять ее на вашу свѣтскую жизнь. Отецъ мой постоянно занятъ былъ дѣлами, а я до шестнадцати лѣтъ учениемъ. Потомъ, когда я получила совершенную свободу, я такъ пристрастилась къ чтенію и оно такъ развило мои мысли, что я не могла встрѣтить человѣка, съ кѣмъ-бы могла дѣлиться моими впечатлѣніями и чувствами. Мы приѣхали сюда... я встрѣтила васъ.... вы стали часто насъ навѣщать.... и я, найдя въ васъ все то, чего такъ давно искала въ другихъ, полюбила васъ.... Но я повторяю вамъ, жить въ вашемъ кругу я не соглашусь.... я никогда къ нему не привыкну.... Не слишкомъ ли вамъ будетъ тяжело имѣть такую жену, которая въ состояніи будетъ только любить васъ?

Сергѣй Андреечъ. Вы совершенство, а не дѣвушка!

Върочка. Вотъ почему я не осмѣлилась открыться отцу моему.... правда, есть еще и другая причина....

Сергѣй Андреечъ. Вѣра Петровна!... *(про себя)* Примусь за декламацию.... *(вслухъ, съ ложнымъ жаромъ.)* Неужели вы думаете, что я хоть сколько-нибудь дорожу свѣтомъ? Если бы вы знали, какъ тягостна и несносна была для меня жизнь до встрѣчи моей съ вами! Какъ часто, послѣ шумныхъ, блестящихъ, но до смерти скучныхъ, праздниковъ и баловъ, убитый въ душѣ, я возвращался домой и не разъ готовъ былъ лишиться себя жизни, отчаяваясь когда-нибудь найти себѣ подругу, которую душа моя была-бы въ состояніи любить несказанно.... и вотъ, наконецъ Провидѣніе сжалилось надо мною и послало мнѣ васъ.... я ожилъ, въ душѣ моей воскресли все прекрасныя мечты.... и я сдѣлался счастливѣйшимъ смертнымъ.... О! не повергайте меня вновь въ отчаяніе.... Что мнѣ свѣтъ.... почести.... деньги.... слава? мнѣ нужна любовь.... одна любовь ваша!... Вѣрите, я въ первый и въ послѣдній разъ люблю....

III.

ТѢЖЕ, ГЛАФИРА МАРКОВНА и КАПЛУНОВЪ показываются въ среднихъ дверяхъ, не бывъ замѣченными.

ВѢРОЧКА. Могу-ли я вѣрить?...

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ (*цѣлуя ея руку*). Клянусь вамъ, что нѣтъ въ мѣрѣ для меня другаго счастья, кромѣ васъ! (*про себя*) Съ миллиономъ не скоро сыщешь!

ВѢРОЧКА. Я вамъ вѣрю, Serge.... Дайте мнѣ колечко, которое на рукѣ вашей.... пусть оно напоминаетъ мнѣ всегда объ этой минутѣ....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ (*подавая колечко*). О, я счастливъ!... (*про себя*) Колечко Графиры Марковны.... а на что мнѣ ея подарокъ!...

КАПЛУНОВЪ (*Глафирѣ Марковнѣ*). Теперь, я надѣюсь, вы повѣрите, что я не обманывалъ васъ, говоря, что онъ отъявленный Донъ-Жуанъ.

ГЛАФИРА МАРКОВНА. Въ самомъ дѣлѣ... я не смѣю вѣрить глазамъ моимъ?... Хороша и ВѢРОЧКА.... вотъ воспитаніе! Я вдова, но никогда не позволю себѣ.... Это ужаси!

КАПЛУНОВЪ. Но оставимъ ихъ, не ставемъ прерывать ихъ нѣжныхъ разговоровъ.... Здѣсь, кажется, сквозной вѣтеръ.... пойдемте въ садъ.... Выслушайте теперь меня.

IV.

ВѢРОЧКА и СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Но положимъ конецъ нашимъ мученіямъ.... откроемся поскорѣе во всемъ вашему папа....

ВѢРОЧКА. Я теперь рѣшилась.... пойду къ нему. Но я еще не все сказала.... Мнѣ нужно открыть вамъ одну тайну....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Открыть мнѣ тайну?...

ВѢРОЧКА. Я вамъ еще, кажется, не говорила, что я уже почти обручена съ другимъ....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ (*въ испугѣ*). Обручены?... какъ?... но когда же? (*про себя*) Вотъ тебѣ и разъ!

ВѢРОЧКА. Но не отчаявайтесь.... человекъ этотъ уже не существуетъ.... (*со вздохомъ*). Онъ убитъ.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Убитъ....

ВѢРОЧКА. Было время, когда отецъ мой чуть было не впалъ въ совершенную нищету.... Никто не хотѣлъ помочь ему и онъ

находился въ самомъ отчаянномъ положеніи. Случай привелъ его встрѣтиться съ совершенно ему незнакомымъ человѣкомъ, съ Александромъ Николаевичемъ Борецкимъ, который далъ ему, безъ всякаго обезпеченія, весьма значительную сумму. Отецъ мой былъ спасенъ и впоследствии, благодаря этой помощи, нажилъ тѣ богатства, которыми теперь обладаетъ. Въ этомъ благодѣтелѣ отецъ мой приобрѣлъ самаго вѣрнаго и благороднѣйшаго друга. Мы жили потомъ съ нимъ вмѣстѣ и любимѣйшею мечтой отца моего сдѣлалось желаніе породниться съ другомъ своимъ, выдавъ меня за сына его, Владиміра, съ которымъ я росла, какъ сестра съ братомъ. Мы разстались, когда Владиміръ вступилъ въ военную службу и, по своему собственному желанію, отправился сражаться на Кавказъ... При прощаніи отецъ мой далъ слово назвать его по возвращеніи своимъ сыномъ. Но вотъ уже три года объ немъ нѣтъ никакого извѣстія... вѣроятно его уже нѣтъ на свѣтѣ.... Онъ былъ мнѣ братомъ и я сожалею о немъ, какъ сестра...

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Три года нѣтъ слуха объ немъ?... Убить... безъ всякаго сомнѣнія, убить! (*Съ притворствомъ.*) Бѣдный молодой человѣкъ, такъ рано сошедшій въ могилу!... Онъ былъ вамъ братомъ и я плачу... сожалею объ немъ... ахъ!... (*Про себя*) Да точно ли онъ убить?

ВЪРОЧКА. Я иду къ батюшкѣ — и страшусь... наша участь въ рукахъ его... онъ не согласится... онъ все ждетъ Владиміра... Но онъ такъ меня любитъ... я разцѣлюю его и онъ сжалится надъ своею дочерью...

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. (*провожая ее до боковыхъ дверей.*) А я буду мучиться отъ страха и надежды.

V.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ, одинъ.

Кажется, паступаетъ развязка моей комедіи. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ разыгрываю роль отчаянно-влюбленнаго... *идеала* молодой сибирячки съ миліономъ приданаго и съ золотыми розсыпями за Ураломъ. Стоитъ, кажется, труда немного поактерствовать? Въ особенности, въ моемъ незавидномъ положеніи. Когда, послѣ всѣхъ моихъ Петербургскихъ походовъ, у меня ничего не осталось, кромѣ долговъ, и долговъ, и еще долговъ... такъ не чудо, что я было чуть не рѣшился отдаться въ плѣнъ толстой и пожилой купчихѣ, Глафирѣ Марковнѣ Рукавицыной. Но теперь

слуга покорный!... Я безъ всякаго сомнѣнія женюсь на Вѣрочкѣ... дѣло пошло на ладъ.... развѣ помѣшаетъ мнѣ этотъ, какъ его?... да, Владиміръ.... но онъ, кажется, убить.... непременно убить. Впрочемъ, если онъ и здравствуетъ, такъ еще нѣсколько комико трагическихъ сценъ съ отцемъ Вѣрочки и мы уьемъ на поваль этаго Владиміра.... А!... вотъ и тамап, наконецъ.... ей придется, пожалуй, и помолвить меня сегодня....

—

VI.

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА И СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ.

Сергѣй Андреечъ. Вы запоздали.... насъ давно ждутъ ; пора намъ ѣхать въ Парголово.

Татьяна Борисовна. Еще-бы не опоздать? Когда ваши лошади могутъ только однимъ татарамъ годиться! Степка какъ ни хлесталъ ихъ кнутомъ, они едва ноги передвигали.... Я чуть было отъ стыда не умерла, когда проѣзжала мимо дачи княгини Чинчихашовой.... А все, батюшка, по твоей милости, срамъ терплю. Замотался до того, что скоро нашу послѣднюю деревушку съ молотка продадутъ. Ужъ, нечего сказать, ты весь въ покойника отца вышелъ! Тотъ все свое имѣніе также прокутилъ, принялся было за мое, да къ счастью я впору за умъ взялась.... Ты просто въ гробъ меня кладешь. Для тебя, чего я только ни дѣлаю, на что не рѣшаюсь? И своихъ знакомыхъ бросила и принуждена съ купцамъ водиться, и все для того только, чтобы вывести тебя изъ бѣды, а ты и въ усъ себѣ не дуешь!... Не войдешь въ положеніе твоей матери, которая принуждена ѣздить на клячахъ, въ каретѣ на высокихъ рессорахъ!... Вѣдь теперь посмотри и извожичьи кареты на лежачихъ.... а у меня такая, какъ у сосѣдки Опенкиной у насъ въ Нижне Удпнскѣ!

Сергѣй Андреечъ. За что вы такъ сердиты сегодня на меня, тамап?

Татьяна Борисовна. А за то, батюшка, что тебѣ кладутъ въ ротъ, а ты и разжевать не умѣешь. Зачѣмъ ты раздумалъ жениться на Глафирѣ Марковнѣ?

Сергѣй Андреечъ. На Глафирѣ Марковнѣ?... На этой толстой куклѣ?... Правда, я было хотѣлъ, но теперь Боже сохрани! Пусть на ней женится Каплуновъ.... ему она пара.

Татьяна Борисовна. Отчего-же она тебѣ не пара? Пятьсотъ тысячъ чистаго капитала, домъ на Фонтанкѣ, дача съ большимъ огородомъ на Петергофской дорогѣ! Чего еще тебѣ

надобно? Слишкомъ много объ себѣ думаешь голубчикъ. Львомъ себя считаешь... важная особа! Да васъ теперь такъ много развелось, что вы никому и не въ диковинку! Отпустите себѣ усы, нарядитесь въ долгъ, да на послѣднія копѣйки и пускаете пылъ въ глаза. Думаете, что всѣ женщины отъ васъ безъ ума. Нечего сказать: важные звѣри! Не львы — просто обезьяны! Копѣйки пѣтъ за душою, а не хочетъ жениться ни Глафирѣ Марковнѣ! Да она, если захочетъ, любаго изъ васъ выберетъ. Ей только стоитъ въ три часа выдти на Невскій Проспектъ и кликнуть... стадами прибѣгутъ! Полно дурачиться!... женись на ней... пожалѣй мать свою... не срами меня!

Сергѣй Андренчъ. Да я нашелъ лучшее средство поправить наши обстоятельства.

Татьяна Борисовна. Какое же это, голубчикъ?

Сергѣй Андренчъ. Жениться на Вѣрочкѣ...

Татьяна Борисовна. На Вѣрочкѣ?... мысль не дурная. Да отдастъ ли ее за тебя отецъ?... А Глафира Марковна сама мнѣ говорила, что тебѣ стоитъ только словечко сказать и она твоя. Ну, а съ Вѣрочкой не легко, я думаю, тебѣ будетъ уладить свадьбу?

Сергѣй Андренчъ. Маман... я вижу, вы меня въ грошъ не ставите. Неужели вы полагаете, что я даже не въ состояніи вскружить голову дѣвчонкѣ! да еще такой, которая прочла тысячу романовъ и, во что бы ни стало, хочетъ имѣть своего героя?... Напрасно вы меня браните за то, что я не сѣшу жениться на вашей Глафирѣ Марковнѣ... Ну, что вышло-бы хорошаго, еслибъ я на ней женился? Во первыхъ, она вдвое старше меня и такого твердаго характера, что ни въ какомъ случаѣ не дала-бы намъ распоряжаться своимъ богатствомъ, а держала-бы меня въ своихъ не-прекрасныхъ ручкахъ. Совсѣмъ другое дѣло, Вѣрочка. Она еще дитя и безъ ума отъ меня... а главное, несравненно богаче Глафиры Марковны.

Татьяна Борисовна. Что тутъ говорить. Милліонъ приданнаго!... Но есть-ли какая-нибудь надежда? Я много разъ намекала отцу ея, но онъ постоянно отмалчивался.

Сергѣй Андренчъ. Но когда объ этомъ будетъ говорить сама дочь, имѣ любимая, и когда она скажетъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ выйдетъ за другаго, а не за меня, тогда я увѣренъ, что отецъ по неволѣ согласится. Въ настоящую минуту, быть можетъ, цѣлуя ее, онъ поздравляетъ ее моею невѣстой.

Татьяна Борисовна. Возможно ли? Такъ ты не шутишь? Вѣрочка будетъ твоей женою! О! въ такомъ случаѣ, ты благоразумно поступишь, что не хотѣлъ жениться на Глафирѣ

Марковнѣ. Богъ съ нею! она точно не дала бы намъ распоряжаться ея богатствомъ. Ну, а Вѣрочка... дитя... милое дитя, которая любитъ тебя и имѣетъ миллионъ приданого. О! это прелесть! я всегда была къ ней расположена, какъ родная мать.

Сергѣй Андреичъ. Довольны вы теперь мною, татап? Заведемъ на славу экипажи... поѣдемъ вмѣстѣ за границу...

Татьяна Борисовна. Ну, извини меня! Я вижу, что ты примѣрный сынъ... (*цѣлуя его*). Нѣтъ... ты не въ отца, а весь въ меня... въ мать твою. А вообрази, какъ я была глупа! Вчера совершенно обнадежила Глафиру Марковну... Ну, теперь она намъ не нужна болѣе. Когда ты женишься на Вѣрочкѣ, я прекращу съ нею знакомство. Она вовсе не моего круга. Я — Кочуева! а она? богатая купчиха — и только...

Сергѣй Андреичъ. Пусть на ней женится Каплуновъ... онъ давно за нею ухаживаетъ... Видите-ли, кто-то увѣрилъ его, что ему нужно непременно жениться... а да! вотъ и онъ!..

Татьяна Борисовна. Скажи пожалуй... вѣдь онъ тоже считаетъ себя львомъ! Просто старая моя кляча... Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ разъ пара Глафирѣ Марковнѣ... Ха! ха! ха! Останься съ нимъ... я пойду посмотрѣть, что дѣлаетъ Вѣрочка... ха! ха! ха! хочеть жениться, а посмотри, едва ноги передвигаетъ. (*Уходитъ, поклонившись Каплунову.*)

VII.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ И КАПЛУНОВЪ.

Каплуновъ. Здравствуй, Serge!... Поздравь меня... я прощаюсь съ холостою жизнью, съ молодостью..

Сергѣй Андреичъ. Съ молодостью? пора! Ты женишься?

Каплуновъ. Женюсь на моей возлюбленной Глафирѣ Марковнѣ... Пора перестать кутить... Боюсь разстроить свое здоровье... Ну, и ты также хочешь записаться въ нашъ полкъ?

Сергѣй Андреичъ. Я?... а откуда ты это узналъ?

Каплуновъ. Ха! ха! ха!... узналъ потому, что сегодня мы съ Глафирой Марковной видѣли, какъ ты нѣжничалъ съ дочерью здѣшняго хозяина... слышали, какъ вы клялись другъ другу въ вѣчной любви. Ха! ха! ха! Нечего сказать... мы съ тобой шалуны порядочные... просто негодяи... ха! ха! ха! А вѣдь ты мнѣ удружилъ!... Глафира Марковна имѣла виды на тебя, но когда убѣдилась, что ты занятъ другою, то рѣшилась выбрать меня... такого-же Донъ-Жуана, какъ и ты... Нечего сказать, жен-

щины порядкомъ избаловали насъ. Но дѣлать нечего.... я рѣшился остепениться....

Сергѣй Андреечъ. Поздравляю.... Пора!... тебѣ я думаю за пятьдесятъ лѣтъ!

Каплуновъ. Вотъ вздоръ!... тридцатый годъ пошелъ только.... Ну, что, много проигралъ ты вчера у Пьера? Славный задалъ онъ намъ вечеръ.... все одна молодежь была. Я цѣлую ночь не спалъ.... Прямо отъ Пьера отправился въ гимнастическую залу. Полазилъ, попрыгалъ, потомъ посидѣлъ въ купальномъ шкафѣ и какъ ни въ чемъ не бывалый.... свѣжъ и бодръ.... что значитъ молодость! (*Садясь.*) Но, кажется, черезъ чуръ много занимался гимнастикой.... Ноги такъ и дрожать. Послушай, Serge, ты ужъ не отбивай у меня Глафиры Марковны.... видишь ли, она имѣетъ къ тебѣ какое-то симпатическое влеченіе... не мѣшай мнѣ жениться.

Сергѣй Андреечъ. Не безпокойся.... я самъ женюсь на Вѣрѣ Петровнѣ. (*Про себя.*) Сюда идетъ Вѣрочка съ отцомъ.... Наступаетъ развязка.

VIII.

ТѢ ЖЕ, ЧЕРЕМУХИНЪ И ВѢРОЧКА.

Черемухинъ. Здравствуйте, господа!... Я васъ немного задержалъ.... былъ занятъ пужными дѣлами и получилъ письмо. Но мы сейчасъ отправимся. Позвольте только мнѣ слова два сказать дочери.... Ваша маменька, Сергѣй Андреечъ и Глафира Марковна пошли въ оранжерею....

Сергѣй Андреечъ. Къему намъ ѣхать? Можетъ-ли гдѣ быть пріятнѣе, какъ у васъ на дачѣ?

Каплуновъ. Здѣсь просто очарованіе!

Черемухинъ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

Сергѣй Андреечъ (*тихо Вѣрочкѣ*). Чѣмъ рѣшилась наша участь?

Вѣрочка (*тихо*). Я еще не говорила, но теперь....

Каплуновъ (*взявъ за руку Сергѣя Андрееча и уводя его въ садъ*). Ты, кажется, не въ шутку влюбился.... да и стоитъ.... вѣдь миллионъ приданого.... будетъ тебѣ изъ чего заплатить долги....

IX.

ЧЕРЕМУХИНЪ и ВЪРОЧКА.

Черемухинъ. Ты хотѣла со мною поговорить о чемъ-то, мой милый другъ? (*Садясь на диванъ.*) Присяжь... Мнѣ самому нужно сообщать тебѣ радостную вѣсть...

Вѣрочка (*ласкаясь къ отцу*). Мой милый папаша! вѣдь вы любите вашу Вѣрочку? Никогда не разлюбите меня? Если я и въ чемъ поступила дурно, скрыла отъ васъ... но когда признаюсь... вы не отвергнете, мой ангель, папаша, моего раскаянія? Простите меня?

Черемухинъ. Вѣрочка!... что съ тобой? ты меня пугаешь? Какъ ты блѣдна... грустна... Говори скорѣе, что съ тобою? чѣмъ могу я угодить тебѣ?

Вѣрочка (*съ трепетомъ*). Скажите: о сынѣ вашего друга... о Владимірѣ... все еще нѣтъ никакихъ извѣстій?... Нѣтъ надежды, чтобы онъ когда-нибудь возвратился?

Черемухинъ. О Владимірѣ... о сынѣ моего благодѣтеля и друга Александра Николаича Борецкаго?... Ты спрашиваешь объ немъ... интересуешься имъ?... (*Цѣлуя ее.*) Вѣрочка... благодарю тебя!... ты единственная отрада моего сердца... ты достойная дочь твоей покойницы матери... ты также добра, какъ она... не даромъ ты такъ похожа на нее! (*Снова цѣлуя ее.*) Ты любишь меня!

Вѣрочка. Батюшка! (*Цѣлуя его руки.*) Не переставайте любить дочь вашу... безъ любви вашей она не можетъ жить... если она и полюбитъ кого...

Черемухинъ. Напрасно ты тревожишься... я благословляю тебя... ты должна любить... Выслушай меня, Вѣрочка!... сегодня я очень веселъ, но ты сдѣлала меня счастливейшимъ отцемъ въ мирѣ... Теперь я увѣренъ, что ты поможешь мнѣ угодить лучшему моему другу... ты меня утѣшила вполне!...

Вѣрочка (*въ страхъ*). Что вы хотите этимъ сказать?

Черемухинъ. Я тебѣ не разъ говорилъ, какъ много я обязанъ моему другу. Ты знаешь, что я никогда не въ состояніи буду хоть сколько-нибудь отблагодарить его и доказать, какъ я его люблю и уважаю. У него, какъ ты у меня, одно было утѣшеніе, сынъ его Владиміръ, съ которымъ ты выросла и котораго не переставала любить...

Вѣрочка. Какъ брата, батюшка, какъ брата!

Черемухинъ. Онъ поѣхалъ на Кавказъ и вотъ три года мы не

имѣли объ немъ никакихъ извѣстій.... Старикъ отецъ его грустилъ.... не менѣе его и я грустилъ, думая проститься на вѣкъ съ мыслию соединить тебя съ Владиміромъ и умереть спокойно въ увѣренности, что ты будешь счастлива съ такимъ благороднымъ и достойнымъ человѣкомъ!... Вообрази-же мою радость, мой восторгъ.... сію минуту я получилъ письмо отъ моего друга, въ которомъ онъ...

Вѣрочка, *(въ испугѣ.)* Владиміръ живъ!

Черемухинъ. Живъ.... спасень!... умѣй только перенести твою радость... съ минуты на минуту я ожидаю его къ намъ...

Вѣрочка, *(падая на колѣна.)* Батюшка!

Черемухинъ, *(поднимая ее.)* Вѣрочка... полно... не плачь, а благодарь Бога!... Ты видишь.... я старикъ, а не плачу.... сердце же мое не менѣе твоего трепещетъ отъ радости. Богъ безконечно милосердъ! Онъ, по своей всемогущей волѣ, отзывалъ къ себѣ твою мать.... Я отчаявался и грѣшилъ! Развѣ онъ не щедръ на милости ко мнѣ многогрѣшнику? Онъ далъ мнѣ тебя, далъ друга, далъ богатство и теперь приводитъ видѣть твое счастье!... Да, Вѣрочка, я вѣдь позналъ тебя... ты тосковала и грустила по Владиміръ? ты любишь его и я вполнѣ счастливъ! *(цѣлуя ее)* Благодарю тебя.... ничѣмъ.... ничѣмъ и никогда ты не могла болѣе обрадовать меня!... благодарю тебя.

Вѣрочка. *(со слезами.)* Не благодарите, батюшка, не благодарите!

Черемухинъ. Какъ не благодарить?... Но отри слезки твои *(вынимая изъ кармана письмо)* и послушай что мнѣ пишетъ другъ мой. Владиміръ тебя любитъ, но проситъ отца своего сказать мнѣ, что онъ не осмѣливается напомнить о данномъ ему словѣ, потому что онъ израненъ.... считаетъ себя забытымъ.... не надѣется быть тобою любимымъ.... Какъ будто-бы рапы, полученныя храбрымъ офицеромъ, служа царю и къ отечеству, не лучшее украшеніе молодому мужчине? Нѣтъ, онъ оскорбляетъ тебя.... ты должна его за это порядкомъ пожурить.... Неужели онъ тебя считаетъ за такую дѣвушку, которая можетъ прельститься лорнетомъ какого вѣбудь Сергѣя Андреича, и не станетъ уважать истинныя достоинства?

Вѣрочка. Но я хотѣла.... мнѣ еще нужно.... *(про себя)* Боже!... помоги мнѣ!

X.

ТЪ ЖЕ и СЛУГА.

СЛУГА. Владиміръ Александровичъ Борецкой пріѣхалъ!

ЧЕРЕМУХИНЪ. Владиміръ!... Гдѣ онъ? веди его скорѣе къ намъ... (Слуга уходитъ). Вѣрочка — Владиміръ... рада ли ты?... Поцѣлуй меня... о, какъ я счастливъ!

ВѢРОЧКА. Вы счастливы?... О, будьте счастливы, батюшка!... (про себя.) Для меня же все кончено... я несчастна навсегда!... Прости меня, мой Serge... мой идеаль!... Я тебя вѣкогда не забуду.

XI.

ТЪ ЖЕ и БОРЕЦКОЙ.

ЧЕРЕМУХИНЪ, (принимая въ объятія Борецкаго). Владиміръ!... Это ты, наконецъ! Богъ спасъ тебя! Обойми-же меня покрѣпче!

БОРЕЦКОЙ. Петръ Ильичъ! думалъ ли я... могъ ли я надѣяться снова увидѣть васъ... прижать къ груди моей?

ЧЕРЕМУХИНЪ. Поцѣлуй же и Вѣрочку... дочь мою... развѣ ты забылъ?... она твоя невѣста...

БОРЕЦКОЙ. Вѣра Петровна!... Предъ вами старый другъ дѣтства, но не женихъ... Израецный и, можетъ быть, давно забытый, я не дерзаю имѣть и тѣни надежды...

ЧЕРЕМУХИНЪ. Что ты... что съ тобою? Горцы вѣрно научили тебя такимъ церемоніямъ? Поцѣлуй ее сперва, а потомъ я расскажу, какъ она тебя забыла...

БОРЕЦКОЙ, (цѣлуя руку Вѣрочки). Вы были моимъ ангеломъ хранителемъ!

ВѢРОЧКА. Владиміръ Александровичъ...

ЧЕРЕМУХИНЪ. Она тебя забыла! Нѣтъ, Владиміръ, не забыла... вѣдь она дочь моя... и любить тебя еще сильнѣе... Сегодня еще она грустила и плакала объ тебѣ...

БОРЕЦКОЙ. Что я слышу?... Я не забыть... Я не чуждъ вамъ?... Какъ я счастливъ!

ЧЕРЕМУХИНЪ. О! счастливъ теперь и я! То, чего желалъ, о чемъ безирерывно молилъ Бога, осуществляется теперь на дѣлѣ. Признаюсь, я страшился въ душѣ, чтобы Вѣрочка не выбрала себѣ кого другаго... Не знаю, могъ ли бы я согласиться, но знаю только, что другой выборъ вѣрно смелъ бы меня въ могилу...

ВѢРОЧКА, Батюшка, что вы говорите!

Черемухинъ. Да, Вѣрочка, я тебѣ никогда не открывалъ этого, но теперь, когда я вижу, что страхъ мой былъ напрасенъ, я признаюсь.... Люби его Вѣрочка.... онъ заслуживаетъ твою любовь.... Отецъ тебя благословляетъ. Но вотъ идутъ наши гости.... Я подѣлюсь съ ними моею радостью.

Вѣрочка, (*подходя къ отцу*). Батюшка!... Я исполняю ваше желаніе.... довольны-ли вы мной?... счастливы-ли вы?

Черемухинъ, (*цѣлуя ее*). Богъ наградилъ меня тобою!

Вѣрочка. (*Борецкому*). Владиміръ Александровичъ! вотъ вамъ рука моя... я ваша невѣста.

Борецкой (*цѣлуя ея руку*). Какъ дорожу я теперь жизнью! Но, повѣрьте мнѣ, Вѣра Петровна, что для вашего счастья я буду готовъ ежеминутно ею пожертвовать!

ХІІ.

ТѢЖЕ, СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ, КАПЛУНОВЪ и ГЛАФИРА МАРКОВНА.

Черемухинъ. Представляю вамъ, мои дорогіе гости, Владиміра Александровича Борецкаго, сына моего друга и жениха мой дочери.

Глафира Марковна. Поздравляю васъ.... (*Цѣлуя Вѣрочку*). Поздравляю тебя, душечка... а я думала.... (*Про себя*). Такъ и есть!... Мое колечко у ней на рукѣ... что бы все это значило?

Каплуновъ. Вѣра Петровна выходитъ за мужъ?... Поздравляю и я.... (*Про себя*). Какъ это такъ?

Сергѣй Андреевичъ, (*про себя*). Владиміръ!... Не убить?... Зарѣзалъ!

Вѣрочка, (*уходя, про себя*). Боже! дай мнѣ силу все это перенести.

Черемухинъ. Извините меня, я разстроилъ нашу прогулку... Но, я надѣюсь, вы простите меня и не откажетесь раздѣлить мою радость.... Останетесь у меня откушать?...

Глафира Марковна. Съ большимъ удовольствіемъ.

Каплуновъ. Съ восхищеніемъ!... (*Про себя*). Онъ славно кормитъ.

Сергѣй Андреевичъ, (*про себя*). Она ушла!...

Черемухинъ. (*Борецкому*). Владиміръ, пойдемъ со мною... мнѣ еще нужно поразспросить тебя объ отцѣ, объ моемъ другѣ... теперь только его и не достаетъ для полного счастья. (*Беретъ за руку Владиміра и уводитъ его*).

Каплуновъ, (*Сергѣю Андреевичу*). Ты кажется, Serge, остался

безъ невѣсты?... Ха! ха! ха! А я такъ женюсь.... Право, женюсь.... (Подходя къ Глафирѣ Марковнѣ). Куда же вы, Глафира Марковна? Уѣзжаете?...

Глафира Марковна. Нѣтъ.... я иду въ садъ.... въ бесѣдку.... Сергѣй Андриенчъ, не хотите-ли со мной?

Сергѣй Андриенчъ, (совершенно разстроенный, въ разстѣяніи). Сію минуту.... я сейчасъ.... вотъ только....

Каплуновъ, (подавая руку Глафирѣ Марковнѣ). Позвольте мнѣ съ вами.... (Про себя) Во чтобы ни стало, тамъ, въ бесѣдкѣ, на колынахъ буду просить ея руки.

XIII.

СЕРГѢЙ АНДРИЕНЧЪ, одинъ.

Какъ.... что все это значить?... Что такое? Это ни на что не похоже! Неужели всѣ мои труды пропали и я даромъ разыгрывалъ цѣлый мѣсяцъ роль влюбленнаго?... Неужели пропалъ миллионъ? Чертъ возьми! это глупо.... очень глупо!... Какъ поправить?... Я думаю еще можно.... Что я вижу! Она идетъ сюда.... есть кажется еще надежда.... Ну, Сергѣй Андриенчъ, притворись на славу отчаяннымъ, à la Каратыгинъ.... Сыграй теперь роль человѣка, рѣшившагося, во что бы ни стало, лишить себя жизни.... Авось поправимъ дѣло....

XIV.

СЕРГѢЙ АНДРИЕНЧЪ И ВѢРОЧКА.

Сергѣй Андриенчъ. Это вы?...

Вѣрочка. Сергѣй Андриенчъ, я пришла проститься съ вами, въ послѣдній разъ поговорить съ вами.... о томъ, о чемъ я не буду болѣе говорить никогда.... никогда и ни съ кѣмъ!...

Сергѣй Андриенчъ. Вѣра Петровна!... ахъ!... (Про себя). Начало не общаетъ ничего хорошаго. (Вслухъ). И я... я прощаюсь съ вами на вѣкъ.... Мы съ вами болѣе не увидимся, развѣ тамъ.... тамъ!... Я рѣшился.... да.... Сегодня же, быть можетъ окончу жизнь мою... жить безъ вашей любви — я не могу.... не могу.... я застрѣлюсь!...

Вѣрочка. Вы хотите лишить себя жизни!... Serge... зачѣмъ? зачѣмъ?... я васъ люблю.... да.... я не могу не любить васъ!

Сергѣй Андриенчъ. Вы говорите, что вы меня любите!...

а между-тѣмъ выходите за мужъ за другаго... Нѣтъ, я не могу жить!

Вѣрочка. Выслушайте меня Сергѣй Андреичъ. — Да... я васъ люблю и любила прежде, чѣмъ даже знала васъ, потому что нашла въ васъ все, чѣмъ въ воображеніи надѣяла избранника моего сердца.... Но намъ суждено разстаться въ этомъ мѣрѣ... я должна повиноваться отцу моему.... я знаю, что еслибы я не согласилась отдать мою руку Владиміру, я навѣрное огорчила-бы отца моего. И я рѣшилась.... да... я рѣшилась быть женой Владиміра.

Сергѣй Андреичъ. Но я... я... вы убиваете меня... Нѣтъ, я не перенесу... Нѣтъ!..

Вѣрочка. Но взгляните на меня, Serge, неправда-ли, я кажусь теперь спокойною, равнодушною.... А знаете ли?... смерть у меня въ сердцѣ!.. я чувствую.... я увѣрена, что мнѣ осталось недолго жить.... прощайте навсегда! будьте счастливы.... живите... но не забудьте меня, покуда я еще жива.... (*Подавая ему записочку.*) И вотъ вамъ доказательство, какъ я васъ любила! Прощайте, я не должна васъ болѣе видѣть... не должна болѣе говорить съ вами.... Прощай, навсегда!.. (*Со слезами убѣгаетъ.*)

Сергѣй Андреичъ. Вѣра Петровна... еще одну минуту!..

XV.

СЕРГѢЙ АНДРИЧЪ одинъ.

Ушла!... Кончено дѣло — не видать мнѣ милліона! Оставила мнѣ какую-то записку?... (*прочитывая ее.*) Въ стихахъ!... Это ея стихотвореніе... посланіе ко мнѣ... Прощеніе въ стихахъ.... Ну, это милліона не стоитъ! Теперь-то я на опытъ узналъ, какъ вредно давать дѣвушкамъ читать романы! Она вздумала, по милости ихъ, разыгрывать героиню, а меня пожаловала просто въ осла! Вотъ и тапан.... Если она теперь назоветъ меня болваномъ, то будетъ совершенно права.

XVI.

СЕРГѢЙ АНДРИЧЪ и ТАТЬЯНА БОРИСОВНА.

Татьяна Борисовна. Ты здѣсь, голубчикъ! Скажи пожалуй, къ чему, зачѣмъ, для чего, почему ты меня вздумалъ морочить? Увѣрилъ меня, что женишься на Вѣрочкѣ, тогда, какъ она помол-

виена за другаго и тебя знать никто не хочет?... Что ты со мною дѣлаешь?... Ты просто уморить меня хочешь?

Сергѣй Андреевъ. Я самъ въ страшномъ недоумѣніи, такой вышелъ романическій случай... она была обручена... неожиданное возвращеніе съ Кавказа... любовь ко мнѣ... повиновеніе отцу... однимъ словомъ, какая-то путаница! А что она была въ меня влюблена, такъ вотъ вамъ доказательство... Она сама сію минуту мнѣ вручила... (Подаетъ записочку.)

Татьяна Борисовна. (Прочитывая ее). Стихи?... она клянется тебя вѣчно помнить... да, что въ этомъ толку-то?... Какой прахъ изъ этого, когда она выходитъ за мужъ за другаго и тебѣ не придется даже и взглянуть на миллионъ!... Ну, скажи мнѣ, теперь ты что будешь дѣлать? а? вѣдь у насъ столько долговъ, что мнѣ съ тобой хоть въ петлю лѣзть!... Не хотѣлъ слушаться матери... я давно-бы тебя женила на Глафирѣ Марковнѣ.

Сергѣй Андреевъ. Теперь, если вы желаете, я самъ не прочь... только вы сами похлопочите, мама...

Татьяна Борисовна. Похлопотать?... отчего мнѣ не похлопотать? Похлопочу, это мое дѣло... да боюсь, что не поздно-ли? Вотъ этотъ старый шутъ... какъ его? Каплуновъ... такъ и увивается около нея. Сію минуту я еще подслушала въ саду ихъ разговоръ... Попробую, увидимъ... знаю только, что она была влюблена въ тебя.

Сергѣй Андреевъ. Она идетъ сюда...

XVII.

ТѢЖЕ, ГЛАФИРА МАРКОВНА И КАПЛУНОВЪ.

Татьяна Борисовна (идя на встрѣчу Глафирѣ Марковнѣ). Ахъ, душечка! гдѣ ты была? Я вездѣ тебя искала... Наша прогулка не состоялась, я ѣду домой!... Не поѣдешь-ли ты, мой другъ, ко мнѣ? Вотъ, мой Сережа очень этого желаетъ... ему нужно...

Сергѣй Андреевъ. Да, Глафира Марковна, мнѣ нужно съ вами о многомъ поговорить...

Каплуновъ (про себя). Опять подъѣзжаетъ!

Глафира Марковна. Въ самомъ дѣлѣ? Но въ такомъ случаѣ, я здѣсь не остаюсь и поѣду съ вами...

Татьяна Борисовна. Какъ ты добра, mon ange!

Каплуновъ. Какъ же это, Глафира Марковна? вы обѣщали мнѣ

ѣхать, до обѣда, со мною въ Парголово... я былъ въ полной надеждѣ....

Глафира Марковна. Въ другой разъ.

Татьяна Борисовна. Да... въ другой разъ, мы вмѣстѣ поѣдемъ.

Сергѣй Андреичъ. Конечно — въ другой разъ... Аполонъ Ивановичъ, мы вмѣстѣ поѣдемъ, въ другой только разъ.

Каплуновъ (*про себя*). Не надо мнѣ отвѣчать отъ Глафиры Марковны.... (*Вслухъ Татьянѣ Борисовнѣ*). Говорятъ, что ваша дача восхитительна... на берегу... очаровательный видъ... я....

Татьяна Борисовна. А вотъ пріѣзжайте... посмотрите сами. Сегодня только не приглашаю, а въ другой разъ....

Каплуновъ. (*Про себя*). Я, кажется, начинаю сердиться.... а докторъ мнѣ такъ строго запретилъ.... воздержусь.

Сергѣй Андреичъ. Прощай, Аполонъ!... Я пойду впередъ, татап... прикажу подать экипажи. (*Уходятъ*.)

XVIII.

КАПЛУНОВЪ одинъ.

Я, кажется въ самомъ дѣлѣ, начинаю сердиться.... а мнѣ нельзя... докторъ запретилъ.... Но я просто задыхаюсь отъ гнѣва... вѣдь это вредно.... Эти Кочуевы, какъ коршуны, слѣдятъ за невѣстами съ деньгами.... Нѣтъ, я не могу удержаться.... (*Махая тросточкой, задвываетъ записочку Вьрочки, уроненную Татьяной Борисовной, и подымая ее*.) Это что?... Стихи Вѣры Петровны къ Кочуеву... Она клянется вѣчно помнить его.... Каковъ молодецъ!... (*Пряча ее въ карманъ*.) Намъ пригодится это стихотвореніе.... Посмотримъ, кому удастся жениться на Глафирѣ Марковнѣ.... мнѣ или этому селадову..., Онъ все изъ денегъ.... Хорошо-же!... Тебѣ судалось сегодня меня одурачить.... но я.... я!... Кажется, я сержусь?... это опасно.... Я скуплю всѣ его заемныя письма... я.... Но зачѣмъ я сержусь?... чувствую, что кровь у меня взволнована.... надо теперь для здоровья немного разсѣяться.... поѣду къ доктору и попрошу новаго лекарства.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ТАЖЕ ДЕКОРАЦІЯ.

I.

ЧЕРЕМУХИНЪ. БОРЕЦКОЙ и ВѢРА ПЕТРОВНА.

БОРЕЦКОЙ. *(Поддерживая Впрочку и сажая ее на диванъ).* Ну, на первый разъ довольно для тебя, мой другъ. Теперь присядь и отдохни. Какъ ты себя чувствуешь?

ВѢРА ПЕТРОВНА. Благодарю.... лучше....

ЧЕРЕМУХИНЪ. Не обманываешь ли ты насъ, мой другъ ВѢрочка? Ты все также блѣдна, слаба и грустна.... Я никакъ не могу добиться причины твоей болѣзни. Самъ докторъ до сихъ-поръ не умѣлъ ничего объяснить намъ. Съ самаго дня вашей свадьбы, вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, ты захворала и сегодня только въ первый разъ позволили тебѣ выдти на воздухъ и прогуляться въ саду.... Бѣдный Владиміръ! посмотри ты на него, какъ болѣзнь твоя его замучила.... Онъ все это время ни на шагъ не отходилъ отъ тебя и, кажется, ни одной ночи не спалъ.... Выздоровливай-же поскорѣе.... Утѣшь ты насъ.... дай отдохнуть твоему бѣдному Владиміру.... Но какъ ты печальна.... Развѣ ты несчастлива, ВѢрочка?

ВѢрочка. Конечно.... я счастлива, батюшка.... Не тревожьтесь понапрасну.... мнѣ лучше.... гораздо лучше теперь.... я почти совсемъ здорова.

ЧЕРЕМУХИНЪ. Слышишь, Владиміръ?... Да что ты самъ такъ задумчивъ? ВѢрочкѣ лучше.... она сама говорить.... поцѣлуй-же ее за такую радостную для насъ вѣсть.... ВѢрочка, посмотри, онъ какъ будто сердится на тебя.... ВѢрочка, прикажи-же ему присѣсть возлѣ тебя.

ВѢрочка. Владиміръ я еще не успѣла поблагодарить тебя за твое ко мнѣ вниманіе.... за твою горячую ко мнѣ привязанность.... Но мнѣ вужно съ тобой поговорить....

БОРЕЦКОЙ. *(цѣлуя ее)* Говори мнѣ все.... будь откровенна.... я только этго и желаю....

ЧЕРЕМУХИНЪ. Ну, я вамъ мѣшать не буду.... я уйду.... вдвоемъ вы скорѣе развеселитесь.... ВѢрочка, сегодня у насъ будутъ гости.... Я пригласилъ нашихъ дачныхъ сосѣдей, которые ежедневно присылали узнавать о твоёмъ здоровьи.... Ну, ВѢрочка, приласкай-же твоего Владиміра, онъ вполнѣ заслуживаетъ твою

ласки... поцѣлуйтесь при мнѣ... вотъ такъ! Теперь я спокоенъ.... и оставлю васъ.... (уходитъ).

II.

БОРЕЦКОЙ И ВѢРА ПЕТРОВНА.

Борецкой. ВѢра, ты меня ужасно тревожишь.... ты такъ скрытна со мной.... ты не любишь меня?

ВѢРА ПЕТРОВНА. Я!... я... Владиміръ... нездорова.... предчувствую близкую смерть.... мнѣ грустно!

Борецкой. Полно, другъ мой, прогони эти несчастныя мысли.... не убивай меня.... я такъ тебя люблю!

ВѢРА ПЕТРОВНА. Владиміръ!...

Борецкой. (вынимая изъ кармана письмо). Къ тебѣ прінесли письмо.... по городской почтѣ.... возьми его, оно не распечатано и я не спрошу отъ кого оно, если ты сама не скажешь.... Ты, кажется, не имѣешь ко мнѣ никакого довѣрія?...

ВѢРА ПЕТРОВНА. (въ сильномъ смущеніи) Это отъ одной подруги.... которая пріѣхала.... (про себя). Отъ него!... (прячетъ поспѣшно письмо).

Борецкой. Нѣтъ.... нѣтъ!... ты меня не любишь.... у тебя есть тайна! Ты боишься меня....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Владиміръ... (бросаясь на колѣна). Прости меня!...

Борецкой. (подымая ее) Встаньте, сударыня.... вы унижаете себя.... Передъ вами челоуѣкъ, который поклялся составить ваше счастье.... Что-бы вы ему ни открыли, что-бы ни сказали, вы можете быть увѣрены, что въ немъ найдете не строгаго судью, а защитника вашего....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Владиміръ!... я не могу болѣе.... не въ состояніи скрывать отъ васъ моей тайны.... я спокойноѣ умру, если вы только простите меня. Выслушайте меня, Владиміръ Александровичъ.... Я васъ любила и люблю, какъ брата, но отдавъ вамъ мою руку, я не могла отдать вамъ моего сердца.... оно мнѣ не принадлежало.... Я не столь виновна, сколько несчастна.... я терзаюсь, мучусь и знаю, что страданія мои не покинутъ меня до гроба.... Научите меня.... скажите только, какъ могу я, хоть сколько нибудь, уменьшить вину мою предъ вами.... я увѣрена, что вы сжалитесь надо мной.... и дадите мнѣ спокойно умереть.... Когда я васъ узнала, я была дитя, ребенокъ.... я васъ любила, какъ сестра.... тогда я была счастлива! Вы уѣхали и я долго ожидала васъ.... Мы почи-

тали васъ убитымъ... я не надѣялась васъ болѣе встрѣтить въ жизни.... и.... и обѣщала свою руку другому.... Не прерывайте меня.... дайте мнѣ все высказать.... Я хотѣла во всемъ признаться отцу моему.... но въ минуту признанія, узнала, что Богъ спасъ вамъ жизнь и снова увидѣла васъ. Отецъ мой высказалъ свое душевное желаніе.... я боялась огорчить его и отдала вамъ мою руку. Теперь.... Но я все сказала.... я въ вашей власти.... (*падала на колѣна*). Владиміръ сжался.... пощади твою несчастную жену.

Борецкой. (*подымая ее*) Я понялъ васъ.... Не вы виновны, а я самъ !... Не отчаивайтесь.... я постараюсь, сколько возможно, облегчить вашу участь.... Зачѣмъ я живъ?... О ! зачѣмъ я такъ люблю васъ !

ВѢРА ПЕТРОВНА. Владиміръ !...

Борецкой. Вы вѣроятно согласитесь со мною, что намъ нужно, необходимо скрыть отъ всѣхъ наши теперешнія взаимныя отношенія... Зачѣмъ дѣлать еще другихъ несчастными?... Если бы узналъ объ этомъ отецъ вашъ.... онъ не перенесъ-бы, это убило-бы его.... Будемъ-же, покуда, казаться счастливыми.... любящими другъ друга.... Повѣрьте, не легко и мнѣ будетъ притворяться.... Но умоляю : не думайте о смерти, вы еще можете.... вы должны быть счастливы....

ВѢРА ПЕТРОВНА. О, вы благороднѣйшій человѣкъ !

Борецкой. Но сюда плетъ вашъ знакомый.... Повторяю вамъ, никто въ мірѣ не долженъ подозрѣвать нашихъ отношеній.... дайте мнѣ вашу руку....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Я вамъ во всемъ буду повиноваться.

III.

ТѢЖЕ И КАПЛУНОВЪ.

Каплуновъ. ВѢРА ПЕТРОВНА, наконецъ я васъ вижу !... Давеча, я слышалъ, вы прогуливались въ саду, стало быть, здоровы. Слава Богу ! Владиміръ Александровичъ, я раздѣляю вашу радость.... я искалъ васъ.... мнѣ нужно поговорить съ вами....

Борецкой. Благодарю ! Вѣрочкѣ гораздо-лучше и я счастливъ вполне сегодня. Позвольте мнѣ проводить ее и я приду къ вамъ.... Вѣрочка ! тебѣ, я думаю, нужно немного отдохнуть.... Я сію минуту приду къ вамъ Аполлонъ Ивановичъ....

Каплуновъ. Не беспокойтесь.... я успѣю.. мнѣ такъ только... пожалуйста, не торопитесь....

IV.

КАПЛУНОВЪ. одинъ.

Вотъ женщины! Извольте, послѣ этого, вѣрить ихъ клятвамъ въ прозѣ и въ стихахъ!... Я думалъ, что она умираетъ отъ любви къ Кочуеву, которому передъ свадьбой написала такое страстное посланіе, — хотъ самому Виктору Гюго такъ впору, — а она какъ ни въ чемъ не бывалая, — воркуетъ теперь; какъ голубка, съ мужемъ! А я было хотѣлъ воспользоваться этимъ посланіемъ.... думалъ какъ нибудь вмѣшати Кочуева въ такую исторію, которая могла-бы для него кончиться дуэлью.... авось, тогда бы мнѣ удалось бы отъ него избавиться. По милости его, я, пожалуй, и не женюсь на Глафирѣ Марковнѣ. Такъ и началъ съ своей матушкой увиваться около нея, съ тѣхъ поръ, какъ лишился надежды поправить дѣла свои на счетъ хозяина здѣшняго дома... А Глафира Марковна, кто ее разгадаетъ, — кому хотеть она отдать свою руку, мнѣ или Кочуеву? Впрочемъ, я кажется весьма хорошо распорядился.... скупилъ заемныя письма Кочуева и досталъ отъ Пьера письмо, въ которомъ мой вампиръ Кочуевъ подсмѣивается надъ Глафирой Марковной.... Безправственный человѣкъ! Ну, и я повѣса.... большой руки повѣса... Донъ Жуанъ, если хотите... молодость все извиняетъ, — но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ посовѣтовали жениться, я все бросилъ.... отшельникомъ живу... даже.... А хотѣлось-бы мнѣ состряпать дуэль!.. Вотъ возвращается и счастливый мужъ... съ нимъ связываться кажется опасно... какой суровый видъ у него! Пожалуй, вмѣсто Кочуева, меня вызоветъ... Что тогда дѣлать? Но попробую — такъ, слегка....

V.

БОРЕЦКОЙ И КАПЛУНОВЪ.

Борецкой (*въ задумчивости про себя*). Другаго средства не остается... пусть они будутъ счастливы, а для меня жизнь теперь не дорога... Да, я рѣшился. (*вслухъ*). Ахъ! извините меня, Апполонъ Ивапычъ, я немного задумался — о подаркѣ для жены моей... Вы желали, кажется, со мною о чемъ-то поговорить?.. я къ вашимъ услугамъ...

Каплуновъ. Да, я... точно хотѣлъ... (*про себя*) Нѣтъ, страшно!... взглядъ у него такой свирѣпый... вѣдь онъ привыкъ рубить черкесовъ, ему, пожалуй, вздумается, по привычкѣ, и меня....

Борецкой. Присядемте.... я слушаю васъ... (*садится*).

Каплуновъ. Нѣтъ-ли здѣсь сквознаго вѣтра?

Борецкой. Нѣтъ, кажется... И такъ, что вамъ угодно было сказать мнѣ?

Каплуновъ. Приближается опасность... Я думаю вы скоро оставите дачу, переѣдете въ городъ? Впрочемъ, вамъ не то, что намъ холостякамъ, молодымъ людямъ... Вы съ молодой женой... что вамъ городъ? вы совершенно счастливы теперь и здѣсь... вы такъ любите супругу вашу и она конечно обожаетъ васъ?

Борецкой. Что хотите вы этимъ сказать? (*про себя*) Неужели уже всѣмъ извѣстна моя печаль? О! въ такомъ случаѣ... я не отвѣчаю за себя! Я не перенесу этого!...

Каплуновъ. (*про себя*) Какъ онъ взглянулъ на меня... какъ на черкеса!... (*вслухъ*) Нѣтъ, я... Здѣсь кажется сквозной вѣтеръ?

Борецкой. Что же вы хотѣли сказать мнѣ? Извините, мнѣ некогда... я прошу васъ поспѣшить... увольте меня отъ всѣхъ вашихъ косвенныхъ намековъ... я повторю вамъ, въ десятый разъ, что я слушаю васъ....

Каплуновъ. Сію минуту... (*про себя*) Рискну!.. А если вызоветь меня на дуэль... такъ я просто откажусь... (*вслухъ, вынимая изъ кармана записочку*). Вотъ, видите-ли, тому мѣсяца съ два, когда вы еще не были женаты, нечаянно здѣсь, въ самой этой комнатѣ, поднялъ я на полу эту бумажку... Это, видите, стихотвореніе вашей супруги... маленькое посланіе къ вашему сосѣду, Сергѣю Андреевичу Кочуеву, и я разсудилъ вручить его вамъ... (*подаетъ ему; про себя*) Наслаждайся поэтическимъ даромъ своей половины.

Борецкой. (*схвативъ записку и прочитавъ ее; про себя*) Вотъ кого она любить!... я узналъ невольно... (*вслухъ, принуждая себя смѣяться*) Ха! ха! ха! ха! знаю, знаю... ха! ха! ха!

Каплуновъ (*не понимая самого себя*) Ха! ха! ха! (*про себя, вспоминая*) Что же я смѣюсь?.. Онъ кажется, хохочетъ надо мною; право, я не знаю, какую фizioномію сооронить? (*Старается принять приличную фizioномію, но ему не удается*).

Борецкой. Я знаю... это была шутка... Жена мнѣ объ этомъ рассказывала... она хотѣла посмѣяться надъ Кочуевымъ... наказать его за самоувѣренность... А вы приняли посланіе за серьезную вещь, тогда какъ это была насмѣшка со стороны жены моей... ха! ха! ха!

Каплуновъ. Нѣтъ... я знаю... что это только насмѣшка... юмористическое стихотвореніе... (*про себя*) Вотъ и дуэль!.. Ему, какъ и всѣмъ мужьямъ, все представляется въ прекрасномъ видѣ....

Борецкой. То есть, я хотѣлъ сказать, приготовлялась насмѣш-

ка, но она не состоялась и я не знаю, какимъ образомъ стихи эти попали къ вамъ?

Клупуновъ. Я вамъ говорилъ... я подвѣлялъ здѣсь, на полу... (про себя) Но что за свирѣпый взглядъ у него!

Борецкой. Да, вы подвѣляли... это была неосторожность съ моей стороны... Но я не желаю, чтобы кто-нибудь въ мѣръ, кромѣ насъ, звалъ объ этой предполагавшейся шуткѣ, я покорнѣе прошу васъ держать это втайнѣ... не то, если кто-нибудь еще объ ней узнаетъ, я буду имѣть полное право требовать удовлетворенія у васъ... Вы меня понимаете?... кажется, довольно ясно я вамъ говорю?

Клупуновъ. Очень, очень ясно... я весьма весьма хорошо понимаю васъ, поручикъ... Даю вамъ слово, что никому въ мѣръ не скажу словечка объ этомъ... (про себя) Чуть самъ не наткнулся на исторію!.. (вслухъ) Но извините... я еще долженъ зайти къ вашей сосѣдкѣ, къ Глафирѣ Марковнѣ.... До свиданія, господинъ поручикъ.....

Борецкой. До свиданія.....

Клупуновъ. (про себя, уходя) Дуэли не будетъ! надо теперь прибѣгнуть къ другому средству.... показать письмо Кочуева.... оно докажетъ Глафирѣ Марковнѣ, какъ она любима этимъ вертопрахомъ Сережей.....

VI.

БОРЕЦКОЙ, одной.

И такъ, я невольнымъ образомъ узналъ, кого она любитъ! (прочитывая записку.) И какъ она его любитъ! Счастливецъ! конечно.... моя участь рѣшена. Другаго средства нѣтъ. Я понялъ, что она несчастна.... несчастна потому, что она мнѣ, а не ему отдала свою руку, вручила свою судьбу. Богъ ей судья! Она не виновата.... сердцемъ своимъ повелѣвать нельзя.... постараюсь недолго заставлять ее мучиться и страдать изъ за меня. Я уѣду.... а тамъ мнѣ не трудно будетъ повстрѣтиться со смертью.... Но будетъ-ли она съ нимъ счастлива? Я не пересталъ и не могу перестать любить ее.... и она, если не какъ мужа, то какъ брата, меня любитъ.... Будетъ-ли она съ нимъ счастлива? Мнѣ этого не узнать.... тогда меня не будетъ.... Вспомнитъ ли когда обо мнѣ? жаль мнѣ и старика отца ея.... по дѣлать нечего!... (увидавъ Сергея Андриича) А.... онъ здѣсь! я его вижу!... кровь

закивѣла въ моихъ жилахъ... въ эту минуту я готовъ-бы!... Но какое малодушіе! Пусть разсудокъ возьметъ верхъ надъ безумнымъ сердцемъ... Это будетъ истинная храбрость.

VII.

БОРЕЦКОЙ И СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. (*про себя*) Здѣсь ее нѣтъ... одинъ только мужъ... не лучше ли покуда въ садъ...

БОРЕЦКОЙ. (*стараясь казаться равнодушнымъ.*) СергѢй Андреичъ! мы съ вами давно не видались... Вы меня избѣгаете... (*про себя*) Сегодня вѣрно онъ писалъ къ ней!

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Владиміръ Александровичъ! я слышалъ объ вашей радости... Вѣрѣ Петровнѣ лучше... она выходитъ...

БОРЕЦКОЙ. Да, ей гораздо лучше и вы ее увидите сегодня...

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Весьма приятно... (*про себя*) Но какимъ страннымъ голосомъ говоритъ онъ? Не попалось ли ему письмо мое?... Но вѣдь въ немъ о любви и помину нѣтъ... я положительно женюсь на Глафирѣ Марковнѣ...

БОРЕЦКОЙ. (*про себя*). Нѣтъ... я чувствую, что долго притворяться не въ состояніи... окончу съ нимъ разомъ... (*вслухъ*) Теперь я совершенно спокоенъ... могу отправляться... Вы знаете, я опять уѣзжаю на Кавказъ, СергѢй Андреичъ...

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. На Кавказъ?... вы опять уѣзжаете?... (*про себя.*) Штуки!

БОРЕЦКОЙ. (*про себя*) Какъ обрадовался!.. но не такъ еще обрадуется, узнавъ о моей смерти... (*вслухъ.*) Да... уѣзжаю... я привыкъ къ походной суматохѣ и мнѣ въ тягость семейная жизнь... мнѣ нуженъ запахъ пороха... война... вотъ моя страсть! Я przygotowляюсь къ отъѣзду... но мы еще съ вами увидимся... Вы останетесь сегодня у насъ? Извините, если я васъ оставлю теперь... жена моя... Вѣра Петровна постарается занять васъ... я ее пришлю къ вамъ.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Помилуйте, Владиміръ Александровичъ, не беспокойтесь... право я...

VIII.

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ, одинъ.

Нѣтъ, тутъ что-то не такъ!... Шашни!... подставляютъ мнѣ

западно.... повнимаемъ! Ёдетъ на Кавказъ.... получивши миллионъ!... сказалъ бы лучше въ Парижъ.... такъ я, пожалуй, и повѣрилъ бы.... Хочетъ теперь прислать жену свою, чтобы она заняла меня.... а самъ вѣрно будетъ подслушивать меня. Вѣрно письмо прошло чрезъ его руки и онъ воображаетъ, что я продолжаю вздыхать по ней.... Нѣтъ, конечно.... любовь прошла.... Въ нашъ вѣкъ съ пустымъ карманомъ не до любви!... Надо просто, безъ всякихъ романтическихъ затѣй, поскорѣе жениться на Глафирѣ Марковнѣ, а не то переѣдешь, пожалуй, и на даровую квартиру.... Но какіе капризы у этой Глафиры Марковны!... Возврати ей непременно колечко, которое я отдалъ Вѣрѣ.... безъ того не выхожу за мужъ.... Вотъ и пришлось просить свиданія съ Вѣрой Петровной....

IX.

СЕРГѢЙ АНДРЕЙЧЪ и ТАТЬЯНА БОРИСОВНА.

Татьяна Борисовна. Ну, что? досталъ?... колечко у тебя?

Сергѣй Андреичъ. Нѣтъ, тамап, я ее еще не видалъ.... но она сейчасъ выйдетъ и роковое колечко будетъ у меня...-

Татьяна Борисовна. Но, ради Бога, достань.... не забудь, что на дняхъ намъ надо вносить деньги по закладной.... послѣдній срокъ.... утѣшь Глафиру Марковну.... а то, какъ разъ она согласится отдать руку этому старому уроду Каплунову.... Онъ теперь съ ней въ саду и что-то напѣваетъ объ тебѣ; она съ нимъ, кажется, опять сильно подружилась.... я боюсь оставить ихъ однихъ.... пойду помѣшать ихъ разговорамъ.... Serge, смотри же, достань это колечко.... Охота тебѣ была отдавать подарокъ Глафиры Марковны этой глупой Вѣрочкѣ.... Я ухожу въ садъ.... смотри же, поскорѣе.... не вздумай нѣжничать....

Сергѣй Андреичъ. Будьте увѣрены, тамап, что я на будущей недѣлѣ женюсь.

X.

СЕРГѢЙ АНДРЕЙЧЪ. ПОТОМЪ ВѢРА ПЕТРОВНА.

Сергѣй Андреичъ. Что она не выходитъ? вѣрно сговаривается съ мужемъ.... Я увѣренъ, что онъ будетъ гдѣ нибудь здѣсь подслушивать.... я не боюсь.... мнѣ же скажетъ спасибо....

Теперь мнѣ нужно выручить только колечко.... А! вотъ и она.... будемъ осторожны.... (церемонно кланяется.)

ВѢРА ПЕТРОВНА. Сергѣй Андреечъ! (про себя) Что-то онъ мнѣ скажетъ! (вслухъ) Вы писали ко мнѣ? я получила письмо черезъ мужа!...

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. (про себя) Такъ и есть.... угадалъ.... (вслухъ) Я имѣю къ вамъ маленькую просьбу, ВѢРА ПЕТРОВНА....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Сергѣй Петровичъ!... будьте добры.... уѣзжайте отсюда....

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. (про себя) Уѣзжайте!... легко ей это сказать.... а я и съ квартиры не могу переѣхать, не пустять....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Теперь я не должна васъ болѣе видѣть.

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. Конечно.... вы теперь за мужемъ....

ВѢРА ПЕТРОВНА. О, какъ вы жестоки! пощадите.... не убивайте меня вашими насмѣшками.... я ихъ не заслуживаю....

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. Помилуйте, ВѢРА ПЕТРОВНА... я и не думаю.... Какъ смѣлъ бы я? помилуйте.... я совѣмъ напротивъ....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Я не узнаю васъ.... не понимаю васъ болѣе....

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. Я все тотъ-же....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Неужели вы для того только писали ко мнѣ.... желали меня видѣть.... чтобы терзать меня вашими холодными рѣчами?

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. Нѣтъ.... я сказалъ уже вамъ, что имѣю къ вамъ просьбу.... я хотѣлъ.... я прошу возвратить мнѣ одну ничтожную вещичку, которая мнѣ понадобилась теперь.... Однимъ словомъ, то золотое колечко.... Помните, въ тотъ день, когда приѣхалъ Владиміръ Александровичъ.... вы увидали колечко на рукѣ моей и взяли его.... Мнѣ оно теперь нужно.... я прошу покорно возвратить его....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Золотое колечко!... это золотое колечко.... которое теперь у меня на рукѣ? которымъ я такъ дорожила!

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. ВѢРА ПЕТРОВНА.... это такая бездѣлица.... стоитъ ли дорожить ею сколько нибудь?... самое обыкновенное колечко!...

ВѢРА ПЕТРОВНА. Понимаю.... Но зачѣмъ, скажите же мнѣ сію минуту.... зачѣмъ вы хотите взять у меня это колечко?

СЕРГѢЙ АНДРЕЕЧЪ. Потому.... (про себя) Какое тяжелое положеніе!... чисто мелодраматическая сцена! пора ее кончить.... (вслухъ) Потому, что оно принадлежитъ Глафирѣ Марковнѣ....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Оно принадлежитъ Глафирѣ Марковнѣ! Я

не понимаю васъ... или я уже лишилась разсудка? Объясните, ради Бога, я повторяю вамъ, что не понимаю васъ....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Да... оно принадлежитъ Глафирѣ Марковнѣ... моей невѣстѣ... я женюсь на ней... и она просила возвратить ей это колечко, которое она когда-то мнѣ подарила... Она воображаетъ, что мое сердце все еще принадлежитъ не ей, а другой....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Вы женитесь на Глафирѣ Марковнѣ?... Но оставьте эти шутки... я не могу ихъ перенести....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Нѣтъ, точно... я женюсь на ней безъ всякихъ шутокъ.

ВѢРА ПЕТРОВНА. Вы женитесь? вы любите ее?... Нѣтъ, я вамъ не вѣрю....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Отчего же вы не вѣрите мнѣ?

ВѢРА ПЕТРОВНА. Но вы говорите, что вы любите ее...

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. Да... конечно долженъ любить, если рѣшаюсь жениться на ней... Я ее очень люблю... весьма умная женщина.

ВѢРА ПЕТРОВНА. Вы любите ее!... О, нѣтъ, не можетъ быть! я все еще не вѣрю вамъ....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ, *(про себя)* Пора кончить!... Если мужъ подслушиваетъ... останется мной доволенъ, лихо угрожу ему... *(вслухъ)* ВѢРА ПЕТРОВНА... правда, я любилъ васъ, но теперь вы замужемъ, я также женюсь... что было, то прошло!... за чѣмъ портить жизнь свою? страдать, мучиться, терзаться, Богъ знаетъ изъ за чего? Не лучше-ли жить спокойно и любить того только, кого намъ должно... вотъ мое мнѣніе... совѣтую и вамъ ему послѣдовать... раскаяваться не будете....

ВѢРА ПЕТРОВНА. О, я поняла васъ наконецъ... я поняла васъ!... вамъ нужны были деньги, а не любовь... Возьмите... возьмите скорѣе кольцо невѣсты вашей... *(бросаетъ кольцо)* Неужели я васъ любила?... Но не во снѣ-ли я?... *(садится на диванъ)* Я теряю чувства... мнѣ страшно... я умираю!

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ *(поднявъ кольцо.)* Ей, кажется, дурно?... гдѣ же мужъ? послать сюда скорѣе горничныхъ....

XI.

ВѢРА ПЕТРОВНА, одна.

Онъ ушелъ!.. Онъ былъ здѣсь... и я съ нимъ говорила? Неужели это былъ не сонъ и я въ самомъ дѣлѣ слушала его холодная,

убійственныя рѣчи?... О, да! это былъ онъ... и я могла любить его! для него я прежде готова была пожертвовать и жизнью... Боже! страшно вымолвить... страшно подумать!... чуть не рѣшилась забыть отца моего... бѣжать отъ мужа! И для кого же?... О, какъ я презираю его теперь! Миѣ кажется, какъ будто я никогда не любила его. Сію минуту я умираю съ отчаяніемъ... но теперь... миѣ легче... душа становится спокойнѣе... я оживаю!... Боже! благодарю тебя!... Ты... Ты вразумилъ меня!... Теперь я понимаю... въ какую бездну несчастій могла я повергнуть своимъ безразсуднымъ поведеніемъ отца... ..мужа... и себя!... Моего мужа... какъ пріятно для меня теперь это слово! мой Владиміръ!... О я счастлива... я чувствую, что люблю его, моего Владиміра!... но люблю спокойно... свято! но гдѣ же онъ? Побѣгу... брошусь ему въ ноги... и онъ проститъ меня, дурочку!...

ХІІ.

ЧЕРЕМУХИНЪ И ВѢРА ПЕТРОВНА.

ВѢРА ПЕТРОВНА, *(бросаясь къ нему)* Батюшка!... гдѣ... гдѣ Владиміръ?... пойдите... пойдите скорѣе къ нему!

ЧЕРЕМУХИНЪ. Владиміръ?... я самъ его ищу... я полагалъ, что онъ здѣсь, съ тобою?... Но что значитъ... ты встревожена... что съ тобой, мой другъ?

ВѢРА ПЕТРОВНА. О, я счастлива... я здорова!... пойдите..., пойдите только скорѣе къ Владиміру...

ЧЕРЕМУХИНЪ, *(звонитъ въ колокольчикъ.)* Сейчасъ мы узнаемъ, гдѣ онъ?

ХІІІ.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

ЧЕРЕМУХИНЪ. Владиміръ Александровичъ дома?

СЛУГА. Никакъ нѣтъ съ... они уѣхали и приказали отдать письмо это Вѣрѣ Петровнѣ.

ЧЕРЕМУХИНЪ. Письмо?... уѣхалъ?

ВѢРА ПЕТРОВНА. Письмо... гдѣ оно?... *(беретъ письмо)* Письмо ко миѣ?... *(слуга уходитъ.)*

XIV.

ЧЕРЕМУХИНЪ, ВЪРА ПЕТРОВНА, ПОТОМЪ БОРЕЦКІЙ.

ЧЕРЕМУХИНЪ. Онъ пишетъ къ тебѣ?... ты встревожена... онъ уѣхалъ? Вѣрочка, я не понимаю....

ВЪРА ПЕТРОВНА, *(поспѣшно прочитывая письмо.)* Онъ уѣзжаетъ.... не хотѣтъ меня болѣе видѣть.... утѣшаетъ меня своею скорою смертыю.... прїѣдетъ только проститься съ отцемъ.... желаетъ мнѣ отъ всего сердца счастья!... *(падая на колѣна предъ отцемъ.)* Батюшка!... возненавидѣте меня.... я заслужила ваше презрѣніе! *(Борецкой входитъ.)*

ЧЕРЕМУХИНЪ *(подымая ее.)* Мнѣ тебя презирать! Вѣрочка... пожалѣй меня... Скажи: ты больна?... Тебѣ опять хуже?...

ВЪРА ПЕТРОВНА. Видите-ли это письмо?... Это отъ него... отъ Владиміра... и знаете-ли, что онъ пишетъ въ немъ? Онъ хотѣтъ умереть.... и я... я несчастная, буду причиной его смерти!...

ЧЕРЕМУХИНЪ. Владиміръ хотѣтъ умереть?... Ты... ты дочь моя... Вѣрочка... называешь себя несчастной!...

ВЪРА ПЕТРОВНА. Да... батюшка... я презрѣнная... я недостойна называться вашею дочерью... Когда вы все узнаете, вы отвергнете меня... о, вы должны меня отвергнуть!... Вы желали моего счастья... вы горячо любили меня, а я скрыла отъ васъ тяготившую меня тайну... Я отдала мою руку Владиміру, тогда, какъ я думала любить другаго... ничтожнаго и жалкаго человѣка!... Сегодня еще я призналась мужу, сказала ему, что не могу его любить... и онъ, великодушный, повѣрилъ мнѣ и для моего счастья рѣшился искать себѣ смерти!... Но я обманула его, я обманывалась сама... я была безразсудна... нѣтъ, батюшка... я люблю одного Владиміра... Теперь пусть я умру, но только скажите ему, что я умерла, любя его одного!...

БОРЕЦКОЙ. Вѣра, ты меня любишь!

ВЪРА ПЕТРОВНА *(бросаясь къ нему.)* Владиміръ, ты здѣсь! ты въ моихъ объятыхъ! Люблю-ли я тебя?... о, да... я люблю, люблю тебя! О! прости... прости меня, безразсудную... я знаю... я огорчила тебя... но я люблю, люблю тебя! Сжался, прости... если не для меня... такъ для отца моего... посмотри, онъ плачетъ... онъ обвиняетъ меня въ душѣ! Сжался хотъ надъ нимъ, не отвергай меня, добрый, великодушный Владиміръ!...

БОРЕЦКОЙ *(цѣлуя ее)* Вѣра... развѣ я переставалъ любить тебя?... я все забывалъ....

ВѢРА ПЕТРОВНА. О, я очень счастлива!... Но я не заслуживаю такого блаженства.... теперь я умираю отъ радости.... Владиміръ!...

ЧЕРЕМУХИНЪ. ДѢти.... мои дѢти!... перестаньте.... не забудьте, что я старикъ.... что мнѣ и лишняя радость опасна.... Вонъ, сюда идутъ наши гости.... имъ не должны быть извѣстны семейныя дѣла наши....

БОРЕЦКОЙ. (*цѣлуя Вѣрочку и смѣясь*) И кстати твой идеаль является сюда?

ВѢРА ПЕТРОВНА. Владиміръ.... перестань!... если ты точно меня любишь, то не напоминай мнѣ объ немъ никогда.... Это была не любовь.... а просто безумство, горячка!...

БОРЕЦКОЙ. Я въ этомъ вполне убѣжденъ, мой другъ!

XV.

ТѢЖЕ. ГЛАФИРА МАРКОВНА, ТАТЬЯНА БОРИСОВНА, КАПЛУНОВЪ И СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ.

ГЛАФИРА МАРКОВНА. А, душечка, Вѣра Петровна, ты наконецъ выходишь.... здорова? Какъ я рада!...

ВѢРА ПЕТРОВНА. (*держась за руку Борецкаго*). О, я теперь совершенно здорова и счастлива!

ГЛАФИРА МАРКОВНА. Позволь мнѣ представить моего будущаго мужа, Аполлона Ивановича Каплунова....

КАПЛУНОВЪ. Да-съ, Вѣра Петровна.... я наконецъ женюсь....

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ (*про себя*). Что я слышу?

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА. (*тихо сыну*). Что это значить?

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ (*тихо ей*). Ничего не понимаю.... надо объясниться съ нею самой....

ВѢРА ПЕТРОВНА. Владиміръ!... вѣдь я теперь совсѣмъ здорова, пойдемъ въ садъ.... Папенька! вы мнѣ позволяете?... Неправда-ли, я теперь могу.... я совсѣмъ здорова?

ЧЕРЕМУХИНЪ. Идите.... идите.... мои драгоценныя дѢти и я съ вами.... (*уходятъ*.)

КАПЛУНОВЪ. Да, Serge.... я женюсь.... пора-бы и тебѣ.... мы съ тобой, кажется, однихъ лѣтъ?... (*подходитъ къ Татьянѣ Борисовнѣ, которая смотритъ на него съ негодованиемъ*.)

СЕРГѢЙ АНДРЕИЧЪ. (*Глафирѣ Марковнѣ*). Вѣдь я вамъ возвратилъ колечко?

ГЛАФИРА МАРКОВНА (*подавая ему письмо*). А я вамъ возвращаю письмо ваше, въ которомъ вы такъ много пишете объ вашей любви ко мнѣ.... вотъ оно!...

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ. Но я... (про себя.) Конечно!... У меня будет даровая квартира!

КАПЛУНОВЪ. (подходя къ Сергью Андреичу). Послушай, Serge, женись, пожалуйста, поскорѣе... я скупилъ твои заемныя письма... и знаю, что до твоей женитьбы нечего съ тебя и взыскивать....

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ. Прошу уволить меня отъ вашихъ шутокъ....

КАПЛУНОВЪ. Если такъ.... я завтра представлю ихъ ко взысканію.

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ (подавая ему руку). Вотъ ты и разсердился?... Остаемся лучше друзьями.

КАПЛУНОВЪ. Глафира Марковна, позвольте мнѣ вашу ручку.... вотъ такъ!... Вы любите меня?

ГЛАФИРА МАРКОВНА. Ха! ха! ха!... какой странной вопросъ!... ха! ха! ха!...

КАПЛУНОВЪ. (Про себя). Она отъ меня безъ души!... Теперь я спокоенъ.... поправлю здоровье....

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА. Ну, хорошъ ты, голубчикъ! Нечего сказать... весь въ отца! Ну, что, хотѣлъ милліона, а выпустилъ изъ рукъ полмилліона.... Глафиру Марковну!...

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ. Но, мама, я готовъ былъ на ней жениться....

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА. Что-же мнѣ изъ того, что ты готовъ былъ на ней жениться? Теперь, что дѣлать намъ?... на дняхъ продадутъ нашу послѣднюю деревню....

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ. Право, я не знаю, мама.... Я готовъ на все теперь....

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА. Попробуемъ послѣднее средство.... поѣдемъ къ Липочкѣ Бородавкиной... если и тамъ намъ не удастся....

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ. Къ Липочкѣ Бородавкиной? Но она, мама, вѣдь просто уродъ.... съ горбомъ?

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА. Ужъ тутъ не время разбирать.... Не захочешь жениться на ней, такъ я завтра же объявлю въ газетахъ, что не отвѣчаю за твои долги и не плачу ихъ.... Ну, что ты теперь скажешь?...

СЕРГЪЙ АНДРЕИЧЪ. Что говорить.... поѣдемте скорѣй къ горбатой!

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МИЗИНЧИКЪ МЕРИ.

Ея мизинчикъ тонкій, пѣжный,
Съ прозрачно-алымъ ноготкомъ,
Покрытый кожей бѣлоснѣжной,
Намать былъ кровью съ молокомъ...
Ея рука благоухала —
Все было въ ней цвѣтъ и краса,
И никогда черной коса
Чела милѣй не обвивала....

I.

*Александръ Андреевичъ Селецкій къ Платону Григорьевичу
Волжинскому.*

С.-Петербургъ, 17 октября 1850.

Не оправдываясь въ двухмѣсячномъ молчаніи, не буду описывать тебѣ общихъ столичныхъ новостей. Баламъ, маскарадамъ, раутамъ время еще не настало: многіе только-что возвратились изъ деревень и изъ-за границы; самъ я почти все лѣто провелъ близъ Москвы. Впрочемъ, если въ эти два мѣсяца, въ стѣнахъ гранитнаго и бѣлокаменной, совершилось что-нибудь замѣчательное, о томъ можешь справиться въ петербургскихъ газетахъ и Московскомъ Телеграфѣ. Тамъ,

въ-придачу, надблять тебя исторіей съ высшими взглядами, философией безъ оглядки, критикой въ видѣ полемики и полемикой въ видѣ критики, очерками современныхъ нравовъ и картинками новѣйшихъ модъ, которыя въ Парижѣ, отъ маркизъ и виконтессъ, перешли уже къ субреткамъ. Въ замѣнь всего этого, неудобовѣстимаго въ головѣ, обращаюсь прямо къ твоему сердцу и воспоминаніямъ, сообщу важныя для тебя новости о нашихъ старыхъ петербургскихъ друзьяхъ....

На-дняхъ, утромъ, когда я пилъ кофе съ предурными здѣшними сливками, мнѣ подали два пакетика. Одинъ изъ нихъ былъ за черной печатью. По невольному участію къ чьей-то невозвратной потерѣ, я вскрылъ его прежде, и на листочкѣ, окоймленномъ черною полоскою, подъ сътующими надъ урною фигурами, прочиталъ:

«Яковъ Степановичъ Чувашевъ, съ душевнымъ сокрушеніемъ извѣщая о кончинѣ любезнѣйшей супруги своей, Екатерины Семеновны, покорнѣйше просить....» и прочее.

Другой пригласительный билетъ, также какъ и первый, печатный (въ нашъ вѣкъ все печатное, и горе, и радость), да еще и розовый, украшенный крылатыми, полношекими амурами и иными эмблемами Гимена, содержалъ въ себѣ торжественное объявленіе о предназначенномъ бракосочетаніи дочери Владиміра Алексѣевича Краснопольскаго, Елены, съ богачемъ, корнетомъ....

Не называю соперника, избавляя его отъ твоихъ незаслуженныхъ проклятій и ненависти.... Предвижу дружескій упрекъ за полухулистый тонъ, въ обоихъ случаяхъ неумѣстный. Вѣрю, что при второй, совершенно неожиданной вѣсти, у тебя сердце разрывается, и ты будешь оплакивать несбывшіяся надежды, отлетѣвшія сладостныя мечты: но, признаюсь, эти похороны и свадьба, въ одинъ и тотъ же день, сбиваютъ меня съ толку, смѣшиваютъ всѣ тоны... непрочность, переходчивость житейскаго, призраки счастья и непризрачность печальнаго, противъ всякаго желанія, вызываютъ горькую улыбку.... Оставимъ молодыхъ ихъ восторгамъ, и ужъ если должно плакать, то поплачемъ на могилѣ Чувашевой. Доброй, кроткой Катерины Семеновны не стало въ пять дней. Незначительной повидимому простуды достаточно было, чтобъ быстро, смертельно развить болѣзнь, которая, безъ сомнѣнія,

давно таилась въ груди ея, разбитой скрытными страданіями почти цѣлой жизни....

На слѣдующее утро я облекся весь въ черное, по положенію, и отправился за Тучковъ Мостъ. У дома Чувашевыхъ не было проѣзда отъ множества каретъ, колясокъ и дрожекъ.... тутъ же стояли и дроги съ балдахинномъ.... вѣчно-зеленый ельникъ разстилался по пути въ вѣчность.... кучера и факельщики, въ своихъ узкихъ плащахъ и необъятно-широкоподоыхъ шляпахъ, толковали между собою; мальчишки толкались, бранились, усиливаясь продраться поближе, и едва-ли не половина народонаселенія Петербургской Стороны стекалась посмотрѣть погребальную церемонію, и потомъ, какъ водится, ради препровожденія времени, съ удовольствіемъ поплестись за процессіей. Свадьбы и похороны всегда привлекаютъ зѣвакъ....

Хотя я угадывалъ ожидавшія меня сцены и приготовился къ нимъ, однакожь, когда вошелъ въ залу, сердце мое стѣснилось. На томъ самомъ мѣстѣ, у тѣхъ самыхъ двухъ оконъ, гдѣ за недѣлю, въ послѣднее посѣщеніе, встрѣченъ я былъ хозяйкою, съ ласкою и пріятливостію, хорошо тебѣ извѣстными, стоялъ ея незакрытый гробъ, обитый темномалиновымъ бархатомъ и, по краямъ, богатымъ золотымъ позументомъ, опушеннымъ роскошною бахромою. Покойница мало перемѣнилась.... то же блѣдное, лишь нѣсколько пожелтѣлое, лицо; тѣ же правильныя, привлекательныя черты, не искаженныя мученіями предсмертныхъ минутъ; руки, сложенныя подъ грудью, такъ же бѣлы — только оконечности пальцевъ посинѣли....

Гости смиренно, съ вытянутыми, неподвижными, согласно случаю, фізіономіями, расхаживали по залѣ и другимъ комнатамъ, медленною, строгою поступью, тихо разговаривали, старались казаться огорченными. Впрочемъ, всѣ дѣйствительно сожалѣли о ранней, внезапной кончинѣ Катерины Семеновны, и притворства было немного....

На дочерей никто не могъ смотрѣть равнодушно. Ихъ глубокой горести я не буду тебѣ описывать: ты знаешь, какъ онѣ нѣжно любили мать, и сколько ею были любимы. Я безмолвно пожалъ руку каждой, и чуть не зарыдалъ со старшею — на ней, что называется, лица не было. Младшая, вертушка, разумѣется, не вертѣлась, но невинное кокетство не

оставляло ее и въ этотъ плачевный день. Траурное ея платье, сшитое модисткою не Петербургской Стороны, и весь ея трауръ шли къ ней лучше блистательнѣйшаго бальнаго наряда. Съ заплаканными голубыми глазѣнками, восхитительно-горестная, она легко успѣла бы свести съ ума всякаго, не собирающагося еще умирать, и полагающаго, что смерть отстоятъ отъ него на разстояніи двухъ неизмѣримыхъ океановъ.... Средняя, Наташа, нѣкогда твоя любимица, сохраняла свой всегдашній характеръ граціозной разсчитанности въ каждомъ движеніи. По всей вѣроятности, въ эти тяжкіе часы, она ничего собственно не разсчитывала, но привычка, вторая натура, не измѣняла ей. Она сидѣла у окна, противъ изголовья гроба, судорожно сжимая въ рукѣ платокъ, смоченный слезами, и не отводя взора съ покойницы, чтобы запечатлѣть въ памяти драгоценныя черты, которыя вскорѣ навѣкъ должны были сокрыться. Канова и Торвальдсенъ не нашли бы прелестнѣйшаго образца для изящнѣйшаго выраженія печали, и если бъ ты былъ тутъ, возвратилась бы твоя прежняя къ ней привязанность, вполне законная съ потерею навсегда Елены....

Что сказать тебѣ о Надеждѣ Семеновнѣ, сестрѣ Чувашевой, этомъ рѣдкомъ примѣрѣ самоотверженія и незнаія радостей жизни? Въ молодости, говорятъ, она была красавицей, не разбирала жениховъ, какъ невѣста Крылова, но, по стеченію обстоятельствъ, замужъ не вышла. Чувашевъ пріютилъ ее у себя въ домѣ, и въ благодарность за кусокъ хлѣба, данный великодушнымъ зятемъ, она, терпѣливо, безъ малѣйшаго ропота на судьбу, усердно стряпала на его кухнѣ, и съ любовью нянчила его дочерей, а своихъ племянницъ, которымъ теперь должна замѣнить мать. Ты помнишь горячую, умильную дружбу обѣихъ сестеръ, и можешь вообразить отчаяніе Надежды Семеновны. Въ день похоронъ, ея безстрастное, спокойно-задумчивое лицо, если можно такъ выразиться, оживилось силою тоски. Бродя изъ комнаты въ комнату, какъ помѣшанная, она ломала себѣ руки, и все-таки хлопотала, не забывая, а подавляя горе для обязанностей ключицы....

Хлопотала еще одинъ посторонній, совсѣмъ не близкій дому.... ты угадываешь кто.... Владиславъ Ивановичъ Шигринъ. Вѣрный своему призванію, онъ не перестаетъ суетить-

ся, услуживаетъ всюду, гдѣ его просятъ и гдѣ не просятъ. Крестины, помолвка, выносъ тѣла, даже переѣздъ на новую квартиру, безъ него не обходятся. Свадьба — Владиславъ Ивановичъ непременно шаферомъ и распорядителемъ всѣхъ ея порядковъ! Онъ уже въ лѣтахъ и чинѣ, а посаженнымъ отцомъ ему никогда не бывать — недостаетъ солидности и приличной важности. Онъ такъ и умереть шаферомъ, не состарѣвшимся молодымъ человѣкомъ пятидесяти лѣтъ...

Самъ Чувашевъ до панихиды не показывался. Онъ вышелъ изъ кабинета мрачный, но безъ слѣдовъ тревоги и скорби. Три дня, протекшіе послѣ смерти жены, и твердый характеръ, конечно, примирили его съ утратой. Священникъ сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ. — Будемъ молиться, — отвѣчалъ онъ своимъ ровнымъ, суровымъ голосомъ, и вотъ все, что въ этотъ день слышали мы изъ устъ Якова Степановича. Виноватъ, на кладбищѣ онъ еще разъ отозвался, и вымолвленное имъ запало мнѣ въ душу...

Я не раздѣляю твоего мнѣнія о Чувашевѣ, не считаю его ни злымъ, ни безчувственнымъ человѣкомъ. У него своя кора, которую надобно содрать, чтобъ распознать свойства этого, пожалуй, дерева... За семьсотъ верстъ слышу, какъ ты, при этихъ строкахъ, повторяешь фразу Монтеस्कье: «надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чтобъ заставить его что-нибудь почувствовать»...

Чувашевъ, въ свое время, не получилъ никакого образованія и воспитанія: одно не развило его простого, здраваго ума, другое не смягчило его жесткой натуры; но сколько есть людей, которые превосходно воспользовались тѣмъ и другимъ, и, ясно постигая свои ошибки, слабости, пороки, вышли несравненно хуже Чувашева. Яковъ Степановичъ цѣлую жизнь прошелъ ошупью, въ нравственныхъ потьмахъ, безъ этой сознательности, вдесятеро увеличивающей вину; цѣлую жизнь провозился съ маклерскими книгами и ловкими господами, которыя искусно превращаютъ маклерскія книги въ романы. Ты скажешь, что онъ нажилъ домъ опекунствомъ и вообще состояніе способами не безукоризненными; но вѣдь это, можетъ быть, только молва и предположенія... Мнѣ очень бы хотѣлось обратиться, по-возможности, мысли твои въ пользу Чувашева, а сердце твое къ Наташѣ.

Знаю, что предубѣжденіе противъ него было одною изъ главныхъ причинъ, почему ты съ ними раззнакомился, и послѣ началъ ухаживать за Краснопольской. Наташа составила бы твое счастье, котораго ты давно ищешь, метаясь изъ одного угла Россіи въ другой, переходя изъ полка въ полкъ. Если яблонь тебѣ не нравится, яблоко отъ нее, въ этомъ безспорно не райскомъ саду, далеко упало, и, съ своимъ наливнымъ яблочкомъ, отъ тебя зависѣло укатить еще дальше. Сжался надъ бѣдною сироткой, осуши ея дочернія слезы поцѣлуемъ жениха: къ прїѣзду твоему зимою въ Петербургъ, первое время глубокаго траура минеть....

Но мы еще не похоронили Катерины Семеновны....

Громкія рыданія сестры и дочерей раздались въ залѣ, когда стали подымать гробъ. Шигоринъ подбѣжалъ первый, рвенію его послѣдовали другіе.... Сумрачный Чувашевъ тихо подошелъ къ изголовью....

— Какой добрый мужъ!... самъ выносить жену изъ дому— ироническимъ полушопотомъ сказалъ низенькій, курносаватый старичекъ, обращаясь ко мнѣ прїятельски, на основаніи, что я раза два, три встрѣчался съ нимъ гдѣ-то....

— Несчастливая жертва! прибавилъ онъ со вздохомъ и езуитскою миною.

— Кто жертва, позвольте спросить?

Онъ посмотрѣлъ на меня добродушно— лукаво, коварно улыбнулся, покачалъ головою, и не отвѣчалъ.

Вслѣдъ за гробомъ мы спускались по лѣстницѣ.

Процессія двинулась съ отличнымъ удобствомъ, потому—что погода была вовсе не октябрьская: солнце свѣтило какъ въ іюль, и мнѣ становилось жарко въ теплой шинели. При поворотѣ съ Тучкова Моста на Малый Проспектъ Васильевскаго Острова, я замѣтилъ, что подлѣ меня шелъ тотъ же низенькій старичекъ. Онъ не прерывалъ молчанія, вѣроятно недовольный тѣмъ, что я не поддержалъ начала его объясненія. Оно дѣйствительно не слишкомъ завлекало, на—половину мнѣ не загадочное; но скучно было безмолвствовать всю дорогу, въ виду гроба размышляя о суетѣ мірской, и я благосклонно взглянулъ на моего спутника, обнаженная голова котораго сіяла какъ мѣсяцъ, спутникъ земной. Въ—мгновеніе ра-

дость озарила его гладкое, лоснящееся лицо, словно съ него свалилось тяжелое бремя.

— Такъ-то-съ!! сказалъ онъ, полновно ударяя на первый слогъ.

— Дѣ-съ, отвѣчалъ я, заохочивая его къ разговору.

— Вы, Александръ Андреевичъ, повидимому, ничего не знаете? продолжалъ онъ таинственно.

(Ахъ, злодѣй, онъ ужъ запомнилъ мое имя и отчество!)

— Ничего-съ... а любопытно было бы услышать?

— О, въ такомъ случаѣ, я *все* могу рассказать вамъ! Мы съ Чувашевымъ учились въ одной школѣ. Наставники и товарищи удивлялись его тупой головѣ: ничего не успѣли вдолбить въ нее, кромѣ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики...

— Которыми, кажется, онъ премудро воспользовался, почерпнувъ изъ нихъ правила жизни...

— То-есть вы хотите сказать, что онъ оттягалъ домъ у шурина...

— Я не имѣю чести знать шурина Якова Степановича...

— И упряталъ его въ домъ съумасшедшихъ, гдѣ онъ умеръ лѣтъ десять тому...

— Ну, ужъ извините, это клевета! Я, напротивъ, слышалъ, что Кондратій Семеновичъ точно былъ полоумный, такъ-сказать, урожденный дурачѣкъ, недоносокъ... въ довершеніе всего, его уронили въ дѣтствѣ... *словами ему носъ*, что окончательно подѣйствовало на его мозгъ...

Ты думаешь, это говорилъ я... Нѣтъ, такая защитительная рѣчь лилась потокомъ изъ безбрежныхъ устъ Шигорина, который не знаю какъ очутился рядомъ съ нами...

Низенькій старичекъ, лично отчасти задѣтый выраженіемъ касательно сломаннаго носа, намѣревался энергически возражать ему, но Владиславъ Ивановичъ исчезъ такъ же быстро, какъ и явился: онъ усаживалъ въ карету дочерей Чувашева, которая не въ-силахъ была итти далѣе за гробомъ матери; старшей сдѣлалось даже дурно...

Вмѣшательство Шигорина и этотъ эпизодъ обезкуражили низенькаго старичка; систематической, полной біографіи Якова Степановича я отъ него не довѣдался, и онъ лишь отрывочно передалъ мнѣ кое-что. Въ свою очередь, передаю тебѣ подлинными его словами:

«Понявъ, что въ коронной службѣ, при недостаточномъ образованіи и ограниченныхъ способностяхъ, ему почетей не добиться, Яковъ Степановичъ прилежно занялся частными дѣлами; посредствомъ одного изъ нихъ вошелъ въ домъ отца будущей жены своей, выигралъ тяжбу тестя, и получилъ руку Катерины Семеновны... можетъ-быть, вмѣстѣ съ ея сердцемъ, потому-что онъ вѣдь до-сихъ-поръ казистый мужчина, а съ-молоду годился въ кавалергарды. Первые годы прожили они такъ и сякъ. Тестъ умеръ, богатства не оставилъ, почти все состояніе его прежде перешло въ руки Чувашева, который вкрался къ старику въ довѣренность. По смерти отца, Надежда Семеновна досталась въ распоряженіе зятя, и онъ распорядился, устраняя жениховъ, чтобъ не выдѣлять ей части ея приданаго.... Достоверно мнѣ вѣдомо, что бравый кирасирскій поручикъ сватался за Надеждой Семеновной, и очень ей нравился. Чувашевъ, по разнымъ эгоистическимъ причинамъ, отказалъ ему: завѣщаніе тестя уполномочивало его въ выборѣ мужа свояченицѣ. Послушная дѣвушка, никогда не выходившая изъ чужой воли, поплакала, и, скрѣпя сердце, принуждена была забыть любимаго жениха.... Стали подростать дочки, понадобились гувернантки.... У Якова Степановича, несмотря на его грубость, врожденный эстетическій вкусъ — онъ не терпитъ вѣшняго безобразія, никакихъ каррикатуръ, и въ домъ его послѣдняя горничная не можетъ-быть ни рябою, ни косою. Чувашева, разъ справедливо выговорила, что гувернантки — лишній расходъ, что Надежда Семеновна знаетъ языки, музыку, пѣніе, и, слѣдственно, лучше всякой паемницы, подѣлится этими познаніями съ племянницами. Чувашевъ согласился. Гувернанткѣ, бывшей у нихъ въ это время, дали приличное награжденіе и приискали другое мѣсто; а дочерей Яковъ Степановичъ отдалъ въ пансіонъ, утверждая, что общественное воспитаніе преимущественнѣе домашняго. Собственно это было учинено съ цѣлю постепенно удалить Надежду Семеновну изъ гостиной въ кухню, наставницѣ дочерей предоставить должность стряпухи, съ почетнымъ званіемъ домоправительницы.... Не скрою, что я также былъ въ числѣ жениховъ Надежды Семеновны. И мнѣ, вмѣстѣ съ прочими, отказали....»

— А?! Тó-то вы такъ немилостивы къ Якову Степановичу? Но, статья-можетъ, нѣкоторые отказы последовали по желанію самой Надежды Семеновны?

— Увѣряю васъ, что я говорю сухую истину, уклончиво отвѣчалъ старичекъ, увертываясь отъ моего замѣчанія. — Посмотрите, что за человекъ! Идетъ-себѣ преспокойно, какъ-будто бы троюродную тѣтку хоронить.... хоть бы одна слезинка показалась.... Куда!? Съ ребячества таковъ: не плакалъ, бывало, когда розгами его съкли!!

Въ этомъ поучительномъ разговорѣ, мы добрались наконецъ до Смоленскаго Кладбища. Осенній день доказалъ, что онъ осенній: солнце скрылось, темносѣрыя облака вдругъ заволокли недавно еще свѣтлое небо, началъ накрапывать дождь, и откуда ни взялся пронзительный вѣтеръ. Низенькій старичекъ, распустивъ свой объемистый зонтикъ, прикрылъ имъ себя и меня. Процессія остановилась подлѣ самой ограды. У воротъ ея, куда мертвые входятъ безвозвратно, гробъ сняли съ дрогъ и понесли на рукахъ. Шигоринъ былъ опять впереди; Чувашевъ, какъ при выносѣ изъ дому, поддерживалъ съ другими изголовье. Этого усердія спутнику моему казалось недостаточнымъ: онъ хотѣлъ непремѣнно, чтобъ Яковъ Степановичъ плакалъ, не допуская скорби безъ слезъ....

Великолѣпный балдахинъ качался на опустѣлыхъ дрогахъ; усиливавшійся постепенно дождь билъ о плиты могилъ, ближайшихъ къ оградѣ, о мраморъ и бронзу драгоценныхъ памятниковъ, окружающихъ большую церковь.... Извилистой тропинкой шествіе потянулось къ малой, гдѣ должно было происходить отдѣльное отпѣваніе. Душа моя исполнилась томительнѣйшей грустью; быстро наступившій полумракъ непогоды, эти печальные виды множества гробницъ, новыхъ, дряхлѣющихъ и полуразвалившихся, тысячи сокрытыхъ подъ ними праховъ, поправшіе ихъ живые — нѣкогда такой же безмолвный, невидимый прахъ, — глухое рыданіе сестры и дочерей, блѣдныхъ, помертвѣлыхъ — все это порознь и вмѣстѣ производило тягостнѣйшее впечатлѣніе. Я готовъ былъ воротиться домой, но низенькій старичекъ, не отходившій отъ меня и продолжавшій жужжать мнѣ что-то въ уши, словно сторожилъ мое себялюбивое отступленіе. Отпѣваніе и сцены горести семейства, обморокъ старшей дочери — до конца

меня разстроили. Всѣ удивлялись желѣзной твердости Чувашева, ни однимъ движеніемъ не обнаруживавшаго своихъ чувствъ. Нѣкоторые, въ продолженіе обряда, шептались, осуждая дѣйствительное или мнимое равнодушіе Якова Степановича. Кто-то вполголоса называлъ его даже виновникомъ смерти жены, медленно ее отравлявшимъ. Это безжалостная выходка, кажется, долетѣла до его слуха: по-крайней-мѣрѣ я замѣтилъ въ ту минуту на лицѣ его выраженіе глубокой тоски, соединенной съ злостью...

Настало прощаніе передъ вѣчнымъ закрытіемъ гроба. Дочерей долго не могли оторвать отъ холодныхъ останковъ милой матери. Надежда Семеновна заливалась слезами. Глядя на нихъ, Шигоринъ пересталъ суетиться: у него также проступили въ глазахъ яркія капли. Чувашевъ, съ непостижимымъ, ледянымъ своимъ спокойствіемъ, поцѣловалъ жену въ лобъ, губы и руки, и отошелъ въ сторону...

— Поблѣднѣлъ, однакожъ! — тихо сказалъ мнѣ низенькій старичекъ.

— А вы думаете, что ему весело?

Гробъ закрыли и собирались нестъ къ могилѣ. Наташа вырвалась изъ объятій поддерживавшей ее подруги и снова бросилась къ нему, припала къ крышѣ, странно, но чрезвычайно живописно отшатнулась, и еслибъ не подбѣжалъ Шигоринъ, повалилась бы на полъ...

Не ограничиваясь порицаніемъ отца, низенькій старичекъ возсталъ и противъ дочери: ему не поправились трагическія будто бы позы Наташи — онъ сказалъ, что она *рисуеться*. Возможно ли было ему повѣрить?

При выносѣ гроба изъ церкви, толпа оттѣснила меня, и я не видѣлъ послѣднихъ сценъ горести у могилы; я пришелъ къ ней лишь въ то время, когда сестру и дочерей увели, «гости» удалились, и на краю засыпаемой ямы безмолвно стоялъ Чувашевъ, безъ шляпы, съ опущенными глазами. Косой дождь ударялъ ему прямо въ лицо.

— Такъ-то-съ!! — обращаясь къ нему, сказалъ низенькій старичекъ.

— Да, Катеньки нѣтъ!.. отвѣчалъ Яковъ Степановичъ, надѣлъ шляпу, завернулся въ шинель и пошелъ съ нами. Хорошо знаа Чувашева, ты не поймешь, сколько нѣжности и

силы было въ этихъ трехъ простыхъ словахъ его, тронувшихъ меня больше, чѣмъ слезы, рыданія и обмороки его дочерей. И мнѣ, больше нежели ихъ, стало жаль Якова Степановича, именно потому, что онъ былъ нѣсколько виноватъ.... сознание вины всегда увеличиваетъ страданіе. А въ его немногихъ и единственныхъ словахъ, быть-можетъ противъ его воли, высказывалось и страданіе, и горе, и воспоминаніе о доброй женѣ.... Быть-можетъ, при иѣмомъ съ нею прощаніи, не видя уже и гроба ея, заваленнаго глыбами сырой земли, онъ воскресилъ въ памяти своей первые, лучшіе годы женитьбы, и мысленно упрекалъ себя въ непостоянствѣ, во всѣхъ оскорбленіяхъ, перенесенныхъ ея сердцемъ и всегдашнюю, неизмѣнную къ нему привязанностию. Я не говорю о затворничествѣ покойной, не раздѣлявшей ни съ нимъ, ни съ дочерьми выѣздовъ въ свѣтъ, который онъ такъ любить не подъ лѣта и не по характеру своему — смѣси угрюмости съ вѣтряностью: для нее давно не существовало удовольствій — въ первой молодости, онъ убилъ въ ней склонность къ развлеченіямъ, пользуясь ими одинъ, на просторѣ и безъ помѣхи....

Къ стыду моему, я долженъ тебѣ покаяться, что всѣ эти разсужденія приспѣли гораздо позже. Человѣкъ — животное! Душевное часто уступаетъ въ немъ тѣлесному. Я промокъ до костей, озлябъ, и такъ, несмотря на ощущенія нравственныя, проголодался, что истинно обрадовался когда старичекъ мой шепнулъ мнѣ: «поминки будутъ справлены тутъ же, близъ кладбища, въ домѣ священника». Статья эта, кажется, капитально тогда занимала бывшего жениха Надежды Семеновны; онъ началъ даже благосклоннѣе отзываться о Чувашевѣ, который между-тѣмъ простился съ нами и поѣхалъ домой съ семействомъ. Не охотникъ я до чужихъ объѣдовъ вообще и до похоронныхъ въ особенности, но, въ заключеніе подробнаго описанія, не могу умолчать, что Яковъ Степановичъ не поскупился: объѣдъ и вина были превосходные, благодаря, конечно, не столько заботливости объ этомъ Чувашева, сколько распоряженіямъ Шигорина, хозяйничавшаго здѣсь, и угостившаго всѣхъ на славу. За третьимъ блюдомъ общество такъ зашумѣло, что если бѣ не сосѣдство кладбища, можно бѣ было подумать, что мы

празднуемъ какое-нибудь радостное событіе. Поощряемая ость-индскою мадерою, словоохотливость низенькаго старичка дошла до крайнихъ предѣловъ. Онъ, эпизодически, изложилъ передъ собесѣдниками почти всю жизнь свою, главнѣйше замѣчательную тѣмъ, что ему семь разъ отказывали въ сватовствѣ по разнымъ интригамъ и случайностямъ, къ числу которыхъ онъ не относилъ курносость, качество неизбежно интригующее порядочныхъ невѣстъ. Другіе гости также пускались въ откровенность; докторъ промолвился, что онъ едва-ли не ошибся относительно шявокъ, приставленныхъ къ лѣвому боку покойницы; Шигоринъ рассказывалъ преуморительные анекдоты, а когда стулья раздвинулись, Владиславъ Ивановичъ, съ чувствомъ протягивая ко мнѣ руку и съ трудомъ держась на ногахъ, возгласилъ: мы съ вами, Александръ Андреевичъ, сегодня еще увидимся?

— Гдѣ это? спросилъ я, удивленный.

— Какъ! Развѣ Краснопольскіе васъ не звали?

— Ахъ, да! У меня совсѣмъ изъ памяти вышло.... Ну, такъ до свиданія.... очень радъ!..

— Погода только скверная....

Въ самомъ дѣлѣ дождь лилъ какъ изъ ведра, но со мною были крытыя дрожки, и я не беспокоился на этотъ счетъ. Низенькій старичекъ не отставалъ отъ меня, объяснивъ, между прочимъ, что онъ тоже живетъ на Литейной, и мы отправились вдвоемъ. Всю дорогу онъ болталъ безъ умолку, въ сотый разъ повторяя, что Катерина Семеновна была «достойнѣйшая женщина, которой Яковъ Степановичъ не умѣлъ цѣнить, *методически* ее тирания», и выскочивъ у своей квартиры изъ экипажа, просилъ «о продолженіи лестнаго знакомства»....

Позволь отдохнуть. Письмо мое обращается въ тетрадь, и за двухмѣсячное молчаніе я вознаграждаю тебя чѣмъ-то въ родѣ повѣсти, завязка которой началась жизненною развязкою. Ты просилъ увѣдомить обстоятельно обо всемъ, что дѣлается у Чувашевыхъ и Краснопольскихъ, прибавляя: — хочу знать, чтобъ очистить свою совѣсть, и убѣдиться, въ какой мѣрѣ прошедшее обязываетъ меня въ настоящемъ. — Не совсѣмъ ясны для меня твои недоговоренныя слова; но безъ

сомнѣнія не пожалуешься, что я корреспондентъ лѣнливый... Мнѣ сдается, что ты... Не договорию, въ свою очередь...

Воротившись домой, усталый, утомленный, почти измученный, я сбросилъ съ себя фракъ, бросился на кушетку, и проспалъ до вечера. Било половину девятого, когда Демьянъ разбудилъ меня. Крѣпкій сонъ, въ продолженіе четырехъ часовъ, совершенно возстановилъ мои силы, поселилъ во мнѣ какое-то пріятное спокойствіе и расположеніе къ веселью. Нельзя было лучше приготовить къ свадебному пиру. Торопливо одѣвшись, я послѣдилъ по адресу, указанному въ пригласительномъ билетѣ. Совершеніе бракосочетанія назначалось въ домовой церкви***, не въ дальнемъ разстояніи отъ моей квартиры, и я не только не опоздалъ, напротивъ, явился раньше другихъ. Скоро, однакожь, собрались многіе, прилетѣлъ крайне озабоченный Шигоринъ и, въ сопровожденіи родныхъ, вошла невѣста, сіявшая девятнадцатилѣтнею красотою, счастіемъ и роскошнымъ убранствомъ...

Статья-можетъ, говоря о счастіи, которое написано было въ чертахъ ея лица; я вонзаю тебѣ скальпель въ сердце... какъ опытный хирургъ, который однимъ жестокимъ, но быстрымъ поворотомъ кончаетъ трудную операцію...

Сказать, что женщина, любившая насъ, радостно улыбается новому, предпочтенному любимцу, не значитъ ли разомъ уничтожить бесполезную, нелѣзную страсть? По-моему, малѣйшаго сомнѣнія въ отсутствіи взаимности достаточно для погашенія склонности гордаго человѣка... который, притомъ, и самъ заставилъ сомнѣваться въ силѣ ея, добровольно устроивъ разлуку, хотя и кратковременную...

Наташа была бы еще правѣе, если бъ также сдѣлала иной выборъ. Кажется, что ей нѣчего ожидать отъ времени. Изъ жалости къ ней, прошу тебя отвѣчать на послѣдній пунктъ рѣшительно...

Эти двѣ мысли занимали меня въ ожиданіи жениха, котораго я вовсе не знаю и никогда прежде не видалъ...

Ждутъ четверть часа, двадцать, тридцать минутъ — жениха нѣтъ...

Легкое облако досады показывается въ глазахъ невѣсты. Шигоринъ бѣгаетъ, выбѣгаетъ, спрашиваетъ, справляется...

Другой шаферъ со стороны жениха, молодой гвардеецъ,

увѣшанный крестами, добытыми грудью въ прошлогоднюю турецкую войну, также начинает тревожиться. Онъ тихо говоритъ Шигорину, что только за часъ времени былъ у жениха, который тогда уже велѣлъ подавать карету, и просилъ его ѣхать впередъ....

— Странно! вполголоса замѣчаетъ Шигоринъ.

— Странно! — повторяютъ вполголоса собравшіеся.

— Нынѣшняя молодежь очень неаккуратна — прибавляетъ не громче старый гусарскій майоръ: — и вообще, такъ-сказать....

Движеніемъ руки онъ дополнилъ смыслъ темной фразы....

Невѣста блѣднѣетъ....

Входятъ новыя лица, и между ими необыкновенно стройный, необыкновенно красивый гусарь, лѣтъ двадцати, не больше, по мундиру, одного полка съ майоромъ, который съ улыбкою грозилъ ему пальцемъ. Гвардеецъ въ крестахъ и Шигоринъ подходятъ къ нему.

Чело невѣсты проясняется. Это былъ женихъ.... До появленія его, я еще хотъ немного обвинялъ Елену за тебя: но въ описываемую минуту всякій упрекъ становился затруднительнымъ....

Молодой гусарь, теперь уже мужъ Елены, не чета намъ съ тобою! Что до меня, я никогда не имѣлъ притязаній на лестное вниманіе прекраснаго пола, и достигнувъ степенныхъ тридцати-пяти, не мечтаю о блистательной побѣдѣ, скромно прохожу мимо избраннѣйшихъ цвѣтковъ, довольствуясь издали ихъ благоуханіемъ. Но и ты, родившійся позже почти десятью годами, и ты, съ своею задумчивой, элегической профилію безукоризненной правильности, съ вкрадчивымъ взглядомъ карихъ глазъ и густыми волнами каштановыхъ кудрей, долженъ посторониться, волею-неволею. Скажу болѣе: самая красота Елены, когда они стали рядомъ, потеряла двадцать процентовъ. Юношу прелестнѣе не сыщешь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Одессѣ, ни даже, я думаю, въ Константинополь. А онъ еще, очевидно, былъ не въ духѣ, смущень, разстроень....

За всѣмъ тѣмъ (пусть будетъ въ словахъ моихъ противорѣчіе), онъ мнѣ не понравился. Я не физиономистъ, не изучалъ науки Лафатера и Галля, а полагаю, что эта ганимедов-

ская наружность — зеркало обманчивое. Смотрить онъ не поношески, безъ простоты и безпечности, свойственной его возрасту. Во время вѣнчанія онъ казался то недовольнымъ, то разсѣяннымъ, вовсе не занятымъ своею невѣстою, которая таяла отъ блаженства. Бѣдненькая... я желалъ бы ошибиться... можетъ-быть, ей не суждено долгое блаженство, и она скоро раскается, что не подождала твоего возвращенія...

Не я одинъ такъ думаю. Всѣ находятъ этотъ бракъ непонятнымъ... Говорятъ, что Краснопольскій обольстился богатствомъ жениха, и не разсчиталъ, что девятнадцатилѣтняя Елена *стара* для двадцатилѣтняго мужа...

Немногіе, одобряющіе этотъ бракъ, возражаютъ: молодые люди страстно влюбились другъ въ друга; глупо было бы со стороны отца, останавливаясь хронологіей, упустить завидную партію? Но ты не терпишь анахронисмовъ, и требуешь порядка въ повѣствованіи. Продолжаю, или, точнѣе, оканчиваю...

Въ небольшой домашней церкви, при многоядствѣ, было такъ тѣсно, что послѣ священнаго обряда я не могъ пробраться къ молодымъ — поздравить ихъ, и исполнилъ эту обязанность уже въ домъ Краснопольскаго, гдѣ встрѣтилъ насъ цѣлый оркестръ какихъ-то музыкантовъ...

— Будетъ великолѣпный балъ и ужинъ! мимоходомъ пустилъ мнѣ въ ухо Владиславъ Ивановичъ. — Краснопольскій, человекъ стараго вѣка, празднуетъ свадьбу своей дочери точь-въ-точь какъ нѣкогда праздновалъ собственную. Это, право, недурно; нужды нѣтъ, что не по послѣдней модѣ... Сухая ложка ротъ дерѣтъ... Шампанскаго взято три дюжины, а конфектъ тридцать фунтовъ; по цѣлому на каждую барыню и барышню...

Владиміръ Алексѣевичъ, во всемъ блюститель приличій и учтивостей старины, преобязательно представилъ меня своему зятю и познакомилъ съ нимъ. Странное замѣшательство и разсѣянность молодого прошли. Чтѣ за очаровательный голосъ, какіе утонченные у него манеры и даръ слова! Онъ говоритъ безъ запятыхъ. Мужчины восхищались его остротами и каламбурами; дамы не могли на него наглядѣться; по выраженію Шигорина, *такъ-сказать*, пожирали его глазами, называли плѣнительнымъ... За всѣмъ тѣмъ я не сълъ

бы играть съ нимъ въ карты, и не далъ бы ему займы ни гроша....

Судя по этому упорному, статья-можетъ, неосновательному предубѣжденію, неподумаешь ли, что и я былъ влюбленъ въ Елену? Неоспоримой ошибки не выйдетъ, потому-что я, болѣе или менѣе, влюбленъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, и оттого-то именно, до-сихъ-поръ, въ колебаніи и нерѣшимости, не сдѣлалъ еще исключительнаго выбора....

Нѣтъ, я не влюбленъ въ твою измѣнницу: но, будучи ревнивымъ и мстительнымъ другомъ, не преминулъ упрекнуть и уколоть ее за тебя....

Улучивъ удобную минуту, когда она была одна, я сказалъ ей, съ приличнымъ удареніемъ на словахъ:

— Душевно радуюсь вашему счастью, и полагаю, что Волжинскій порадуетса вдвое, потому-что онъ такъ любилъ васъ....

— Monsieur Волжинскій, отвѣчала Леночка съ небрежною и полупрезрительной улыбкой: вашъ monsieur Волжинскій любитъ многихъ, и ему радоваться или печалиться за всѣхъ не приходится....

— Платонъ Григорьевичъ, сколько мнѣ извѣстно, таилъ намѣреніе, которое скоро обнаружило бы его предпочтеніе....

— Платонъ Григорьевичъ таилъ не одно предпочтеніе. Сколько мнѣ извѣстно, не далѣе, какъ въ прошедшемъ году, его очень занимала какая-то Чувашева....

— Премилая дѣвушка! Ихъ три сестры, и всѣ прекрасны, какъ три граціи....

— Эти граціи, кажется, живутъ на Петербургской Сторонѣ....

— Да, у нихъ тамъ свой домъ. Чувашевы не скомпрометировали бы ни себя, ни хозяевъ, появившись, напримѣръ, въ Большой Морской или Милліонной. Съ ихъ воспитаніемъ, умомъ, наружностью, дарованіями....

— И манерами Петербургской Стороны....

— Гдѣ не нападаютъ гордо ни на какую сторону... Но я не хочу спорить съ вами въ день вашей свадьбы... я хочу только сказать, что средняя, Наташа, мастерски рисуетъ, рѣдкая музыкантша, прелестно поетъ....

— Да ей бы въ актрисы....

— Пощадите ее, хоть ради ея двойной утраты.... Давно ли у нея отняли любимаго человѣка.... а сегодня она похоронила мать...

— Ахъ, какая жалость! Впрочемъ всѣ умирають....

— Вотъ это первая истина, которую вы сказали. Каждого и каждую ждетъ свой жребій....

Послѣднія слова я произнесъ такимъ таинственнымъ и прощательнымъ тономъ, что Леночка слегка вздрогнула, взглянула на меня вопросительно и немного поблѣднѣла.

Въ это время къ намъ подходилъ Краснопольскій съ зятемъ. Довольный тѣмъ, что напугалъ ее, пролилъ каплю отравы въ полный бокалъ ея радости, я медленно отошелъ прочь, и вмѣшался въ толпу гостей, внимательно слушавшую гвардейца, который съ жаромъ разсказывалъ о Турціи и о счастливыхъ боевыхъ минутахъ, украсившихъ грудь его знаками отличія.

Старый маіоръ и еще какой-то отставной кавалеристъ, съ предлиннѣйшими усами и благороднѣйшимъ лицомъ заслуженнаго воина, прерывали его вопросами и замѣчаніями.... Ветераны, какъ водится, хвалились своимъ временемъ....

— Лихія, славныя дѣла! говорилъ отставной, обращаясь къ препоясанному саблею:— но авангардныя, въ-сравненіи съ *нашими побойцами!* Помнишь, дружище, Бородино, Кульмъ, Лейпцигъ?

Маіоръ пристукнулъ шпорами, подбоченился, но вдругъ опустилъ руку, вздохнулъ и уныло сказалъ:

— Другое поколѣніе сметаеть насъ.... мы отжили....

— Эпоха наша будетъ вѣчно жить въ исторіи!

Громъ бальной музыки прекратилъ эти героическія восклицанія и всегда любопытные военные разсказы. Быстро составились пары, и въ первой понеслись молодые....

— Ахъ, какъ онъ чудесно танцуетъ! Я почти помирился съ нимъ за его неподражаемую ловкость, любезность. Если я ошибаюсь на счетъ его нравственныхъ свойствъ, онъ просто совершенство.

Потомъ онъ танцовалъ съ другими, не обошелъ ни которой, всѣхъ свелъ съ ума, взволновалъ имъ сердце. Безъ сомнѣнія, не одна пылала сокровеннымъ желаніемъ быть на нѣ-

стѣ молодой. Я самъ даже ей позавидоваль: вѣдь этакого муженька подцѣпила!

Краснопольскій и его жена не слышали подъ собою паркета и выросли на старости....

Подробно описавъ похороны, не стану распространяться о свадебномъ балѣ. Послѣ молодыхъ, самымъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ капельмейстеръ. Онъ стоялъ на разстояніи пяти аршинъ отъ своего оркестра, который помѣщался въ углу боковой комнаты, и въ двухъ шагахъ отъ дверей залы, вѣроятно для того, чтобы удобнѣе слѣдить за фигурами танцевъ.... тогда-какъ многіе изъ танцовавшихъ созерцали его куріозную фигуру, гримасы лица, размахиваніе смычкомъ и притопываніе ногой. Онъ заслуживалъ кисти и рѣзца.

Хорошъ также былъ Шигоринъ. Потъ градомъ катилъ съ его раскраснѣвшихся щекъ. Онъ то устраивалъ танцы, то бѣгалъ въ буфетъ за новой серіей шампанскаго, за виноградомъ въ первобытномъ видѣ, фруктами и другими сладостями, не забывая при этихъ распоряженіяхъ промачивать и собственное горло, пересыхавшее отъ непрерывныхъ хлопотъ....

Молодыхъ нескончаемо поздравляли, напутствуя каждый тостъ всевозможными изобрѣтеніями привѣтствій и пожеланій. Молодой, по-необходимости, откланиваясь, благодаря, не пропускалъ ни одного бокала, и къ ужину красовался уже не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи, которое за столомъ, въ три часа ночи, совершенно утратилось. Сначала онъ сидѣлъ подлѣ своей блаженствовавшей супруги, а послѣ какъ-то очень ловко ускользнулъ отъ нее на противоположный конецъ лукулловской трапезы, гдѣ располагались холодастки и юноши. Въ числѣ послѣднихъ мнѣ указали на долговязаго, блѣднолицаго парня съ вдохновенными глазами, прибавивъ: «это поэтъ...» Шигоринъ цѣлый часъ приставалъ къ нему, непременно требуя отъ него приличныхъ случаю стиховъ.

— Васъ награждать рукоплесканіями, говорилъ онъ.

— Извините, отвѣчалъ стихотворецъ: я не мастеръ ни сочинять эпиграммы, ни еще менѣе торжественно произносить ихъ. Смирная муза моя любитъ уединеніе, безмолвствуя въ шумъ праздниковъ. Рукоплесканіями награждаютъ героевъ.... Скромная поэзія уклоняется отъ подобныхъ возмездій....

— Скромная, но важная, она домогается *впиковъ*, прервалъ молодой. — Конечно, вамъ, будущему Пушкину, не лестно....

Взглядъ и движеніе стихотворца остановили окончаніе фразы. Шигоринъ искусно замялъ сцену, готовую вспыхнуть. Дамы уже встали изъ-за стола, музыканты строили скрипки къ послѣужиннымъ танцамъ. На лицѣ молодой замѣтны были утомленіе и томленіе. Восхитительный подъ хмѣлькомъ супругъ Леночки, казалось, и не помышлялъ о порѣ отдохновенія. Я отыскалъ свою шляпу, и тихонько улизнулъ, вмѣстѣ съ стихотворцемъ, который мнѣ очень полюбился, помимо его пѣснопѣній, мало покамѣстъ извѣстныхъ въ публикѣ. Шигоринъ говоритъ, что онъ написалъ нѣсколько удачныхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ журналахъ, и теперь трудится надъ какою-то обширною «мечтою» или фантастическою поэмою въ сорока главахъ....

Спустя два дня, то-есть вчера, я посѣтилъ Чувашевыхъ. Его не было дома. Надежда Семеновна больна. Меня приняли дочери. Первая горестъ ихъ утихла, и я осмѣлился заговорить о тебѣ, довелъ до свѣдѣнія Наташи о замужствѣ Леночки, ея соперницы, болѣе не опасной. Мгновенная радость блеснула въ ея глазахъ....

— Можно надѣяться, что вѣтряникъ исправится, сказалъ я: возвратится къ прежней своей склонности....

— Богъ съ нимъ!... Онъ пишетъ къ вамъ?

— Да.... завтра отправляю къ нему длинное посланіе, на пяти почтовыхъ листахъ....

— По почтѣ?

— Нѣтъ.... завезетъ, по дорогѣ, деревенскій мой староста, прїѣзжавшій въ Петербургъ съ отчетами....

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ, Александръ Андреевичъ, отправить къ москѣ Волжинскому маленькую и отъ меня посылку?

— Охотно исполню ваше порученіе.

Не скрою, что сердце мое сильно забилось при этомъ отвѣтѣ.

Она удалилась въ свою комнату, и черезъ нѣсколько минутъ принесла оттуда запечатанный ящичекъ, который, вмѣстѣ съ письмомъ моимъ, вручить тебѣ Игнатій. Кстати, если онъ будетъ пьянъ, и съ нимъ иногда случается, несоот-

вѣтственно многимъ его неоцѣненнымъ достоинствомъ, дай ему строгое наставленіе....

Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отзыва, и, между прочимъ, увѣдомленія, въ чемъ состоитъ посылка Наташи, если только это не секретъ даже отъ друга? Не могу выразить, сколько участія принимаю въ этой бѣдной дѣвушкѣ....

Весь и всегда твой....

II.

Чувашевъ къ Краснопольскому.

Милостивый государь

Владиміръ Алексѣевичъ!

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 23 сего октября отвѣчаю немедленно. Вексель, въ одиннадцать тысячъ рублей, два года тому данный вамъ господиномъ Расщепинымъ, я купить нахожусь въ невозможности, несмотря на предлагаемыя вами весьма выгодныя условія. Дѣла его, какъ всѣмъ извѣстно, въ крайне-сомнительномъ положеніи, а мои собственные также въ послѣднее время поразстроились. На прошедшей недѣлѣ я имѣлъ несчастіе схоронить жену, значительно по сему случаю поиздержавшись, а одновременно съ тѣмъ, компаніонъ мой по мыловаренному заведенію отказался отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ предпріятіи, бремя котораго лежитъ теперь на мнѣ одномъ, при расходахъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ многочисленнаго семейства. Искренне сожалея, что, вопреки душевному моему желанію, не въ силахъ быть вамъ полезенъ, приѣмлю смѣлость всепокорнѣйше просить благосклонно принять увѣреніе въ отличнѣйшемъ почитаніи, съ которымъ, впрочемъ, имѣю честь быть вамъ, милостивый государь, усерднѣйшимъ слугою....

24 октября 1830.

Краснопольскій къ Селецкому.

По совѣту вашему, многоуважаемый Александръ Андреевичъ, обращался я къ г. Чувашеву, но, какъ увидите изъ прилагаемаго, въ подлинникѣ, письма его, неудачно! Приязнь съ вами и съ покойнымъ вашимъ родителемъ заставила

жену мою *все* открыть вамъ, и, слѣдовательно, я избавляюсь горести повторять причины, вынуждающія меня, во что бы то ни стало, занять хотя пять тысячъ. Къ-несчастію, ничего не могу предложить въ залогъ, кромѣ моего честнаго слова. Долженъ ли я договаривать? Я былъ бы вамъ по гробъ обязанъ, если бъ вы, любезный другъ и сынъ моего стараго товарища, выручили меня. На нѣтъ и суда нѣтъ, а есть лишнія, такъ подѣлитесь великодушно! По-крайней-мѣрѣ, не замедлите отвѣтомъ, чтобы я не питался напрасно единственною, послѣднею надеждою. Вотъ живемъ въ какія времена: пяти тысячъ не вымолишь ни у пріятелей, ни у ростовщиковъ!...

27 октября 1850.

Леночка къ подругѣ, въ Курскѣ.

(Черезъ мѣсяць послѣ свадьбы.)

Ахъ, какъ я жестоко наказана! За немного дней блаженства, буквально дней, плачѣ горькими слезами, позднимъ и бесполезнымъ раскаяніемъ. Я замужемъ — и безъ мужа! Мой медовый мѣсяць продолжался только одну недѣлю. Сердцу будетъ легче, когда подѣлюсь съ тобой моимъ горемъ, расскажу тебѣ о своихъ страданіяхъ. Недавно еще я думала, что страданія выдуманы романистами и поэтами, что несчастія существуютъ только въ воображеніи и въ книгахъ. Увы, слишкомъ рано и незаслуженно убѣдилась я въ противномъ, убѣдилась на самой себѣ! Внезапная судьба моя — настоящій романъ. Выслушай меня, добрая Вѣрочка, и пожалѣй покинутую Леночку, лучшаго твоего пансіонскаго друга!

Несправедливо говорю я, что несчастіе мое незаслуженное. Оно пришло не совсѣмъ безъ вины: я замужемъ — не за Волжинскимъ, благороднымъ, хотя и очень страннымъ человѣкомъ. Ты удивляешься... можетъ-быть, мысленно осуждаешь мою неожиданную переменъ, переходчивость моихъ чувствъ... Не суди строго. Я виновата, но не столько и не такъ умышленно, какъ съ перваго взгляда кажется. Расскажу тебѣ все по порядку...

Волжинскій, никогда, ни мнѣ, ни батюшкѣ, не дѣлалъ формальнаго предложенія; разъ лишь намекнулъ мамашкѣ о

своемъ намѣреніи, и въ разговорахъ со мною давалъ его замѣтить. Къ чему же это обязывало? Онъ мнѣ не былъ противенъ, и я не скрывала отъ него моей къ нему привязанности. Онъ за мною ухаживалъ, ѣздилъ къ намъ почти ежедневно, и частыя свиданія, разумѣется, увеличивали взаимную склонность, въ которой, однакожь, съ обѣихъ сторонъ не было страсти сильной, не было того, что составляетъ любовь истинную, непреодолимую. Иначе, я не вышла бы за другаго, а онъ не уѣзжалъ бы изъ Петербурга, потому-что отъ него зависѣло остаться, не переходить въ армію.

Эта разлука была уже не первую со времени нашего знакомства, которое продолжалось болѣе года. Прошлою зимою его посылали по службѣ верстъ за тысячу, и онъ писалъ ко мнѣ оттуда. Нѣжныя его посланія я получала черезъ его пріятеля, Селецкаго, тоже престрашнаго человѣка, отчасти двусмысленнаго, злаго ироника и насмѣшника, вѣчно говорящаго полузагадками. Конечно, мнѣ не слѣдовало принимать этихъ писемъ, адресованныхъ не прямымъ путемъ: но тогда я была увѣрена, что Волжинскій, по возвращеніи, потребуетъ моей руки. Я ошиблась. Богъ вѣсть почему, онъ старался продлить роль влюбленнаго жениха-нежениха. Впоследствии я узнала, что незадолго до знакомства съ нами — его ввелъ тотъ же Селецкій — подобныя отношенія связывали его съ одною красавицею Петербургской Стороны. Стать-ся-можетъ, и въ другихъ частяхъ города поразсыяны частички его сердца. Какъ бы то ни было, онъ не сватался, и мнѣ уже начинали надоедать его вздохи, намеки. Блистательной партией Волжинскаго не считаютъ. Онъ хорошъ собою, но не знатенъ, не богатъ, и едва-ли сдѣлаетъ каррьеру, потому-что у него безпокойный, ссорливый характеръ. Говорятъ, онъ нигдѣ, ни съ кѣмъ не уживается, и даже, однажды, задушевнаго друга своего, Селецкаго, вызвалъ, съ-горяча....

Въ апрѣль вдругъ онъ объявилъ мнѣ:

— Елена Владиміровна, я ѣду.... Не пугайтесь; не далеко, и не надолго....

— Чего мнѣ пугаться, отвѣчала я съ досадою. — Побѣжайте, Богъ съ вами, куда угодно, и на сколько хотите! Извѣстно,

вамъ не посидится. У васъ болѣзнь путешествовать. То вы проситесь въ командировку, то....

— Въ переводѣ, добавилъ онъ: вы угадали, я переведенъ, и по желанію, и не по желанію. Обстоятельства....

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ обстоятельствъ. Что мы другъ другу? *чужіе*....

— Не сердитесь. Зимую я отпрошусь въ отпускъ, и мы какъ-нибудь поладимъ, помиримся...

Онъ всталъ, поцѣловалъ мнѣ руку, осмѣлился крѣпко пожать ее, такъ-что я чуть не вскрикнула; потомъ пошелъ проститься съ батюшкой, съ маменькой, которыхъ тоже удивилъ — и былъ таковъ, уѣхалъ! Съ-тѣхъ-поръ мы не видались, и не переписывались, какъ въ первую разлуку. Я запретила ему это. Меня, въ ту минуту, злость взяла. Признаться, я его немножко любила, именно за его крутой нравъ и оригинальности. Они шли ему къ лицу, къ голосу, ровному, безмятежному, какія бы штуки онъ не выкидывалъ....

Прошло около полугода. Ни вѣсточки, ни слуха о немъ. Не писалъ — послушался, негодный! И Селецкій молчалъ — ни словечка о своемъ пріятелѣ, а между-тѣмъ хитро, косвенно подсмѣивался надо мной, и — представь себѣ — какая дерзость! самъ сталъ мнѣ куры строить. Ну, ужъ я его отдѣлала! Отретировался. За нимъ явился третій искатель, новый, случайный знакомецъ. Тутъ все перепуталось. Я смертельно влюбилась, и пусть бы мнѣ заранѣе предсказали мою участь, я не разлюбила бы, все-таки вышла бы за него....

Ахъ, когда бъ ты видѣла моего мужа! Идеалы фантазіи — ничто передъ нимъ, а съ Волжинскимъ смѣшно и сравнивать. Викторъ только двумя годами старѣе меня, еще не брѣется и если бъ его нарядить въ женское платье, подумали бы, что дѣвушка. Въ гусарскомъ же мундирѣ онъ прелестнѣйшій юноша!

Характеромъ онъ не въ Волжинскаго, не Фабій-медлитель. Едва познакомился у насъ въ домъ, какъ ужъ и объяснился со мною, и рѣшительно переговорилъ съ батюшкой. Дали согласіе, помолвили насъ, обручили, и черезъ двѣ недѣли подъ вѣнецъ. Не дождались отвѣта на письмо его къ старушкѣ-матери, которая, по словамъ его, души въ немъ не

слышать. Ахъ, вѣрю, и теперь вѣрю — сердца моего въ немъ не слышу!

Батюшка спѣшилъ, опасаясь, чтобъ молодой человекъ не передумалъ, и чтобъ ожидаемый отвѣтъ не былъ неблагопріятенъ. Онъ наследуетъ послѣ тѣтки огромное имѣніе въ трехъ губерніяхъ....

Разочарованія и огорченія мои начались съ самаго вечера свадьбы. Во-первыхъ, женихъ заставилъ себя дожидаться въ церкви; во-вторыхъ, Селецкій кольнулъ меня измѣною его другу, предсказывалъ мнѣ что-то злое; въ-третьихъ, муженекъ мой за ужиномъ черезъ-чуръ развеселился, то-есть, скажу прямо, былъ навеселъ. Я осмѣлилась его пожурить. Онъ расхохотался. Я заплакала, и едва утѣшилась его ласками, поцѣлуями. Пять дней потомъ имъ нельзя было налюбоваться: онъ истощался въ нѣжностяхъ, угожденіяхъ. Я сулила себѣ цѣлый вѣкъ неизобразимаго счастья. На шестой онъ вдругъ нахмурился, сталъ мраченъ и холоденъ, какъ осеннее утро. Мы были одни.

— *Вашъ* папенька, сказалъ онъ медленно, отказываясь отъ кофе, который я сама ему налила — *вашъ* папенька, кажется, забылъ о приданомъ: а на будущей недѣлѣ истекаетъ срокъ моего отпуска. Съ *чѣмъ* и *какъ* мы выѣдемъ?

Я взглянула на него не безъ удивленія, думая, что онъ шутитъ: но онъ вовсе, повидимому, не шутилъ.

— Приданое, говорите, отвѣчала я, невольно дрожа отъ страха, внушеннаго его строгимъ и суровымъ голосомъ. *Вы* такъ богаты, что папенькѣ, конечно, не приходило и въ мысль оскорбить васъ предложеніемъ какой-нибудь незначительности....

— Богатъ?... да, правда, я точно, можетъ-быть, богатъ; но и у богачей, случается, не бываетъ денегъ. Я вамъ ближайшій примѣръ: у меня теперь нѣтъ ни копѣйки....

Я опять подумала, что онъ продолжаетъ шутить, и снова посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Чтò вы *таращите* глаза, какъ въ комедіи. Я не актеръ, и спрашиваю васъ серьезно?

Прекрасное лицо его исказилось гнѣвомъ. Дыханіе замирало въ моей груди.

— Послушайте, сказалъ онъ еще медленнѣе: поговоримъ откровенно. Что намъ другъ друга морочить!...

Мнѣ становилось дурно; я готова была упасть въ обморокъ.

Онъ это замѣтилъ, всталъ, отыскалъ на столѣ стекляночку со спиртомъ, и заставилъ меня понюхать.

— Ну, слушайте же! Я женился на васъ экспромтомъ... потому-что вы, чортъ возьми, прехорошенькая женщина! этого у васъ никто не отниметъ. Въ продолженіе моего отъезда я порядкомъ покутилъ въ Петербургѣ... спустилъ, въ четыре мѣсяца, тысячу двадцать, отчасти на разныя разности, игрушки и потѣхи, отчасти на карточку, тоже игрушку или игру... Искусники поочистили мой карманъ. Одинъ изъ нихъ, великодушный, предложилъ отыгратъ... по условію, прѣхалъ ко мнѣ въ самый вечеръ нашей свадьбы... Два счастья не каждому приходятъ разомъ: жену я выигралъ, а *пятьдесятъ-два* оказались враждебными: я остался долженъ ему, на честное слово, полторы тысячи. Онъ требуетъ уплаты до отъѣзда. Пусть вашъ папа дастъ мнѣ хоть десять тысячъ... взаимны, пожалуй... Вѣдь надобно же отправиться прилично, и расходовъ дорожныхъ не мало...

— Боже мой, вы игрокъ! Какъ я обманулась!!

— Да, если угодно, мы обманулись взаимно... я тоже сдѣлалъ кой-какія неожиданныя открытія...

Въ третій разъ я взглянула на него съ удивленіемъ.

— Опять странные, вопросительные взгляды, сказалъ онъ спокойно:— а тутъ вы знаете больше моего... тутъ, съ позволенія вашего, вина уже на другой сторонѣ... Я полагаю, что, вмѣстѣ съ рукою, вы отдавали мнѣ сердце чистое, дѣвственное; а вотъ эти письма доказываютъ, что оно не весьма давно принадлежало какому-то господину Волжинскому... Еще обманутый и обманувшійся!... Слѣдовало, по крайней мѣрѣ, уничтожить ихъ, или припрятать подальше... я нечаянно нашелъ ихъ въ вашемъ туалетѣ...

Что онъ говорилъ послѣ, я не слышала, потому-что была почти безъ чувствъ, въ безпамятствѣ, одуреніи. Онъ по-прежнему взялъ стекляночку, и когда спиртъ не помогъ, брызнулъ мнѣ въ лицо холодною водою изъ графина.

Черезъ нѣсколько минутъ я пришла въ себя, призвала на помощь гордость. Не оправдываясь, я сказала ему:

— Эти письма ничего не доказываютъ, кромѣ вашей жестокости. Я не припрятывала ихъ оттого, что намѣревалась сама показать вамъ, не считая необходимымъ таить — вздоръ!... Мосѣ Волжинскій мнѣ нравился... вы понравились больше, и я вышла за васъ.... очень просто....

— И наивно, прервалъ онъ. — Судя по такому постоянству, я въ правѣ предположить, что позднѣе кто-нибудь понравился бы еще больше....

— Можетъ-быть.... все случается, по вашему выраженію...

Онъ догадался, что нашла коса на камень, и перемѣнилъ тонъ, заговорилъ гораздо снисходительнѣе, уступчивѣе. Последнія слова его были :

— Прошедшаго не воротишь; позаботимся о настоящемъ. Поговорите съ батюшкой — безъ десяти тысячъ намъ не выѣхать изъ Петербурга, или придется выѣхать мнѣ одному, и то заложивъ вещи...

— Такъ и сказать батюшкѣ.... все ?

— Такъ и скажите.... все.... за чѣмъ скрываться отъ отца. Временное мое безденежье не преступленіе....

— А играть перестанете ?...

— Зарека не даю. Будущее потѣмки....

— Ахъ, для меня оно ясно !

Не отвѣчая, онъ набилъ и закурилъ трубку....

Батюшка изумился и огорчился не менѣе; велѣлъ мнѣ молчать, и въ тотъ же день сталъ хлопотать о деньгахъ. Всѣ отказали, даже и этотъ эгоистъ Селецкій, не смотря на близкія отношенія къ нашему дому. Впрочемъ, вѣроятно, у него и не было денегъ — онъ ищетъ богатой невѣсты, чтобы обезпечить себя, говорить, и наслаждаться жизнью. Короче, куда батюшка ни бросался, не успѣлъ достать и половины требуемой суммы....

Дорогой муженекъ, противъ ожиданія, очень равнодушно выслушалъ донесеніе мое о такомъ печальномъ результатѣ. На семейномъ совѣтѣ рѣшили отпустить его одного; для свѣта избрѣли предлогъ, почему я должна остаться нѣкоторое время у родителей. О Волжинскомъ, между мною и мужемъ, помина не было съ того утра, и въ одно утро мы расста-

лись друзьями, совершенно примирившись. Я плакала навзрыдъ; папенька и маменька вторили мнѣ; у него тоже пробились двѣ-три слезинки, и на поблѣднѣвшемъ лицѣ его я читала непритворную, казалось, горестъ.

Писемъ отъ него мы еще не получали, а вчера.... о Вѣрочка!... Селецкій принесъ къ намъ нумеръ Инвалида, въ которомъ напечатано, что мужъ мой, по домашнимъ обстоятельствамъ, увольняется отъ службы....

Какія это домашнія обстоятельства.... почему онъ не предупредилъ насъ?... я ничего не понимаю въ запутанной судьбѣ моей!

Я была въ отчаяніи, а Селецкій улыбался....

Не въ-силахъ писать болѣе.... Прощай; будь счастливѣе меня....

III.

Волжсинскій къ Селецкому.

Сельцо Закамповка, близъ ***.
3 ноября 1850.

Ты, Александръ Андреевичъ, пріятель чрезвычайно услужливый, обязательный, но психологъ, извини, преплохой. Съ чего тебѣ вздумалось, будто сердце мое разорвется на части при неожиданномъ извѣстїи о замужствѣ Елены Владиміровны Краснопольской! Сердце свое я берегу въ цѣлости, потому-что въ разорванномъ состоянїи оно годится только на поживу медикамъ или анатомическаго ножа, и вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно радуюсь, когда хорошенькая дѣвушка находитъ себѣ достойнаго супруга. Чтó можетъ быть жалостнѣе зрѣлища одиноко-увядающей красоты? Старая дѣва — это изсохшій, обвалившійся цвѣтъ, благоуханїемъ котораго никто не наслаждался, который бесполезно погибъ въ пустынѣ, подъ пятою верблюда или осла....

Ты, конечно, ожидалъ отъ меня тоскливой элегіи, *раздирающихъ* душу воплей, сѣтованїй на непостоянство, измѣну, и видишь, что я улыбаюсь, смѣюсь не хуже тебя, съ тою разницей, что въ моей улыбкѣ нѣтъ горечи, и смѣхъ мой не холоденъ, какъ твой.... Мнѣ, напротивъ, очень сладко и тепло!

Дружески освободи меня отъ систематическаго отвѣта по пунктамъ, къ чему ты сдѣлалъ давнюю привычку, составляя пунктуальныя и обстоятельныя докладныя записки. Я врагъ методъ и курсовъ въ жизни. Какъ-только человѣкъ пускается въ систему, онъ перестаетъ быть счастливымъ. По этой, полагаю, причинѣ все философы міра, отъ Сократа до Гегеля включительно, не научили людей счастью, и лично имъ не воспользовались. Одинъ самъ выпилъ ядъ, другой разливаетъ его въ умозрительныхъ тонкостяхъ. Мнѣ ли, уса-тому ротмистру, разбирать эти тонкія нити — работу угольныхъ пауковъ, которыхъ я безпощадно сгоняю, гдѣ бы они ни начали ткать свои интриги, уловляющія пыль и мухъ. Слѣдуя обычаю великаго героя древности, я, своею саблею, разрубаю мудреные узлы: скучно ихъ распутывать!

Ты давно знаешь, что единственное мое внѣшнее правило — безпорядокъ: его найдешь и въ этомъ отвѣтѣ, на томъ основаніи, что я не люблю сочинительски обдумывать и обтачивать пріятельскія письма....

Да и какого порядка требовать отъ человѣка, когда его прошедшее, настоящее и будущее представляютъ какой-то хаосъ, очень, впрочемъ, милый и привлекательный? Я не люблю ни подстриженныхъ деревьевъ, ни правильныхъ дорожекъ въ садахъ съ искусственными озерками и гротами, ни на-румяненныхъ женщинъ, ни стариковъ въ парикахъ и съ разглаженными морщинами. Я люблю все въ своемъ естественномъ видѣ и на своемъ мѣстѣ: посыпанныя кирпичнымъ песочкомъ аллеи на петербургскихъ дачахъ, старость въ сѣдинахъ, румяны въ театрѣ, и такъ далѣе. Это, ежели тебѣ угодно, истинный порядокъ, при которомъ и остаюсь....

Чувашева умерла, я измѣнилъ ея дочери, Краснопольская измѣнила мнѣ и вышла замужъ, у сосѣда моего, здѣшняго помѣщика, Петра Ивановича Чижа, родился сынъ — все это вещи чрезвычайно старья, и я удивляюсь, какъ можно ихъ выдавать за новость, да еще и важную, по твоимъ словамъ. То и другое, третье и четвертое, пятое и десятое угадывалось заранѣе....

У Катерины Семеновны давно въ лицѣ не было жизни..... ни кровинки. Яковъ Степановичъ, за котораго ты такъ усердно вступаешься, точилъ ее по каплѣ, гомеопатически. Упала

послѣдняя, и — ее не стало!... Изъ всѣхъ горестей и эффектовъ твоей «повѣсти», лишь эта одна дошла по адресу, произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Въ глубинѣ сердца я помолился о ней, объ успокоеніи ея долго-тревожной души....

Пишешь, что Чувашевъ внутренно жалѣеть о женѣ.... Какое рѣдкое человѣческое чувство! Тигры и медвѣди ревуть передъ растерзанными трупами своихъ самокъ....

Что касается Наташи, она скоро утѣшится въ обѣихъ потеряхъ. Смерть матери доставитъ ей не одну «граціозную позу». *Рисуясь*, она плѣнитъ и тебя, и какого-нибудь новаго знакомца своею рассчитанною печалью, своимъ *изящнымъ* уныніемъ. Эти несчастныя позы были причиной, почему я мало-по-малу охладѣлъ къ ней, не говоря уже о томъ, что Краснопольская — видишь, я не мстителенъ и не злопамятенъ — умою и красотой гораздо ее превосходить.... Повѣрь, что у нее есть уже кандидатъ-преемникъ: иначе она не возвратила бы мнѣ акварельнаго моего портрета, за что я ей премного, впрочемъ, благодаренъ. Портретъ очень похожъ, и современемъ, когда я стану на себя не похожъ, пріятно будетъ полюбоваться экземпляромъ молодости.... Однакожъ, я вовсе не располагаю взаимно отослать ей миньатюрный ея портретъ, писанный на слоновой кости — не хочу разрознить интересной коллекціи своихъ воспоминаній.... Винюсь.... вскрывъ ящичекъ, найдя въ немъ эту «посылку», я искалъ письма, записочки, двухъ словъ карандашемъ на лоскуткѣ бумаги.... Ничего! Этимъ безмолвнымъ, презрительнымъ возвращеніемъ все сказано, тогда-какъ, послѣ замужства Елены, она могла бы еще надѣяться. Съ другой стороны, она хорошо сдѣлала, что не увлеклась сомнительною надеждою на мое великодушіе, состраданіе. Насильно милымъ или милой нельзя быть.... Живи еще Катерина Семеновна, статья-можетъ, для ея материнской любви, я уступилъ бы.... Женитьба на Наташѣ заставила бы эту вострушку Леночку подумать, что наши отношенія были только шалостью, что я просто за нею волочился, сохраняя сердце и серьезныя намѣренія въ пользу Петербургской Стороны. Теперь кончено со всѣхъ петербургскихъ сторонъ....

Скептикъ и лицемѣръ, ты готовъ утверждать, что я тоже

«рисуюсь», облакаю въ литыя фразы свое негодованіе, оскорбленіе.... что въ нихъ затаено обиженное самолюбіе, не угасшее чувство. Время докажетъ твою ошибку и мою искренность....

О чемъ сокрушаться? Не должно ли быть признательнымъ судьбѣ, на вѣкъ раздѣлившей меня съ Краснопольскою? Полгода тому я слышалъ изъ устъ ея нѣжнѣйшее признаніе.... теперь тѣ же уста произнесли другому неразрывную клятву.... И кто этотъ другой? Какой-то залетный молодчикъ, образцовый, правда, какъ ты пишешь, красавчикъ.... Удивительное оправданіе, логическое предпочтеніе! Женщина, способная такъ быстро оставлять прежнія привязанности, ищущая въ мужѣ скорѣе достоинствъ натурщика, нежели человѣка, хранителя ея счастья, ея заступника и покровителя, право, не находка и не лишеніе!.... Наташа отмщена, я за нее наказанъ, и ни слова болѣе о моихъ петербургскихъ «невѣстахъ», которыя справедливо могутъ смѣяться, потому-что все это дѣйствительно смѣшно. Въ Петербургъ я не покажусь... не изъ боязни, что въ блистательномъ, многолюдномъ маскарадѣ, въ домѣ Энгельгардта, какая-нибудь прелестная интригантка, провѣдавшая о моей неудачѣ, назоветъ меня, издѣваясь, забракованнымъ, какъ кавалерійскаго коня, а потому, что мнѣ нечего дѣлать въ вашей сѣверной Пальмирѣ. Я знаю ее наизусть: все же, что вытвержено мною въ совершенствѣ, не привлекаетъ долѣе мою любознательность. Исчезло очарованіе новизны, и я переселяюсь. Новыя мѣста, новыя лица поддерживаютъ огонь моего существованія; ояъ немедленно потухаетъ при однообразіи и повтореніяхъ. Не хвалюсь — качество не похвальное.... но продолжай любить меня со всѣми моими слабостями и недостатками. Тебѣ извѣстно, что послѣднее, то-есть нынѣшнее, переселеніе мое не было слѣдствіемъ вполне свободнаго выбора — однакожь, я вполне доволенъ. Разсѣянная, безконечно разсѣянная жизнь столицы не давала мнѣ ни внимательно заглядывать въ самого себя, ни читать — необходимое условіе вѣка, пренебрегая которымъ отстаешь въ годъ цѣлымъ вѣкомъ. Здѣсь, случайно, нашелъ я избранную бібліотеку: въ ней собраны лучшіе писатели, такъ называемые классики просвѣщеннѣйшихъ временъ и народовъ, постоянно пополняемые новѣйшими произведеніями француз-

ской, нѣмецкой и англійской литературы. Словесность отечественная также не въ забвеніи: Выжигинъ, Юрій Милославскій, Монастырка, пеходили вдоль и поперегъ два смежные уѣзда, вмѣстѣ съ журнальными критиками на эти почти первые у насъ романы. Провинціалы безпристрастны, и на досугъ очень основательно сличаютъ приговоры съ приговариваемымъ. Строгій судъ, произнесенный Сѣвѣрною Пчелою надъ VII главой Оиѣгина, огорчилъ здѣсь всѣ юныя головки мечтательныхъ барышень, которыя въ восхищеніи отъ стихотворнаго романа Пушкина, списываемаго ими въ тетрадки, сшитыя розовыми ленточками, или въ нарядные альбомы — изысканный подарокъ губернскихъ любезниковъ....

Край нашъ очень литературный. Мы имѣемъ даже мѣстнаго поэта, который собирается отправить въ «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» огромную тучу стишковъ, хранящихся покамѣстъ въ домашнемъ его архивѣ. Сатирикъ, какъ всѣ областные питомцы музъ, недавно онъ описалъ, въ презабѣдливыхъ виршахъ, главнѣйшихъ здѣшнихъ оригиналовъ, мужеска и женеска пола. Досталось имъ, а потомъ, въ свою очередь, и ему! Двери нѣкоторыхъ домовъ затворились для него навѣки, съ объявленіемъ наслѣдственнаго мщенія. Два, три уѣздные удалца грозились вызвать дерзкаго стихотворца, а нѣкто Зашибинъ, отставной капитанъ екатерининскихъ временъ, намѣревался просто поколотить или высѣчь его, сына Аполлонова. Разумѣется, что все это ограничилось одними словами, и буря скоро утихла, особенно, когда поэтъ, спохватившись, оставилъ насмѣшливые хорей, и четырехъ-стопнымъ ямбомъ примирительно воспѣлъ сосѣдскихъ супруговъ и дочерей. Во главѣ этого пѣснопѣнія, двѣ восторженныя строфы посвящены первой здѣшной красавицѣ... Мери... мизинчику... какъ ее обыкновенно здѣсь называютъ....

Я не такъ выразился, назвавъ ее первую здѣшнюю красавицей: она вездѣ была бы первую. Этотъ роскошный цвѣтокъ и вышеупомянутая избранная библіотека составляютъ принадлежность усадьбы Тамаринской. Она въ семи верстахъ отъ деревни, въ которой стоитъ мой эскадронъ, и въ осьми отъ смежной Закатиловки, почти опустѣлаго сельца, гдѣ расположился я въ старомъ, покинутомъ господскомъ домѣ....

Къ Тамаринскому проложена гладкая, широкая дорога. Съ трехъ сторонъ окружено оно густыми рощами; впереди озеро, за озеромъ дремучій лѣсъ, за лѣсомъ горы, и подъ горами рѣка. Трудно найти мѣстоположеніе разнообразіе и живописнѣе...

Прилагаю рисунокъ, плодъ моей досужей кисти. Въ главномъ, посрединѣ, зданіи превосходное устройство комнатъ. Все придумано для спокойствія и удобства. У отца особая половина; у жены его также; каждой дочери предоставлено небольшое отдѣленіе; чайная и столовая общія. Тутъ, въ извѣстные часы, сходится все семейство, въ кругъ котораго введены: управитель, честный, обѣднѣвшій дворянинъ; бывшій учитель сыновей, пристроенный навсегда въ домъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ они поступили въ корпусъ; гувернантки, компаніонки и двѣ дальнія пожилыя родственницы, завѣдывающія хозяйствомъ, съ мѣньшими обязанностями и отвѣтственностью, нежели Надежда Семеновна у Чувашева....

По сторонамъ главнаго зданія ты видишь два чистые, красивые флигеля. Въ одномъ помѣщается прислуга, весьма не малочисленная; въ другомъ нѣчто въ родѣ богадѣльни, прирѣвующей дряхлыхъ, одинокихъ старцевъ-крестьянъ, увѣчныхъ старухъ и сиротъ....

Низенькая ограда, со стороны дороги, придаетъ усадьбѣ симметрію и порядокъ. Въ ворота ея, по воскресеньямъ къ обѣду, а по середамъ на вечеръ, въѣзжаютъ всевозможные здѣшніе экипажи, цѣлый околотокъ, потому-что всѣ любятъ ея добрыхъ, почтенныхъ хозяевъ и милыхъ юныхъ хозяюшекъ. Позволь познакомить тебя съ ними.

Павель Петровичъ Ознобинъ, лѣтъ пятидесяти-пяти, бодрый, свѣжій, хотя и тучный мужчина, служилъ въ кирасирахъ и гусарахъ, дрался подъ Аустерлицемъ, Эйлау, при Тарутинѣ, на берегахъ Березины и у стѣнъ Парижа. Образованный, просвѣщенный, онъ мастерски рассказываетъ о времени великихъ войнъ, прославившихъ наше любезное, дорогое отечество, всегда скромно устраниая изъ этихъ разсказовъ собственную личность. Разъ только проговорился: «я тогда командовалъ полкомъ....» У него много крестовъ и двѣ раны. Молвятъ, что третья, сердечная, долго не зажила. Женъ онъ обязанъ значительнымъ состояніемъ, но если

вѣрить преданію, когда-то, въ молодости, онъ страстно любилъ какую-то бѣдную дѣвушку. Порою онъ задумчивъ, молчаливъ.... безъ всякаго сомнѣнія, это боевые или иные воспоминанія.... быть-можетъ, пробуждающіеся сны давняго честолюбія.... а не старой страстишки....

Марья Васильевна, его супруга, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, еще бой-баба. Говорятъ, впрочемъ, что красавицей она никогда не была. Три старшія дочери пригожи, не болѣе: зато младшая, Мери, мизинчикъ.... восхитительна!

Я иногда бываю у Ознобиныхъ и по средамъ, и по воскресеньямъ, когда въ Тамаринскомъ шумно, весело, все глядитъ праздникомъ, чуть-чуть не баломъ или пиромъ.... танцуютъ въ обширной залѣ, вистуютъ, бостонпруютъ и тонируютъ въ трехъ гостиныхъ.... но охотнѣе являюсь туда въ другіе дни, запросто, вечеркомъ. Павелъ Петровичъ жадуется меня, вообще любя военныхъ и преимущественно кавалеристовъ....

«Вамъ скучно», говоритъ онъ; «въ вашей дикой Закаитловкѣ. Навѣщайте насъ почаще....»

Дѣйствительно, въ моей Закаитловкѣ не малина: пустота, безлюдье, тишина, ужъ черезъ-чуръ тихая—только собаки лаютъ по ночамъ. Правда, я поисправилъ отчасти ветхій господскій домишко, обилъ покои новыми обоями, устлалъ некрашенные полы коврами, понавѣсилъ на стѣны, въ рамкахъ изъ краснаго дерева, исторію Лудовика-Шестнадцатаго — полинявшія гравюры, купленныя за безцѣнокъ у одного сосѣда-помѣщика, безжалостно распродавшаго въ разныя руки превосходныя коллекціи картинъ, которыя другой сберегъ бы, какъ память дѣтства и отцовское наслѣдіе.... убралъ свой временный кабинетецъ привезенными изъ Петербурга бездѣлками и затѣями, выписываю журналы — а въ Закаитловкѣ мнѣ не сидится, и не сидѣлось все лѣто....

Сяду, бывало, у окна, закурю сигару, возьму книгу — не читается; глазью на окрестность — присмотрится. Вспомню о Наташѣ — совѣстно станеть.... виноватъ былъ передъ нею немножко, не спорю.... вспомню о Леночкѣ — сердце забьется; думаю: вотъ прійдетъ зима; къ Рождеству поѣду въ Петербургъ.... женюсь....

Душно вдругъ сдѣлается въ комнатѣ.... велею осѣдлатъ Казака, кликну свою Мордашку — и маршъ, тихимъ шагомъ, куда-нибудь, безъ цѣли, безъ замысла. Послѣобѣденная прогулка верхомъ — только!...

Тамаринскаго не миновать. Въ какую-бы сторону ни держалъ путь, все по пути, да и дорога притомъ, повторяю, гладкая, широкая. Ёдешь мимо, не глядишь на домъ, а тамъ дочери непременно увидятъ, и скажутъ отцу....

Бѣжить, сломя голову, посланецъ.... Павелъ Петровичъ и Марья Васильевна приказали-де покорнѣйше просить....

Отказаться невѣжливо. Волею-неволею, слѣзаешь съ коня, всходишь на крыльцо. Все семейство уже высыпало — и отецъ, и мать, и дальнія родственницы, и управитель, примаргивающій лѣвымъ глазомъ, и учитель, который давно уже никого не учитъ.... Тутъ, вмѣстѣ съ сестрами, и Мери.... улыбается....

У нея несходящая съ устъ улыбка, и я тебѣ осмѣлюсь доложить, Александръ Андреевичъ, что мы съ тобою такой улыбки еще не видали....

Передъ чаемъ всѣ отправляемся гулять къ озеру, болтаемъ, смѣемся, хохочемъ, и — не замѣтишь! — вечерѣтъ.... опускается солнце....

Мери всегда восхищается картиною его захода, пурпурными лучами, которыя золотисто отражаются въ водѣ и обливаютъ небо заревомъ....

— Восходящее солнце еще прекраснѣе, разъ сказалъ я ей, въ видѣ комплимента.

Она отвернулась съ неудовольствіемъ, потому-что не терпитъ привѣтствій, а учитель, поймавъ меня на этой неосторожной фразѣ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какъ вы, Платонъ Григорьевичъ, изволите находить реторику Кошанскаго?...

— Неподражаемую: но Марья Павловна имѣетъ о риторикѣ превратныя понятія, смѣшивая съ нею сказанное отъ сердца....

— Вы женихъ, быстро отвѣчала она: поберегите сердце для вашей невѣсты....

Эта маленькая сцена была единственною, мгновенною размовкою моею съ Мери. Любимица отца, избалованное

дита, она не любитъ противорѣчій, нѣсколько капризна и своенравна.... только всѣ ея продѣлки и милыя проказы удивительно идутъ къ ней. Душа ея — неисчерпаемый источникъ доброты. Она сердится минуту, и плѣняется цѣлые часы....

Лѣтнія прогулки съ семействомъ Ознобина останутся однимъ изъ неотразимѣйшихъ моихъ воспоминаній....

А сколько бывало наслажденія за большимъ круглымъ чайнымъ столомъ, по возвращеніи съ прогулки, и потомъ за ужиномъ! Старый полковникъ рассказываетъ о своихъ походахъ или презанимательныхъ случаяхъ военной жизни; Марья Васильевна выхваляетъ Москву, свою родину, тамошнее хлѣбосолюство и гостепріимство, слегка злословить, подсмѣивается надъ сосѣдями и сосѣдками; Мери дразнить мою Мордашку; сорокалѣтнія родственницы нюхаютъ табакъ и чихаютъ; управитель хлопочетъ о сѣнокосахъ; эксъ-учитель смѣшитъ до упаду, читая вслухъ со всѣми жестами, повышеніями и пониженіями уморительной декламации....

Настала осень. Въ Закатилонкѣ еще скучнѣе, еще безотраднѣе. Послѣ обѣда скоро становится темно. Поѣздки верхомъ неудобны, лишены прежней привлекательности.... Велишь заложить дрожки, и ѣдешь ужъ прямо въ Тамаринское.... Мордашка бѣжитъ за дрожками, ворчитъ на лошадь, съ которою, однакожъ, очень дружна....

Подѣзжаешь къ усадьбѣ.... свѣтъ въ немногихъ окнахъ.... видно, никого не ждутъ....

Тихо останавливаешься у воротъ, пробираешься по двору.... проходишь двѣ, три комнаты, и слышишь изъ залы слабые звуки, аккорды, то замирающіе, то мало-по-малу громче и громче раздающіеся....

Притаишься у дверей, слушаешь.... то нѣжный, мелодическій романсъ, то арію изъ донъ-Жуана, ту самую, что прошедшею весною пѣла въ Петербургѣ Мильдеръ....

Только у Мери голосъ мягче, гораздо болѣе гибокъ и способенъ къ руладамъ, которыхъ Мильдеръ, при всемъ ея искусствѣ, вовсе не умѣетъ выдѣлывать....

Мордашка, долго удерживаемая моими знаками, не вытерпитъ, фыркнетъ: присутствіе мое открыто....

— А, это вы господинъ женихъ? говоритъ Мери, не вста-

вая отъ рояля и не оборачиваясь. Садитесь.... Хотите, я сыгравъ и спою вамъ трогательную пѣснь разлуки?...

Перебирая длинными пальчиками клавиши, она продолжаетъ небрежно:

— Вѣдь вы до зимы еще не увидите съ вашею невѣстою? Тó-то, я думаю, плачеть.... ждетъ нетерпѣливо....

Вотъ объ прелестнѣйшія ручки ея быстро заходили, и вмѣсто трогательнаго, печальнаго, она играетъ веселое, шаловливое.... а сама улыбается, своею вѣчною, удивительною улыбкою.

При блѣдномъ, будничномъ освѣщеніи залы одною лампою, черты лица Мери кажутся прозрачными, какъ-будто изъ ея продолговатыхъ щечекъ исходятъ волшебные лучи особаго свѣта.... легкій румянецъ сильнѣе означается темными бровями и черными полулоконами, которые она завиваетъ и носитъ совершенно по-свѣбему....

На лѣвомъ мизинчикѣ блеститъ алмазный перстенецъ, которымъ — увѣряютъ здѣшніе — прикрываетъ она некрасивую бородавку и родимое пятнышко....

Что за удивительные у нея мизинчики!!!.... крошечные, художественные, словно выточенные изъ слоновой кости....

Нѣтъ, это сравненіе невѣрно и нелѣпо! Развѣ искусство можетъ превзойти лучшее созданіе природы? Въ ея пальчикахъ, въ ея рукѣ, смѣси рѣдкой бѣлизны съ цвѣтомъ блѣдной розы, столько же движенія, жизни, какъ и въ ея темно-голубыхъ, почти синеватыхъ глазахъ, опущенныхъ густыми рѣсницами....

Понимаешь-ли, Александръ Андреевичъ? Черные волосы и голубые глаза!...

Я не говорю уже о формѣ ея ногтей, ни о ямочкахъ на щекахъ, ни о правильномъ греческомъ носикѣ, ни о маленькихъ устахъ чуднаго очерка, ни о жилкахъ, сквозящихъ на плечикахъ — одушевленномъ изваяніи — ни о ножкѣ, которую не вдругъ замѣтишь — такъ она миньатюрна!...

Росту Мери средняго. Стройность, гибкость ея стана внѣ всякаго сравненія и описанія. Сильфида могла бы имъ позавидовать....

Глядя на нее, въ полумракѣ пустой, безмолвной залы, кажется, видишь передъ собою одну изъ идеальныхъ героинь

старинныхъ романовъ, витавшихъ въ древнихъ, пустынныхъ замкахъ....

Очарованіе, мечта — исчезаютъ.... Слышатся тяжелые шаги Павла Петровича. Мери, точно желая заглушить ихъ, начинаетъ сильно бить по клавишамъ, кончаетъ свою прихотливую, безпорядочную игру блистательнымъ, громчайшимъ пассажемъ....

Налетаютъ съ другихъ сторонъ сестры Мери, входитъ Марья Васильевна, потомъ являются дальнія родственницы, управитель, учитель. Комнаты освѣщены, на столъ кипитъ серебряный самоваръ, проза смѣняетъ поэзію.... Мери щебечетъ, бранитъ покорную ей Мордашку — такъ мило, такъ странно бранитъ, что половину ея рѣзвыхъ и двусмысленныхъ словъ я долженъ принимать на свой счетъ....

Третьяго-дня, въ среду, во время танцевъ, я сказалъ ей что я больше не женихъ....

Она расхохоталась....

Смѣхъ сообщителенъ: я сталъ смѣяться вмѣстѣ съ нею....

Въ-самомъ-дѣлѣ, все это и смѣшно, и жалко! Между нами, вѣдь я оскорбленъ Краснопольскими и Наташей? Ни та, ни другая не имѣли еще полного права считать себя окончательно оставленными.... особенно первая.... И что же? Одна швыряетъ мнѣ портретъ мой, когда-то вымоленный; другая, безъ всякой церемоніи, презрительно бросаетъ подлинникъ....

Положеніе мое въ кругу товарищей-однополчанъ, въ домѣ Ознобина и другихъ здѣшнихъ помѣщиковъ, у которыхъ я также бываю, пренепріятное. Сплетникъ Бухарскій... помнишь, театраль.... мѣсяца три тому, проѣздомъ въ Москву, оставивался у меня недѣли на двѣ, успѣлъ свести знакомства, и разболталъ мои петербургскія отношенія. Я не отпирался, потому-что дѣло походило на правду, и всѣ нарекли меня «женихомъ».... Предупреждая насмѣшки, пересуды, выдумки, я лично теперь всюду разглашаю о своей неудачѣ, «отставкѣ», данной мнѣ Леночкой, не по прошенію....

— Такъ вы не женитесь? спросила Мери, переставая хотать. — Раздумали?

— Раздумаль.... невѣста моя вышла замужь....

— А, такъ вотъ что!... Это очень интересно.... позвольте васъ поздравить....

— Покорнѣйше благодарю. Принимаю поздравленіе отъ всего сердца. Драгоценная свобода мнѣ возвращена....

— Притворяетесь.... не можетъ быть не досадно предпочтеніе, оказанное другому....

— Богачу, писаному красавцу.... Пожалуйста, сообщите объ этомъ и своимъ, и всѣмъ вашимъ гостямъ....

— Непремѣнно исполню довѣренное порученіе.... А хорошенькая была ваша невѣста?...

— Прошедшую зиму, явившись въ модномъ Петербургскомъ свѣтѣ, она производила фуроръ. Такихъ женщинъ на всемъ земномъ шарѣ сотня не наберется. Чрезвычайно хороша....

— Лучше меня?

— Гораздо.... о вкусахъ, впрочемъ, не спорять.... но ваша красота не въ моемъ....

— Не правда.... вы въ меня влюблены.... съ первой встрѣчи....

Изъ этого короткаго разговора ты можешь составить себѣ понятіе о характерѣ Мери, къ которому я не могу прибрать никакого прилагательнаго, точно также какъ не могъ понять смысла ея послѣднихъ словъ, сказанныхъ и шутя, и серьёзно. Ее прозвали здѣсь мизинчикомъ — названіе бѣсенка было бы отчетливѣй....

За «важныя» петербургскія извѣстія оплачиваю тебѣ случайными провинціальными сценами, мелочами. Готовъ и впредь дѣлиться съ тобою однообразнымъ дневникомъ своимъ.... но, постановляю неперемѣннымъ условіемъ, сообщай мнѣ именно городскія новости, отъ чего ты уклоняешься, сваливая обязанность эту на газеты, которымъ я не всегда вѣрю, а сердце мое оставь въ покоѣ. Оно закрыто стальной броней, и его не пробьютъ уже никакія ядовитыя стрѣлы. Имена Наташи и Леночки впослѣдніе произнесены мною: убѣдительнѣйше прошу тебя, въ свою очередь, не повторять ихъ никогда.... никогда! Ничего не хочу знать болѣе о судьбѣ обѣихъ, и какъ-скоро ты вздумаешь опять заговорить о нихъ — не жди отъ меня ни отвѣта, ни привѣта....

Я долженъ наконецъ сознаться, мнѣ тяжело, больно, гру-

стно! Предчувствіе чего-то недобраго щемитъ мою уязвленную, разстроенную душу.... и, сверхъ-того, поясницу ломитъ. Можетъ-быть, все это происходитъ отъ вліянія прескверной здѣсь осенней погоды. Молю Бога, чтобъ не случилось ничего хуже.... Прощай, иду въ манежъ....

Р.-S. Подпиши для меня на «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ», если его намѣрены издавать и въ будущемъ году; да возьми у Миллера и перешли сюда четыре ящика лучшихъ гаванскихъ сигаръ.... два подарю Ознобину — онъ охотникъ и знатокъ.... Съ Турками давно миръ, и новой войны не предвидится.... По обыкновенію, я начинаю уже томиться скоро-наскучившею мнѣ здѣшней мѣстностью.... Весною полагаю проситься на Кавказъ.... покаместъ же не забывай столичнаго выходца, и поклонись всѣмъ, кто еще помнитъ меня....

IV.

ПОСЛѢДУЮЩІЯ ПИСЬМА ВОЛЖИНСКАГО КЪ СЕЛЕЦКОМУ.

(Письма эти писаны самымъ нечеткимъ, поспѣшнымъ почеркомъ, и притомъ блѣдными чернилами, отъ времени почти совершенно сошедшими, такъ что многія строки едва можно было разобрать. На одномъ выставленъ день недѣли, на другомъ число безъ мѣсяца, на третьемъ мѣсяцъ безъ числа, на четвертомъ забыто все это: не означено ни времени — когда, ни мѣста — откуда оно отправлено. По содержанию и подробностямъ видно, впрочемъ, что они относятся къ исходу 1830 и къ большей части 1831 года, и что два первыхъ посланы изъ той же Закатиловки. Всѣхъ писемъ до десяти, но здѣсь приводятся только тѣ, которыя имѣютъ непосредственную связь съ первымъ, вышепомѣщеннымъ письмомъ Волжинскаго.)

1.

Ты чѣмъ-то развлеченъ, Александръ Андреевичъ? Последнее письмо твое вяло, безцвѣтно и лѣнливо: въ немъ всего на-всего двадцать строкъ, тогда какъ предъидущее составляло цѣлую тетрадь. Только одна любовь дѣлаетъ невнимательнымъ къ дружбѣ — стало и мой эгоистъ съ холоднымъ серд-

чемъ и испытанной душой подчинился влиянію страсти, которая смѣется надъ умомъ, лѣтами и опытностью. Скажи, какой красавицѣ сдался ты... въ твоей переменѣ найду я оправданіе новому чувству, меня волнующему и снѣдающему...

Ахъ, я не могу долѣе скрывать ни отъ тебя, ни отъ себя, что злой рокъ, въ третій разъ, и такъ скоро, ведетъ меня по пути, не оставившему подстрекающихъ воспоминаній! Говорятъ и повторяютъ, первая лишь любовь — истинная. Или двѣ первыя мои склонности были обманчивы, или третья будетъ настоящею первою и послѣднею... Не вѣдаю, что будетъ... но не могу противиться ей силѣ, не хочу бесполезно съ нею бороться. Правду молвилъ старикъ Ломоносовъ о человѣкѣ:

«Не столько въ воздухѣ бываетъ переменъ....

О, сколь онъ легкостью своей отягощенъ!»

Мери не ошиблась, сказавши, что я влюбленъ въ нее съ перваго свиданія. Прежнія петербургскія отношенія не позволяли мнѣ ни допускать, ни питать этой мысли. Теперь, когда они не существуютъ болѣе, я убѣждаюсь въ ней, и съ наслажденіемъ, и съ тоскою... съ тоскою потому, что послѣ извѣстнаго о нихъ, и Ознобинымъ, и всему уѣзду, какъ-то неловко, странно, почти смѣшно объявить или даже намекнуть о новомъ намѣреніи. А оно внутренно уже принято мною....

Начались морозы, выпалъ первый снѣжокъ. Сосѣдъ Чижъ продалъ мнѣ легкія саночки, и я каждый день катаюсь въ нихъ къ Ознобинымъ... да, каждый; а случится проманкирую, такъ и Павелъ Петровичъ, и Марья Васильевна, и дочери выговариваютъ за то... выговариваетъ и Мери. Съ нѣкотораго времени рѣзвость ея поуменьшилась; она стала солиднѣе, не дразнить Мордашку...

Ознобинъ давно собирался сдѣлать мнѣ визитъ, и вчера утромъ, часу въ двѣнадцатомъ, пріѣхалъ въ Закатиловку, пріѣхалъ съ Мери. Холодъ разруманилъ ей щечки, и она была еще лучше обыкновеннаго; хвалила мою квартиру, разсматривала картины, перебрала всѣ вещи и вещицы на письменномъ столѣ въ кабинетѣ, и въ то время, когда ея отецъ, въ свою очередь, очень прилежно занятъ былъ раз-

смастриваніемъ моихъ пистолетовъ, схватила наконецъ твое длинное письмо и начала читать его вслухъ.... такая проказница! Мнѣ это было крайне неприятно, но я не смѣлъ ни вырвать у нея изъ рукъ твоей «повѣсти», ни запретить ей читать.... чтобъ она не разсердилась на меня, и не подумала, что есть и иные отъ нее секреты. Зная ея нетерпѣливость, я полагалъ — шалунѣ скоро наскучитъ одно занятіе. Нѣтъ, она продолжала, приговаривая: «да это пріинтересная исторія!» — Я словно стоялъ на раскаленныхъ угляхъ, барабанилъ машинально пальцами по столу, удивляясь и досадуя, что старикъ не замѣчаетъ дочери ея нескромности, распорядженій слишкомъ хозяйскихъ. Смотри на него, нельзя было рѣшить, слушаетъ ли онъ, слышитъ ли что-нибудь. Наклонивъ голову, онъ ворочалъ и переворачивалъ мои пистолеты, точно рѣдкіе, однакожъ не заключающіе въ себѣ ничего чудеснаго. Къ счастью, въ ту минуту, когда Мери дошла уже до твоего разказа о Надеждѣ Семеновнѣ, Павелъ Петровичъ вдругъ уронилъ одинъ изъ нихъ на полъ. Эта печаянность прекратила ея неумѣстную затѣю. Стукъ внезапнаго паденія и задрезжавшее окно — ее испугали. Испугался, кажется, и самъ Ознобинъ, человекъ нервическій. Онъ поблѣднѣлъ, опустился въ кресла, и спросилъ стаканъ воды. Я поднялъ пистолеть....

— Извините, сказалъ Павелъ Петровичъ. — Не сломалось ли что?

— О нѣтъ, не беспокойтесь!

— Вамъ дурно, папенька?

— Ничего; прошло.... голова было закружилась.... Полнокровіе.... прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мгновенная блѣдность исчезла съ лица его, но на немъ — не умью объяснить себѣ этого — выражалась какая-то глубокая, горестная дума....

Мери, нѣжно приласкавшая отца, опять подошла къ письменному столу, и снова стала тамъ перебирать разныя разности.... развернула портфель, открыла пересланный тобою ящичекъ....

Вотъ и она нѣсколько измѣнилась въ лицѣ, но съ улыбкою, тихо сказала мнѣ: какіе у васъ хорошенькіе портреты!

Въ голосъ ея отзывалась смѣсь насмѣшки съ неудовольствіемъ. Ревнуетъ.... добрый знакъ!

— Полно, Мери! Что за привычка все трогать.... вѣдь это не дома.... Поѣдемъ.... До свиданья, Платонъ Григорьевичъ (встаетъ и жметъ мнѣ руку). Ждемъ васъ вечеромъ....

Вечеромъ, у себя, Ознобинъ былъ совершенно здоровъ, игралъ въ бостонъ со мною, управителемъ и эксъ-учителемъ; потомъ меня смѣнила Марья Васильевна — записная бостонистка. Старшія сестры руководъничали что-то вмѣстѣ съ дальними родственницами. Мери нѣсколько разъ садилась къ роялю, пѣла. Объ утреннемъ не было помину; только на прощаньи она сказала мнѣ: «вы большой вѣтряникъ.... я васъ боюсь....»

Бойтся.... любить!

2.

Едва послалъ я къ тебѣ одно письмо, какъ необходимо дополнить его другимъ. Вѣроятно, оба получишь вмѣстѣ.... Зачѣмъ откладывать счастье! Дни его сочтены.... жизнь человѣческая коротка, а я уже въ ея половинѣ.... Люблю страстно, какъ никогда еще не любилъ.... да и притомъ хочу скорѣе отплатить нѣкоторымъ особамъ.... Короче, я сдѣлалъ предложеніе Ознобину.... написалъ къ нему умненькое, хитрое письмо, доказавъ ничтожность прежнихъ увлеченій въ сравненіи съ настоящимъ, и, клятвою честнаго человѣка, поручился за будущее, то-есть за счастье его дочери. Онъ отвѣчалъ также письмомъ, краткимъ, снисходительнымъ. Не отказывая и не давая окончательнаго согласія, Павелъ Петровичъ совѣтуетъ мнѣ твердо обдумать «важный шагъ» (подлинныя его слова), убѣдиться во взаимности, позволяетъ надѣяться, общается переговорить съ женою и дочерью.... Пожури меня. Я не вытерпѣлъ: въ тотъ же день къ нимъ отправился. Мери уже знала о предложеніи, и на вопросъ мой, не противно ли оно ей, со всегдашнею своею рѣзвостью, прошебетала: «не знаю.... погодите.... папенька говорить, что не должно торопиться, что я еще молода (ей недавно минуло семнадцать лѣтъ).... Вы очень влюбчивы.... а я, кажется, вовсе не влюблена въ васъ...!» Очаровательное дитя!

Р.-S. Вчера здѣсь явилось новое лицо, молодой помѣщикъ Пташкинъ, чрезвычайно красивой, привлекательной наружно-

сти, умница и превоспитанный. Я сошелся съ нимъ въ первую встрѣчу. Онъ сынъ стараго сослуживца Павла Петровича и владѣтель — Закатиловки. Есть у него и въ другихъ губерніяхъ деревни, а сюда пріѣхалъ на-время, по дѣламъ, изъ Москвы. Черезъ мѣсяць, или ранѣе, располагается въ Петербургѣ. Одѣтъ какъ журнальная картинка — и картинка въ-самомъ-дѣлѣ!

3.

Новаго письма твоего (если только ты его писалъ) я не дождался на мѣстѣ. Мы выступили, и теперь я пишу къ тебѣ съ первой дневки, собравъ малый остатокъ, не спокойствія, а памяти, кое-какъ сохраненной въ измученной моей душѣ. Непродолжительное счастье мелькнуло коварною мечтою, обольстительнымъ сномъ.... и пробужденіе было тяжело, какъ послѣ страшнаго, неправдоподобнаго сна. Нерѣдко не вѣримъ мы катастрофамъ въ романахъ и драмахъ, необыкновенныя явленія, выходящія изъ ряда ежедневныхъ случаевъ, принимая за произвольный вымысль. Дорогою цѣной убѣдился я, что самыя смѣлыя его изобрѣтенія иногда уступаютъ дѣйствительности, неисповѣдимой виновницѣ всѣхъ романовъ и драмъ жизни. Трагическое происшествіе облекло Тамаринское въ двойной трауръ....

Молодой пріѣзжій помѣщикъ, Пташкинъ, о которомъ упоминалъ я въ послѣднемъ письмѣ, остановился сначала у Ознобиныхъ, но черезъ два дня перебрался съ своимъ чемоданомъ ко мнѣ, или, правильнѣе, къ себѣ въ Закатиловку, гдѣ ему было удобнѣе, въ короткій срокъ, привести въ извѣстность наличные доходы сельца, состоящаго въ завѣдываніи старосты. Онъ удивился, найдя домишко свой годнымъ для жилья, и, входя въ него, сказалъ: «Я думалъ, тутъ развалины!»

Наличные доходы далеко, однакожь, не соответствовали его ожиданіямъ: деньгами староста вручилъ ему двѣ сотенныя; остальное благосостояніе заключалось въ незначительныхъ складахъ разнаго хлѣба, овса и сѣна. Для выгоднѣйшаго ихъ сбыта, Пташкинъ поспѣшилъ въ городъ, куда, кстати, и я съ нимъ отправился, получивъ въ то время при-

казаніе прибыть въ полковой штабъ. Въ городъ засталъ я и другихъ эскадронныхъ командировъ. Полковникъ объявилъ намъ о предстоявшемъ походѣ....

Не военный, ты не можешь вполне понять, какое электрическое, волшебное дѣйствіе производитъ слово походъ! Жилки заиграютъ, кровь заходитъ. Кажется, будто слышишь уже раздающийся звукъ оружія и громъ пушекъ. Слава великаго отечества, его священныя права, жажда подвиговъ, личное честолюбіе воодушевляють каждого.... Въ ту минуту я забылъ все, забылъ Мери, и теперь, убитый душевно, въ этихъ высокихъ призваніяхъ нахожу силы, которыя меня поддерживаютъ....

Благородные боевые порывы отразились и въ Пташкинѣ, два года служившемъ въ кавалеріи. За обѣдомъ въ гостиницѣ съ моими однополчанами, и съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, презрительно потряхивая другою полу своей дорожной венгерки, онъ торжественно воскликнулъ: «опять обмѣняю ее на мундиръ!»

Хлѣбъ, овесъ и сѣно продалъ онъ въ городъ по цѣнѣ, выше той, какую бы дали ему деревенскіе сосѣди, но все-таки вырученная сумма его не утѣшала. Жалобы юнаго хозяина на неурожай и плохіе сборы въ другихъ его помѣстьяхъ, невольно вырвали изъ устъ моихъ полуироническое предложеніе подѣлиться съ нимъ небольшимъ излишкомъ. Онъ изловилъ меня на словѣ, и за неумѣстную насмѣшку заставилъ заплатить тысячею рублями добровольной ссуды....

Такъ возвратились мы въ Закатиловку. Дорогой Пташкинъ рассказалъ мнѣ, что когда Ознобины, лѣтъ семь тому, жили зимою въ Москвѣ, онъ часто проводилъ въ ихъ домѣ цѣлыя недѣли.... что Мери была «невиданная рѣзвуха», и они вмѣстѣ проказничали (она и теперь зоветъ его просто Викторомъ).... что характеръ ея исполненъ противорѣчій, странностей, и такимъ, вѣроятно, навсегда останется. Я молчалъ. А на другой день утромъ, пріѣхавъ въ Тамаринское, тотчасъ переговорилъ наединѣ съ Павломъ Петровичемъ. Вечеромъ насъ помолвили. Свадьба, разумѣется, отложена была до окончанія войны. Павелъ Петровичъ и Марья Васильевна призывали на меня благословеніе Божіе....

— Можетъ-быть, васъ убьютъ,—вѣрная безпощадной шало-

влиности, сказала Мери, впервые позволяя мнѣ поцѣловать свой оборожительный мизинчикъ....

— Вы поплачете, и ваши слезы я увижу *оттуда*, гдѣ все видать.

— Я никогда не плачу....

— Пожалуй, и сегодня скажете, что не любите меня....

— Перестаньте; терпѣть не могу нѣжностей и объясненій....

Нареченная моя невѣста вовсе не походила на невѣсту. Она вела себя со мною такъ же какъ и съ Пташкинымъ, и съ другими. Избраннаго для нея, казалось, не было, и она не сѣтовала, что я, занятый службою, прїѣзжаю въ Тамаринское ненадолго, хотя каждый день.... Потомъ съ каждымъ днемъ стали замѣчать въ ней непонятную переменъ. Печаль и задумчивость налетѣли на ея, всегда безмятежное, чистое лицо; веселость ея, уже принужденная, постепенно исчезала; взглядъ, прежде столь ясный и спокойный, изображалъ тревожность. Втайнѣ я радовался этой переменѣ, по простительному самолюбію жениха, относя ея къ скорой нашей разлукѣ. Павелъ Петровичъ и Марья Васильевна думали, не больна ли она; спросили ея: но она отвѣчала отрицательно. По-временамъ въ ея словахъ было что-то несвязное и неопредѣленное. Разъ Марья Васильевна даже разсердилась на ея странности и очень рѣзко выговорила: Ты, Мери, какъ помѣшана!.. Мери улыбнулась.... но не тою очаровательною улыбкою, которая всѣхъ восхищала....

Пташкинъ, совершенно свободный, съ утра до глубокой ночи вертѣлся въ Тамаринскомъ. Наконецъ ему нѣчего уже было дѣлать въ тамошней сторонѣ. Въ одинъ вечеръ онъ простился съ Ознобинными; вмѣстѣ воротились мы въ Закалитовку; кибитку его уже притащили къ крыльцу; запрягли лошадей; онъ наскоро собрался, и немного спустя за полночь, помчался съ двумя сотенными, взятыми у старосты, и моею тысячью. Проводивъ его, я еще двѣ, три минуты простоялъ на крыльцѣ, безотчетно прислушиваясь къ отрывистому лаю собакъ, по обыкновенію устремившихся за отъѣзжающимъ, и нарушавшихъ мертвую тишину сельца. На небѣ ни звѣздочки, на землѣ зги не было видно. Мракъ, безмолвіе, неизвѣстность будущаго наполнили душу мою не-

изъяснимою тоскою; предчувствіе, никогда меня не обманывавшее, сжимало сердце....

Въ двѣнадцатомъ часу слѣдующаго утра верхомъ прискакалъ ко мнѣ тамаринскій управитель, блѣдный, въ неопи- санномъ смятеніи....

— Съ моимъ благодѣтелемъ ударъ.... Марья Павловна....

Старикъ не могъ говорить. Я тоже онѣмѣлъ; ноги мои подкосились....

О другъ мой! на этихъ строкахъ оставляютъ меня силы: подробно я не въ-состояніи рассказать....

Казакъ мой былъ осѣдланъ. Черезъ четверть часа я узналъ.... нѣтъ, въ первую пору, я ничего не понималъ среди плача, рыданій и воплей въ домъ Ознобиныхъ. Учитель, наравнѣ съ другими, потерялъ даръ слова, напрасно стараясь объяснить мнѣ, что Мери.... утопилась.... Ее хватились, когда всѣ, кромѣ Павла Петровича, собрались къ утреннему чаю.... не нашли ее ни въ ея комнатѣ, ни во всемъ домѣ.... спрашивали, допрашивали горничныхъ, всю челядь: ни отъ ко- го не довѣдались.... бросились искать по усадьбѣ, и на до- рогѣ, подлѣ озера, у самой проруби, гдѣ полощатъ бѣлье, подняли носовой платокъ съ буквою М.... платокъ Мери. На этомъ открытіи и на особенной задумчивости, обнару- женной ею въ послѣдніе дни, основывалась горестная догад- ка, что Мери, въ болѣзненномъ припадкѣ, можетъ-быть въ бѣлой горячкѣ, тихонько вышла ночью изъ дому.... и....

Двадцать крестьянъ распространили прорубь, опускали осторожно багры.... трупа не отыскали.... Трупъ Мери!!

Въ ту ночь Павелъ Петровичъ долго не могъ заснуть отъ головной боли, и только на разсвѣтѣ успокоился, всталъ поз- дно.... Лучше бы онъ не просыпался. Суматоха въ домѣ.... дольше нельзя было скрывать отъ него.... сказали.... Къ-ве- черу успѣли привезть доктора изъ города; онъ не засталъ Ознобина въ-живыхъ. Пораженнаго ужасною вѣстью, его изломало въ нѣсколько часовъ. Мери была любимое его ди- тя, жизнь и радость его сердца. Не говорю ни о Марьѣ Ва- сильевнѣ, ни о сестрахъ Мери.... можешь себѣ вообразить.... Мужество и твердость тогда покинули меня; я впадалъ въ отчаяніе, самъ едва не помѣшался.... не плакалъ, какъ ребен- окъ — но чтó происходило въ душѣ моей!!

Въ нѣкоторыя минуты вкрадывалось въ нее сомнѣніе, утопится ли Мери. Управитель также сомнѣвался: но инаго мы не умѣли придумать.... и вслухъ не думали....

Три дня продолжались бесполезныя развѣдыванія, а на другой послѣ похоронъ Ознобина, эскадронъ мой двинулся къ сборному пункту.... Вдали виднѣлось Тамаринское, недавно еще счастливое. Я не могъ на него смотрѣть, отвернулся, и тутъ почувствовалъ, что слезы проступили въ глазахъ моихъ....

Ни это, ни предъидущее, ни нѣсколько новыхъ писемъ Волжинскаго, изъ Литвы и Польши, въ свое время и прямымъ путемъ, не дошли до Селецкаго. Также постигнутый обстоятельствами, хотя не столь необыкновенными и неблагоприятными, какъ его другъ, Александръ Андреевичъ, въ послѣднихъ числахъ декабря 1830, принужденъ былъ поспѣшно выѣхать изъ Петербурга. Престарѣлая бабушка, одна изъ самыхъ почтенныхъ бабушекъ, всю жизнь копившая деньги и никогда не закладывавшая деревень, оставила ему въ наслѣдство тѣ и другія, но въ спорномъ процессѣ между многими родственниками, иными внуками и внучками, жившими въ южныхъ, довольно отдаленныхъ губерніяхъ. Необходимо было дѣйствовать на мѣстахъ. Отъ малѣйшаго промедленія въ отъѣздѣ значительно зависѣла удача или неудача.

Не представляется никакой надобности въ описаніи хода этого процесса. Достаточно сказать, что Селецкій, человекъ ловкій и свѣдущій, обработавъ его въ теченіе года, зимою 1831 возвратился въ Петербургъ, вдесятеро богаче, нежели изъ него выѣхалъ.... Постигая знакомыхъ, однихъ онъ не засталъ дома, другихъ въ сей жизни. Опустошительная болѣзнь, впервые тогда достигшая сѣвера, памятна старымъ жителямъ столицы. Въ числѣ многихъ тысячъ жертвъ были Краснопольскіе, отецъ и мать. Леночка осталась круглою сиротою, въ жалостнѣйшемъ положеніи. Драма ея жизни, обильной романическими оборотами, могла бы составить обширную отдѣльную повѣсть. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти родителей, несчастная лишилась и прекраснаго своего мужа. Изъ письма Леночки къ подругѣ въ Курскъ, читатели уже знаютъ, что онъ вскорѣ послѣ свадьбы долженъ былъ на нѣкоторое время разстаться съ юною супругою. Въ началѣ февраля они

свидѣлись, въ концѣ марта снова разлучились, навѣки. Молодой человекъ, пылавшій честолюбіемъ, стремленіемъ къ кипучей дѣятельности и приключеніямъ, отправился въ армію.... Въ октябрѣ Леночка получила извѣстіе о смерти его отъ той же губельной болѣзни, не щадившей ни возраста, ни крѣпости силъ, пожиравшей въ два, три часа молодыхъ и совершенно здоровыхъ....

Въ семействѣ Чувашевыхъ было благополучіе. Трауръ по Катеринѣ Семеновнѣ миновалъ. Правда, сестра ея чахла, зато дочери цвѣли, особенно Наташа....

Кипа писемъ Волжинскаго, почти вдругъ очутившихся въ рукахъ Александра Андреевича, повергла его въ глубокое раздумье и сожалѣніе объ участи друга, необыкновеннымъ, непостижимымъ случаемъ потерявшаго третью невѣсту, горько оплакиваемую. Разныя мысли и соображенія приходили въ голову Селецкаго: но онъ отказался думать и соображать по прочтеніи позднѣйшаго письма Платона Григорьевича, которое писано было уже осенью, черезъ девять или десять мѣсяцевъ послѣ письма, помѣщеннаго подъ номеромъ третьимъ. Вотъ что прочиталъ опечаленный Селецкій:

«Не получая обо мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ никакого извѣстія, ты, вѣроятно, считаешь меня выбывшимъ изъ списковъ. Ближе къ тому было. И теперь не безъ труда вожу перомъ. Я также не увѣренъ, живъ ли ты, спасся ли отъ лиходѣйки, которая, рассказываютъ, и у васъ, въ Петербургѣ, порядкомъ поработала, безъ меча и пули. Вотъ уже близъ двухъ лѣтъ, какъ мы разстались: но надѣюсь, что долговременнымъ отсутствіемъ я не вовсе выжить изъ преданнаго, давно испытаннаго сердца. Ты, конечно, отвѣчалъ бы на каждое мое письмо, если бѣ зналъ, куда, въ продолженіе войны, адресовать — а мы на одномъ мѣстѣ не стояли долго. Безотвѣтная заочная бесѣда съ тобою, въ краткія минуты походнаго отдыха, была единственною моею отрадою.... Твоему только участію могла открываться страждущая душа моя, и послѣ этого грустнаго раздѣла, казалось, легче ей становилось, горе не такъ давило грудь.... Разбитая игрушка слѣпаго случая, я забылъ что такое покой и миръ душевный. Тяжелыя воспоминанія, уступавшія благороднѣйшему долгу въ пылу и шумѣ битвъ, должны были возобновиться съ бѣльшею си-

люю.... Далекій, милый образъ, въявь или замогильной тѣнью, ожилъ передо мною на чуждыхъ берегахъ Вкры....

«Не буду распространяться о боевыхъ движеніяхъ, здѣсь происходившихъ. Они давно извѣстны изъ реляцій. Все это уже Исторія, надъ которою торжественно паритъ Двуглавый Орелъ. Скажу только о томъ, что лично до меня относится. Благодаря своему грамотѣйству и приткости моего вѣрнаго Казака, я, съ начала іюля, то находился при отрядномъ штабѣ, то посылаемъ былъ по разнымъ порученіямъ. Исполняя одно изъ нихъ, совершенно неожиданно, встрѣчаюсь лицомъ къ лицу съ Пташкинымъ. Онъ сдержалъ восторженное слово, промѣнялъ венгерку на драгунскій мундиръ, и, сказать правду, молодцомъ сидѣлъ на конѣ. Узнавъ меня, Пташкинъ видимо смутился: должно-быть, вообразилъ, что я спрошу у него свою тысячу. Разумѣется, что я не могъ, въ немногихъ словахъ, не сообщить ему о происшествіяхъ въ Тамаринскомъ въ утро послѣ его отъѣзда. Онъ ахнулъ, измѣнился въ лицѣ; дрожа, прошепталъ: «несчастные!» и знакомъ выразивъ, что спѣшить, далъ шпоры....

«Позднимъ вечеромъ того же дня, на аванпостной стычкѣ, залетная пуля больно ударила меня въ лѣвую ногу, ниже колѣна. Я упалъ замертво, и безъ памяти отнесенъ былъ въ какой-то сельскій домикъ, недалеко отъ дороги, прикрытой рощею. Тамъ докторъ нашъ, какъ потомъ мнѣ объяснили, наскоро перевязалъ рану, и оставилъ меня до разсвѣта....

«Когда я очнулся ночью, лежащій на полуизломанномъ диванѣ, въ низкой и душной комнатѣ, внутренность моя горѣла отъ жажды. На столикѣ, въ противоположномъ углу, тускло свѣтилось чтó-то въ родѣ лампадки, и — пусто въ комнатѣ.... Я усиливался приподняться — напрасно; хотѣлъ закричать: «дайте, дайте пить!» — не было голоса; сталъ стучать рукою въ стѣну или перегородку, у которой стоялъ диванъ, стучалъ полчаса, и, наконецъ, вошелъ кто-то, услышавъ. Лампадка потухала....

«Пить, пить!» вырвалось-таки изъ груди моей....

«Двери прихлопнулись; опять черезъ минуту отворились. Лампадка трепетала умирающимъ огонькомъ; однакожъ, въ этотъ разъ, я разглядѣлъ, что къ дивану приближалась женщина съ стаканомъ воды.... Издали протянувъ къ нему руку,

я коснулся вѣжной руки... въ полумракѣ на ней что-то ярко блеснуло.... лампадка, угасая, вспыхнула и освѣтила комнату....

«Сострадательная, пришедшая напоить бѣднаго раненаго, уронила стаканъ на полъ, и пронзительно вскрикнула.... Больше я ничего не помню, потому-что снова лишился чувствъ въ то мгновеніе, а съ разсвѣтомъ меня, полуживаго, повезли въ подвижной Цѣхановскій госпиталь....

«Другъ мой! живой призракъ Мери приходилъ ко мнѣ: я видѣлъ блестящій перстенецъ на ея мизинцѣ, которому нѣтъ подобнаго. Докторъ нашъ говоритъ, что это была, въ горячечномъ бреду, мечта разстроеннаго, воспаленнаго воображенія.... Не спорю съ нимъ: но объ раны мои плохо заживаютъ — одной нужно продолжительное леченіе, другую унесу съ собою въ гробъ, увѣренный, что и всеисцѣляющее время не принесетъ забвенія....»

Письмо это, обличавшее смятенное состояніе души его автора, оканчивалось извѣстіемъ, что весною онъ собирается на Кавказъ, или за границу, лечиться. Зная пылкое, воспримчивое воображеніе своего друга, раздраженное и болѣзнью, и совершившимся съ нимъ, Селецкій раздѣлялъ мнѣніе доктора, въ концѣ письма приведенное. Мнѣніе это въ немъ утвердилось, когда вскорѣ новые слухи пронеслись о Волжинскомъ, и о странномъ происшествіи въ Тамаринскомъ. Извѣстный уже читателю театраль Бухарскій, проѣзжавшій чрезъ тѣ мѣста на возвратномъ пути въ Петербургъ, иначе разсказалъ Александру Андреевичу катастрофу въ домѣ Ознобина....

— Ну, подшутили же надъ твоимъ дружкомъ, — говорилъ Бухарскій: сначала дали слово, даже помолвили ихъ, а потомъ передумали, и разыграли траги-комедію. Сочинительницей была мать, бойкая, пренаходчивая дама. Она не оставила своего плана и при дѣйствительномъ внезапномъ несчастіи — отца, точно, хватилъ кондрашка; но этотъ случай, въ отуманенныхъ глазахъ Волжинскаго, придавалъ вѣроятіе сказкѣ. Дочку припрятали, или отправили тайкомъ куда-то....

— Подно, такъ ли? замѣтилъ Селецкій.

— Увѣрять не стану.... что-то въ этомъ родѣ.... Приба-

вляли, что Ознобины имѣли въ виду лучшаго жениха, который и дочери больше нравился....

Селецкій покачалъ головою. Происшествіе и въ «этомъ родѣ», по выраженію Бухарскаго, конечно, менѣе печальное, казалось ему не менѣе сомнительнымъ, неяснымъ. Тутъ вспомнилъ онъ и носовой платокъ, найденный на дорогѣ, и прорубь въ озерѣ, и багры.... Правда, могли искать чего-нибудь иного.... на примѣръ, уроненнаго прачками дорогаго бѣлья? Не былъ ли управитель заодно съ Марьей Васильевной.... Въ усадьбѣ распустили то, Волжинскому сказали это.... а скоростипжная смерть Ознобина способствовала сплетенію, суетнѣ?... Съ другой стороны, развѣ нельзя было отказать проще, учтивѣйшимъ письмомъ, какъ часто дѣлають, не говоря уже, что выступленіе въ походъ на неопредѣленное время отдаляло свадьбу?... Сколько ни перекидывалъ Селецкій вопросы, достовѣрное ускользало.

— Тó-то, полагаю, толковъ было въ уѣздѣ? закинулъ онъ новый, въ чайніи добратся истины.

— Напротивъ, отвѣчалъ Бухарскій: общее вниманіе сосредоточивалось тогда на событіяхъ гораздо важнѣйшихъ, и частнымъ не слишкомъ занимались. А отъ самого Волжинскаго я ничего не могъ добиться.

— Да ты когда и гдѣ его видѣлъ въ послѣдній разъ?

— Мѣсяца полтора или два тому.... Ну, хоть убей, не помню станціи.... за Костромою, кажется.... Его везли, какъ покойника, шагомъ.... Худой, изнуренный, еле живой.... языкомъ не ворочалъ. Едва-ли уцѣлѣеть....

Бухарскій не принадлежалъ къ числу людей, на слова которыхъ можно положиться: однакожъ, Селецкій, подумавъ, рѣшился, во всякомъ случаѣ, выждать отъ Волжинскаго письма съ адресомъ настоящаго его мѣстонахожденія. Въ этомъ рѣшеніи было нѣсколько эгоизма, отчасти свойственнаго Селецкому, и по мнѣнію его друга. Очень въ это время занятый собственною и другою особою, онъ медлилъ исполнить долгъ пріязни, молчалъ, не справлялся.... Замолчалъ, наконецъ, и Волжинскій. Текли дни, недѣли, мѣсяцы — отъ него ни вѣсточки, о немъ ни слуху болѣе. Александръ Андреевичъ между-тѣмъ — женился, и это именно обстоятельство, вмѣстѣ съ увѣренностью, что Платона Григорьевича не ста-

ло, удерживало его отъ дальнѣйшихъ разысканій. Живой, Волжинскій, безъ сомнѣнія откликнулся бы.... Долговременное отсутствіе, переписка, разъ прерванная и въ свое время не возобновленная, какъ самая смерть, разлучаютъ людей.... Случай иногда неожиданно сводитъ ихъ по прошествіи многихъ лѣтъ, и они встрѣчаются весьма просто, безъ мелкихъ укоризнъ и крупныхъ объясненій....

V.

Знаменитый шотландскій бардъ, въ предисловіи къ своему «Вудстоку», говорить: «Не имѣю намѣренія извѣщать читателей моихъ, какъ рукописныя сочиненія славнаго антикварія Ротеклифа достались въ мои руки. Такихъ случаевъ бываетъ тысяча; довольно сказать, что они избѣжали недостойнаго имъ жребія, а я пріобрѣлъ ихъ честнымъ образомъ, и привелъ въ порядокъ съ несравненною точностью, меня отличающею».

Однимъ изъ тысячи случаевъ, указываемыхъ Вальтеръ-Скоттомъ, давно достались въ наши руки, съ приличными комментаріями, вышепомѣщенные письма Селецкаго, Волжинскаго и другихъ дѣйствующихъ лицъ этой не совсѣмъ обыкновенной исторіи, изъ которой искусное перо могло бы составить занимательный романъ, но которой долго недоставало развязки....

Прошло около двадцати лѣтъ послѣ смерти Катерины Семеновны Чувашевой. Подножіе памятника ея на Смоленскомъ Кладбищѣ заросло густою и высокою травой; надгробная надпись почти совершенно стерлась съ низенькой мраморной колонки; покрылась ржавчиной и плѣсенью вершина ея, въ первые годы постоянно украшаемая вѣнками цвѣтовъ, приносимыхъ дочерьми. Всѣ онѣ потомъ вышли замужъ, нажили своихъ дѣтей, и рѣже стали навѣщать могилу кроткой матери. Только Надежда Семеновна, уже пятидесяти-осмилѣтняя старушка, отъ времени до времени, приходила помолиться надъ прахомъ нѣжно любимой сестры и единственнаго друга. Она пріютилась у младшей изъ племянницъ, и нянчила ея маютокъ, какъ нѣкогда ихъ мать....

Семнадцатаго апрѣля 1849 года, въ день вскрытія Невы, гранитныя ея набережныя устьяны были толпами народа, множествомъ любопытныхъ, пришедшихъ посмотрѣть картину, ежегодно повторяющуюся, но которая, какъ всѣ явленія природы, никогда не теряетъ своей новизны и привлекательности. Огромныя льдины, то сплошною массою, то отдѣльными частями, медленно плыли по широкой рѣкѣ, кое-гдѣ оставляя прогалины мутной воды.... вѣтеръ то утихалъ, то подымался, и рѣзкій холодъ, совсѣмъ не весенній, охватывалъ зрителей, большей-частью облекшихся въ теплую зимнюю одежду....

На Англійской Набережной, недалеко отъ строившагося Благовѣщенскаго Моста, нынѣ великолѣпно и неразрывно соединившаго уже между собою всѣ части красивѣйшей въ мірѣ столицы, стояли два господина, въ енотовыхъ шубахъ, оба высокаго росту, полные и пожилые. Одному казалось лѣтъ за сорокъ, другому за пятьдесятъ. Умное, выразительное и нѣсколько насмѣшливое лицо его бросалось въ глаза. Физиономія младшаго отличалась отпечаткомъ думы и созерцательности....

— Чудный будетъ мостъ! сказалъ старшій.

— Съ нетерпѣніемъ ожидаю его окончанія, прибавилъ другой. — Теперь мы не можемъ еще имѣть полнаго понятія о его красотѣ. Воображаю, каковъ видъ тогда откроется, особенно въ лѣтнее время....

Когда подъ нимъ съдыя волны
Захлещутъ бурною порой,
А онъ, недвижный и безмолвный,
Придавить ихъ своей пятой....

Этотъ нехитрый экспромтъ, произнесенный довольно громко, невольно заставилъ оборотиться, проходившаго мимо, также пожилаго человѣка, въ длинномъ бекешѣ немоднаго покроя, съ выношеннымъ бобровымъ воротникомъ. Взглянувъ на этихъ двухъ господъ, онъ остановился, и началъ пристально всматриваться въ старшаго. Спустя минуту, стихотворецъ пожалъ тому руку, и удалился. Когда господинъ съ насмѣшливымъ лицомъ остался одинъ, прохожій въ бекешѣ, не

перестававшій въ него всматриваться, слегка прихрамывая, подошелъ къ нему.

— Если не ошибаюсь.... Александръ Андреевичъ Селецкій?... несмѣло сказалъ онъ.

— Къ вашимъ услугамъ.... отвѣчалъ спрошенный. — Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Незнакомецъ тихо вздохнулъ, смѣшался. На блѣдномъ, болѣзненномъ лицѣ его выступила багровая краска....

— Знали вы, въ старые годы, Волжинскаго.... Платона....

— Волжинскаго? воскликнулъ Селецкій съ мгновеннымъ увлеченіемъ. — Будто Платонъ Григорьевичъ существуетъ еще?... Гдѣ онъ?

— Передъ вами.... передъ тобою, Александръ....

Александръ Андреевичъ, уступая душевному движенію, хотѣлъ-было броситься въ объятія забытаго пріятеля, но, не охотникъ до сценъ въ толпѣ, удержался и, призвавъ на помощь свое спасительное хладнокровіе, ограничился крѣпкимъ пожатіемъ протянутой къ нему руки Волжинскаго ...

— Справедлива пословица русская: «гора съ горой не сходится, человѣкъ съ человѣкомъ сойдется», — сказалъ Селецкій не безъ волненія и оттѣнка сердечнаго чувства. — Только ты страшно перемѣнился.... и теперь не признаю тебя.... Клянусь, я думалъ, что ты давно умеръ!

— Нѣтъ.... я умираю медленно....

Съ жестокаго, злаго языка Александра Андреевича чуть-чуть не сорвалось: «такъ всѣ умираютъ; жизнь человѣческая гаснетъ постепенно». Сохранивъ про-себя эту поучительную мысль, Селецкій продолжалъ:

— Расскажи же, Платонъ Григорьевичъ, что было съ тобою?

— Долго, тяжело рассказывать; грудь у меня стала слабая. Когда-нибудь въ другой разъ....

— Ты здѣсь временно?

— До перваго парохода, который отправится въ Гельсингфорсъ. Тамъ располагаю провестъ лѣто....

— Когда пріѣхалъ въ Петербургъ?

— Съ недѣлю....

— И не отыскалъ меня!

— Боялся отыскивать.... мы отвыкли другъ отъ друга.... сказалъ Волжинскій съ замѣтною горечью....

— Однакожь, я думаю, ты не сдѣлалъ еще отвычки каждый день обѣдать.... Въ такомъ случаѣ пойдемъ ко мнѣ....

Платонъ Григорьевичъ не могъ не улыбнуться этому оригинальному обороту, которымъ его прежній пріятель ловко устранилъ не незаслуженный укоръ, и такимъ-образомъ избѣжалъ крутаго столкновенія съ прошедшимъ. Александръ Андреевичъ имѣлъ поводы не вдругъ приступить къ кой-какимъ отчетамъ.

— Лучше зайду къ тебѣ вечеромъ. Я плохой застольный собесѣдникъ; ничего почти не ѣмъ.... доктора предписываютъ діету....

— Вечеромъ, такъ вечеромъ.... Кстати, скажу тебѣ.... я семьянинъ....

— Поздравляю и завидую....

— Такъ ты все одинокъ?

— Я.... инвалидъ.... вотъ уже девятнадцатый годъ въ отставкѣ....

— Да, много лѣтъ прошло.... сколько событій....

— Свѣтъ перемѣнился....

— Шинелей никто не носить.... явилось пальто и множество другихъ изобрѣтеній.... Въкъ скакалъ на почтовыхъ....

— Ты хочешь сказать, по желѣзной дорогѣ....

— Скоро будутъ перелетать изъ края въ край по воздуху, въ аэростатахъ....

— Кто это былъ съ тобою до меня?

— Давнишній знакомецъ, извѣстный поэтъ нашъ ***. Помнится, я когда-то писалъ тебѣ о его первыхъ дебютахъ....

Послѣ подобнаго незначительнаго разговора, еще съ четверть часа продолжавшагося, старинные пріятели разстались. Селецкій сказалъ свою квартиру....

Вечернее свиданіе ихъ живо пробудило въ Волжинскомъ воспоминанія прошедшаго. Селецкій принялъ его въ роскошномъ кабинетѣ, куда черезъ нѣсколько минутъ вошла прелестная пятнадцатилѣтняя дѣвушка....

— Старшая дочь моя, сказалъ хозяинъ....

Отвѣчая поклономъ на граціозный книксенъ милаго со-

зданія, ему представленнаго, Платонъ Григорьевичъ тихо промолвилъ :

— Черты твоей дочери напоминаютъ мнѣ....

— Да, она похожа на мать.... Вотъ и сама Наталья Яковлевна.... Наташа! старый знакомый....

Дородная, но еще пріятная женщина съ жеманствомъ подала руку Волжинскому....

Въ прихожей раздался звонокъ. Слуга доложилъ :

— Яковъ Степановичъ съ супругою.

Смущеніе пробѣжало и по ровному лицу Селецкого. Наталья Яковлевна, живописнымъ жестомъ, пригласила Платона Григорьевича въ гостиную.

Онъ повиновался, пошелъ вмѣстѣ съ Селецкимъ....

Предоставляемъ читателямъ понять впечатлѣнія Волжинскаго, узнавшаго во второй женѣ Чувашева—Елену Владиміровну, урожденную Краснопольскую....

Чувашевъ соединился съ нею черезъ одиннадцать лѣтъ по смерти первой жены, продалъ домъ на Петербургской Стронѣ, и переехалъ въ центръ города....

— Ваше здоровье, батюшка? сказалъ Селецкій тестю, оправляясь отъ смущенія....

— Нева разошлась, отвѣчалъ Чувашевъ хриплымъ басомъ, вынимая хлопчатку изъ ушей.

— Оглохъ немного, шепнулъ хозяинъ гостю. — А впрочемъ, какъ видишь, сохранился, хотя ему подъ семьдесятъ....

Волжинскій не спускалъ глазъ съ бывшей Леночки, не очень подурнѣвшей, но худой и желтоватой. Всѣ возобновили давнее знакомство, и кое-какъ завязалась принужденная бесѣда, въ которой о прошломъ умно не вспоминали. Волжинскій говорилъ мало, и черезъ часъ уѣхалъ....

Намъ остается описать еще одно свиданіе прежнихъ друзей, которые тѣсно не могли уже сблизиться. Оно происходило у Волжинскаго, въ небольшой комнатѣ заѣзжаго дома. Вся мебель ея состояла изъ кровати, нѣсколькихъ стульевъ, двухъ круглыхъ столиковъ и комода. На послѣднемъ помѣщались дорожное зеркало и небольшой, въ подвижной рамкѣ, писанный акварелью, женскій портретъ.

Въ немъ, по перстеньку на мизинцѣ, Селецкій угадалъ изображеніе Мери....

Волжинскій молча ходилъ изъ угла въ уголь; Александръ Андреевичъ разсматривалъ портретъ. Удивительной красоты дѣвушка улыбалась ему какъ живая: такъ удачно было очертаніе маленькихъ устъ.

Не взирая на свой, уже поздній возрастъ, ни на характеръ, и въ молодости не склонный къ восторженности, методическій семьянинъ не воздержался отъ восклицанія: «игра стоила свѣчь!» нѣсколько циническаго, но сильнаго и вѣрнаго въ тайномъ смыслѣ трехъ простыхъ словъ.

— Это слабая копія... я рисовалъ на память.... Кисти и перо доставляли мнѣ развлеченіе....

— Перо?

— Да... какъ слѣпецъ Козловъ; я сталъ писать стихи, когда свѣтъ и счастье жизни для меня закрылись....

Волжинскій взялъ съ одного столика небольшую тетрадь.

— Вотъ моя печальная исторія! Каждый звукъ ея выходилъ изъ глубины души. Печатнымъ стихотворцамъ диктуется славолубіе: мнѣ диктовали любовь и тоска...*

— И такъ Мери была послѣднею твоею любовью?

— Шалятъ много.... истинно любятъ только разъ.... иногда ни разу.... Сказать къ слову, Елена Владиміровна....

— Не суди ее строго. Рано овдовѣвъ, она претерпѣла не мало горя. Седьмая часть, доставшаяся ей по смерти перваго, мнимо-богатаго мужа, далеко ее не обезпечивала. Въ тридцать лѣтъ прелести Леночки увядали, жить было нѣчьмъ, и она, подумавъ, не отказала моему тестю, вздумавшему сдѣлать предложеніе.... Не всѣ, какъ ты и Надежда Семеновна, до гроба неизмѣнны своимъ идеаламъ....

Волжинскій вопросительно взглянулъ на Селецкаго....

— Помнишь, *тогда* ты сообщалъ мнѣ, между прочимъ, о дурнотѣ Ознобина при чтеніи его дочерью того письма, въ которомъ я рассказывалъ про похороны Катерины Семеновны и свадьбу Леночки....

— Очень помню....

— Кирасирскій поручикъ, влюбленный въ Надежду Семеновну (она у насъ доживаетъ вѣкъ), былъ некто иной, какъ Павелъ Петровичъ Ознобинъ.... Въ твоей исторіи есть чрез-

* Изъ этой тетради заимствованъ эпиграфъ повѣсти.

вычайно-романическія сближенія... Но я ничего не знаю о дальнейшей участи Мери. Въ 1831 году ты писалъ о непонятной встрѣчѣ съ нею на чужбинѣ... Признаюсь, я не повѣрилъ больному...

Блѣдное лицо Волжинскаго вспыхнуло; онъ шибче заходилъ по комнатѣ, ковыляя хромою ногой; потомъ сѣлъ у окна, провелъ рукою по лбу, на которомъ выступилъ холодный потъ, и неровнымъ голосомъ сказалъ:

— Я самъ долго не хотѣлъ вѣрить.... Слушай, ужъ если ты завелъ объ этомъ рѣчь....

Послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ:

— Весною 1832 года, получивъ облегченіе отъ раны, я поѣхалъ въ Тамаринское. Оно было пусто. Ознобины переѣхали въ другую усадьбу, верстъ за четыреста. Въ Закатиловкѣ нашелъ я одно знакомое, преданное существо. Съ визгомъ и радостнымъ лаемъ бросилась ко мнѣ моя Мордашка, оставленная тамъ передъ походомъ. Я опять взялъ ее къ себѣ.... Казака у меня украли во время моей болѣзни. Мордашка околѣла года черезъ два. Это былъ мой послѣдній другъ....

Селецкій сталъ нюхать табакъ....

— Я отправился въ другую усадьбу Ознобиныхъ.... Мнѣ нѣчего долѣе рассказывать....

Волжинскій всталъ, отперъ свою шкатулку, и отыскавъ въ ней какой-то ветхій листокъ, подаль его Александру Андреевичу. Тотъ, надѣвъ очки, тихо прочиталъ слѣдующее:

***, 5 февраля 1832.

«Умирающая вдаль дочь ваша умоляетъ о прощениі. Скоро явлюсь передъ строгій судъ Божій. Не переживаю того, котораго любила столько, что сдѣлалась безпредѣльно виновною. Много смѣялась я въ короткій срокъ жизни, зато вдругъ выплакала всѣ слезы, изсохла въ немногое время, и кольцо свалилось съ моего мизинца. Воспоминанія дѣтства воскресли, неодолимое чувство овладѣло мною, когда я вновь увидѣла Виктора, и съ той минуты Волжинскій сталъ немилъ мнѣ. Мы тайно условились, и я, легкомысленная, скрылась ночью изъ дому родительскаго. О, я хотѣла воротиться! вырвалась, и чтобъ по-

дать вѣсть о себѣ, выбросила изъ кибитки свой носовой платокъ.... Праведное наказаніе неба быстро поразило меня за тяжкій проступокъ, сперва горестнымъ свиданіемъ съ несчастнымъ, благороднымъ женихомъ моимъ, потомъ внезапною потерю челоуѣка, увлекшаго меня къ гибели. Да проститъ намъ обоимъ неограниченное милосердіе вышнее! Глубокаго, но поздняго раскаянія моего мало. Молитесь обо мнѣ, молитесь!—*Марія.*»

— Но это твоя рука, Платонъ Григорьевичъ? сказалъ Селецкій по прочтеніи письма Мери.

— Это списокъ. Съ подлинникомъ бѣдная Марья Васильевна не хотѣла разстаться....

— Странно! Бухарскій рассказывалъ иначе....

— А какъ онъ рассказывалъ?

Со всевозможною осторожностью и разборчивостью, Александръ Андреевичъ повторилъ слова Бухарскаго....

Волжинскій пожалъ плечами....

Стихи, поэма, это несобственноручное письмо Мери не разувѣрили скептика Селецкаго въ ошибочности рассказа Бухарскаго: напротивъ, подтвердили прежнюю его увѣренность въ нѣкоторомъ заблужденіи Платона Григорьевича на счетъ темнаго происшествія въ Тамаринскомъ.... Отдаленность времени и мѣсть печальной исторіи Волжинскаго, котораго другъ его считалъ разстроеннымъ въ воображеніи, почти до помѣшательства на одной идеѣ, не позволяеть положительно заключать, въ какой степени справедливо то или другое изъ двухъ несходныхъ объясненій необыкновенной были....

=

Два пріятели, розно и неодинаково проведеніе послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни, по волѣ Провидѣнія, одновременно окончили ея трудное поприще. Медленно умиравшій Платонъ Григорьевичъ обрѣлъ конецъ своему тоскливому существованію, по возвращеніи изъ Гельсингфорса, въ сентябрь, а здоровый, счастливый Александръ Андреевичъ скончался въ ноябрь того же 1849 года, въ слѣдствіе сильной простуды, въ девять дней отнявшей его у дородной Наташи....

При погребеніи Селецкого хлопоталъ и суетился съдой старичекъ, Владиславъ Ивановичъ Шигоринъ. Много сверстниковъ проводилъ онъ къ Смоленскому или Волкову, и когда пришлось ему бросить горсть мерзлой земли на гробъ стариннаго знакома, сердце его стѣснилось грустнымъ сознаніемъ: «скоро, можетъ-быть, придетъ и моя неотвратимая очередь?»

Что всего замѣчательнѣе... уединенную могилу мечтателя Волжинскаго неизвѣстная рука постоянно украшаетъ свѣжими цвѣтами.... Изъ немногихъ, оставшихся еще въ-живыхъ дѣйствующихъ лицъ этой сложной исторіи, наибольшаго участія читателя, безспорно, заслуживаетъ Елена Владиміровна, недавно потерявшая и втораго, престарѣлаго мужа....

Л. ВРАНТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ц В Ъ Т О К Ъ .

Въ моемъ саду любви цвѣтокъ
На стебель пышно красовался....
Его я въжилъ и берегъ
И всякій день имъ любовался.
Съ него я взоровъ не сводилъ,
Дышалъ его благоуханьемъ
И съ ревностью за тѣмъ слѣдилъ,
Кто подходилъ съ очарованьемъ.
Еще я не былъ увлеченъ
Страстями свѣта, не изнѣженъ,
И жизни юной небосклонъ
Былъ ясенъ, чистъ и безмятеженъ!
Но часъ пробилъ.... и мой цвѣтокъ
Я разлучилъ съ родной землею,
И положилъ его у ногъ
Подруги, избранной судьбою.
Съ потерей радостей былыхъ,
Я оживалъ для наслажденья,
Какъ онъ на персяхъ молодыхъ
Дрожалъ отъ страстнаго волненья!
Во взглядъ каждомъ видѣлъ я
Залогъ сокрытаго участья,
Казалось мнѣ, что для меня
Опять блеснетъ земное счастье!
Но жизни временный потокъ,

Предъль судьбы неумолимой,
Ее унесь, — и мой цвѣтокъ
Завяль надъ раннею могилой!

А. РЕЙМЕРСЪ.

—
М. И. Ч ой.

Давно ужъ мнѣ казались дики
Всѣ эти призраки земли
И все, что здѣсь людскіе клики
Блаженствомъ жизни нарекли.
Вдругъ милый образъ тму сомнѣнья
Нежданнымъ свѣтомъ озарилъ
И я, въ надеждѣ возрожденья,
Васъ отъ души благодарилъ.

Вы были мнѣ милѣй, чѣмъ слава,
Я видѣлъ счастье въ васъ одной....
Но эта дѣтская забава
Не долго властвовала мной.
Теперь огнемъ земныхъ желаній
Опять по прежнему горю,
Но и за мигъ очарованій
Васъ отъ души благодарю.

П. БАСИСТОВЪ.

—
* * *

Мечтай, мечтай! однѣ мечтанья
Здѣсь счастье намъ даютъ!
Мечтай, дитя! не то — страданья
Какъ разъ тебя убьютъ.

Мечтай! отъ жизни удалися!
Не страшны лишь мечты:
Надѣйся, вѣруй и молися —
И будешь счастливъ ты.

Бѣги существенности хладной,
 Губительныхъ страстей,
 И не проси, дитя, такъ жадно
 Ты счастья у людей!

Они тебя, повѣрь обмануть,
 И осмѣютъ потомъ ;
 И разбирать тебя всѣ станутъ
 Безъ чувства — но съ умомъ.

И свѣту, вѣрь мнѣ, до страданій,
 До слезъ, и дѣла нѣтъ,
 Ему не нужно упованій;
 Лишь блеска жаждетъ свѣтъ.

И если ты, раскрывъ объятя,
 Придешь на судъ людской,
 Повѣрь, тебя не встрѣтятъ братья,
 А только хохотъ злой!

И пораженъ измѣной злою,
 Вздохнувъ, ты прочь пойдешь ;
 Но прежнихъ думъ душой больною
 Ты вѣкъ не обрѣтешь!

Д. СУШКОВЪ.

СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА.

Спалъ малютка въ колыбели
 Сномъ невиннымъ, тихимъ сномъ...
 Щечки пурпуромъ горѣли....
 Чистымъ, ангельскимъ огнемъ.

А надъ нимъ въ сѣнни, въ златъ,
 Ангель радужный париль,
 И, склонясь главою къ дитяти,
 Такъ ему онъ говорилъ.

«Ты теперь мечтой безпечной
Рвешь съ нами въ небесахъ,
Но мечтаніе не вѣчно....
Ты пробудишься въ слезахъ.

«Бѣдный другъ, зачѣмъ со мною
Для земли разстался ты...
Прилетѣлъ я за тобою,
Я продлю твои мечты.

«На землѣ тебя страдающа
Грозной ратью окружатъ,
И житейскихъ испытаній
Ты не вынесешь, мой братъ!

«Милосердый — въ избавленіе
За тобой меня послалъ,
И тебѣ свое прощенье
Нашъ Создатель даровалъ...

«Не проснешься ты для горя:
Я умчу тебя съ собой....
Насъ въ заоблачномъ просторѣ
Ждетъ давно собратій рой!»

И младенецъ, не рыдая,
Рѣчи ангельской внималъ,
И къ посланнику изъ рая
Онъ объятя простиралъ....

Ангель къ люлькѣ наклонился:
Мать объята тихимъ сномъ....
И онъ съ первенцомъ сокрылся,
Осыня его крыломъ....

И. ВУЛЕ.

ЛЮБОВЬ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ БАРЫШНИ.

ПОВѢСТЬ АРКАДІЯ БУТОВСКАГО.

I.

Вечеромъ пятнадцато октября, 1841 года, домъ барона К***, освѣщаемый множествомъ огней, горѣлъ, какъ драгоценный бриллиантъ посреди мрачной и черной линіи другихъ домовъ, гдѣ уже все спали и которые, сами по себѣ, походили на дремлющихъ великановъ. Кареты подъѣзжали, одна за другой, къ освѣнительно-иллюминированному подъезду и толпы любопытныхъ тѣснились вокругъ, чтобы наглядѣться на роскошные наряды гостей.

Баронъ К*** былъ настоящій Лукуллъ и истинный бон-виванъ. Онъ жилъ открыто и, зная наизусть цифры, обозначающія его ежегодный доходъ, вовсе не помышлялъ объ увеличеніи своихъ итоговъ. Бывъ, такъ сказать, русскимъ пьемцемъ, баронъ держался пословицы «*что есть въ печи, то на столъ мечи*». Притомъ некому было его останавливать. Онъ былъ вдовъ, и единственная его дочь вполне наследовала наклонности батюшки; любила повеселиться, попрыгать и была радехонька каждый день принимать гостей. Къ этому еще должно присовокупить, что къ нимъ съѣзжались люди, хотя не высшей аристокраціи, однако довольно блестящее общество. Обыкновенно танцо-

вали подь фортепяно, играли въ карты, и вечеръ заключался сытнымъ ужиномъ. Сегодня-же былъ экстренный случай, по причинѣ имянинъ самаго хозяина. Это былъ уже не простой вечеръ, а блестящій балъ.

Балъ! какъ пріятно звучитъ это слово! вотъ явленіе самое утѣшительное въ свѣтской жизни, преимущественно женщинъ!—Въ тотъ день, когда вы приглашены на балъ, вы чувствуете себя и лучше, и веселѣе, и добрѣе, и счастливѣе: невольно отдаляете всякую горестную мысль, прощаете врагамъ, готовы на всякую ласку, на всякое доброе дѣло, — и все оттого, что сегодня вечеромъ вамъ предстоитъ быть на балъ. Но здѣсь должно прибавить, что вы таковы тогда только, когда на этомъ балъ надѣетесь встрѣтить любимое вами общество. Вотъ уже вечеръ. Приближается время веселья. Воображеніе ваше кипитъ, сердце радуется, душа рвется изъ оковъ скучной, прозаической жизни, туда, туда, — въ тотъ чудный міръ, гдѣ все мило, прелестно, очаровательно: она стремится на балъ.

Прошедшее и будущее, какъ два страшные хаоса, исчезаютъ теперь въ одномъ этомъ словѣ, въ этой блестящ; и въ этой-то каплѣ блаженства хотите вы утопить все горе, все, что могло-бы вамъ напомнить, что и вы не изъяты отъ житейскихъ тревогъ.

Но, что-же такое значитъ балъ? — какъ и всякое другое явленіе, балъ имѣетъ свою совершенную отдѣльную жизнь, рѣзко обозначающую періоды своего развитія. Первый періодъ начинается пріездомъ гостей и продолжается до мазурки. Мазурка составляетъ второй. Ужинъ и разъездъ третій.

Вы еще дома. Еще бѣлоснѣжныя ручки ваши скрываются подь скромной мантилей, а чудныя ножки отдыхаютъ въ изящныхъ туфляхъ, въ то самое время, когда въ комнатахъ того дома, куда сегодня вы приглашены на балъ, уже все готово къ принятію васъ: слуги въ парадныхъ ливреяхъ, бѣлыхъ галстухахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, занимаютъ свои посты; музыканты перебираютъ ноты; озабоченные хозяинъ и хозяйка остаются въ нетерпѣливомъ ожиданіи. И вотъ начинается пріездъ гостей. Громъ подъезжающихъ каретъ производитъ пріятную тревогу. Краснорѣчивыя привѣтствія раздаются со всѣхъ сторонъ. Разнообразіе лицъ, нарядовъ, выражений сливаются въ очаровательный хаосъ предъ глазами простаго наблюдателя; но въ этомъ хаосѣ есть идея господствующая, идея са-

модовольствія, почему и періодъ этотъ можетъ-быть названъ періодомъ самодовольствія.

Очень понятно. Если каждый даетъ свободу своему туалету продолжаться нѣсколько часовъ, то наконецъ онъ можетъ прийти къ тому заблужденію, что ѣдетъ на балъ едва-ли не Аполлономъ Бельведерскимъ. Такія утѣшительныя фантазіи и не рѣдко ложныя убѣжденія рѣзко отпечатываются на лицахъ гостей. Всякій погруженъ въ созерцаніе собственныхъ достоинствъ.

«Какъ должно быть очаровательно мое платье,» мечтаетъ красавица, «какъ оно идетъ къ моему лицу, какой эффектъ произведу я на балъ!» Быстро мелькаютъ передъ окнами ея экипажа колоссальныя тѣни зданій Петербурга. Она пріѣхала: въ неизъяснимомъ восторгѣ подымается по лѣстницѣ, роскошно украшенной цвѣтами. Сердце ея замираетъ особенной радостью при первыхъ долетѣвшихъ звукахъ бальной музыки. И вотъ она уже въ пышныхъ чертогахъ; огромное трюмо съ гордостью отражаетъ всю восхитительность ея наряда. Она танцуетъ; не смотритъ ни на кого; опускаетъ взоры, придавая тѣмъ еще болѣе томности своей красотѣ. Сердце говорить ей, что всѣ ею любуются, на нее смотрятъ... Увы, въ эти минуты, это одно только пріятное заблужденіе! Но менѣе или болѣе тоже самое чувствуютъ и всѣ другіе. Тѣми-же ощущеніями бьются сердца, подъ пикейными и атласными жилетами и тѣ-же мысли мелькаютъ въ воображеніи суровыхъ батюшекъ и отцвѣтшихъ маменекъ. Всѣ, всѣ погружены теперь въ созерцаніе собственныхъ достоинствъ и, хотя не на долго, но каждый видитъ въ себѣ что-то прекрасное.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе слабѣетъ этотъ характеръ, такъ, что при началѣ мазурки вы уже читаете на лицахъ танцующихъ чудесную драму, скрывающуюся досель подъ односторонней оболочкой.

Мазурка составляетъ періодъ *истинной бальной жизни*. Теперь мелькаютъ предъ вами и мрачныя Гамлеты, и тревожныя Отеллы и сладко-звучныя Спрены, — и мимическія Граціи... Еще не много, и балъ потерялъ-бы всю поэзію: но *ужинъ*, какъ электрическая искра все оживляетъ! Ужинъ есть истинное осуществленіе Аристотелевой философіи, которая утверждаетъ, что во всемъ должны быть и есть *средина, гармонія*, и что удовольствія нравственныя должны соединяться съ матеріальными удобствами.

По окончаніи ужина наступаетъ третій періодъ, носящій на себѣ

отпечатокъ самозабвенія. Каждый какъ-бы въ противоположность первому состоянію, живетъ вовсе не самосозерцательною жизнью, но вышинею, предаваясь созерцанію другихъ. Это совершенно новое состояніе духа продолжается и по окончаніи бала. Одни будутъ мечтать объ немъ пока не заснутъ. Другіе не забудутъ его недѣлю, двѣ, три; наконецъ найдутся и такіе, для которыхъ онъ останется незабвеннымъ на всю жизнь.

Но возвратимся къ балу барона. Онъ былъ уже во второмъ періодъ своего развитія, то-есть, танцовали мазурку, когда всеобщимъ приговоромъ княжна Лельская была признана царицей бала. Безпрестанно передъ нею то раздавалось звучное удареніе кавалерійскихъ шпоръ, то сгибались раздушенныя и завитыя головы франтовъ, зачѣмъ безъ сомнѣнія слѣдовали самыя витіеватыя приглашенія на кон-тредансъ, или на одинъ туръ вальса.

Впрочемъ, княжна Леонора Лельская была еще такъ молода, что вовсе не замѣчала своего торжества, которымъ-бы столь искусно умѣла воспользоваться болѣе опытная свѣтская дѣвица.

И въ то время, когда во всѣхъ углахъ залы разточались похвалы прелестной княжнѣ, одинъ молодой левъ, не принимая участія въ танцахъ, безмолвно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Казалось, глаза его искрились блаженствомъ, когда княжна случайно къ нему приближалась; то внезапно лицо его покрывалось смертной блѣдностью, если онъ замѣчалъ улыбку или вниманіе княжны къ кому-либо изъ другихъ кавалеровъ. Это были странные припадки ревности, которыхъ причину молодой человекъ не могъ самъ себя объяснить. Онъ видѣлъ эту дѣвицу въ первый разъ, не зналъ даже ея имени; но она осуществила передъ нимъ идеаль всего прекраснаго, идеаль, который такъ давно былъ знакомъ его воображенію, его сердцу. Однимъ словомъ, онъ уже любилъ и слѣдовательно былъ въ правѣ ревновать.

— «О чемъ задумался?» спросилъ подошедшій къ нему адъютантъ, слегка ударяя его по плечу.

— «Здравствуй Червинскій,» отвѣчалъ молодой левъ; «скажи пожалуйста, кто эта красавица въ локонахъ?» Онъ спрашивалъ о княжнѣ. Къ несчастію, тамъ было двѣ красавицы въ локонахъ, хотя между-ними каждый могъ замѣтить значительную разницу. Сколько княжна была существомъ идеальнымъ, столько другая обладала прелестями, чисто прозаическими. Однако яркій румянецъ и излишняя

полнота послѣдней дѣлали ее несравненной въ глазахъ Червинскаго. Вопросъ молодого человѣка не много смутилъ его, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не сомнѣвался, что этотъ вопросъ прямо относился къ той особѣ, которая, по его понятіямъ, была богиней красоты. Вотъ почему онъ отвѣчалъ съ проніей:

— «А, любезный, ты имѣешь не дурной вкусъ. Прелестная Иволгина замѣчательна не по однимъ локонамъ.»

Молодому человѣку только нужно было знать ея фамилію. Адъютантъ еще продолжалъ говорить, но влюбленный уже давно его не слушалъ.

— «Иволгина...» мечталъ онъ въ пріятной разсѣянности, въ то самое мгновеніе, когда какой-то штатскій подвель къ нему двухъ дамъ. Танцовали фигуру *качества*.

— «Любовь или Дружба?» спросилъ подошедшій.

— «Любовь», отвѣчалъ молодой человѣкъ. И каковы были его изумленіе и радость, когда вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ, онъ получилъ право танцовать съ княжной, извѣстной ему подъ именемъ Иволгиной. Пробывая съ нею нѣсколько туровъ, онъ успѣлъ сказать ей немного словъ, на которыя она отвѣчала такъ ласково, съ такою кротостью, что очарованный левъ возвратился на свое прежнее мѣсто, окончательно укрощенный. Червинскій въ это время совершенно въ другомъ концѣ залы разговаривалъ съ настоящей Иволгиной.

— «Кто такой этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ вы сейчасъ бесѣдовали?» спросила она.

— «Какое сочувствіе!» воскликнулъ адъютантъ, пожимая плечами; «представьте, онъ только что спрашивалъ меня о васъ.... И могъ-ли я думать, что счастливцевъ уже вами замѣченъ!»

— «Угаіment?» продолжала Иволгина, «но онъ такъ милъ, такъ интересенъ! какъ жаль однако, что онъ не танцуетъ. Скажите мнѣ его имя?»

— «Александръ Натолинъ!» отвѣчалъ адъютантъ не безъ досады.

Между-тѣмъ какъ мазурка близилась къ окончанію, въ сосѣднихъ комнатахъ рѣшалась участь играющихъ въ вистъ и бостонъ. Причемъ кислыя мины проигравшихъ и радость ихъ побѣдителей, еще разъ подтвердили истину, что веселость однихъ часто бываетъ сопряжена съ неудовольствіемъ другихъ.

— «Опять проигрался, графъ!» замѣтилъ баронъ смѣючись, подходя къ молодому человѣку, который впрочемъ, совершенно въ противу-

положность другимъ, очень хладнокровно отсчитывалъ проигранныя деньги.

Молодой графъ, услышавъ замѣчаніе барона, бѣгло отодвинулъ отъ себя весь проигрышъ, и потомъ, вставъ съ своего мѣста, обратился къ великолѣпному хозяину.

— «Извините, баронъ», сказалъ онъ, «въдѣ вамъ уже извѣстно, какъ я несчастливъ въ игръ?»

— «За то ты долженъ быть счастливъ въ любви!» замѣтилъ баронъ смѣючись и взявъ подѣ руку графа. Потомъ, понизивъ голосъ и удаляясь въ уединенный уголь комнаты, онъ продолжалъ: «Шутки въ сторону *sheg ami*. Мы были большіе друзья съ твоимъ отцемъ; по всей справедливости я имѣю право дать тебѣ добрый совѣтъ, а ты долженъ послушаться наставленій опытнаго старика. Согласись, *sheg ami*, что тебѣ уже скоро тридцать лѣтъ, что это возрастъ, когда вѣтренность ужъ нейдетъ молодому человѣку. И такъ не мѣшало-бы бросить карты и подумать о женитьбѣ. Вѣрь мнѣ, что одна только семейная жизнь можетъ насъ вполне осчастливить; въ особенности въ такомъ возрастѣ, какъ твой, когда страсти требуютъ нѣкоторой борьбы.

— «Ахъ баронъ, баронъ»... отвѣчалъ графъ Радовичъ, «легко сказать, тяжело и почти невозможно исполнить. Какъ трудно найти невесту по сердцу, по нраву!»

— «Я тебѣ укажу невесту;» продолжалъ баронъ, «было-бы согласіе съ твоей стороны....»

— «Но можно-ли эти вещи дѣлать такимъ образомъ?» замѣтилъ Радовичъ; «развѣ можно сердце свое заставить любить насильно?»

— «Послушай, *sheg ami*», возразилъ баронъ, «если та, о которой я говорю, не внушитъ тебѣ любви, то ты никогда не будешь любить....»

— «О комъ-же вы говорите?»

— «О княжнѣ Лельской;» шепнулъ ему баронъ на-ухо.

— «Я ее вовсе не знаю!» отвѣчалъ графъ съ возрастающимъ удивленіемъ.

Въ это время, когда они такъ разговаривали, дочь барона подбѣжала къ нимъ и, поцѣловавъ руку отца, объявила ему, что княжнѣ сдѣлалось дурно и что она уязжается. Вслѣдъ за тѣмъ появилась сама княгиня въ сопровожденіи своей очаровательной дочери. Убѣжденія барона остаться ни въ какомъ случавъ не могли быть

напрасными: *во-первыхъ*, княгиня любила балы и уезжала на этотъ разъ прежде окончанія бала съ стѣсненнымъ сердцемъ; *во-вторыхъ*, мнѣніе барона для нея было закономъ, потому-что она вѣрила въ него, какъ въ оракула; *въ-третьихъ*, княжна вообще была очень счастлива. Однако баронъ разсудилъ за лучшее не удерживать ее. Княгиня уехала. Но какая буря разнородныхъ ощущеній теперь возникла въ душѣ графа Радовича. Красота молодой княжны произвела на него то магическое впечатлѣніе, которое долго не изглаживается. Впрочемъ, онъ еще не вполне былъ убѣжденъ, что эта красавица точно княжна Лельская, хотя изъ словъ барона могъ нѣсколько догадываться.

— «Такъ это-то и есть княжна Лельская, о которой вы мнѣ сейчасъ говорили?» спрашивалъ онъ у барона съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

— «Это она!» отвѣчалъ баронъ, «какова? Притомъ, *sheg ami*, какъ богата, какъ образована!... Слушайся меня, графъ. Если хочешь, я тебя женю, и ты будешь счастливъ!»

Графъ былъ въ такомъ волненіи, что не могъ ничего отвѣчать, и передъ глазами его все еще рисовались прелестныя черты княжны.

Вскорѣ послѣ этого кончилась музыка и шумныя волны гостей устремились въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный ужинъ. Послѣ ужина половина общества еще продолжала прыгать; другая — уже тѣснилась въ сняхъ подъезда.

— «Карета Натоллина!» закричалъ швейцаръ.

Закутаннѣй въ плащъ, Натолинъ попышился выйти; но кто-то дернулъ его за воротникъ.

— «Любезный Александръ», произнесъ графъ Радовичъ, «намъ не удалось съ тобой молвить слова въ продолженіи цѣлаго вечера!»

— «Графъ», отвѣчалъ Натолинъ, съ восторгомъ пожимая руки своему искреннему другу; «какъ я радъ, что тебя вижу! Мнѣ нужно съ тобою поговорить о многомъ! — Завтра въ пятомъ часу я буду къ тебѣ обѣдать.»

— «Надѣюсь», замѣтилъ графъ, «что ты не измѣнишь твоему слову, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ скорая разлука».

— «Ваша карета готова!» въ нетерпѣннѣйшій повторялъ лакей.

Пріятели поневолю должны были отложить свою бесѣду *до завтра*.

Въ это время по лѣстницѣ спускалась толстая госпожа Иволгина

въ сопровожденіи своей не менѣе полновѣсной дочки и пламеннаго вздыхателя Червинскаго.

— «Вѣроятно вы намъ доставите случай видѣть у насъ на вечерахъ интереснаго Натоліна?» сказала Иволгина Червинскому, когда тотъ, выхвативъ у лакея салопъ, подавалъ ей самымъ изысканнымъ образомъ.

— «Ваши приказанія для меня законъ», отвѣчалъ Червинскій, «вро-чемъ, не смѣю обѣщать, потому-что слышалъ о скоромъ отъѣздѣ Натоліна по дѣламъ службы.»

«Карета графа Радовича!» закричалъ швейцаръ.

«Княжна Лельская», мечталъ графъ садясь въ карету, «княжна Лельская... повторялъ онъ, входя въ свою квартиру и стараясь въ умъ припомнить все, что слышалъ отъ барона.

Не съ меньшимъ восторгомъ мечталъ объ ней-же, только подъ именемъ Иволгиной, его другъ-соперникъ.

«Иволгина! очаровательная Иволгина!» восклицалъ Натолінь, сѣдя совершенно одинъ въ своей комнатѣ и устремляя страстный взоръ въ потолокъ, какъ-бы ожидая, что онъ внезапно раскроется и что какъ въ волшебной сказкѣ, прелестная мечта явится передъ нимъ на облакахъ.

II.

На другой день въ условленный часъ Натолінь и графъ Радовичъ были вмѣстѣ и разсуждали о вчерашнемъ балѣ. Они ничего не скрывали другъ отъ друга. И въ то время, какъ одинъ изъяснялъ свое восхищеніе отъ Иволгиной, другой описывалъ княжну Лельскую въ самыхъ радужныхъ цветахъ.

— «Тебѣ извѣстно графъ», говорилъ Натолінь, «что я вскорѣ оставлю Петербургъ, можетъ-быть, не надолго, а можетъ-быть и на нѣсколько лѣтъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Но повѣрь мнѣ, что прелестная Иволгина никогда не изгладится изъ моей памяти; что никакія красавицы въ мірѣ не заставятъ меня ее забыть. Тебѣ покажется это пожалуй вспышкой, горячкою чувствъ, ребячествомъ.... Ты припишешь мои слова неопытности; но между-тѣмъ, я сознаю совершенно противное. Чувство, которое заставляетъ меня дѣлать тебѣ подобное признаніе, не есть бредъ ребенка. Оно запало такъ глубоко, въ мое сердце, что едва-ли можетъ когда-нибудь измѣниться.»

Во всякое другое время, графъ отъ души расхохотался-бы надъ такимъ признаньемъ своего друга, но теперь онъ самъ ощущалъ что-то похожее.

— Будущее отъ насъ закрыто, любезный Александръ», отвѣчалъ Радовичъ, «впрочемъ я готовъ вѣрить въ силу нѣкоторыхъ впечатлѣній. Ты помнишь, какъ я всегда былъ далекъ отъ любви. Если иногда и случалось мнѣ увлекаться красотой женщины, то подобныя увлеченія были непродолжительны. Но что почувствовалъ я вчера, увидѣвъ въ первый разъ княжну Лельскую, то было не простое увлеченіе. Мнѣ показалось, что я именно встрѣтилъ въ ней ту дѣвушку, которую всегда искалъ и не находилъ. Умъ мой не въ состояніи ничего придумать, что могло бы меня не только разочаровать въ княжну, но даже хотя немного ослабить или охладить мой восторгъ отъ нея. Я увѣренъ, что обворожительная наружность этой дѣвушки общаетъ столь-же прекрасную душу. Вотъ почему я вѣрю, что и Иволгина могла произвести на тебя такое-же выгодное впечатлѣніе. Впрочемъ, я долженъ тебѣ объявить, что я очень хорошо знакомъ съ Иволгиными и могу тебя къ нимъ представить....»

— «Ты знаешь ихъ!» воскликнулъ Натолинъ, задыхаясь отъ радости.

— «Очень хорошо», отвѣчалъ графъ, съ маленькимъ хладнокровіемъ.

Натолинъ не вѣрилъ ушамъ своимъ. Онъ былъ такъ счастливъ, вслѣдствіе этого новаго извѣстія, что на глазахъ его навернулись слезы.

— «Когда жъ ты меня къ нимъ повезешь?» спрашивалъ онъ отрывистымъ голосомъ, обнимая своего друга.

— «Черезъ недѣлю ты уѣзжаешь....» отвѣчалъ графъ, «значить, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Завтра же поѣду съ визитомъ къ Иволгинымъ, а въ воскресенье вечеромъ мы отправимся къ нимъ вмѣстѣ.»

Пріятели разстались въ самыхъ радужныхъ надеждахъ.

Они были истинные друзья. Друзья, не потому только, что такими ихъ называлъ свѣтъ. Семейства ихъ были когда-то въ тѣсныхъ связяхъ. Они жили въ Малороссіи и жили что говорится душа въ душу. Еще по третьему году жизни, Натолинъ потерялъ своихъ родителей, которыхъ дѣла были въ большомъ разстройствѣ и тогда же его взяли къ Радовичамъ, гдѣ онъ и выросъ.

Старикъ-Радовичъ былъ одинъ изъ самыхъ хлѣбосольныхъ и на-

божныхъ помѣщиковъ того края. Набожность и добродѣтели его славились по всей губерніи. Онъ полюбилъ сиротку и изъ уваженія къ памяти его родныхъ далъ обещаніе воспитывать его, какъ собственнаго сына. Жена его, пѣжная и чувствительная женщина, не могла безъ слезъ смотреть на бѣднаго мальчика. Съ радостію однако замѣчала она большую дружбу въ малюткахъ и всячески старалась поддерживать это благое направленіе ихъ чувствъ. Она не ошиблась. Первые сѣмена, брошенныя милой ея попечительностію въ сердца скромныхъ дѣтей, принесли обильные плоды. Чѣмъ болѣе входили они въ возрастъ, тѣмъ сильнѣе развивалась въ нихъ взаимная привязанность. Проводя время вмѣстѣ, маленькіе друзья никогда не ссорились. Огорченіе одного, уже печалило другаго. Каждый изъ нихъ отказывался отъ удовольствія, если другой не могъ принять въ немъ участія. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ милыхъ дѣтей и ставили ихъ въ примѣръ другимъ.

Радовичи между тѣмъ, какъ люди довольно богатые, ничего не щадили чтобы дать имъ самое блестящее воспитаніе. Въ домъ у нихъ постоянно жили французъ и нѣмецъ, такъ, что дѣти по седьмому и десятому году уже довольно бѣгло говорили на модныхъ иностранныхъ языкахъ, дѣлая въ тоже время значительные успѣхи въ наукахъ.

Когда маленькому Радовичу минуло двѣнадцать, а Натолину десять лѣтъ, ихъ обоихъ повезли въ Петербургъ для опредѣленія одного въ Лицей, другаго въ корпусъ. Покойный отецъ Натоллина, проведя большую половину жизни на Марсовомъ полѣ, желалъ, чтобы сынъ его пошелъ тѣмъ же путемъ. Радовичи непременно хотѣли исполнить послѣднюю волю покойнаго друга, однако она осуществилась не вполне: Натолинъ точно приготавлился къ военной службѣ, но за слабостію здоровья, долженъ былъ перейти къ статскимъ дѣламъ.

Со времени поступленія въ казенныя заведенія, юные пріатели видѣлись рѣже. Но эти розныя дороги на пути образованія юношей, нисколько не повредили ихъ дружбѣ, которая оттого получила еще большее развитіе. Проводя цѣлую недѣлю въ разлукѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали они субботы и съ приближеніемъ этого радостнаго дня, въ восторгъ лѣтели домой. Встрѣча ихъ дышала любовію. Такимъ образомъ протекало дѣтство. Наступило время юности. Радовичъ вышелъ изъ заведенія, опредѣлился въ службу, и родители его возвратились на родину. Однако, какъ въ природѣ не бываетъ двухъ

предметовъ совершенно сходныхъ между собой, такъ и теперь въ характерахъ этихъ друзей, въ положеніи, въ понятіяхъ было различіе.

Графъ Радовичъ двумя годами ранѣе вышедши изъ заведенія, въ это время многое видѣлъ, испыталъ. Натолкинъ еще только начиналъ свое поприще.

Опытность Радовича относилась болѣе къ знанію людей. Онъ никогда не увлекался мыслію, чтобы люди были баснословные герои, онъ видѣлъ ихъ недостатки, но отдавалъ впрочемъ справедливость и ихъ добродѣтелямъ. Глубже всего онъ изучилъ женщинъ. Это самое изученіе служило, можно сказать, главной причиною тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, которые оказалъ онъ въ познаніи свѣта. Онъ никогда не былъ истинно влюбленъ; но часто бывалъ на точкѣ подчиниться этому чувству. Встрѣчая женщину, которая ему правилась, онъ непременно хотѣлъ убѣдиться, что и самъ ей нравится.

Къ счастью онъ попадалъ все на такихъ странныхъ особъ, которыя, не постигая, что въ немъ чувство было подъ гнетомъ самолюбія, дарили его взаимностью и чрезъ то вѣтренникъ скоро охлаждался. Онъ тотчасъ умѣлъ находить недостатки въ характеръ, въ манерахъ, или въ самой красотѣ существа, которое такъ недавно еще было предметомъ его мечтаній. Однако, имѣя доброе и благородное сердце, Радовичъ никогда не употреблялъ во зло никакого случая, который бы могъ ему доставить значительныя преимущества и даже права надъ неопытностью дѣвушки или надъ слабостью беззащитной женщины. Путемъ этихъ легкихъ и иногда поучительныхъ очарованій и разочарованій, онъ быстро подвизался въ наукѣ свѣтскости. Жажда любви, казалось, уже была въ немъ утолена, хотя онъ ни разу истинно не любилъ и не былъ любимъ. Для него не существовало поэтическихъ чаръ, увлекающихъ воображеніе юноши, а мечтательность была ему даже противна. Онъ искалъ удовольствій существенныхъ и, имѣя значительныя къ тому средства, предавался имъ безотчетно. Впрочемъ, вредное пресыщеніе не произвело надъ нимъ еще своего тлетворнаго вліянія и Радовичъ любилъ повѣситься.

Не такъовъ былъ Натолкинъ. Какъ цвѣтокъ едва распустившій свои стебельки, распространяетъ сладкое благоуханіе, такъ и онъ, разцвѣтая для жизни, казалось, всему улыбался и все ему улыбалось. Обладая всеми способностями, составляющими украшеніе мужа, онъ въ тоже время былъ такъ проникнутъ чувствомъ, что оно, какъ

пламя прорывалось во всякъ его *поступкахъ, движеніяхъ, мысляхъ, словахъ*. Это не было чувство, которое часто при дурномъ и своенравномъ характеръ, увлекаясь пылкостью, дѣлается страшнымъ и необузданнымъ; это была та утѣшительная способность сердца, которая сопровождается кротостью и смиреніемъ. Исполненный высокихъ, поэтическихъ, нравственныхъ идей, Натолинъ во всемъ хотѣлъ видѣть ихъ осуществленіе. Бывъ сиротой, онъ даже не понималъ своего горя и слѣдовательно никогда не ропталъ на судьбу. Въ лѣта дѣтства, въ семьѣ графовъ Радовичей, онъ былъ какъ у родныхъ. Послѣ же, по выходѣ изъ корпуса, товарищъ его Радовичъ замѣнялъ ему и отца, и брата, и друга. Но въ настоящемъ возрастѣ, когда, по неизмѣннымъ законамъ природы, всякая сила и способность души получаютъ дальнѣйшее развитіе, Натолинъ бессознательно искалъ простора для чувства, волновавшаго его грудь и распространявшагося по всему организму. Ему потребно было большее сочувствіе. Онъ, такъ сказать, машинально искалъ сердца, которое могло бы его понять, оцѣнить; съ которымъ онъ могъ бы бесѣдовать во всякое время; которое бы никогда съ нимъ не разлучалось, дружба ужъ не въ силахъ была его удовлетворить, — наступала пора любви!!

III.

Какъ рѣшить наконецъ что такое любовь, чувство-ли это, идея-ли врожденная, — или просто игра воображенія? — Помнится мнѣ, что когда я былъ помоложе, то часто съ напряженнымъ вниманіемъ сидѣлъ понасть въ фокусъ глубокомысленныхъ словъ одного пріятеля-физиолога, который съ высоты своего глубокомыслія, приложивъ указательный перстъ къ обширному лбу, громогласно задавалъ самому себѣ вопросъ: *что такое есть любовь?* — Впрочемъ сколько ни глубокомысленъ былъ физиологъ, однако по его теоріи выходило: что любовь есть *нѣчто*, а при другихъ обстоятельствахъ *ничто*.

«Да прахъ его возьми, почтеннаго моего пріятеля!» думалъ я, возвращаясь послѣ подобнаго разсужденія: «гдѣ-же у него соображеніе? Если *любовь* есть *нѣчто*, то какимъ-же образомъ, при другихъ обстоятельствахъ, она можетъ быть *ничто*. Если однажды уже признано, что она *нѣчто*, то *нигдѣмъ* она никогда не можетъ быть. Въ противномъ случаѣ и то и другое будетъ уже не *любовь*.» Такъ разсуждалъ я, но вскорѣ судьбѣ угодно было меня удостовѣрить на самомъ дѣлѣ, что

любовь действительно иногда бывает *нѣчто*, а при другихъ обстоятельствахъ *ничто*. Причиной такого новаго моего убѣжденія была пара чудесныхъ черныхъ глазъ. Каждый разъ, когда я отправлялся куда нибудь, или возвращался домой, я непременно долженъ былъ проходить мимо небольшого сѣренькаго домика, гдѣ меня приветствовали выразительные черные глазки. Какъ не сказать, что въ этихъ глазкахъ есть *нѣчто*, что они производятъ на меня впечатлѣніе, которое также есть *нѣчто*, и что они равномерно въ будущемъ обѣщаютъ положимъ бракъ, который есть тоже *нѣчто*. Значитъ самая любовь есть *нѣчто*. Но что-же она такое?—увы, послѣдствія доказали мнѣ, что она есть *ничто*. Правъ незабвенный физиологъ и я стократъ виновать передъ нимъ за мои неосновательныя обвиненія. Вотъ какъ я дошелъ до этого послѣдняго убѣжденія. Черные глазки производили на меня такого рода впечатлѣнія, что я совершенно захворалъ. Отсутствіе аппетита, тоска, непобѣдимая лѣнь, бессонница были главными признаками моей новой болѣзни. Долго я страдалъ, не зная, чѣмъ себѣ пособить. Какъ на грѣхъ къ тому-же и черные глазки исчезли. Въ совершенномъ недоумѣніи я рѣшился идти къ доктору.

— «Что съ вами?» ласково спросилъ меня мой пріятливый Гиппократъ.

— «Плохо, очень плохо!» отвѣчалъ я со вздохомъ, «какая-то вялость и дряблость во всемъ тѣлѣ. Недостатокъ аппетита, дурное пищевареніе и прочее и прочее.»

«Покажите вашъ языкъ,» продолжалъ докторъ щупая у меня пульсъ. При этомъ онъ немного склонилъ ухо, какъ-бы желая подслушать біеніе артерій....»

— «Что вы находите почтеннѣйшій докторъ?» робко спросилъ я, того и ожидая, что онъ мнѣ брякнетъ въ отвѣтъ: «нахожу что вы влюблены.» Къ счастью, случилось иначе. Докторъ подержалъ меня за пульсъ и объявилъ, по нѣкоторомъ размышленіи, что у меня *катаральное воспаленіе*. «Вѣроятно у васъ былъ насморкъ,» говорилъ онъ, «и вы его застудили, вотъ отчего мокроты упали на грудь. Вамъ надобно очень беречься. Я вамъ пропишу *траву* и *пластырь* на грудь. Будьте спокойны. Это пройдетъ.»

У меня какъ камень съ души свалился, когда я узналъ, что страдаю не *любовью*, а *катаральнымъ воспаленіемъ*.

Однако какъ усердно я ни пилъ прописанную мнѣ траву, какъ ревностно ни прикладывалъ пластырь къ груди, болѣзнь моя нисколь-

ко не уменьшилась. Напротивъ того, узнавъ какъ-то вечеромъ отъ слуги, что черные глазки уехали навсегда изъ Петербурга и что на дняхъ они должны выйти за мужъ за какого-то офицера, я едва дотащился до своей комнаты. Не помню, какъ въ нее вошелъ, какъ упалъ на диванъ; но знаю достоверно, что пришелъ въ себя не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого происшествія. Впродолженіе всего этого времени я находился въ сильной горячкѣ.

— «Вотъ видите-ли,» замѣтилъ мнѣ докторъ, когда я уже могъ понимать, что мнѣ говорятъ, «вотъ видите-ли, что значить простуда. Простой насморкъ могъ причинить вамъ злую горячку, а слѣдствіемъ горячки нерѣдко бываетъ *смерть*.»

— «Толкуй себя, господинъ докторъ, думалъ я про себя, а *любовь* между тѣмъ есть *нѣчто, нѣчто и нѣчто*.»

Наконецъ все прошло. Я выздоровѣлъ. Сталъ посѣщать моего физиолога, заниматься, веселиться и тогда заговорилъ совсѣмъ другое: именно: что любовь есть *ничто, ничто* и даже совершенное *нѣчто*. Блаженъ тотъ, кто подобно мнѣ легко отдѣляется отъ этой горячки чувствъ, которая приходитъ къ инымъ совершенно иначе. Такъ это было теперь съ Натолынымъ. Последнее свиданіе его съ графомъ Радовичемъ растравило сердце неукротимымъ желаніемъ дожидаться скорой воскресенья, потому что въ воскресенье онъ увидитъ *ее*... а между тѣмъ до воскресенья еще оставалось трое сутокъ и время на смѣхъ ползло какъ *ракъ*. Ужасныя мученія должно было испытывать влюбленное сердце. Впрочемъ любовь изобрѣтательна. Чѣмъ замѣстить промежутокъ времени, едва ли не походящій на вѣчность? — чѣмъ успокоить терпѣніе, готовое отказать въ своихъ услугахъ? — какъ проникнуть, или по-крайней-мѣрѣ, заглянуть въ будущее? — другому никакъ не пришло-бы въ голову, что тутъ надо сдѣлать, а влюбленный тотчасъ догадался. Онъ рынулся итти къ ворожеѣ. Гдѣ-то въ *Коломнѣ* около *Козьяго* болота, отыскалъ онъ небольшой полуразрушенный домишко, въ которомъ обитала премудрая и велерѣчивая прорицательница будущаго. Подойдя къ дверямъ этаго аугуральнаго жилища, молодой человекъ почувствовалъ маленькую робость. Дверь была обита рогожей и довольно длинная цѣпочка съ замкомъ, висѣвшая отвѣсно, возвышала о томъ, что хозяйка дома. Какъ тутъ поступить: постучать или закричать? Нетерпѣніе побѣдило нерѣзительность: молодой человекъ и закричалъ и постучалъ въ одно и тоже время. Кто-то ме-

денно стал шаркать по комнатам и прямо подошел к дверям, запертым изнутри задвижкой....

— «Ну кто там?» спросил грубый голос, заставивший содрогнуться Натоллина.

— «Гадатель, желающий знать свою будущность!!» отвечал он, не без маленького трепета. Дверь распахнулась.

Одна квадратная сажень составляла всю величину плоскости этого жилища, котораго большую половину занимала пузатая русская печка. На шестке сидел черный кот с сверкающими глазами. От нечего делать, усатый мурлыка заглядывал в пустые горшки, которые в изобилии стояли вокруг него и пронзительным мяуканьем выражал свою досаду. Небольшой сальный огарок воткнутый в маленькую полубутылку, освещал перед глазами посетителя остальную утварь хижины. Кое-где по стенам заметны были несметные караваны кочующих прусаков и тараканов. Воткнутые палки, на которых висели всех размеров кофейные мышки, несколько заржавленных кастрюль, небольшой диван с огромными дырами, из которых торчали мохнатые клоки мочалы, одно кресло с отломанными поручнями, два пня и деревянный стол, залитый салом, составляли все убранство.

— «Кого вам нужно,» спрашивал хозяин, имевший вид трубочиста, так он был грязен и неопрятен.

— «Ах какой неугомонной!» чавкнула какая-то старушка с лезанки, «чего ты спрашиваешь? что ты пристал, как с ножом к горлу?... сказано, что не тебя.... что ты лезешь!... али сытъ ужъ?... Экой змѣй Горынычъ.... никому ни ходу, ни проходу нѣтъ.... всѣхъ отбиваетъ.... Взойдите, батюшка.... не бойтесь никого.... Это вѣдь мой мужъ-дуракъ.... а хозяйка-то я здѣсь.... онъ вѣдь ничего не понимаетъ.... садитесь, пожалуста....» Тут она придвинула к столу кресло, а сама помѣстилась на диванъ. Такимъ образомъ Натоллинъ очутился лицомъ къ лицу съ колдуньей.

Хозяинъ, казалось, удерживалъ въ себѣ страшную грозу, потому что сдѣланная на счетъ его рекомендація была ему не понутру и задѣвала его за живое. Долгимъ, продолжительнымъ взглядомъ слѣдилъ онъ за всеми дѣйствіями колдуньи и когда увидѣлъ, что она уже совершенно приступила къ дѣлу, то успокоился, сдѣлалъ значительный поноухъ табаку и отошелъ въ другую сторону, гдѣ находилась его

койка. Онъ легъ и вскорѣ захрапѣлъ, предавшись самому сладкому усыпленію.

— «Ну, что батюшка; тебѣ хочется вѣрно поворочить?» спросила колдунья.

— «Да, я желалъ-бы знать мою будущность и если можно мое настоящее положеніе...» отвѣчалъ Натолинъ.

— «Изволь, изволь батюшка», заметила старуха, «а что ты мнѣ подарить? депозитку дашь, такъ я всю правду скажу, всю правду скажу...»

Натолина обдало морозомъ, потому-что въ эту минуту невольно онъ поглядѣлъ на колдунью: ея морщинистое лице, круглые зеленые глаза, съдые растрепанные волосы, крючковатый огромный носъ, бесъдовавшій съ загнутымъ вверхъ подбородкомъ, беззубый ротъ и шепелявый голосъ составляли такой восхитительный ансамбль, что кажется никто въ мѣръ не могъ-бы равнодушно перенести производимаго имъ впечатлѣнія. Однако Натолинъ поспѣшно вынулъ изъ кармана бумажникъ и бросилъ на столъ депозитку. Эта ассигнація произвела какое-то магическое впечатлѣніе на хозяйку: старуха, казалось, помолодѣла цѣлымъ годомъ; хозяинъ пересталъ храпѣть и три раза такъ сильно кашлянулъ, что старуха не утерпѣла, чтобы не замѣтить ему, какъ неприличенъ такой кашель.

— «Что ты, батюшка,» говорила она, «здѣсь не харчевня, что ты какъ изъ бочки кашляешь. Я здѣсь хозяйка, а ты что? — просто дуракъ и больше ничего...»

Самый котъ, казалось, почувалъ значеніе ассигнаціи. Онъ быстро соскочилъ со шестка и подскочилъ къ ворожеѣ, лаская ее своими когтями. «Отойди прочь;» закричала ворожея, отталкивая кота, который замяукалъ и скрылся подъ печкой.

Тутъ ворожея надѣла мѣдные очки перевязанные веревочкой, разложила замазанные карты и такъ начала свое прорицаніе.

— «Ну что, батюшка, я тебѣ скажу. Хорошаго-то немного. Тебѣ больно поправилась какая-то трефовая дама, только пути въ этомъ не будетъ. Она любить точно какого-то короля, только бубноваго. Но вотъ трефовая девятка означаетъ интересъ. Тебѣ пришлютъ какія-то деньги. Шестерка означаетъ дорогу. Вишь ли штука-то какая: тебѣ, батюшка мой, предстоитъ дорога по казеннымъ дѣламъ. Вотъ и пиковый король. Вотъ чины и деньги. Но въ любовныхъ дѣлахъ у тебя пути не будетъ. Ужъ ты не сердись, голубчикъ. Я

вѣдь говорю, что вижу по картамъ. Развѣ забъжишь ко мнѣ черезъ недѣльку, такъ, статья можетъ, карты другое заговорятъ. Случается батюшка, безъ обману говорю тебѣ, что и карты-то изволятъ иногда гнѣваться.»

За тѣмъ ворожея смѣшала всѣ карты и кончила гаданіе, присовокупивъ : «Я вѣдь батюшка не такъ, какъ другія, говорю немного, да правду. А вѣдь другая наша сестра наговоритъ съ домъ и ни вѣсть что навреть : все пустяковину.»

Когда Натолинъ вышелъ на улицу, чистый воздухъ освѣжилъ его и онъ сталъ дышать легче. «Нѣтъ», повторилъ онъ самому себѣ, «ворожба эта сущій вздоръ. И я въ первый и послѣдній разъ сдѣлалъ такую глупость.»

Возвратившись домой, онъ принялся читать Пушкина. Сочувствіе поэта къ пламеннымъ сердцамъ на этотъ разъ было очень кстати. Влюбленный много переживалъ и благодаря душевной дѣятельности, задремалъ. Это было тѣмъ благодѣтельнымъ, что впродолженіи нѣсколькихъ дней, постоянная бессонница совершенно его изнурила. Вдругъ онъ видитъ сонъ. Передъ нимъ очаровательная Иволгина. Счастливецъ едва дышетъ. Между тѣмъ прелестное видѣніе къ нему приближается; садится подлѣ него, обвиваетъ его своими бѣлыми какъ мраморъ и нежными какъ бархатъ руками. Исполненный блаженства, не вѣря себѣ, восхищенный Натолинъ невольно протянулъ руки, чтобы прижать къ сердцу любимое существо. Но въ это мгновеніе все измѣнилось, и онъ увидѣлъ себя совершенно въ другомъ положеніи. Передъ глазами его разстилась необозримая равнина полей и садовъ, усыянныхъ роскошными цвѣтами и озаренныхъ яркими лучами солнца. Красавица держитъ его за руку и быстро влечетъ въ безпредѣльность. Они бѣжали чрезъ поля, пробѣгали по ароматическимъ садамъ. Тщетно старался онъ молвить слово : непостижимая сила мѣшала ему въ исполненіи этого желанія. И вдругъ онъ очутился совершенно одинъ. Вокругъ было темно, страшно, пусто. Дикій вопль вырвался изъ его груди и съ этимъ воплемъ онъ проснулся. Уже было утро, и человекъ входилъ въ комнату съ шипучимъ самоваромъ.

Натолинъ быстро приступилъ къ процессу одѣванія. До Воскресенья уже оставалось нѣсколько часовъ. «Завтра я увижу очаровательную Иволгину, завтра я буду съ нею говорить...» повторялъ Натолинъ, сидя въ должности, и мысли эти заставили его совершенно забыть

и ворожею и отчасти неприятный сонъ. Завтра! завтра! повторялъ онъ вечеромъ, завтра! восклицалъ онъ ложась спать и сонъ бѣжалъ отъ его глазъ, все мечталось объ ней.... Онъ слышалъ какъ нѣсколько разъ били часы; какъ трижды принимались кричать пѣтухи, радостные вѣстники дня; какъ ударили въ торжественный колоколь къ заутрени, а сна все не было и между тѣмъ онъ не чувствовалъ ни тяжести, ни грусти; напротивъ того, душа его была полна самаго сладостнаго упоенія, сердце таяло въ надеждахъ, воображеніе кипѣло радужными представленіями. Но немощное естество взяло свое и къ утру онъ заснулъ. Уже солнышко парило высоко; уже давно охтянки возвращались на перевозъ съ пустыми кувшинами, уже не одинъ разъ булочникъ нѣмецкій въ бѣломъ калпакѣ отвѣчалъ: «нетъ сухари, вся раскупили», когда прибѣгали къ нему горничныя и мальчики съ жестяными лотками; уже давно торжественный гулъ колоколовъ оглашалъ набожную столицу; уже давно извощики взапуски перегоняли другъ друга, поспѣвая на зовъ разфранченнаго купчика, боявшагося перейти черезъ улицу, чтобы не запачкать свои лакированные сапожки, по причинѣ осенней распутицы; уже давно по улицамъ мелькали дамскія шляпки всѣхъ цвѣтовъ, — а Натолинъ еще только проснулся и первая мысль его была та, что сегодня онъ увидитъ Иволгину. Но въ то время когда человекъ увлекается мечтами своего непрочнаго счастья, когда фантазія разстилаетъ передъ нимъ блестящій коверъ жизни, усыянный брилліантами будущихъ блаженствъ, — въ то самое время, кажется будто сила враждебныхъ обстоятельствъ, какъ коршунъ, съ завистию смотритъ на наши невинныя заблужденія, собираясь ихъ разрушить. Такъ это случилось и съ Натолинымъ. Еще онъ не успѣлъ опомниться отъ избытка радости, какую общалъ ему сегодняшній вечеръ, еще сердце его съ быстротою молніи хотѣло перескочить черезъ все пространство времени, отдѣлявшее его отъ вечера, какъ вошедшій слуга подалъ ему двѣ записки: первая была изъ Департамента; вторая — отъ графа Радовича. Въ первой его извѣщали, что завтра-же онъ долженъ быть готовъ къ отъезду. — Извѣстіе это не могло быть столь тягостнымъ, еслибъ оно не противорѣчило содержанію другой записки.

Радовичъ писалъ въ нѣсколькихъ словахъ:

«Любезный Александръ, надежда провести сегодняшній вечеръ у Иволгиныхъ, къ сожалѣнію, насъ обманула. Я получилъ извѣщеніе, что

«сама госпожа Иволгина заболѣла и потому она просить насъ отложить наше посѣщеніе до будущаго воскресенья.»

Какъ ни тяжелъ былъ переходъ отъ сильной радости къ совершенно противоположнымъ ощущеніямъ; но Натолинъ видѣлъ необходимость покориться судьбѣ и сталъ приготовляться къ отъѣзду. Вечеромъ онъ отыскалъ Радовича и нѣсколько часовъ друзья бесѣдовали безъ умолку. Натолинъ обязалъ Радовича писать къ нему, о томъ, что будетъ происходить въ семействѣ Иволгиныхъ и все, что будетъ касаться очаровательной дѣвушки, которую поклялся никогда не забывать.

На другой день, влюбленный левъ уже летѣлъ въ дорожной коляскѣ, унося въ умъ и въ сердце образъ мнимой Иволгиной. Дорога ему лежала въ одинъ губернской городъ.

IV.

К. небольшой губернской городъ. Онъ такъ многолюденъ, такъ исполненъ жизни и внутренняго движенія, что его можно — бы назвать уголкомъ Петербурга. Въ К., точно также, какъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, высшее общество раздѣляется на различные слои, вследствие неравенства денежнаго и образованія и часто весьма рѣзкихъ переходовъ отъ образованія многосторонняго къ совершенному невѣждеству.

Послѣ этого не удивительнымъ покажется, что въ К. было семейство Томиловскихъ, не отличавшееся ни знатностью, ни обширнымъ богатствомъ, ни важностію сана, ни политическими связями въ свѣтъ, а между-тѣмъ оно сіяло на первомъ планѣ мѣстнаго beau monde и, такъ сказать, пользовалось законодательной властію въ свѣтскомъ быту этого города. Томиловскій былъ помѣщикъ, и на его вечерахъ собиралось все лучшее городское общество, начиная отъ губернатора и оканчивая вновь прибывшимъ прапорщикомъ. Это происходило оттого, что Томиловскій умѣлъ поставить свое семейство на такую ногу, окружить его такими условіями и лицами, держать самого себя въ такомъ отношеніи къ своимъ знакомымъ, что все единогласно называли его *аристократомъ*. Впрочемъ, опытный глазъ могъ открыть еще другую не менѣ важную причину торжества Томиловскихъ предъ другими городскими старожиллами. Причина эта заключа-

лась въ красотѣ дочерей Томиловскаго, которыхъ, безъ малѣйшаго преувеличенія, вся молодежь называла les trois graces. Всѣ три были красавицы, молоды, любезны, приветливы. Однимъ словомъ, надлежало имѣть Ричардовское сердце, чтобы устоять противу того очарованія, какое онѣ внушали каждому своему гостю. Старшей изъ нихъ было не болѣе двадцати лѣтъ; младшей — шестнадцать.

По прїѣздѣ въ К. Натолинъ произвелъ то счастливое впечатлѣнїе на мѣстное общество, которое у насъ обыкновенно выражается словомъ *фуроръ*. Начиная съ маменекъ и оканчивая швейцаромъ, отворявшимъ двери, всѣ единогласно называли его красавцемъ. Но ни столь значительный успѣхъ, ни прелестныя, исполненные чувства взоры красавицъ не могли разсѣять молодаго человѣка. Мысли его блуждали далеко и передъ глазами все еще волновались шелковистыя локоны Петербургской феи.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого вечера, Натолинъ былъ прїятно пораженъ неожиданной встрѣчей съ Червинскимъ.

— «*Mon cher,*» воскликнулъ Червинскій, сжимая въ своихъ объятїяхъ столичнаго знакома; а я только что хлопочу узнать твой адресъ. Вѣроятно сегодня вечеромъ мы увидимся у Томиловскихъ. Тамъ я передамъ тебѣ письмо отъ графа Радовича.»

Натолинъ отговаривался; но Червинскій рѣшительно объявилъ ему, что если онъ не прїѣдетъ, то не получитъ письма. Угрозы адъютанта были такъ утвердительны, что Натолинъ обещалъ прїѣхать.

Въ семь часовъ вечера они дѣйствительно встрѣтились у Томиловскихъ. Червинскій объяснилъ своему прїятелю что онъ прїѣхалъ въ К. по порученію генерала, весьма не надолго, и что можетъ быть черезъ три дня возвращается въ Петербургъ; произнесъ нѣсколько словъ объ Иволгиной, при чемъ онъ значительно посматривалъ на Натолина; но вдругъ разговоръ его принялъ совершенно другой оборотъ.

— «Что ты, братецъ, гоняешься за далекимъ;» говорилъ онъ, «ты мечтаешь объ Иволгиной, когда счастье у тебя передъ глазами. Повѣрь мнѣ, что я тебѣ говорю отъ чистаго сердца. Здѣсь есть дѣвушка, вполне тебя достойная.»

— «Кто такая?» — спросилъ Натолинъ въ разсѣянности.

— «Я съ нею сейчасъ танцую. Ольга Томиловская. Она все время говорила о тебѣ; упрекала тебя въ холодности собственно къ ихъ семейству, ссылаясь на то, что со времени вашего прїѣзда въ К.

ты былъ у нихъ нѣсколько разъ и то на самый короткій пріестъ... Не хорошо, Александръ, такъ пренебрегать вниманіемъ знакомыхъ. А между тѣмъ, она признавалась мнѣ, съ трогательнымъ простосердечіемъ, что успѣла замѣтить въ тебѣ большія достоинства и, по ея понятіямъ, во всемъ городѣ нѣтъ кавалера, который бы могъ тебя замѣнить. Слышавъ такія похвалы, я сознаюсь, что позавидовалъ твоему счастью.»

Натолинъ былъ совершенно взбѣшенъ. «Прошу тебя въ первый и въ послѣдній разъ,» возразилъ онъ, «не говорить мнѣ подобныя вещи. Ты сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибъ отдалъ мнѣ письмо графа. Я сгораю нетерпѣніемъ его прочесть.»

— «Къ несчастью, братецъ,» отвѣчалъ адъютантъ, первый разъ въ жизни почувствовавъ сильное смущеніе, «къ несчастью, письмо я забылъ дома; но завтра непременно доставлю тебѣ его на квартиру.»

Натолинъ чувствовалъ себя не въ силахъ долѣе оставаться на вечерѣ. Увѣжая, онъ печально встрѣтилъ свѣтлые взоры Ольги, которая вдругъ отуманилась грустью, когда она замѣтила его намѣреніе. Однако онъ увѣхалъ, давъ себѣ слово, никогда болѣе не бывать у Томиловскихъ.

На другой день Червинскій не замедилъ къ нему явиться и передать письмо отъ Радовича.

Съ поспѣшностью сорвалъ онъ печать съ полученнаго письма:

«Любезный Александръ, писалъ Радовичъ, дѣла наши идутъ хорошо. Я былъ на этихъ дняхъ у Иволгиныхъ и почти весь вечеръ мы бесѣдовали о тебѣ. Къ счастью, Лиза Иволгина успѣла тебя замѣтить на балѣ у барона и отзывы ея самые лестные. Все это по-даетъ надежды. Остерегайся только Червинскаго, не проговорись передъ нимъ. Онъ славный малый, хорошій товарищъ, но твой опасный соперникъ. Онъ, кажется, ухаживаетъ за Лизой съ рѣшительными намѣреніями. Къ общему нашему утѣшенію, Лизанька Иволгина просто надъ нимъ смѣется и, по видимому, нисколько не дорожитъ его искательствомъ. Однимъ словомъ, положиись на меня. Но въ то время, какъ я всеми мѣрами буду дѣйствовать въ твою пользу, прошу тебя любезный другъ въ свою очередь помнить обо мнѣ. Ты имѣешь случай быть для меня не менѣе полезнымъ. У васъ въ городѣ живетъ семейство Томиловскихъ, превосходное семейство, какъ я слышала по-крайней-мѣрѣ отъ людей заслуживающихъ полнаго довѣрія. Эти-то Томиловскіе въ близкомъ родствѣ съ княги-

«ней Лельской, потому—что сама Томиловская родная сестра княгини. «Сестры же очень дружны между собой. Скажу тебѣ откровенно «(только за величайшую тайну), я имѣю положительныя намѣре- «нія на княжну Лельскую. Посредничество Томиловской со временемъ «можетъ быть для меня необходимымъ. Умоляю, посѣщай ихъ, какъ «можно чаще, старайся заслужить расположеніе этихъ людей, что «для тебя не трудно. Впрочемъ, прежде, чѣмъ я тебѣ не напишу, что «именно тебѣ надлежитъ говорить и какъ дѣйствовать, ты ничего не «говори, даже не объясняй, что ты меня знаешь. И такъ прощай. Не «забывай моихъ наставленій. А по возвращеніи твоёмъ въ Петер- «бургъ, мы отпразднуемъ двѣ свадьбы.»

Твой другъ Е. Радовичъ.

Не легко изобразить восторгъ молодого челоуька, по прочтеніи этого письма. Въ радости онъ бросился обнимать Червинскаго и едва не открылъ ему тайну, которую должно было хранить. Впрочемъ, онъ успѣлъ во-время спохватиться.

Письмо отъ графа принудило его бывать у Томиловскихъ почти каждый день; но оно еще болѣе усилило его мечтательность. При всемъ томъ, онъ не могъ не замѣтить ласковыхъ встрѣчъ Ольги, ея непорочныхъ умильныхъ взоровъ, ея лестнаго вниманія, которымъ она награждала его одного. Ольга была мила до крайности. Да какъ—бы ближе познакомить васъ съ Ольгой? Приступая къ изображенію ея достоинствъ, по всемъ правиламъ Эстетики, слѣдуетъ начать съ описанія наружности. Ольга была блондинка. Не одинъ цвѣтъ ея прелестныхъ голубыхъ глазъ составлялъ ихъ красоту: чудесная оправа, длинныя рѣсницы, выраженіе доброты довершали ихъ прелесть. Греческій носикъ, коралловыя губки такъ чудно гармонировали съ правильнымъ окладомъ лица, что нельзя было довольно ею налюбоваться. Съ самаго дѣтства Олинька слыла примѣромъ кротости и чувствительности. Какъ Тая Пушкина она любила мечтать. Эти качества такъ рѣзко отгнѣяли ее отъ всѣхъ другихъ провинціальныхъ барышень, что съ перваго разу, увидѣвъ Ольгу, вы бы сказали она дѣвушка необыкновенная!... Сердце ея не знало самолюбивыхъ внушеній свѣтскаго тщеславія. Оно было такъ чисто, свѣтло, непорочно. Но кто въ состояніи былъ ее оцѣнить? — Правда, въ провинціи много добрыхъ людей, людей даже чувствительныхъ; но они смотрѣли на Ольгу, какъ на существо слишкомъ

обыкновенное. Она хороша, говорили одни, не дурна повторяли другіе, а третіе находили въ ней даже недостатки.

Ольга сердцемъ постигала своеположеніе и первая встрѣча съ Натолинымъ совершенно расположила ее къ молодому человѣку. Скромная и привлекательная наружность его общала такъ много. Однако, по видимому, Ольга ошиблась въ своемъ выборѣ и казалось Натолинъ по всемъ вѣроятностямъ долженъ былъ охладить любящее сердце двѣунки. Между тѣмъ, совершенно напротивъ, Ольга болѣе и болѣе привязывала къ нему свои любимыя мечты и надежды.

Что же сказать о Натолинѣ?.. Смѣйтесь, смѣйтесь господа философы надъ силой первыхъ впечатлѣній, а она между тѣмъ беретъ свое! — Если-бы мы захотѣли сравнивать Ольгу съ княжной, то право находились-бы въ большомъ затрудненіи, почти въ всякой возможности рѣшить, которая изъ нихъ лучше. Обѣ были очаровательны, съ тою разницей, что одна брюнетка, другая блондинка. Нельзя спорить о томъ, что красота лица служить только проводникомъ для душевныхъ стремленій. Вамъ нравится красавица, повѣрьте, не безотчетно, а потому, что ея прекрасное личико общаетъ высокую душу, пламенное сердце и тому подобное. А въ этомъ отношеніи нельзя обращать вниманіе на цвѣтъ волосъ и одинаково можно любить, какъ блондинку, такъ и брюнетку. Все это говорится для того, чтобы дать понять, что Ольга была такимъ существомъ, которое нельзя не полюбить, а между тѣмъ Натолинъ былъ къ ней холоднѣе, какъ ледъ. Онъ именно находился подъ магическимъ вліяніемъ силы перваго впечатлѣнія. Замѣчая вниманіе и расположеніе прелестной Ольги, чудакъ не только не радовался этому, но становился угрюмъ и сердитъ. Наконецъ, онъ рѣшился на ложную откровенность.

— «Какъ рано человѣкъ можетъ умереть сердцемъ,» говорилъ онъ однажды Ольгѣ на вечерѣ, танцую съ нею мазурку, «представьте, что въ мой лѣта уже ничто меня не занимаетъ. Я танцую безъ всякаго чувства, толко для того, чтобы не быть лишнимъ въ обществѣ. Уѣзжая домой, я не уношу съ собой ни одного воспоминанія, какъ бывало это прежде, и все потому, что чувствую нравственное безсиліе...»

— «Вѣроятно вы были чѣмъ нибудь разочарованы въ жизни? —» замѣтила Ольга, улыбаясь недовѣрчиво.

— «Не могу этого сказать,» отвѣчалъ Натолинъ, «тѣмъ болѣе, что я ни въ чемъ не умѣлъ найти очарованія. Есть люди, созданные

только для того, чтобы жить сердцемъ. Удѣлъ другихъ — поприще ума, или разсудка. Но я не завидую первымъ. Сердце такъ часто обманываетъ, тогда какъ разсудокъ вѣренъ въ своихъ расчетахъ.»

Ольга посмотрѣла на своего кавалера съ маленькимъ смущеніемъ.

— «Развѣ нельзя,» возразила она, «соединить то и другое?»

«Я полагаю, что невозможно,» продолжалъ Натолинъ, «одно другому не покоряется и потому между ними вѣчная борьба. Счастливы тотъ, кто можетъ избѣгать этой борьбы и пользоваться спокойствіемъ, потому-что жизнь и безъ того полна огорченій, зачѣмъ-же умножать ихъ мечтательностью... —»

— «Вы правы,» сказала Ольга, «но должно думать, что не всегда это отъ насъ зависитъ и сколько иногда разсудокъ можетъ быть полезенъ, столько, при другихъ обстоятельствахъ жизни, онъ не въ силахъ противиться чувствамъ. —»

При этомъ замѣчаніи, Натолинъ не могъ скрыть внутренняго волненія, которое изобличило его въ неправдѣ. Проницательность дѣвушки тотчасъ открыла, что его убѣжденія противорѣчили словамъ; но она не могла постигнуть причинъ, которыя заставляли его такъ дѣйствовать. Догадки ея смѣнялись постепенно и наконецъ она остановилась на той мысли, что вѣроятно онъ любитъ другую. Мгновенно обращеніе ея съ Натолинымъ перемѣнилось. Она уже не встрѣчала его, какъ прежде, не дѣлала ему упрековъ за рѣдкія посѣщенія. Танцуя съ нимъ, старалась казаться веселой, была не менѣе любезна съ другими кавалерами, которыми прежде вовсе не занималась. Скоро Натолинъ совершенно успокоился на счетъ Ольги, считая ее охладѣвшей. Бѣдная Ольга! Все это была только одна маска. Когда Натолинъ увязалъ и въ домъ утихало, она удалялась въ свою комнату; запершись, одна, съ тайною грустію въ сердцѣ, садилась къ окну и долго смотрѣла на бѣгущія облака, или на сребристый, трепетный блескъ луны. Она находила въ созерцаніи этихъ таинственныхъ красотъ природы какое-то облегченіе своему горю и нерѣдко крупныя слѣзы, какъ жемчугъ, падали на ея лебяжью грудь. Между тѣмъ время летѣло быстро; невидимо прошелъ годъ. Нашъ герой съ неизъяснимымъ восторгомъ приготавлился къ возвращенію въ Петербургъ. Въ попыткахъ онъ даже забылъ о существованіи своихъ провинціальныхъ знакомцевъ и, вопреки самымъ простымъ свѣтскимъ приличіямъ, не сдѣлалъ прощальныхъ визитовъ. — Его занимала мысль скорѣй ухватить изъ

К***, скорый попасть въ Петербургъ. Но въ то время, когда онъ сѣдился въ коляску и говорилъ послѣднее прощаніе провинціальному жилищу, кто-то подалъ ему записку. На конвертъ было написано: «Васъ просятъ не распечатывать этой записки, иначе, какъ въ самую безотраднѣю минуту вашей жизни, чего дай Богъ, чтобы никогда съ вами не случилось.» Странный адресъ! подумалъ Натолить. Однако немного пониже было написано: *Александрѣ Ивановичу Натолиту*. Нельзя было сомнѣваться, что письмо и странная просьба относились къ нему; впрочемъ, онъ такъ былъ разсѣянъ въ эту минуту, что не разобралъ даже порядочно кто ему подалъ, отъ кого письмо, и сунувъ его поспѣшно въ карманъ, отвѣчалъ лаконически: *хорошо*. Коляска тронулась. Провожавшіе стали креститься, посылая вельдѣ путника самыя искреннія благословенія.

Поспѣшимъ и мы въ Петербургъ, потому-что намъ необходимо должно познакомить васъ съ семействомъ Лельскихъ и съ тѣми событіями, которыя происходили въ этомъ семействѣ во время отсутствія Натолиты.

V.

Княгиня Лельская была происхожденія купческаго. При блестящей красотѣ и значительномъ приданомъ, она легко повравилась князю Лельскому, за котораго вскорѣ вышла замужъ. Но не цвѣты, а тернія приготовилъ ей Гименей. Вскорѣ Лизавета Ивановна увидѣла, что часто суровость мужа далеко не схожа съ любезностью жениха. Въ домѣ всѣ повиновались князю и никто не смѣлъ исполнять приказаній княгини, безъ его вѣдома. Нуженъ ли экипажъ, являлась ли потребность въ деньгахъ, въ подобныхъ случаяхъ всегда должно было обращаться къ нему; а онъ этого не любилъ. Сейчасъ, бывало, скажетъ: «*зачѣмъ, вздоръ, не нужно!*» и много терпѣла горя бѣдная княгиня.

Наконецъ Богъ имъ послалъ дочь, но вмѣстѣ съ нею явились и новыя горести. Князь ничего не щадилъ, чтобы дать блестящее воспитаніе своей дочери, нанималъ толпы гувернантокъ и учителей. Лизавета Ивановна же то и дѣло, что воевала съ гувернантками. Хитрыя иностранки, зная характеръ князя, бѣжали къ нему жаловаться, говоря, что имъ нѣтъ житья отъ его супруги, и княгиня оставалась всегда виноватой. Одно обстоятельство совершенно выводило ее изъ

терпѣнія. Князь не давалъ ей никакого доступа къ дочери.

— «Не твое дѣло,» говорилъ онъ, «я взялъ на себя ея воспитаніе. Пожалуста, ты не мѣшайся ни во что.»

— «Помилуйте, князь!» возражала Лизавета Ивановна, «вѣдь кажется я ей мать.

Тутъ князь выходилъ изъ себя: «Ахъ, какая глупая женщина,» восклицалъ онъ, «тебѣ никто не запрещаетъ съ нею говорить; но не касайся до ея ученія, воспитанія: это мое дѣло. Однимъ словомъ княгиня играла весьма жалкую роль въ домѣ. При всемъ томъ она любила мужа и повиновалась ему безпрекословно. Когда же князь скончался, все перемѣнилось. Сперва княгиня точно горевала непритворно. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ была истинно безутышной вдовой, подобно вдовѣ, которую такъ краснорѣчиво описалъ господинъ Мери. Вѣликолѣпный мавзолей былъ сооруженъ на могилѣ покойнаго князя и плачущая жена надъ погребальной урной изображала его осиротѣвшую подругу. Княгиня была облечена въ глубокой трауръ, плакала, плакала, и вдругъ перестала плакать. Она вспомнила, что теперь она полная хозяйка и можетъ дѣлать все, чего ни пожелаетъ. Опытныя гувернантки, предвидя это напередъ, удалились еще въ періодъ плача; за то прочіе всѣ испытали на себѣ мстительный гнѣвъ княгини. Одна только Лорочка была осыпана ея ласками, лѣзностями, потому-что Лизавета Ивановна любила ее и гордилась ею какъ единственнымъ дѣтищемъ. Переходъ отъ подвластной жизни къ совершенной независимости, произвелъ значительную перемѣну въ самомъ характерѣ княгини. Она сдѣлалась гордой, напыщенной, но все это смягчалось врожденнымъ легкомысліемъ и простотой, такъ, что княгиня могла казаться неприступной и грозной только тѣмъ, которые не постигали ее вполнѣ. Трудно себѣ представить, чтобы такія два прозаическія существа какъ князь и княгиня, могли дать существованіе такому идеальному и поэтическому созданію, какимъ была ихъ дочь.

Прелестная, какъ свѣтлая мечта поэта, стройная, какъ пальма въ долинахъ Палестины, прошу извинить за отвлеченность сравненій, княжна воспитывалась въ родительскомъ домѣ и болѣе и болѣе усовершеншалась, какъ рождающійся день съ каждой минутой болѣе и болѣе поражаетъ изумленные взоры своей красотой. Никакія ошибки воспитанія не могли ее испортить. Умомъ своимъ она постигала, что *хорошо*, что *дурно*. Скучно было бы давать полный отчетъ

всѣмъ урокамъ княжни; замѣчательно только что она всѣми науками занималась съ одинаковою охотою и прилежаніемъ.

Когда ей минуло семнадцать лѣтъ, ее стали вывозить въ свѣтъ, и позволили прочесть нѣсколько романовъ. Леонора сначала ѣздила на балы очень хладнокровно, за то пристрастилась къ чтенію. Сколько горячихъ слѣзъ было пролито надъ Грандиссономъ и Клариссой Ричардсона. Впрочемъ, вкусъ ея къ чтенію былъ очень оригиналенъ. На примѣръ, она имѣла предубѣжденіе противъ всего написаннаго на французскомъ языкѣ, и нужно было очень и очень много, чтобы заинтересовать ее какой нибудь французской книгой, хотя бы то была повѣсть или романъ. Знаменитые классики, стяжавшіе себѣ неувыдаемую славу, *Корнель*, *Расинъ* и другіе, казались ей такими вялыми, что она готова была всѣ ихъ творенія отдать за одинъ стихъ Пушкина или Шиллера. Державина считала серьезнымъ. Байронъ ее пугалъ и она называла его больнымъ поэтомъ. Она предпочитала чтеніе русскихъ книгъ, и въ родномъ языкѣ находила неизъяснимую прелесть и красоты.

Странно однако что при всѣхъ данныхъ къ счастію, княжна Леонора часто грустила. Такая грусть происходила оттого, что ей доставало взаимности. Это лишеніе было тѣмъ чувствительнѣе, что даже и въ матери она не находила отголоска своимъ чувствамъ. А компаньонки ея были такія безответныя существа, что она ограничивалась съ ними одной въжливостію. Неоткровенность съ окружающими заставляла ее скучать одиночествомъ, невыгоды котораго она ощущала не только у себя дома, но даже на балахъ и раутахъ, куда ее вывозили довольно часто. Исполненная самаго неподдѣльнаго чувства она не могла давать никакого значенія мадригальнымъ и вычурнымъ привѣтствіямъ моднаго свѣта. Но вдругъ совершилась переменна во всемъ ея существѣ. Княжна сдѣлалась весела, любезна, получила особенную охоту къ частымъ выѣздамъ. Все это было слѣдствіемъ новаго знакомства съ графомъ Радовичемъ. Прекрасные черные глаза молодаго графа отражали такъ много благородства и вмѣстѣ съ тѣмъ сіяли такимъ простодушіемъ, что княжна невольно отличила его отъ всѣхъ другихъ. Частыя встрѣчи и продолжительныя бесѣды въ мазуркахъ до того сблизили молодыхъ людей, что разставаясь до новаго свиданія, они дѣтски предавались мечтамъ о будущемъ. Мало по малу дѣло объяснилось. Княжна разгадала намѣренія графа; графъ не сомнѣвался уже болѣе

въ расположеніи княжны. Ръшительный успѣхъ зависѣлъ отъ согласія княгини. Должно замѣтить, что княгиня, при всей ея привязанности къ большому свѣту, совершенно не умѣла жить. Во первыхъ у нее въ домъ не было никакого общества, или лучше сказать, общество, собиравшееся у нее въ домъ далеко не соответствовало ея громкимъ затѣямъ. Правда что у нее всегда были гости; но всѣ эти гости болѣе или менѣе были члены многосложнаго родства ея дѣвическихъ лѣтъ. Такимъ образомъ на первомъ планѣ являются госпожа Драдедамова, ея двоюродная сестра съ толпою падчерицъ и дочекъ. Княгиня не видѣла необходимости улучшать свои гѣнѣионы. Ей было такъ хорошо въ этой обстановкѣ. Въ этомъ обществѣ она находила такъ много нищи для своего самолюбія, что ей никогда и не приходило въ голову объ его улучшеніи. Притомъ гордость ея усыплялась безпрестанными приглашеніями на балы и вечера къ знатымъ особамъ. «Какое дѣло,» говорила Лизавета Ивановна, «что они у меня не бывають, за то я у нихъ бываю.» Однако должно замѣтить что отъ такого образа жизни княгини, проистекало важное зло для намѣреній графа Радовича.

Познакомившись въ домъ княгини, и бывая довольно часто, графъ незаметно попалъ въ категорію домашняго круга знакомыхъ Лизаветы Ивановны. Она смотрѣла на него почти также какъ и на прочихъ своихъ родственниковъ, даже начала ему говорить ты,—слово въ устахъ княгини не столько лестное, какъ фамиллярное. Радовичъ постигъ свою ошибку довольно поздно. Но баронъ принимавшій дѣятельное участіе въ судьбѣ молодаго графа, потому-что когда-то былъ товарищемъ его отца, поправилъ дѣло однимъ разомъ.

Баронъ былъ одинъ только человекъ, котораго княгиня слушала, какъ оракула. Что скажетъ баронъ, то свято. Вообще Лизавета Ивановна привыкла думать, что умнѣе, важнѣе барона въ свѣтѣ никого нѣтъ.

Въ одно прекрасное утро, когда княгиня никого не ожидая сидѣла въ гостиной съ Драдедамовой ей доложили о прибытіи барона. Баронъ бывалъ у нее счетные разы въ году и потому каждый его пріѣздъ считался чѣмъ-то необыкновеннымъ. Мгновенно выразительный взоръ княгини удалилъ Драдедамову изъ гостиной и грозная княгиня, встрѣчая своего важнаго гостя, была похожа болѣе на робкую дѣвочку, нежели на брюзгливую старуху.

«Что за дороги, снѣге amie,» восклицалъ баронъ, входя въ гостинную

и пожимая руку присѣдающей Лизаветѣ Ивановнѣ, «право, княгиня, мы скоро принуждены будемъ ходить пѣшкомъ.»

«Я сама это только что думала,» отвѣчала княгиня.

«Ну, что моя крестница? весела-ль? здорова-ль?»

«Благодарю васъ, баронъ. Она, слава Богу, весела и здорова.»

Послѣ нѣкоторыхъ подобныхъ замѣчаній и вопросовъ, баронъ прямо приступилъ къ дѣлу.

«Пора-бы, ма сѣге Princesse,» говорилъ онъ, «подумать и объ женихѣ для моей крестницы. Годъ уходить; и теперь ей уже девятнадцать лѣтъ; самый цвѣтущій возрастъ для замужства. Не правда-ли, сѣге amie?—»

«Ахъ, сущая правда, баронъ, сущая правда. Какая-же можетъ быть неправда, когда вы говорите!»

«Знаете-ли княгиня, я желаю счастья вашей дочери, не менѣе васъ самихъ. Такъ слушайте меня, ма сѣге amie, у васъ бываетъ молодой челоувѣкъ, достойнѣйшій; богатъ и знатенъ. Ради Бога, не упускайте его изъ виду. Онъ золото-женихъ. Вы вѣроятно догадываетесь, ма сѣге amie, о комъ я говорю?»

«Какъ не догадываться!...» отвѣчала княгиня въ большемъ замѣшательствѣ, рѣшительно не постигая, о комъ идетъ рѣчь.

«Вамъ уже не нужно значить объяснять, что я говорю о графѣ Радовичѣ. Я былъ большимъ пріателемъ его отца. Они чрезвычайно богаты. И какъ онъ хорошо идетъ по службѣ, какъ образованъ! Умоляю васъ, ма сѣге amie, не пренебрегайте моимъ совѣтомъ.»

«Помилуйте, баронъ, какъ возможно пренебрегать вашими совѣтами!»

Когда баронъ уѣхалъ, Лизавета Ивановна тотчасъ позвала къ себѣ Лорочку, и въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ объявила ей все, объ чемъ было говорено съ ея крестнымъ отцемъ. Послѣ чего Лорочка въ какомъ-то странномъ волненіи убѣжала въ свою комнату, заперлась и долго, долго сидѣла въ бездѣйствіи, почти безъ всякой мысли, какъ будто ожидая, чтобы простылъ жаръ ланитъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія въ домѣ Лельскихъ было обрученіе княжны Леоноры съ графомъ Радовичемъ.

VI.

Въ то утро, когда Натолинъ вѣзжалъ въ столицу, едва удерживаясь отъ громкихъ изъявленій радости, которая наполняла его грудь...

почти въ тѣ минуты, когда вѣрный слуга его втаскивалъ дорожные чемоданы въ гостиницу Серапина, а онъ самъ наскоро совершалъ туалетъ, думая отыскивать своихъ друзей, — графъ Радовичъ, ничего не зная, только что распечаталъ полученное имъ письмо изъ города К***. Письмо было отъ Натолпина.

«Любезный другъ, писалъ онъ, уже немного времени остается намъ
«быть въ разлукѣ. Завтра я оставляю К. и черезъ нѣсколько
«дней можетъ быть я прижму тебя къ моему сердцу. Все время пре-
«быванія моего въ К., я оставался вѣренъ моимъ послѣднимъ объ-
«щаніямъ. Посѣщая Томиловскихъ почти каждую недѣлю два раза,
«я ни на минуту не забывалъ очаровательной Иволгиной и ждалъ твоихъ
«дальнѣйшихъ приказаній; но, сколько могъ заметить, дѣло обош-
«лось безъ посредничества Томиловской. Ты уже женихъ. О, сколь-
«ко радости заключается для меня въ этихъ пріятныхъ извѣ-
«стіяхъ. Видѣть моего любезнаго Эдуарда счастливымъ супру-
«гомъ и вѣрнымъ отцомъ семейства будетъ для меня неисчерпае-
«мымъ источникомъ блаженства... Впрочемъ не хвали меня слишкомъ
«рано! — Этимъ признаніемъ въ искренней дружбѣ я не думаю еще
«кончить моего письма, что можетъ тебя вполне удостовѣрить, что
«эгоистъ мнѣ также нѣсколько съ родни. Ты не забылъ вѣроятно на-
«шего послѣдняго свиданія въ Петербургъ. Ты помнишь мое объ-
«щаніе никогда не забывать Иволгину. Повторяю, прежнее распо-
«ложеніе мое къ ней не только сохранилось, но получило гораздо
«большую силу. Ахъ, если бы счастье не измѣнило!... если бы
«могли мы въ одно время поздравить другъ друга съ новы-
«ми условіями жизни. Сколько-бы заключалось въ томъ блажен-
«ства. Твои письма такъ много подають мнѣ надеждъ. Ты пи-
«нешь, что Иволгина отказываетъ искателямъ ея руки, что Чер-
«винскій рѣшительно ретируется, что она вспоминаетъ обо мнѣ, спра-
«шиваетъ о времени моего возвращенія. Это все похоже на сочувствіе.
«Въ-самомъ-дѣлѣ, могло-ли это быть иначе!?... когда сердце мое
«такъ постоянно хранило ея образъ, когда мысли мои такъ напря-
«женно стремятся къ ней одной, когда все мое будущее блаженство
«сосредоточивается на ней, можетъ-ли быть, чтобы все это не нахо-
«дилось хотя нѣкотораго отголоска въ ея собственныхъ чувствахъ.
«Притомъ она меня видѣла; нѣсколько словъ сказанныхъ мнѣ на балѣ,
«и мои ответы должны были насъ сблизить, и я увѣренъ, что она
«ихъ помнитъ. Но довольно; еслибъ я не зналъ, какъ ты не любишь

«читать длинных писемъ, то вѣроятно не кончиль-бы до завтра. Прощай любезный другъ; ожидай меня въ самомъ скоромъ времени. Буду какъ разъ къ твоей свадьбѣ. Твой Натолинъ.»

Радовичъ во второй разъ принялся перечитывать письмо, когда вдругъ громкій звонъ колокольчика привлекъ его вниманіе: онъ былъ въ объятіяхъ своего друга. Пріятели долго не могли опомниться отъ радости. Полнота душевная въ первыя минуты не давала имъ вымолвить слова, за то послѣ рассказы полились рѣкой.

— «Ѣдемъ прежде всего къ моей невѣстѣ!» воскликнулъ наконецъ Радовичъ, «а завтра ты увидишь Иволгину, тѣмъ удобнѣе, что у нихъ будетъ балъ и меня просили представить кавалеровъ....»

— «Совершенно готовъ повиноваться тебѣ съ покорностью ребенка....» отвѣчалъ Натолинъ, взявшись за шляпу.

Великопная двумѣстная карета уже ожидала ихъ у подъезда.

— «Въ Морскую, къ княжнѣ....» закричалъ графъ кучеру, и карета быстро покатила по торцовой мостовой.

Бываютъ такія минуты въ жизни, когда избытокъ счастья производитъ въ насъ родъ какого-то пріятнаго опьяненія. Эти минуты производятъ въ душѣ чловѣка то самое, что можно замѣтить въ природѣ, когда передъ сильной бурей наступаетъ штиль: все утихаеъ, не шелохнеъ, все погружается въ усыпленіе. Точно въ такомъ настроеніи находился Натолинъ, готовясь увидѣть невѣсту своего друга.

Съ другой стороны есть какое-то странное сочувствіе чловѣческихъ душъ, которое нерѣдко не позволяетъ вамъ сдѣлать ни одного лишняго движенія, ни произнести ни одного слова въ присутствіи чловѣка, который внутренно погруженъ въ созерцательное положеніе, хотя-бы даже онъ ничѣмъ не обнаружилъ передъ вами этого состоянія. Тоже самое чувствовалъ Радовичъ, сидя въ каретѣ подлѣ своего пріятеля. Онъ не находилъ съ чего начать разговоръ, или лучше сказать не рѣшался ничего говорить, опасаясь нарушить душевную тишину своего сосѣда.

Молча подъѣхали они къ дому Лельскихъ. Слуга проводилъ ихъ въ пріемныя комнаты и черезъ нѣсколько минутъ Натолинъ увидѣлъ передъ собой ту самую красавицу, въ которой заключались все его блаженство, вся будущность, вся поэзія жизни. Онъ остолбе-

нвъ отъ радости и удивленія. Онъ весь обратился въ одно созерцаніе. Красавица казалась ему въ миллионъ разъ лучше прежняго.

— «Представляю вамъ, княжна, друга и товарища моего дѣтства, Натоліна...» говорилъ Радовичъ. «А тебя, любезный Александръ, прошу полюбить мою невесту, княжну Леонору....»

Эти слова какъ тысяча громовъ поразили Натоліна. Онъ ощутилъ, какъ-будто его обварили кипяткомъ съ головы до ногъ. Въ ушахъ его раздавался нестерпимый звонъ. Вся тѣни слились передъ глазами, и совершенно безъ чувствъ онъ опустился на стоявшее подлѣ него кресло.

Женихъ и невеста пришли въ страхъ и недоумѣніе; но больной вскорѣ оправился.

— «Не безпокойтесь....» говорилъ онъ прерывистымъ голосомъ, «со времени моей провинціальной жизни, подобныя припадки повторяются со мной довольно часто.... маленькая неосторожность въ дорогъ подвергла меня простудѣ, я еще не успѣлъ поправиться... Впрочемъ, какъ мнѣ ни грустно, но я долженъ у васъ просить позволенія удалиться....»

Радовичъ хотѣлъ за нимъ слѣдовать, однако Натоліну упросилъ его остаться съ невестой.

VII.

Внезапный переходъ отъ полноты счастья къ совершенному разочарованію наноситъ душѣ столь оглушительный ударъ, что въ первыя минуты страдалецъ не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Только весь міръ въ глазахъ его получаетъ другой видъ. За нѣсколько минутъ еще его плѣняла прозрачная лазурь небесъ, онъ жадно упивался чистымъ воздухомъ, съ живѣйшею радостью любовался на разноцвѣтную толпу гуляющихъ; а теперь ему кажется, что онъ въ другомъ мірѣ, гдѣ не то небо, не те люди, не тотъ воздухъ. Такія-то ощущенія тѣснили грудь Натоліна, когда онъ возвращался съ Морской въ гостиницу Серапи-

на, гдѣ еще не далѣе, какъ сегодня утромъ, былъ такъ счастливъ, такъ исполненъ надеждъ.

Когда онъ вошелъ въ свой номеръ, и увидѣлъ беззаботно спящаго слугу, равно всѣ предметы въ томъ-же самомъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ, отправляясь отыскивать Радовича, — въ душѣ его быстро повторилась картина всего этого дня, затѣмъ всего прошедшаго и наконецъ открылась мрачная, безжизненная пустыня будущаго. Теперь-то, въ первый разъ въ жизни, онъ позналъ всю великость своего сиротства. Одно мгновеніе лишило его и друга и обожаемаго предмета. Онъ постигалъ невинность того и другаго, постигалъ свою собственную ошибку; но это ни мало не могло служить къ его утѣшенію.

Къ кому обратиться? — передъ кѣмъ обнаружить тяжелую повѣсть сердца? — на чьей груди выплакать свое горе? — вокругъ все пусто, страшно, холодно! Чѣмъ замѣстить, пополнить впазную пустоту ума и души? — Натолинъ потерялъ присутствіе духа.... Уже глубокое отчаяніе готово было имъ овладѣть.... какъ вдругъ онъ судорожно сжалъ какую-то записку. Это была та самая странная записка, которую онъ получилъ при отъѣздѣ изъ города К-

Прежде всего онъ прочелъ надпись: *«Васъ просятъ не распечатывать этой записки иначе, какъ въ самую безотраднѣю минуту жизни, которой, дай Богъ, чтобъ никогда не было.»*

Что можетъ быть безотраднѣе моего настоящаго положенія и кто могъ предугадывать мою будущность?... подумалъ Натолинъ, поспѣшно срывая печать. Письмо было слѣдующаго содержанія.

«Можетъ-быть, вы ожидали большаго. Простите, если надежды ваши должны будутъ васъ обмануть. Въ оправданіе мое скажу только, что письмо это написано подъ голосъ сердца. Въ настоящее время насъ разлучаетъ большое пространство и, можетъ-быть, вся жизнь, по этому я рѣшаюсь говорить съ вами откровенно. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я васъ узнала, я невольно почувствовала къ вамъ непреодолимое влеченіе, но ваша холодность заставила меня скрывать мои чувства. Однако, я никогда не переставала думать и заботиться о васъ. И повѣрьте, что не пустая игра воображенія, но внуше-

«нія того-же самаго чувства твердили мнѣ непрестанно, что васъ
«ожидаетъ какое-то горе. Въ тяжкомъ раздумьи я не знала, какъ
«вамъ пособить, какъ отвлечь отъ васъ угрожающую опасность.
«Видя безсиліе человѣческаго разума въ подобныхъ случаяхъ, я въ
«пламенной молитвѣ умоляла небеса вразумить бѣдную и слабую
«дѣвушку. Молитва моя была услышана. Я успокоилась. И вско-
«рѣ послѣ того мнѣ пришла мысль написать къ вамъ это пись-
«мо, на которомъ сдѣлана уже извѣстная вамъ надпись. Если
«предчувствія мои были основательны, если точно вы распечатаете
«это письмо, какъ я васъ о томъ просила, то убѣждаю васъ,
«не предавайтесь отчаянію. Вспомните, что никто не можетъ со-
«мнѣваться въ помощи Божіей. Молитесь. Небесная благодать освѣ-
«жить ваши душевныя силы и растворитъ сердце сладостнымъ утѣ-
«шеніемъ. Знайте также, что и въ этомъ мірѣ есть еще одно серд-
«це, которое никогда не перестанетъ за васъ молиться и навсегда
«останется вамъ преданнымъ, и что оно принадлежитъ той, которая
«рѣшилась подписать подъ этими строками свое имя.

«*Ольга Томиловская*».

Въ неизъяснимомъ умиленіи Натолинъ прижалъ къ губамъ своимъ
это чудное письмо, и слезы, благодарныя слезы живительнымъ клю-
чемъ канули на его грудь. Онъ плакалъ, плакалъ сладко, какъ пла-
четъ заблудившійся ребенокъ, отыскавъ свою мать и нѣжно обнима-
я ея колѣна. Святая Вѣра мгновенно воскресила всѣ его нравственныя
силы: невольно поднявъ взоры къ небу, онъ опустился на колѣна и
въ самой чистой, безмятежной молитвѣ благодарилъ всемогущій про-
мыселъ за свое чудесное спасеніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этаго Радовичъ узналъ, что пріятель
его снова ухажъ въ К.

Съ-тѣхъ-поръ прошло много лѣтъ. Пятнадцатаго октября я совер-
шенно неожиданно получилъ приглашеніе къ барону, у котораго по
обыкновенію этотъ замѣчательный день никогда не проходилъ безъ
пиршества. Надежда встрѣтить тамъ дѣйствующихъ лицъ моей пове-
сти подстрекнула меня воспользоваться приглашеніемъ. Однако, на-
дежда меня какъ водится обманула и кого желалъ — я не встрѣтилъ.

Я уже думалъ ухъать, какъ вдругъ баронъ съ своей неизмѣнной веселостью меня удержалъ.

— «Рано, рано еще, cher ami...» говорилъ онъ, взявъ меня подъ руку и дѣлая мнѣ жестокіе упреки за холодность къ танцамъ.

Вмѣсто оправданій я отважился отвѣчать барону вопросами.

— «Скажите, пожалуста, баронъ,» говорилъ я, «что бы это значило, что у васъ не видать ни Радовича, ни Натоллина, ни даже Червинскаго, этого постоянного посѣтителя всѣхъ баловъ?...»

Баронъ видимо обрадовался моимъ вопросамъ, потому-что было чему посмѣяться, а онъ это любилъ.

— «Вотъ видите-ли, cher ami;» отвѣчалъ онъ, «что значить женитьба! Всѣ эти господа перемѣнились, такъ оттого ихъ теперь и не видать. Радовичъ женился на моей внучкѣ и крестницѣ княжнѣ Лельской.... Какъ пламенный супругъ, равномерно домовитый хозяинъ живетъ въ деревнѣ... Хи, хи, хи,... Натоллинъ мнѣ также теперь приходится съ родни, потому-что онъ женатъ на младшей моей внучкѣ Ольгѣ Томиловской. И такъ, топ cher ami, Натоллинъ, не смотря на свою цветущую молодость, рѣшился отказаться отъ свѣтскихъ веселостей и служить совѣтникомъ палаты въ К.—А? какво, топ cher?... ха, ха, ха ... Не правду-ли говорить русская пословица: *женисься, перемънишься....*»

— «А что случилось съ Червинскимъ?» спросилъ я, сгарая любопытствомъ.

Тутъ баронъ покатился со смѣху.

— «Всего забавнѣе, cher ami, исторія Червинскаго. Онъ не съ большимъ десять лѣтъ ухаживалъ за Иволгиной; но спѣсивая невеста водила его за носъ и, какъ говорятъ, мѣтила совсѣмъ за другаго. Къ несчастію, предметъ ея женился, только не на ней. Она вознегодовала, но все таки продолжала дурить. Въ одно прекрасное утро... ха, ха, ха,... подойдя къ зеркальцу, она замѣтила у себя съдой волосокъ и маленькія складки на лбу. Это страхъ какъ ее перепугало и въ тотъ-же вечеръ она осчастливила Червинскаго своимъ согласіемъ. Теперь, cher ami, ихъ не узнать. Одно только неудобство въ ихъ счастіи: мнѣ пишутъ что они страхъ какъ толстѣютъ. Но

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

ЕЩЕ ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ТРАГИКОВЪ.

I.

Дѣло было въ Петербургѣ.

1791 года, въ одинъ изъ морозныхъ, сваточныхъ вечеровъ, распашные городскіе сани, крытыя узорчатымъ ковромъ, остановились у воротъ четырехъ-этажнаго дома, обращеннаго окнами на ограду Вознесенской церкви. Изъ саней вышелъ дородный, не высокаго роста купецъ, закутанный въ лисью шубу. Снявъ шапку и набожно помолвившись на церковь, купецъ окинулъ любопытнымъ глазомъ освѣщенныя окна дома — и остановился передъ ними съ видимымъ изумленіемъ.

— Что за диковина такая? — прошепталъ онъ, отступая на нѣсколько шаговъ.... Ошалѣли они, что-ли, ночью, съ огнемъ рыскають по чердакамъ? Максимъ, продолжалъ купецъ, обращаясь къ кучеру... Что это, никакъ у насъ на чердакѣ съ огнемъ ходять? А? Погляди-ко? Видишь, въ слуховомъ окнѣ свѣтъ? Кучеръ бросилъ возжи и выбѣжалъ на средину дороги.

— Ходять, батюшко Авдѣй Семенычъ, видимо ходять! утвердительно отвѣчалъ онъ.

— Да, что жъ бы это за притча, Максимъ? А?

— Ужъ и ума не приложу, Авдѣй Семенычъ... Можетъ статья, кто ни на есть развѣшиваетъ тамъ бѣлье, али снимаетъ его.

— Ночью-то? Съ огнемъ?... Что ты! голова съ затылкомъ.

— Вѣстимо, не-повадно.... Огонь ужъ огонь и есть.... вещь извѣстная.

— Ахъ, ты безтолочь этакая! хоть говори, хохъ вѣтъ...! Долго ли до грѣха?... Вотъ одна искра только — и весь Шапошниковъ въ трубу вылетитъ! ворчалъ купецъ, перейдя тѣсный дворъ и медленно взбираясь по крутой лѣстницѣ. — Что за оказія! снова повторилъ онъ, остановившись у двери, за которою слышался громкой говоръ, шумъ и даже крикъ.... Ахъ-ти, бѣда! Да, ужъ въ самомъ дѣлѣ не горитъ-ли?

Съ этими словами купецъ рванулъ за скобку двери и остановился на ея порогѣ. Далѣе идти не представлялось никакой возможности. Входъ въ комнаты былъ загороженъ огромнымъ дубовымъ сундукомъ, вытасненнымъ на средину прихожей, изъ котораго двѣ или три женщины и пять ребятишекъ, съ крикомъ и споромъ, таскали разную вѣтошь, выбрасывая ее на полъ.

— Что вы.... А?... Что у васъ такое? вскричалъ купецъ, поды ноги котораго въ этотъ моментъ летѣлъ цѣлый узелъ съ лоскутьями.

— Тятя! Тянька! Тятя! вскрикнули ребятишки, повиснувъ на шубѣ отца.

— Ну, что вы? Чего, какъ раки впилсь въ меня?...

— Гостинца тятя! Гостинца....

— Гостинца — опосля.... Отстаньте!—Слышь ты, Марѳа Семеновна! Что это у тебя за базаръ тутъ?... Лохмотьевъ гору навалила — переступить нельзя....

— Переступить нельзя! Эка невидаль!—не рѣка, небось, стоитъ! отвѣчала краснощекая купчиха, прикрытая темной косынкой.

— Ну.... чего ты осерчала?... Спросъ не бѣда.

— Вотъ такъ-то! — только въ дверь и на брань полѣзь....

— Тфу, ты, шальная баба! Ужъ и на брань.... продолжалъ купецъ, сбросивъ шубу. Говорятъ тебѣ, что за лихо приключилось, для чего ты всю рухлядь перерыла?

— Такъ ты бы такъ и спросилъ, а не лаялся!... И вслѣдъ за тѣмъ еще одна вѣтхая душегрѣйка окутала ноги Авдѣи Семеновича.

Онъ покраснѣлъ отъ досады.

— Скажешь ты, аль вѣтъ? вскричалъ купецъ.... Чего пыряешь доброе-то, словно соръ, за порогъ?

— Распыряешься тутъ, какъ изъ глазъ все пропадаетъ; отвѣчала Марѳа Семеновна.

При этомъ багровое лицо Авдѣя Семеныча приняло цвѣтъ свѣжей капусты....

— Что-о?... Пропадаетъ?... Насъ обокрали? почти съ ужасомъ произнесъ онъ.

— Богъ вѣдаетъ, можетъ статься, и обокрали.... Вонъ, вчера не доискала твоей старой бѣлковой шубы, а сегодня спохватилась и не найду, хоть тресни, моего парчеваго сарафана, что, помнишь, лѣтъ восемнадцать тому золотка въ пмячины подарила, въ Москвѣ....

— Фу!.. Мароуша, куда ты глупа, какъ меня переполошила... Я ужъ думалъ ни вѣсть какая бѣда случилась... Шуба, сарафанъ... Ну ихъ.... вѣтошь — сгивь она! бѣда не важная; куда нибудь запропастили... А вотъ ты скажи, кто это у насъ съ огнемъ по чердакамъ-то погуливаетъ?

— Ночью-то? Ахъ, ты оказія... Да, у насъ же тамъ и бѣлье виситъ на просушкѣ. Ужъ не воры ли?

— Долго ли до грѣха. Кликнуть бы прикащиковъ, да понавѣдаться на вышкѣ. Гдѣ Алешка?

— Петръ и Гаврила дома, — отвѣчала дородная работница, а Алексѣя Семеныча нѣту-ти.

— Какъ нѣтъ?

— Вѣстимо-тко — какъ нѣтъ, подхватила Марѣа Семеновна, ужъ не впервые, только ты за городъ — онъ сейчасъ и наровитъ улизнуть...

— А вотъ я его отучу белендрясничать. Опять вѣрно съ Гришкой Жебелевымъ якшается, да всякимъ стиходѣйствомъ промышляетъ... Вотъ пусть только придетъ... Пусть... Позовите хоть Гаврилу да Петра, продолжалъ онъ, засучивая рукава.

Приказаніе было исполнено въ точности. Два прикащика, протирая заспаные глаза и приглаживая включенные затылки, въ ту же минуту предстали предъ грознымъ хозяиномъ.

Авдѣй Семенычъ, вооруженный палкой отправился по крутой и узкой лѣстницѣ на чердакъ. За нимъ слѣдовалъ отрядъ прикащиковъ и женщинъ. Отрядъ подавался впередъ въ пѣмомъ молчаніи и только изрѣдка между женщинами слышались шопотъ и неосторожный говоръ; но при каждомъ ихъ возгласѣ Авдѣй Семенычъ останавливался и, приподнявъ указательный палецъ, произносилъ повелительное: Тс! вы, сорочье племя!

— Обождите маленько, прошенталъ онъ, дойдя до дверей чердака. — Съ этими словами тучный купецъ, не смотря на свою дородность, съ искусствомъ и ловкостію егера припалъ къ землѣ

и осторожно, избѣгая малѣйшаго шума, просунулъ голову за двѣри...

— Что — Семенычъ, — есть кто нибудь? спросила нетерпѣливая Марѳа Семеновна.

Вмѣсто отвѣта Семенычъ, не оборачиваясь, выразительно махнулъ сзади рукою, что значило: Молчи, дескать.

Теперь все удивленіе и вниманіе его были прикованы къ зрѣлищу въ высшей степени поразительному. Вмѣсто предполагаемыхъ воровъ, купецъ встрѣтилъ на своемъ чердакѣ едвали не всю дворню, населявшую подвалы его дома. Человѣкъ пятнадцать мушкетѣр и женщинъ чинно сидѣли на пыльномъ и сорномъ полу чердака и на выступахъ трубъ, въ то время, какъ нарумяненный Алеша, въ допотопномъ сарафанѣ Марѳы Семеновны, лежалъ въ объятіяхъ Жебелева, окутаннаго пропавшею и вывороченною на изнанку шубою Авдѣя Семеныча.

— Смотри, пожалуй, шепталъ купецъ.. Гришка-то, Жебелевъ то-безпутный!.. Вотъ она, какая майтность... Они тутъ «Гришку Отрепьева» представляютъ...

— О, Ксенія! вскричалъ Жебелевъ, съ трагическимъ жестомъ, бросаясь къ Алексѣю.

— Ну такъ, точнехонько вотъ какъ Шушеринъ... Ай-да Гришка! продолжалъ Авдѣй Семенычъ. Вишь какъ рывкнулъ!.. Марѳуша! Погляди-ко на проказу, сказалъ онъ, обращаясь къ своей дюжей половницѣ. Марѳа Семеновна, нетерпѣливо ожидавшая такого приглашенія, быстро раздвинула авангардъ отряда, сбила съ позиціи самаго Семеныча и заняла его мѣсто на томъ же порогѣ, съ тою же предосторожностію. Но послѣдней она тотчасъ измѣнила, при взглядѣ на бѣлковую шубу и на свой сарафанъ...

— Алешка! вскрикнула Марѳа Семеновна, готовая броситься на Ксенію и Самозванца.

— Тс! Обожди! отвѣчалъ Авдѣй Семенычъ, удерживая свою супругу за душегрѣйку и зажимая ей ротъ жирной ладонью.

— Чего ждать-то? Грѣху что-ли хочешь потворствовать... Хочешь, чтобы у насъ въ домѣ всякій затѣйничалъ... Вотъ я ихъ!

— Обожди, говорятъ!... повторилъ Авдѣй Семенычъ. Но было уже поздно: вспыльчивость его сожительницы получила сильный толчекъ. Марѳа Семеновна, оттолкнувъ руку мужа, съ крикомъ и угрозами была уже на чердакѣ. Зрители, испуганные неожиданнымъ ея появленіемъ, бросились со всѣхъ ногъ на встрѣчу Авдѣя Семеныча, давая и толкая отрядъ его. Несчастные артисты, угадывая сильную грозу, остались безъ движенія на мѣстѣ.

Только одинъ Жебелевъ, забывъ роль свою, смиреннымъ поклономъ встрѣтилъ Марю Семеновну.

— Чего тутъ кланяться, дебоширникъ ты этакій! — вскричала купчиха... А ты, сорванецъ безпутный, продолжала она, обращаясь къ Алешѣ, — у кого спрашивался нарядиться въ мой сарафанъ? Ась! Тебѣ говорю, безсовѣстный?

— Я... Марья Семеновна... Простите... право... отвѣчала, смѣшавшійся прикащикъ...

— Что — простите? Набѣдокурилъ, да и прости... Вишь, какъ рожу то нарумянилъ: откуда взялъ?... Чай тоже въ мой ларецъ слазилъ...

— Нѣтъ-съ... Марья Семеновна, и румяна и бѣлила...

— Ладно, ладно.. Толкуй тутъ!. Скидавай-ко-мой сарафанъ...

— Сейчасъ.. Позвольте..

— Нечего тутъ позвольте, скидавай, да и концы въ воду...

— Но я, Марья Семеновна, вѣдь, съ вашего позволенія, безъ сибирки...

— Скидавай!

— Но.. вѣдь, Марья Семеновна, хоть приличія ради.. Какъ же я безъ сибирки-то?... Позвольте.

— Скинь, да подай! Знать ничего не хочу!

— Эхъ, мать моя, — не въ сарафанѣ дѣло, перебилъ Авдѣй Семенычъ... Ты вотъ скажи, повадное ли дѣло ночью, по чердакамъ, съ огнемъ...

— Да! со свѣчами, безъ фонаря... подхватила Марья Семеновна... Сжечь насъ хотите, нехристи!

— Черезъ свою ахтерскую потѣху по міру насъ пустите.... А? Вѣрно чужаго добра не жаль?

— Марья Семеновна! Авдѣй Семенычъ!... шептали виноватые, смиренно опустивъ головы и переминаясь съ ноги на ногу. Но разсерженные супруги не внимали ихъ просьбамъ, а потому находчивый и смѣлый Жебелевъ рѣшился выпутаться изъ бѣды средствомъ, хотя не замысловатымъ, но тѣмъ не менѣе скорымъ.

— Напрасно изволили осердчать, Марья Семеновна, почтительно сказалъ онъ.... Вѣдь мы не бѣгали со свѣчей по чердаку.... Да вѣдь свѣча не боцка съ саломъ — дунулъ, да и потушилъ! Съ этими словами Жебелевъ быстро схватилъ два оплывшихъ огарка и задулъ ихъ. Дѣйствующіе остались въ глубокомъ мракѣ.

— Батюшки, что они хотятъ дѣлать! шепталъ струсившій Авдѣй Семенычъ.... Ахъ злодѣи! Гаврюша! Петя! кормильцы!... продолжалъ онъ, выведите насъ....

Марья Семеновна, столько же храбрая, какъ и супругъ ея,

боясь даже голосомъ показать свое мѣсто, быстро начала отступленіе.

Между тѣмъ Алеша, пользуясь находчивостію Жебелева, успѣлъ сбросить съ себя сарафанъ, надѣтъ сибирку и даже взять подъ руку испуганнаго хозяина, который, принимая его за своего избавителя Гаврилу, молча пожималъ руку прикащика и цѣловалъ его. Жебелевъ отыскалъ своего брата, спрятавшагося за трубою и исполнявшаго на этотъ разъ роль Шуйскаго, и съ нимъ отправился домой, въ досадѣ на неуспѣхъ спектакля.

— Вотъ разбойники! говорилъ Авдѣй Семенычъ, крѣпко ухватившись за руку Алеши.... Еще такую критику надъ нами сдѣлали.... На-ко, дескать — побродилъ въ потемкахъ!...

— Разбойники, Авдѣй Семенычъ, по истинѣ разбойники, повторилъ Алеша, котораго болѣе забавляло, чѣмъ огорчало это обстоятельство.

— Ну.... ужъ постой Алешка! Завтра же со двора сгоню! продолжалъ купецъ.

— Те.... не громко, Авдѣй Семенычъ, сказалъ Алеша,—не равно этотъ азарникъ идетъ за нами — вѣдь, чего добраго, съ лѣстницы столкнетъ....

— А что ты думаешь? станется отъ него.... я его знаю! утвердительно отвѣчалъ купецъ. Но здѣсь онъ невольно остановился, пораженный. Онъ ощупалъ сарафанъ на рукахъ Алеши.

— Это что у тебя Петруша? спросилъ онъ, стараясь отодвинуться отъ своего спутника.

— Сарафанъ, Авдѣй Семенычъ.

Вишь, бестія, какъ прикинулся! подумалъ купецъ, узнавъ наконецъ по голосу своего прикащика.

— Чтожъ вы обстановились!... Пойдемте, Авдѣй Семёвичъ, отозвался Алеша, готовый разразиться громкимъ смѣхомъ.

— Алеша... голубчикъ.... да это ты? спросилъ купецъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Я, не бойтесь, Авдѣй Семенычъ. Пойдемте....

— Да нѣтъ — постой.... Какъ же это?... Подождемъ лучше, Петра или Гаврилу....

— Да ихъ ужъ нѣтъ: они провожаютъ хозяйку.... Слышите, они ужъ внизу....

Въ самомъ дѣлѣ звонкій голосъ Марьи Семеновны давалъ знать о ея благополучномъ прибытіи въ квартиру.

— Пойдемте, повторилъ Алеша.... Не бойтесь, да и не сердитесь.

— И.... душа ты моя, да чего сердиться?... Я вѣдь это только такъ, право такъ.... Что со двора-то сказалъ сгоню....

— Да я знаю, вы такой добрый Авдѣй Семенычъ....

— Тѣу!... Не вѣрь.... право слово, не вѣрь!

— А для тебя, Алешинька, и душу положу.... Право положу.... Ужь сказалъ твоей покойницѣ матери, полюблю его, дескать, какъ сына и полюбилъ — право слово, полюбилъ! Пойдемъ.

Авдѣй Семенычъ и его провожатый стали спускаться по лѣстницѣ.

— Осторожиѣте, родной, шепталъ купецъ.... Ты не сбрось меня.... Вонъ, ужъ ты началъ шагать чрезъ двѣ ступени.... Не прытко, Алешенька.... Не прытко, кормилецъ!...

Но едва только въ глазахъ Авдѣя Семеныча мелькнулъ свѣтъ корридора, онъ сдѣлалъ отчаянный скачекъ и опередилъ Алешу....

— Такъ вотъ ты что! вскричалъ онъ — это выходитъ мое почтеніе.... дескать, съ лѣстницы сброшу. А вотъ я-же тебѣ покажу, какъ подымать руку на кормильцевъ и благодѣтелей.... Подика сюда... Поди!

— Вотъ они! Вотъ они! радость вскрикнули домочадцы Авдѣя Семеныча, встрѣчая его и Алешу.

— Чего.... матушка! — на погибель вы меня съ нимъ оставили.... отозвался купецъ, передавая свою палку въ руки жены.... Вѣдь онъ что?... Съ лѣстницы, говорить, спущу.... Такъ, говорить, ребро къ ребру и подберу....

При этомъ Марѣя Семеновна гордо подняла голову, избоченилась и, медленно повернувшись къ Алешѣ, который остался у порога прихожей, устала на него насмѣшливый и вопросительный взглядъ.

— Спасибо, батюшка братецъ, спасибо, Алексѣй Семенычъ, за ласку, сказала она наконецъ съ низкимъ поклономъ.... Это за нашу хлѣбъ-соль, да за нашу заботу?... Много благодарны вашей милости....

Алеша молчалъ.

— Вотъ оно стихотворство-то, вирши, да дружба съ Гришкой Жебелевымъ до чего довели, подхватилъ купецъ.... Сто разъ говорилъ: не якшайся, не водись съ этимъ лоскутникомъ... съ этимъ прокуратникомъ!...

— Авдѣй Семенычъ! вскричалъ Алеша — не обижайте Гришу.... Можно желать, чтобы дѣти ваши были такими-же лоскутниками и прокуратниками, какъ онъ....

— Чего? Э, братъ! да онъ видно своякъ тебѣ.... Ну, такъ

я же васъ разведу.... Завтра-же его здѣсь не будетъ... Завтра-же попрошу хозяина упрятать молодца въ Москву, а ты иди себѣ, куда знаешь....

— Это ужъ мое дѣло, отвѣчалъ Алеша; съ доброю совѣстію, да съ желаніемъ трудиться, я нигдѣ не пропаду.

— Чего? трудиться?... Славный работникъ, нечего сказать!... Въ лавкѣ хоть изъ подъ носу всё вынеси.... Спишь надъ книгами.... знаемъ мы.... Или, цной разъ загородишь такую ахинею, что всё покупатели хоть вонъ бѣги.... Ономнясь понесъ какую-то околесню, и такъ за выручкой размахался, что всё стекла у наличниковъ перебилъ.... Убытку на сто рублей понесъ отъ тебя.... Такъ то!... намъ такихъ не падоть. Ступай, вонъ на деревянный, что на Царицыномъ Лугу, тамоть-ко вашего брата жалуютъ, а здѣсь ахтерство не къ масти.... Такъ то!... Мнѣ ты не нуженъ.

Выразительные глаза Алеши сверкнули огнемъ благородной рѣшимости. Тяжело вздохнувъ, онъ застыгнувъ до верху сибирку, подошелъ къ своему сундучку, задвинутому подъ софу, стоявшую въ прихожей и служившую ему постелью, — и началъ выбирать изъ него свои пожитки.

Марѳа Семеновна и Авдѣй Семенычъ переглянулись.

— Вонъ, какъ наши!... сказала первая, ужъ и слова не пророни. Куда-бы это?

— Куда глаза глядятъ! отвѣчалъ Алеша, взявъ подъ мышку небольшой узелокъ съ бѣльемъ и платьемъ.

— Съ Богомъ.... Съ Богомъ! отозвался купецъ.

— Прощайте, сестрица, продолжалъ Алеша, обращаясь къ Марѳѣ Семеновнѣ.... Благодарю за вашу ласку....

Сестра молчала, поглядывая то на мужа, то на брата.

— А какъ наши расчеты съ вами кончены, Авдѣй Семенычъ, то невзыщите за спросъ, сказалъ Алеша.... Пожалуйте мнѣ мои тысячу восемьсотъ рублей.

Купецъ вздрогнулъ.

— Деньги? прошенталъ онъ.... Какія?

— Тѣ, которые оставила вамъ моя покойница матушка....

— Такъ ты....

— Я все знаю, свидѣлецъ есть! Такъ пожалуйста. Надобны-съ.

Блѣдный, перѣшительнымъ шагомъ отправился Авдѣй Семенычъ во внутренніе покои — и чрезъ пять минутъ подалъ Алешѣ пачку бумажекъ....

— На... сказалъ онъ... Вотъ твое добро....

Взявъ пачку, Алеша язвительно улыбнулся при взглядѣ на по-
синѣвшія и дрожавшія отъ злости губы своего родственника....

— Такъ ты идешь? спросилъ послѣдній.

— Иду.

— Хотѣлъ бы я знать, куда дѣнешся, голь ты этакая? вскри-
чала Авдѣй Семенычъ, уже не скрывая своей досады.

Алеша поднялъ глаза на образъ Божіей Матери.

— Вотъ моя надежда, сказалъ онъ, — на Ея милосердіе возла-
гаю свое упованіе.... Она, заступница, меня не оставитъ.... Про-
щайте!

И его уже не было.

— Алеша! Алеша.... да, хоть почуи у насъ.... вскричала Марѳа
Семеновна.... Ушелъ! Ушелъ, повторила она.... И Марѳа Семенов-
на зарыдала.

— Ну, чего ревешь-то, словно по покойникѣ?... сердито ска-
залъ купецъ.

— Круто, круто мы поступили, Авдѣй Семенычъ.... И собаку
жаль выгнать въ морозъ да ночью, на дворъ, а вѣдь онъ намъ не
чужой, Авдѣй Семенычъ....

— Ладно, точи тутъ балясы-то.... Пора ужинать, да и на боко-
вую. На всякій дебошъ не наплачешся. Вотъ еще завтра доѣду
разбойника Гришку: онъ больше всѣхъ виноватъ, онъ и Алешку-
то сбиль съ толку! —

И грозный вопитель со всѣми домочадцами умѣстился за накры-
тый столъ, крикнувъ — и залпомъ запилъ свой гнѣвъ и досаду
небольшой стопкой домашняго травнику.

II.

Въ жаркій весенній день, 1794 г. двое мужчинъ вышли изъ ко-
ляски, на углу Садовой и Гороховой. Приказавъ слѣдовать за со-
бою экипажу, они отправились по направленію къ Гостиному Дво-
ру. Первый изъ нихъ былъ дородный и видный мужчина, съ бла-
городнымъ и открытымъ лицомъ. Дѣлая короткій, но скорый
шагъ, вѣроятно по привычкѣ, — онъ видимо старался не опере-
дить своего спутника, сѣдаго и почтеннаго старика. — Станъ по-
слѣдняго, когда то необыкновенно стройный, теперь былъ нѣ-
сколько согорбленъ, потухающіе глаза его изрѣдка вспыхивали
огнемъ сильнаго и быстрого ума, а блѣдное, мягко очерченное
лицо его прирядило къ разряду тѣхъ лицъ, которыя привык-

нужь выражать страсти, еще и въ преклонныхъ лѣтахъ носить на себѣ печать душевной силы.

— Только съ вашею любовью къ искусству, Николай Ивановичъ, — только съ вашимъ добрымъ желаніемъ поощрять талантъ, можно было найти такое сокровище.... говорилъ старикъ, прерывая слова свои сухимъ кашлемъ и дробью камышевой трости о звонкую плиту тротуара. Однако, скажите, продолжалъ онъ, какой случай навелъ васъ на этого самоучку-поэта?...

— Простой и самый обыкновенный. Нѣсколько разъ, проходя по Зеркальной линіи, я замѣчалъ, что въ одомъ изъ шкафчиковъ молодой торговецъ вѣчно углубленъ или въ книгу, или въ тетрадь.... Любопытство меня подстрекнуло. Однажды я рѣшился заговорить съ нимъ, вызвалъ его на откровенность и узналъ, что въ немъ двѣ преобладающія страсти: любовь къ театру и къ поэзіи.... Но эти страсти, вѣрите мнѣ, такъ сильны, что должны принести вѣрные и прекрасные плоды....

— Давайте, давайте мнѣ его, весело сказалъ старикъ, увидимъ!

— Я даже, съ вашего позволенія, уже обѣщалъ ему ваше покровительство и вниманіе....

Спутникъ выразительно кивнулъ головою.

— И вы говорите, что онъ сирота?...

— Да. Исторія его жизни почти печальна.... она коротка и я вамъ передамъ ее, какъ самъ отъ него слышалъ. Онъ сынъ Костромскаго купца — когда-то достаточнаго, но разорившагося во время пожара здѣшняго гостиннаго двора. Ребенкомъ узналъ онъ всю горечь круглаго сиротства, поступивъ въ опеку къ своему дальнему родственнику, также здѣшнему купцу. Первое знаніе русской грамоты онъ получилъ едва ли не изъ милости — отъ какой то доброй старушки — просвирии, второе, — не полное, въ приходской школѣ. Тринадцати лѣтъ онъ былъ уже посаженъ опекуномъ своимъ за прилавокъ. Но не къ барышамъ и вершкамъ рвалось сердце ребенка!... Скоро онъ нашелъ себѣ товарища по мыслямъ, челоуѣка съ тѣми же желаніями и, къ несчастію, съ тѣми же назначеніемъ — звать прохожихъ въ шляпную лавку. Дни и ночи проводили товарищи за чтеніемъ трагедій, драмъ и одъ. Наконецъ, одному изъ нихъ удалось побывать въ театрѣ и это было слѣдствіемъ ихъ общей невзгоды, а быть можетъ, и будущей славы нашего героя.... Друзья рѣшились попробовать свои силы въ исполненіи трагедіи «Самозванецъ». Но въ самомъ жару декламации были пойманы строгимъ купцомъ на мѣстѣ затѣи. Ихъ разлучили, едва ли не на всегда. Товарища моего знакомаго отправили въ Москву, а ему самому отказали въ пристанищѣ.

Но, вотъ и онъ! сказалъ Николай Ивановичъ, поровнявшись съ лавочкою подъ N 67 — и указывая на статнаго и красиваго молодца, углубившагося въ чтеніе какой-то тетради.

Это былъ нашъ знакомецъ Алеша.

— Посмотрите, сколько ума и благородства въ этомъ прекрасномъ лицѣ, въ этихъ пылающихъ глазахъ, сколько классическаго въ этомъ стройномъ ростѣ и атлетическомъ сложеніи, созданныхъ рѣшительно для сцены, сказалъ Николай Ивановичъ....

— Да.... Да! шепталъ старикъ.... и взоръ его ожилъ, на блѣдномъ лицѣ выступилъ румянецъ удовольствія.

Незнакомцы, незамѣчаемые Алешею, подошли ближе. Казалось, онъ не обращалъ ни на что вниманія и, углубясь въ свое занятіе, звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, со всею одушевленіемъ артиста, читалъ:

«О, сынъ любезнѣйшій! Сынъ сердца моего!

Я сталъ виновникомъ несчастья твоего!

Твой гробъ тебѣ отверстъ родительскою рукою,

По рокъ за то отмститъ, лишивъ меня покою.

Мой духъ предчувствуетъ, что должно вѣкъ страдать....

И гдѣ-жъ въ страданіяхъ отрады мнѣ искать?

Съ кѣмъ буду раздѣлять моихъ печалей бремя?

И ждать ли, чтобъ мой стонъ могло умалить время?

— Оставляю такъ.... Кажется, не дурно? заключилъ Алеша....

— Очень, очень не дурно, другъ мой! ласково сказалъ старикъ. Юноша вздрогнулъ, поднялъ глаза — и, вешыхнувъ стыдливимъ румянцемъ, вѣжливо поклонился старику и его спутнику.

— Не ты ли авторъ этихъ стиховъ, Алеша? спросилъ послѣдній.

— Грѣшный человекъ.... Я-съ, Николай Ивановичъ....

— Что же это, ужъ не драма-ли?

— Драма «Отчаянный любовникъ» — называется.... Такъ-съ.... шалилъ....

— Хорошо.... Прекрасно! шепталъ старикъ, любуясь образцовымъ лицомъ молодаго купца.... Повтори, другъ мой, сдѣлай милость, повтори свои стихи....

— Прочти, прочти, Алеша, сказалъ Николай Ивановичъ....

— Извольте.... Только боюсь, не поправится. И Алеша съ тѣмъ же жаромъ и съ тою же силою повторилъ стихи.

Казалось, старикъ помолодѣлъ, слушая Алешу; мускулы его

дрожили, взоръ сверкалъ огнемъ восторга и удовольствія — онъ даже выпрямился...

— Молись, другъ мой! сказалъ онъ: Богъ даровалъ тебѣ сокровищемъ, котораго не купишь за золото, ниже за всѣ блага міра сего, которымъ никто не наградитъ тебя.... Надо учиться — и въ будущемъ твоя слава, слава твоей родины, и твое счастье....

— Это говоритъ тебѣ Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій! добавилъ Николай Ивановичъ Перепечинъ, первый другъ и благодѣтель Алеши....

Юноша едва не зарыдалъ отъ восторга при послѣднихъ словахъ своего благодѣтеля. Онъ уставилъ на старца вспыхнувшій взоръ свой, силится сказать что-то и не могъ.

— Приходи, другъ мой, вечеромъ ко мнѣ, ласково сказалъ Дмитревскій, подавая свою руку уничтоженному радостію Алешѣ.... Тамъ посоветуемся и увидимъ, что надо будетъ начать намъ.... добавилъ онъ.

Съ этого дня Алексѣй Семеновичъ, котораго мы не иначе будемъ называть теперь, вступилъ на настоящую тропу своего призванія.

Добрый Дмитревскій съ любовью занялся имъ, уговорилъ его поступить на сцену и, пройдя съ нимъ роль *Оскольда* изъ трагедіи «*Семира*», заставилъ его дебютировать этою ролью, 1-го іюня, того-же года. Надежды старика оправдались. Дебютантъ изумилъ зрителей своимъ талантомъ. Сыгравъ послѣ того, съ тѣмъ же успѣхомъ, еще два раза, Алексѣй Семеновичъ, послѣ исполненной имъ роли *Синава*, былъ принятъ на дѣйствительную службу Императорскаго придворнаго театра.

III.

Быстро бѣжали годы, — быстро росла громкая и заслуженная слава нашего знакомца. Онъ сдѣлался любимцемъ публики, артистомъ, талантъ котораго удостоился найти одобреніе въ устахъ самаго Монарха, — человѣкомъ, котораго знакомство и дружбу цѣнили вельможи. Общество находило въ немъ умнаго, милаго, иногда острога и веселаго собесѣдника, нищета — благодѣтеля, готоваго раздѣлить съ нею послѣднее. И въ то время, когда все улыбалось ему улыбкой признательности, радушія, ласки и привѣта, эта высокая душа не знала счастья: въ ней была вѣчная мучительная борьба пылкой фантазіи съ холодной существенностію.

Сердце его, пылкое, благородное, просило сочувствія. Онъ любилъ... И можно судить, какую любовь влокотала грудь, которая умѣла вмѣщать въ себя и развивать до невѣроятной энергіи каждое человѣческое чувство, каждый безграничный порывъ страсти. Но онъ любилъ безнадежно... Та, которую отличило его сердце, принадлежала уже другому.

Однажды, послѣ блистательнаго исполненія роли *Лоада* въ «Говолинъ» — Алексѣй Семенычъ, почти вынесенный на рукахъ изъ театра восторженными зрителями, забывая свое высокое торжество, печальный и грустный проходилъ опустѣвшимъ Вознесенскимъ проспектомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры, онъ замѣтилъ человѣка, который горячился, выходилъ изъ себя и громко спорилъ о чемъ то съ мелочнымъ лавочникомъ.

— Говорятъ тебѣ, что онъ здѣсь долженъ жить! кричалъ незнакомецъ.

— Можетъ статься, и есть такой, да мы не знаемъ... отвѣчалъ лавочникъ.

— Знаешь, да не хочешь сказать...

— Да нешто мнѣ отъ этого прибыль какая?... Али языкъ отвалится?

— Не прибыль, да просто не хочешь.... Знаю я васъ!

Алексѣй Семенычъ поровнялся съ незнакомцемъ и по какому то безотчетному любопытству заглянулъ подъ огромный козырекъ его фуражки. Въ ту же минуту лицо артиста выразило радость и удивленіе. Не говоря ни слова, онъ схватилъ знакомяца за руку, быстро подвелъ его къ фонарю, и съ крикомъ: Гриша! Жебелевъ! кинулся къ нему на шею.

— Батюшка, Алексѣй Семенычъ!... Ты еще все тотъ же, не забылъ старыхъ друзей! отвѣчалъ старый товарищъ.

— Давно ли здѣсь? Двадцать лѣтъ разлуки!... Ну что, какъ живешь!.. говори, Гриша!..

— Слава Богу... все слава Богу. Женатъ вѣдь я, и дѣтей куча!.. Такъ ужъ, такъ счастливъ... Право. Побѣдемъ ко мнѣ. Я за тобою... Жену увидишь... дѣтки, братецъ, этакіе, маленькіе. Ахъ, ты Господи!.. обезумѣлъ я совсѣмъ на радости... Побѣдемъ.

И чрезъ пять минутъ услужливый ванька мчалъ нашихъ друзей на Выборгскую, къ квартирѣ Жебелева.

Ночь прошла незамѣтно, въ восторгѣ свиданія и въ воспоминаніяхъ минувшаго. Любуясь семейнымъ счастьемъ своего друга, Алексѣй Семенычъ не могъ не позавидовать ему и даже высказался.

— Помилуй, отвѣчалъ Жебелевъ, а кто тебѣ мѣшаетъ быть также счастливымъ, если не болѣе?

Облако грусти набѣжало на высокой лобъ артиста, онъ вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова.

— И напрасно, продолжалъ Жебелевъ.... Годы уходятъ, сердце стынетъ, Алексѣй Семенычъ.... То-ли бы дѣло?... право....

Алексѣй Семенычъ задумался. Мысль не совсѣмъ возможная, но тѣмъ не менѣе иногда сбыточная, занимала его теперь.... Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, — что если этотъ искренній совѣтъ друга указываетъ мнѣ дорогу къ отдыху отъ невзгодъ душевныхъ?... Что, если ласка жены, улыбка дитяти, вырвутъ изъ моего сердца всю горечь моего недуга?...

— Григорій! быстро и рѣшительно произнесъ Алексѣй Семеновичъ.... Ты хочешь, чтобы другъ твой женился?...

— Очень желательно!... У! какъ-бы я попировалъ на твоей свадьбѣ.... ребятъ бы всѣхъ забралъ съ собой!...

— Ну, такъ забирай.... Черезъ три дня я разочтусь съ холостою жизнію....

— Возможно-ли?... Какъ-же это?... А!... понимаю.... Ужъ вѣрно есть на примѣтѣ?...

— Нѣтъ.

— Шутяшь, Алексѣй Семенычъ; да какъ-же это?... Еще невѣсты нѣтъ, а ты ужъ черезъ три дня на свадьбу зовешь?

— Да.... да, черезъ три дня я женюсь! холодно и рѣшительно повторилъ артистъ. Взоръ его былъ мраченъ, лицо блѣдно.... Да, шепталъ онъ тихо про себя: если нѣтъ поэзии въ любви, такъ она можетъ быть въ семейной жизни.

IV.

День былъ жаркій, душный. Не смотря однако на бѣдную пыль, взвѣваемую на мостовой проѣзжающими экипажами, несмотря на знойное солнце, расплавившее стекла въ низенькихъ окнахъ двухъ-этажнаго домика на Екатеринскомъ каналѣ, гдѣ жилъ отставной театральнй камеръ-музыкантъ Иванъ Ѳедоровичъ Ширяевъ, — онъ не измѣнилъ свой привычкѣ. Прикрывъ голову шерстянымъ колпакомъ и попивая въ прикуску свой горячій чай, онъ частенько прилегалъ на окно, съ тѣмъ, чтобы прислушаться къ звукамъ разстроенныхъ фортепьянъ, раздававшимся въ верхнемъ жилѣ.

— Фальшиво!... охъ, какъ фальшиво! шепталъ старикъ, про-

тирая пестрымъ платкомъ гляцевитый верхъ табакерки.... А, что это, Катюша, продолжалъ онъ, смотря вдаль и прищуривая глаза.... Посмотри-ко, никакъ это кто-то изъ нашихъ театральныхъ идегъ.... А?

Молодая, привлекательной наружности и просто, но съ удивительнымъ вкусомъ одѣтая дѣвушка, подбѣжала къ окну.

— Никого не вижу, папенька.... сказала она....

— Ахъ, ты молодость, молодость.... отвѣчалъ старикъ, покачавъ головою.... Не видишь?... А я вотъ и старъ и слѣпъ.... да смотри, сейчасъ скажу, кто это такой....

— Ахъ! вижу.... вижу.

— Ну, кто?... Еще обмануть старика наровишь.... А вотъ я такъ знаю кто?... Это нашъ великій трагикъ, Алексѣй Семеновичъ....

Не успѣлъ старикъ оковчить этихъ словъ, какъ ужъ нашъ знакомецъ стоялъ подъ его окномъ.

— Здравствуй, Ширяевъ! сказалъ онъ.

— Здравствуйте, батюшка, Алексѣй Семеновичъ, съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ старикъ, снявъ съ головы шерстяной колпакъ.

— Здравъ ли?... Какъ поживаешь?

— Живется, не какъ хочется, а какъ можется, батюшка Алексѣй Семеновичъ.

— Ну, а какъ можется-то?...

— Благодареніе Всевышнему.... хожу еще, не совѣмъ свалился.... Да, сдѣлаете вашу ласку.... подарите милостію старика.... Пожалуйте, зайдите.... Вотъ и чайку бы: самоваръ ужъ готовъ.

— Чаю не хочу.... а коли есть рюмка вина—зайду.

— Да чего для вашей милости нѣтъ!... Найдется.... сдѣлайте милость....

— Изволь, изволь старина. Съ этими словами Алексѣй Семеновичъ былъ уже въ маленькой, но опрятной комнаткѣ Ширяева. Старикъ былъ такъ обрадованъ неожиданнымъ посѣщеніемъ такого знаменитаго гостя, что не находилъ словъ, какъ благодарить его, не находилъ почетнаго мѣста, куда бы посадить артиста.

— Что это, дочь твоя? спросилъ артистъ, обративъ особенное вниманіе на дѣвушку, которая скромно и застѣнчиво отвѣчала на поклонъ его.

— Дочь, Алексѣй Семеновичъ; всего мѣсяцъ, какъ изъ школы взялъ.

— Красавица! продолжалъ гость, не спуская глазъ съ прекраснаго личика Катю. А которой ей годъ? спросилъ онъ.

— Да, вотъ о Петровкахъ пошло шестнадцать.

— Пора за мужъ... Пора!...
 — Шутникъ, Алексѣй Семеновичъ, куда намъ о замужествѣ думать... Катенька! Что же стоишь, продолжалъ старикъ, обращаясь къ дочери, которая въ привлекательномъ замѣшательствѣ ощипывала конецъ своего кушака... Иди, да принеси бутылочку... Знаешь тамъ?... И старикъ выразительно скорчилъ указательный палецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка принесла бутылку и стаканъ.
 — Ну, красавица — сказалъ Алексѣй Семеновичъ... Хочу пить за твое здоровье и изъ твоихъ хорошенькихъ рукъ.

Дѣвушка вспыхнула стыдливымъ румянцемъ, — но, ободряемая отцемъ, налила стаканъ и дрожащею рукою поднесла его на тарелкѣ гостю.

Нѣсколько мгновений Алексѣй Семеновичъ оставался недвижимъ, уставивъ свой огненный взглядъ на дѣвушку.

Катя дрожала всѣмъ тѣломъ и горѣла на медленномъ огнѣ.
 — Пью, душа моя, тогда только, сказалъ наконецъ гость, когда ты меня поцѣлуешь.

— Экой шутникъ!... Экой балагуръ! шепталъ Ширяевъ, въ то время, какъ стаканъ прыгалъ на тарелкѣ его дочери.

— Не стыдись, красавица! продолжалъ гость... Поцѣлуешь — невѣста будешь. Старикъ, вѣдъ ты позволяешь?

— Катинька!... Чего ты дрожишь... сказалъ отецъ... Поцѣлуй!... Алексѣй Семеновичъ человекъ степенный, честный... это первый талантъ въ Россіи... Честь тебѣ будетъ, ну, дурочка... ради шутки... Ну-же!...

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы. Бросивъ на отца взглядъ упрека, она рѣшительно взяла бокалъ и съ принужденною, но плѣнительною улыбкою, подала его артисту.

— Спасибо, красавица! Твое здоровье!... сказалъ Алексѣй Семеновичъ. — Ну, теперь поцѣлуй на загладочку...

И поцѣлуй зазвучалъ на устахъ Кати.

— Вотъ, теперь ты моя невѣста! продолжалъ Алексѣй Семеновичъ. Хочешь быть моею невѣстою?...

— Ахъ, шалунъ Алексѣй Семеновичъ!... Да полноте вамъ шутить... Она у меня, видите, такая дурочка конфузная.

— Молчи, старикъ!... Кто сказалъ тебѣ, что я могу шутить честью невинной дѣвушки?... Неужели ты думалъ, что я рѣшусь поцѣловать дочь твою, не назвавъ ее своею невѣстою?...

Табакерка и платокъ выпали изъ рукъ старика. Онъ остолбѣнѣлъ отъ удивленія.

— Такъ вы.... вы не шутите, Алексѣй Семеновичъ? прошепталъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Богъ свидѣтель, что я не умѣю шутить ни надъ сѣдиною, ни надъ юностію.

— Но какъ-же, право, какъ-же это? шепталъ старикъ.... У меня.... ей Богу!... ровню.... да даже на платышко вѣтъ....

— Ну, это мое дѣло! отозвался гость. А теперь благослови насъ.

На другой день старикъ получилъ отъ Алексѣя Семеновича 2000 руб. на приданое Кати, а чрезъ недѣлю — она была женою славнаго артиста.

Весело пировали свадьбу Алексѣй Семеновичъ и друзья его. Веселье былъ и самъ онъ. Съ каждымъ задравнымъ тостомъ увеличивался говоръ и удовольствіе гостей. Общество состояло изъ артистовъ и писателей, а между-тѣмъ тутъ-же были оставлены двое знакомыхъ Алексѣю Семеновичу бѣдныхъ молодыхъ людей, которые нечаянно въ то утро явились показать ему свои новые стихотворенія. Они были одѣты въ невзрачные синіе сюртуки, и когда за столомъ завязался разговоръ о сценическомъ искусствѣ, одинъ изъ нихъ также вмѣшался въ пренія, изъясняя покойному П. А. Корсакову довольно оригинально свой образъ мыслей. Это обратило на него общее вниманіе.

— Скажи, пожалуй, Алексѣй Семеновичъ, что это у тебя за люди? спросилъ генералъ Тучковъ хозяина, указывая на молодыхъ поэтовъ.

Алексѣй Семеновичъ улыбнулся, и принявъ серьезное выраженіе лица, сказалъ :

На вѣтхость не смотря сихъ синихъ сюртуковъ,

То — два великіе кропатели стиховъ!..

Этотъ бойкой экспромтъ въ минуту былъ сообщенъ всѣмъ присутствующимъ, и Алексѣй Семеновичъ по обыкновенію сдѣлался душою бесѣды.

Старые друзья его, генералъ Алсуфьевъ и Сергій Ивановичъ Кусовъ, по обыкновенію, тотчасъ же приступили къ нему съ просьбами, чтобы онъ прочелъ какой-нибудь монологъ.

Вмигъ веселость оставила хозяина, грустная дума снова отуманила его мысли — и онъ отказалъ на отрѣзъ.

— Другъ!... На прощанье, сказалъ Тучковъ.... Выбери, что хочешь.

— Не могу.... и не могу, отвѣчалъ Алексѣй Семеновичъ. Неужели вы думаете, господа, что это такъ легко?... Вы хо-

тите, чтобы я моимъ словомъ проникъ въ ваши сердца, взволновалъ-бы ваши чувства?... А понимаете-ли, что это дѣлается тогда только, когда моя собственная душа заболитъ и забьется; когда собственная грудь сожмется страстью и страданіемъ? Я не умѣю не чувствовать, что говорю! Погодите, заключилъ онъ, съ какою-то тайною грустью, быть-можетъ, скоро я скажу вамъ монологъ, какого вы еще никогда не слыхивали, я выну его изъ глубины души, быть-можетъ, вмѣстѣ съ душою, и долго, долго вы его не забудете!...

Онъ сдержалъ свое слово.

V.

4-го октября, 1817 года, въ маломъ деревянномъ театрѣ, стоявшемъ на Невскомъ Проспектѣ, тамъ, гдѣ нынѣ Александринскій скверъ, стеченіе публики было чрезвычайно многочисленное. Давали «Оттело», Шекспира — въ передѣлкѣ Дюси. Эдельмону играла прекрасная артистка того времени, госпожа Каратыгина, мать нынѣшняго знаменитаго трагика.

Никогда артистъ нашъ не былъ такъ великъ и совершененъ, какъ на этотъ разъ. Зрители дышали его жизнью, жили его душой, чувствовали его сердцемъ, такъ было сильно очарованіе его игры и таланта. Но, вотъ задрезжала струна.... и сладкіе звуки лебединой пѣсни задрожали въ металлическихъ переливахъ подъ сводами театра. Алексѣй Семеновичъ былъ весь проникнуть своею ролью, рука его, казалось, замерла на карающемъ кинжалѣ ревниваго мавра, глаза облились кровью метителя, но сердце вслушивалось въ печальный звукъ, высказывавшій все предчувствіе души, угадавшей свое страшное будущее. Вдругъ синеватая блѣдность покрыла лицо артиста.... шатаясь, съ помутившимся взоромъ, хотѣлъ онъ приступить къ послѣдней сценѣ, но ноги его задрожали, кровь прилила къ головѣ и онъ безъ чувствъ рухнулъ на полъ....

Почти полумертваго его отнесли домой*.

* Все факты и слова, вложенныя въ уста Яковлева, не вымышлены, они сообщены намъ разными лицами, бывшими въ тѣсныхъ связяхъ съ знаменитымъ артистомъ. Особливо, сообщеніемъ многихъ подробностей, мы обязаны покойному П. А. Корсакову и почтенному П. М. Попову, котораго Яковлевъ особенно любилъ и который былъ личнымъ свидѣтелемъ оригинальнаго его сватовства. *Ред.*

Спустя мѣсяць — блѣдный и грустный Григорій Ивановичъ Жебелевъ, проходя Волковымъ кладбищемъ, остановился помолиться надъ свѣжею могилою, прикрытою новою плитою съ изсѣченными на ней словами:

Алексій Семеновичъ

Яковлевъ.

Родился 1773 г. Скончался 1817, ноября 3-го.

«Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ не зналъ.»

VI.

Не одинъ Жебелевъ тосковалъ о потерѣ друга: ему сочувствовалъ весь Петербургъ, горесть его понимала вся Россія. Надъ могилою, гдѣ онъ такъ усердно молился, каждый день преклоняли колѣна вдовы и старцы въ рубищахъ, которые, вмѣстѣ съ покойникомъ, схоронили въ ней все свои надежды, все утѣшеніе. Правда, могильный камень не бывалъ украшенъ цвѣтами, — тогда еще не знали этого прекраснаго обычая, который ввелся у насъ недавно, — но за то надъ нимъ каждоедневно сплетался вѣнокъ — неувыдаемый, безцѣнный — изъ благословеній и молитвъ ближнихъ, облагодѣтельствованныхъ артистомъ.

Чаще всѣхъ встрѣчали на ней сѣдовласаго старца, который долго становалъ въ раздумьи надъ холодной плитою, опершись на длинную трость, и слезы капали изъ впалыхъ глазъ его. Глядя на него, можно было подумать, что потеря эта ближе всѣхъ касалась его сердцу. А между тѣмъ, это былъ не отецъ, не задушевный другъ, не родня покойному. Это былъ, такъ сказать, родоначальникъ русскаго театра, истинный поборникъ искусства, любившій каждое отрадное явленіе въ сценическомъ дѣлѣ, какъ кровное свое дѣтище. Словомъ, это былъ Иванъ Аоонасьевичъ Дмитревскій.

Яковлевъ былъ послѣдній жизненный органъ, въ которомъ хотѣлъ и могъ еще существовать Дмитревскій. Въ него, какъ въ могильную урну, сложилъ онъ весь остатокъ драгоцѣннаго цѣпла своей молодости: любовь къ искусству, жаръ и увлеченіе страсти, науку опыта, ясность постиженія, красоту передачи. Въ немъ создавалъ онъ новаго представителя того искусства, которому самъ служилъ болѣе шестидесяти лѣтъ и которымъ могъ еще гордиться, не будучи самъ въ силахъ его замѣнить. И вотъ маститый старецъ видѣлъ, какъ рушилось послѣднее его зданіе, и огонь

все еще свѣтившійся въ душѣ его, угасалъ безъ пищи: для Яковлева не было преемника.

Это была великая скорбь, выше простаго человѣческаго чувства, чище отеческаго или дѣтскаго плача, это была скорбь художника, который въ разрушенномъ созданіи видитъ погибель зиждительной своей мысли.

Когда Дмитревскій пришелъ провѣдать Яковлева въ послѣднія его минуты, трагикъ не узнавалъ болѣе своего наставника: въ бреду, метался онъ въ предсмертной агоніи. Дмитревскій не могъ удержать порыва души своей, слезы брызнули:

— Алексѣй! воскликнулъ онъ... но кто-же намъ останется, когда и ты уходишь въ лучшій міръ? Кто воскреситъ, поддержитъ русскую трагедію? Театръ нашъ погибнетъ!

Больной привсталъ, безсознательно вперилъ въ него взоръ, въ которомъ отразился послѣдній огонь души, и громкимъ, могучимъ голосомъ произнесъ послѣдній стихъ изъ «Дмитрія Донскаго:»

Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!

Мѣсяцъ спустя, публика спѣшила принести дань благодарности усопшему артисту и толпами собиралась въ бенефисъ, назначенный его семейству. Этому спектаклю Дмитревскій хотѣлъ придать особенную торжественность. Восемьдесятидевяти-лѣтній несторъ русской драмы самъ вызвался участвовать въ представленіи. Онъ хотѣлъ напомнить скорбящимъ зрителямъ, что онъ, великій блюститель русскаго театра, еще живъ и можетъ создать новые таланты. Кн. А. А. Шаховской для этого случая написалъ патриотическій водевиль: «Встрѣча незваныхъ.» Въ немъ создалъ онъ особенную роль, стараго управителя, собственно для Ивана Аюнасъевича. Дмитревскій одѣвался съ бодростію шестнадцатилѣтняго юноши. Казалось въ немъ воскресъ весь пылъ перваго, славнаго его выступленія на сцену. Онъ забылъ семьдесятъ лѣтъ, которыя пролетѣли надъ его головою, шесть царствованій, которыя пережилъ, пять поколѣній, которыя переродились въ это время.

Публика приняла старца съ неописаннымъ восторгомъ. И когда замолкли шумныя рукоплесканія и крики, когда слѣдовало ему говорить — онъ не могъ. На этой сценѣ, гдѣ онъ доселѣ все еще первенствовалъ въ лицѣ своихъ учениковъ, Плавльщикова, Померанцова, Яковлева, гдѣ духъ его оживлялъ каждое замѣчательное явленіе, собственная оболочка этого вѣчно-юнаго духа

оказалась немощною. Онъ могъ выражаться только краснорѣчіемъ слезъ, умиленія, трепета.

Старика, почти безъ чувствъ, свели въ уборную.

— Конечно! воскликнулъ онъ, падая въ кресло, все кончено! Съ Яковлевымъ умеръ Дмитревскій. Опускайте занавѣсъ: комедія отыграна!

VII.

Составляя двадцать лѣтъ сряду славу русскаго театра, Яковлевъ вполне заслужилъ названіе истиннаго, великаго художника. Актеръ этотъ открылъ новый элементъ зрителямъ. До него истинное чувство не было знакому актеру. Все ограничивалось одной пышной декламацией, подогрѣтой поддѣльнымъ жаромъ. Яковлевъ первый понялъ, что этого недостаточно для искусства, столько вліятельнаго, какъ сценическое, и что для того, чтобы вполне овладѣть душою зрителя, надо непременно слѣдовать изрѣченію знаменитаго критика :

Etre naturel dans les arts, c'est être sincère.

Еще древній поэтъ говорилъ : «Если хочешь растрогать меня — заплачь самъ!» Яковлевъ понималъ это, какъ нельзя лучше, и умѣлъ какъ-то душою сродняться съ представляемымъ лицомъ, прививалъ себѣ его страданія и былъ всегда такъ естественно потрясенъ на сценѣ, что невольно потрясалъ своихъ зрителей. Но это стоило ему душевныхъ силъ, разрушало его геркулесовскій организмъ и, можетъ быть, преждевременно свело въ могилу.

Но въ первое время своего блистательнаго поприща Яковлевъ не имѣлъ средствъ и возможности осуществить своей прекрасной мысли и дать полный разгулъ своей кипучей натурѣ. Принужденный играть въ напыщенныхъ пьесахъ Сумарокова, въ трагедіяхъ Расина и Корнелья, дѣйствовать на чувство зрителя не голосомъ души, но картинною позою, могучимъ словомъ, онъ долго ждалъ своего перерожденія. Чувство впервые только заговорило языкомъ Княжнина, а потомъ Озерова — и Яковлевъ тотчасъ-же сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Онъ сталъ выше своихъ знаменитыхъ предшественниковъ и учителей, потому что сталъ не простымъ риторомъ, — но артистомъ. Самъ Дмитревскій, давшій ему форму выраженія, видѣлъ, какъ кипучая страсть этого атлета разрывала тѣсныя узы этой формы — и давала выраженію, движеніямъ, голосу новую силу, новый колоритъ, кото-

рые невольно увлекали самого классика учителя, и заставляли сознаваться, что для театра настаетъ новый періодъ. Яковлевъ помнилъ древнюю пословицу: *Verba valent sicut nummi*; Слова имплютъ цѣнность, какъ монета, а потому онъ заботился не только о томъ, чтобъ слово было произнесено ясно и сильно, но чтобъ оно имѣло внутреннюю цѣну мысли, чувства, задушевности. Первою блистательною ролью, въ которой заговорила душа артиста; была роль *Массинесса*, въ «Сафонизбѣ» Княжнина, пьесѣ исполненной истинныхъ красотъ. Въ «Ярополкѣ», «Магометѣ», и «Альзирѣ», въ «Эдипѣ», «Фингалѣ» и «Дмитріи Донскомъ» Яковлевъ высказалъ всю силу своего высокаго дарованія, всю полноту своего чувства.

Наконецъ наступилъ прекрасный и счастливый періодъ пьесъ такъ называемыхъ *мещанскихъ*, пьесъ, гдѣ уже не риторика играла первую роль, но гдѣ человѣкъ выводился съ психической своей стороны, гдѣ анатомировалось сердце, въ разныхъ положеніяхъ жизни. Въмѣсто пьесъ, написанныхъ по образцу французскому, явились драмы Коцебу, трагедіи Шиллера. На сценѣ проснулись натура и истинное чувство, и дѣйствующіе впервые поняли настоящее свое назначеніе: походитъ на живыхъ людей, а не на ходячія сентенціи. «Ненависть къ людямъ и Расканіе» была тогда любимѣйшею пьесою публики и совершеннымъ торжествомъ Яковлева. Въ ней онъ поражалъ сердца зрителей глубокимъ проникновеніемъ въ характеръ Мейнау. Онъ представлялъ его не брюзгою, не букою, какъ многіе его понимали; нѣтъ, въ лицѣ Яковлева Мейнау оставался образованнымъ человѣкомъ — хорошаго общества; онъ не столько ненавидѣлъ людей, сколько презиралъ ихъ и скорбѣлъ объ нихъ душою, за ложь, предательство, корысть и легкомысліе. Въ словахъ его было меньше язвительной желчи, чѣмъ презрительнаго сарказма, лицо выражало не угрюмость, но глубокую, жизненную скорбь; поступь, движенія — все было спокойно; но въ минуты, когда говорило глубокое чувство, слезы брызгали изъ глазъ и голосъ принималъ мелодію страданія безграничнаго, неисходнаго. Въ этой роли онъ былъ такъ трогателенъ, что каждое сердце отвѣчало его взгляду, и каждое слово его вызывало слезу.

Наступившій за тѣмъ періодъ англійской драмы открылъ широкое поле для могучаго таланта Алексѣя Семеновича. Явились «Гамлетъ», «Оттелло» — хотя и въ искаженныхъ передѣлкахъ Дюсс; но Яковлевъ отыскалъ въ нихъ зерно мысли, алмазы чувства, и роли эти повили его лавромъ славы и поставили на степенъ исто-

рическаго артиста, познакомившаго впервые публику съ истиннымъ голосомъ души, съ неподдѣльною натурою человѣка.

Послѣднимъ и высокимъ торжествомъ Яковлева была роль Карла Мора — въ «Разбойникахъ» Шиллера, данныхъ въ его послѣдній бенефисъ. Въ этой роли онъ превзошелъ самого себя. Такъ прекрасно и совершенно не создавалъ ее еще ни одинъ изъ прославленныхъ европейскихъ артистовъ. Это была безграничная лава чувства и страсти, вытекавшая изъ прекраснѣйшаго античнаго сосуда. Здѣсь — въ этой полуэксцентрической роли, соединилъ онъ объ школы: прежнюю пластическую сторону искусства съ новѣйшею психическою его стороною. Сцена упрековъ противъ людей, во второмъ дѣйствіи, и сцена узнанія отца въ освобожденномъ узникѣ подземелья, въ послѣднемъ, — были высокимъ торжествомъ сценическаго искусства. Одаренный отъ природою прекрасною наружностію, и звучнымъ, гибкимъ органомъ, который такъ дивно передавалъ впечатлѣнія души, — Яковлевъ не могъ не производить сильнаго впечатлѣнія на зрителей.

Но несмотря на физическія совершенства, въ Яковлевѣ были два недостатка: отсутствіе образованности, фундаментальной науки, и недостатокъ — перваго, ложнаго направленія старой школы, сообщенной ему Дмитревскимъ. Несмотря на свѣтлый умъ, которымъ былъ одаренъ Яковлевъ, онъ не могъ сбросить съ себя совершенно старинной, схоластической методы. Онъ даже въ сильныхъ порывахъ души часто жертвовалъ своимъ физическимъ преимуществамъ: силѣ органа, пластичности, риторству. Онъ постигалъ натуру сердцемъ, но не могъ, подобно Плавильщикову, проникнуть въ тайны сочетанія ея съ искусствомъ, и постигать всѣ тонкости вкуса. Впрочемъ, Яковлевъ имѣлъ только недостатки привитые. Родись этотъ человѣкъ сорока годами позже, онъ былъ бы теперь, при дивной своей организаціи, первый актеръ въ мірѣ.

Какъ человѣкъ, Яковлевъ заслуживаетъ не только уваженіе, но даже удивленіе. Чувство чести, человѣческаго достоинства, желаніе добра въ немъ были развиты до рыцарства. Не смотря на отсутствіе всѣхъ избытковъ — онъ былъ всегда готовъ лишиться послѣднихъ средствъ, чтобы отереть слезу бѣднѣйшаго. Онъ умеръ, не оставивъ никакого имущества, и неудивительно... На счетъ Яковлева жило нѣсколько нуждающихся семействъ и бѣдняковъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Яковлевѣ, какъ о писателѣ. Страсть къ поэзіи родилась съ нимъ вмѣстѣ. Яковлевъ былъ поэтъ въ душѣ и оттого сдѣлался отличнымъ актеромъ.

Онъ долго вѣровалъ въ свое назначеніе, какъ поэтъ, и писалъ, — писалъ много....

Между его стихотвореніями останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе только торжественныя оды: *На коронованіе Императора Павла* — и *На кончину Императрицы Екатерины II* — ода, исполненная чувствъ и силы. Но вотъ стихи, ему принадлежащіе, въ которыхъ прямо выплываетъ душа поэта, высказывая всѣ свои тайны, и всѣ испытанія жизни. Это чистая автобіографія въ элегической формѣ.

Стой, помеди солнце красное,
На часокъ не меркни, свѣтлое;
Ты лица не крой блестящаго
Въ холодной влагѣ моря синяго.
Не взойдешь уже ты болѣе
Для моихъ очей слезящихся,
Се врата предъ мною къ вѣчности!
Я готовъ стопою смѣлю
Сдѣлать шагъ ко неизвѣстности.

.....
.....

Для счастливыхъ и — день пасмурный
День утѣхъ и наслажденія,
Для объятаго же скорбію
День безоблачный — все та же ночь.
Двухъ годовъ я отъ рожденія
Быль несомъ за гробомъ отческимъ;
На осьмомъ за доброй матерью
Шедь покрыть ее сырой землей!
Горько, горько — сиротою жить
И рукой недружной, чуждою
Быть взращаему, питаему,
И на лонѣ нѣжной матери
Не слышать названій ласковыхъ!
Продетъ дни младенчества,
Наступили лѣта юности,
Рѣзвой, пылкой и мечтательной!
Но во градъ, что роднымъ считалъ,
Я пришлецъ былъ мало знаемый;
Я искалъ сердецъ чувствительныхъ,
Находилъ сердца холодныя,
И повсюду видѣлъ облако
Думы полное и мрачное.

Такъ летѣло время быстрое,
 Другъ и недругъ перемѣчивый,
 Къ одному ко мнѣ несчастному
 Въ неприязни постоянное.
 Тутъ узрѣлъ въ женахъ я рѣдкую
 И мое вдругъ сердце темное
 Красотой ея небесною,
 Какъ свѣтиломъ озарился.
 Жизнь текла моя отраднѣе....
 Но и тутъ судьбина лютая
 Между насъ преграду крѣпкую
 Создала рукою мощною:
 Я изъ бѣднаго, бѣднѣйшимъ сталъ....
 Какъ вершины дровъ кудравья,
 Межъ ищутъ хотѣть сблизиться,
 Но стремленьемъ тока быстро
 Другъ отъ друга отдѣляются,
 Такъ подобно рокъ жестокой мой
 Мнѣ увидѣть давъ волшебницу,
 Воспретилъ мнѣ быть ей спутникомъ
 На стезяхъ тернистой жизни сей.
 Тридцать семь разъ косы жителей
 Посѣкали классы тучные,
 Но во все сіе теченье лѣтъ
 Я и дна не видѣлъ краснаго!
 Отхожу теперь я къ вѣчности...

 Прилети голубка пѣвчая!
 Взявъ птенцовъ съ собой любимѣйшихъ....
 Прилети — и на деровникъ сядь,
 Что скрывать мой будетъ хладный прахъ.
 Проворкуй, моя любезная,
 Надъ могилю забытою
 Въ память друга пѣснь унылую....
 Но.... помеди солнце красное!
 На часокъ не меркни свѣтлое!
 Ты лица не крой блестящаго
 Въ хладной влагѣ моря синяго,
 Не взойдешь уже ты болѣе,
 Для очей моихъ слезящихся....

Лирическое направленіе души, которое ярко выражается въ
 этомъ стихотвореніи, и было причиною того, что Яковлевъ имен-
 Отд. III.

но былъ такъ неподражаемо хорошъ въ сценахъ задушевной муки, страждущей любви, затаенной ревности, глубокаго презрѣнія къ жизни. Съ умомъ мечтательнымъ, натурой никогда не удовлетворяемой, — онъ постоянно страдалъ, не былъ доволенъ дѣйствительностію — и это желчное состояніе собственной души переносилъ и въ типы создаваемыхъ имъ сценическихъ лицъ. Оттого между этими типами и выступали такъ ярко впередъ «Мейнау», «Отелло» и «Карль-Моръ», три характера, для которыхъ артистъ находилъ наиболѣе данныхъ внутри самого себя.

Яковлевъ, какъ былъ поэтъ въ душѣ, такъ былъ и актеръ природы. Какъ изъ настроеннаго духа вытекала задушевная, глубокая сторона его сценическаго творчества, такъ другая, героическая сторона происходила отъ врожденнаго его рыцарства. Въ любви, въ ненависти, въ благотворительности, вездѣ это природное благородство, доведенное до рыцарскаго самоотверженія, въ немъ преобладало.

Въ фактахъ жизни его мы видимъ это рыцарство въ сценѣ разставанія его съ купцомъ Шапошниковымъ, въ его женитьбѣ, въ мпжествѣ анекдотовъ и случаевъ его благотворительности. Эта пылкость и благородство, перенесенныя на сцену, въ томъ яркомъ свѣтѣ, въ какомъ они проявлялись въ Яковлевѣ — человѣкѣ, дѣлали его поразительно-увлекательнымъ въ роляхъ героическихъ.

Все остальное, что лежало внѣ сферы задушевнаго чувства и рыцарскаго увлеченія, — было въ немъ заучено, принадлежало старой школѣ и составляло въ одномъ и томъ же лицѣ довольно странный контрастъ. Онъ отрѣшался отъ этой школы только въ драмахъ простыхъ, жизненныхъ, или *мещанскихъ*, какъ ихъ называли, гдѣ самъ могъ сдѣлаться изъ героя — мѣщаниномъ, изъ моралиста — человѣкомъ; потому-то онъ и былъ такъ превосходенъ въ драмахъ Коцебу и трагедіяхъ Шиллера.

Во всякомъ случаѣ, Яковлевъ заслуживаетъ изученія и какъ необыкновенный, самородный талантъ, и какъ натура исключительная. Необычайная страсть къ искусству руководила имъ всю жизнь, но непомѣрное самолюбіе убивало плоды этой страсти, не давая имъ созрѣть. А недостатокъ образованія, котораго необходимость онъ ежеминутно чувствовалъ, не имѣя возможности пріобрѣсти того, чѣмъ не запасся съ дѣтства, ввергалъ его въ житейскія слабости, которыя притупляли природную остроту его ума и прежде времени привели талантъ къ точкѣ остановки, за которой для художника нѣтъ уже дальнѣйшаго развитія и откуда начинается его артистическое уничтоженіе.

МЭМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАЛЬМЫ,

ПИСАННЫЕ ИМЪ САМИМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Немногія изъ историческихъ лицъ, завѣщавшихъ потомству мемуары о своей жизни и своемъ вѣкѣ, имѣли случай обогатить свою память такимъ запасомъ любопытныхъ воспоминаній, какъ Тальма, котораго записки, писанныя имъ самимъ, мы намѣрены представить читателямъ. Ни одинъ артистъ во Франціи не доводилъ своего искусства до такой высокой степени совершенства; ни одинъ не былъ въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми замѣчательными личностями своего времени. Тальма былъ въ дружбѣ почти со всѣми людьми, игравшими значительную роль въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ политикѣ; самъ Наполеонъ обходился съ нимъ, какъ съ другомъ. Въ литературѣ не много насчитается явленій, которыхъ—бы онъ не читалъ и не изучилъ. Зато и слава его была самая обширная, самая повсемѣстная, и нынче, болѣе двадцати лѣтъ послѣ его смерти, она еще также свѣжа, какъ въ самый блестящій періодъ его таланта. Произнесите его имя въ золоченыхъ палатахъ Сень-Жерменскаго предмѣстья, или въ скромной мастерской ремесленника, оно повсюду пробуждаетъ тѣже воспоминанія, тоже сочув-

ствіе. Оно и не удивительно; Тальма обладалъ качествами, которыхъ никто до него не представлялъ въ такомъ прекрасномъ соединеніи глазамъ восхищенной публики: простоту, величіе и поэзію. Сверхъ того, онъ обладалъ въ высшей степени краснорѣчіемъ голоса и фізіономіи, столь могущественнымъ на публику.

Тѣже качества, которыми онъ отличался на сценѣ, являлъ Тальма и въ частной жизни, потому что они были даромъ природы, а не стяжаніемъ искусства. Съ необыкновенно обширнымъ умомъ, онъ соединялъ чрезвычайную простоту сердца; это была, такъ сказать, богатая ткань, которую слѣдовало развернуть, чтобы видѣть все ея великолѣпіе.

Эпоха, въ которую жилъ Тальма, придаетъ особенный интересъ его воспоминаніямъ. Онъ стоитъ на рубежѣ двухъ великихъ вѣковъ, на концѣ XVIII и въ началѣ XIX: онъ видѣлъ смерть Вольтера, видѣлъ Шатобріана во всей силѣ, во всемъ блескѣ его генія, видѣлъ начало поприща Виктора Гюго и Ламартина. И ни одно свѣтило этого длиннаго періода не проходило мимо его безъ столкновенія или безъ сближенія съ нимъ.

Тальма принадлежитъ къ числу тѣхъ очень немногихъ великихъ артистовъ, которыхъ талантъ не только никогда не слабѣлъ, но даже не останавливался въ своемъ развитіи. Съ перваго его дебюта, до самой смерти, геній его безпрестанно совершенствовался. Молодой человѣкъ, игравшій Сеида менѣе подавалъ надеждъ, чѣмъ сколько осуществилъ старикъ, игравшій Карла VI. Единственное несчастіе, о которомъ онъ никогда не переставалъ скорбѣть, — было то, что онъ родился въ такое время, когда ему нельзя было и думать объ осуществленіи всѣхъ его помысловъ; при всемъ его могуществѣ на публику, самъ онъ былъ полонъ сомнѣнія и робости. Всю жизнь желалъ онъ играть Мольерова „Мизантропа“, и не смѣлъ подступить къ нему; всю жизнь желалъ водворить на французской сценѣ Шекспирова „Гамлета“, а создалъ „Гамлета“ Дюси. Только немногіе короткіе друзья имѣли случай видѣть его въ главныхъ сценахъ „Мизантропа“, слышать, какъ онъ декламировалъ знаменитое „*Быть или не быть*“, на языкѣ Шекспира, и вслѣдъ за тѣмъ дивиться комизму съ какимъ онъ умѣлъ пропѣть водевильный куплетъ Дезожье. Впрочемъ, если ему самому не доставало рѣшимо-

сти начинать нововведенія, то онъ тѣмъ не менѣе подкрѣплялъ всякое нововведеніе силою своего таланта. Ему обязана „Школа стариковъ“ своимъ блистательнымъ успѣхомъ; онъ-же спасъ „Сида Андалузскаго“ отъ блистательнаго паденія. Въ одинъ и тотъ-же вечеръ, въ одной и той-же пьесѣ, игралъ онъ царя и нищаго: игралъ царя, какъ игралъ ихъ Лекенъ, — нищаго, какъ могъ-бы сыграть одинъ Фредерикъ Леметръ.

Это разнообразіе таланта и это сочувствіе къ драмѣ природы, незнакомой его предшественникамъ, нисколько не удивительны въ Тальмѣ, который, какъ англо-французъ, изучалъ свое искусство въ Шекспирѣ, этомъ великомъ законодателѣ человѣческой поэзіи, въ которомъ собрано все, что міръ извѣдалъ и испыталъ; въ Шекспирѣ, который силою своего гения постигалъ всѣ народности, древнія и новыя, такъ, какъ ученые постигли ихъ только послѣ вѣковыхъ трудовъ. Въ Шекспирѣ почерпалъ Тальма элементъ, до-тѣхъ-поръ неизвѣстный французскимъ артистамъ: задушевность, меланхолю; въ Шекспирѣ нашелъ онъ образецъ трагедіи, выше Корнеля, и комизмъ, не уступающій Мольеру. Французъ, изучая драматическую поэзію въ отечественныхъ учителяхъ, Корнель, Расинъ или Мольеръ, изучаетъ въ первомъ — возвышенность идей; во второмъ — красоту языка и звучность стиха; въ третьемъ — здравый смыслъ правоучителя и поэта-сатирика. Но Мольеру не удавалась драма, Расинъ слабъ въ лирической поэзіи, Корнель плохъ въ комедіи. Шекспиръ, напротивъ, создавалъ съ равнымъ успѣхомъ самые противоположные типы, Макбета, Аріеля и Фальстафа, — преступника, духа и шута.

Послѣ Шекспира, два великіе художника были преимущественно предметомъ благоговѣнія Тальмы: Гаррикъ и Потье.

До послѣдней минуты жизни, удрученный жестокою болѣзнію, Тальма думалъ еще о своемъ искусствѣ. За недѣлю до его смерти, два молодые человѣка, прочившіе себя драматической литературѣ, явились къ нему, просить у него билетовъ во Французскій театръ, которыми онъ могъ располагать каждый вечеръ въ качествѣ общника театра. Тальма чувствовалъ себя лучше, или, скорѣе, воображалъ, что ему лучше. Одинъ изъ молодыхъ литераторовъ былъ

приятель Тальмы; другой былъ съ нимъ незнакомъ, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ еще разъ взглянуть на великаго артиста. Товарищъ представилъ его, какъ сына одного генерала, съ которымъ Тальма былъ нѣкогда знакомъ. Большой заговорилъ съ своимъ пріятелемъ о домашнихъ дѣлахъ, особенно о прелестномъ помѣстьѣ Брюноа, гдѣ артистъ проводилъ большую часть своихъ досуговъ и тратилъ свое богатство. Другой молодой человекъ обращалъ мало вниманія на разговоръ; взоръ его былъ устремленъ на изсохшее, истощенное лицо больнаго.

Когда гости стали прощаться, Тальма сказалъ своему пріятелю: — „Кстати, Адольфъ, не увидишься-ли сегодня съ Люсьеномъ Арно.“

— Какъ же, я выдаюсь съ нимъ каждый день.

— Такъ смотри, сказалъ Тальма, показывая свои исхудавшія, отвислыя щеки; скажи ему, что эти щеки будутъ идти, какъ нельзя лучше, къ роли старика Тиверія.

Такъ, на одрѣ болѣзни, онъ думалъ только объ искусствѣ, и въ истощеніи своего тѣла видѣлъ счастливый случай, средство къ достиженію болѣе сценической истины.

Оба молодые люди, бывшіе свидѣтелями этого случая, съ тѣхъ поръ стяжали громкое имя въ драматической литературѣ; одинъ изъ нихъ — Адольфъ Лёвенъ, авторъ „Вервера“ и „Почталіона изъ Лонжюмо“; другой — Александръ Дюма.

„Съ этого дня, говоритъ Дюма, у котораго мы заимствовали этотъ анекдотъ, — понялъ я, что такое искусство, искусство, отрѣшенное отъ всякихъ матеріальныхъ помысловъ: безсмертный духъ, устремившій взоры въ будущее и парящій надъ одромъ умирающаго!“

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Я родился въ Парижѣ, въ улицѣ des Ménétriers, 15 января 1766 года; номера дома не припомню. Кто родится въ провинціи, у того есть родина, есть уютное гнѣздышко,

гдѣ хранятся воспоминанія его дѣтства, и куда онъ уносится мысленно въ часы грусти, которыми такъ обильно испещрена человѣческая жизнь; онъ всегда съ новымъ удовольствіемъ возвращается въ свой родной край, съ новою радостью привѣтствуетъ родной кровъ; у него есть землячки, которые скорбятъ о его отсутствіи и радуются его возвращенію. Напротивъ того, кто родился въ Парижѣ, у того нѣтъ ни роднаго крова, ни земляковъ; вмѣсто роднаго крова онъ можетъ указать только на улицу; вмѣсто земляковъ — на прохожихъ по этой улицѣ, которые скоро уничтожатъ всѣ его воспоминанія, затоптавъ ихъ ногами.

И такъ, я родился въ Парижѣ, въ улицѣ des Ménégiers, 15 января 1766 года. Крестные отецъ и мать нарекли меня Франсуа-Жозефомъ, а родной отецъ передалъ мнѣ родовое имя Тальмы.

Впоследствии, когда я приобрѣлъ уже нѣкоторую извѣстность, это имя, о которомъ прежде никто не заботился, возбуждало пытливость этимологовъ. Въ іюнѣ 1822 года, когда, по истеченіи моего пятилѣтняго ангажемента, я оканчивалъ свои представленія на Французскомъ театрѣ, я получилъ однажды письмо изъ Гренингена, подписанное: *Арециусъ-Сибрандусъ Тальма*. Ученый однофамилецъ мой, — читатели, безъ сомнѣнія, уже догадались по имени его, что онъ долженъ былъ принадлежать къ ученому сословію, — ученый однофамилецъ мой почтилъ меня присылкою двухъ экземпляровъ ученой диссертациі, въ которой онъ подробно выводилъ свою родословную, и, — что было для меня весьма лестно, — старался показать единство происхожденія его фамиліи и моей. Я счелъ долгомъ немедленно отвѣчать ему слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый Государь!

„Мнѣ неизвѣстно, и трудно было бы доискаться, точно ли я имѣю честь принадлежать къ одной фамиліи съ вами. Уже лѣтъ пятнадцать назадъ, будучи въ Голландіи, я слышалъ, что въ отечествѣ Рюйтеровъ и Де-Виттовъ есть домъ, носящій одинаковое прозваніе со мною. Моя фамилія поселена преимущественно въ небольшомъ приходѣ, въ шести миляхъ отъ Камбре, во Французской Фландріи.

„Впрочемъ, милостивый государь, это уже не первый

примѣръ, что мое фамильное прозваніе заставляетъ иностранцевъ освѣдомляться о моемъ происхожденіи. Лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ назадъ, сынъ Владѣтеля Марокскаго, находясь въ Парижѣ и услышавъ фамилію моего отца, пришелъ къ нему, и спросилъ, не арабскаго-ли онъ происхожденія; на что отецъ мой не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта.

„Послѣ того, одинъ арабскій купецъ, съ которымъ я встрѣтился случайно въ Парижѣ, еще въ молодости, обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ. Я, конечно, не могъ отвѣчать ему удовлетворительнѣе, чѣмъ отвѣчалъ мой отецъ Марокскому Принцу.

„Господинъ Ланглѣсъ, извѣстный ученый, глубоко изучившій восточные языки, объяснилъ мнѣ въ то время, что *Тальма* на арабскомъ языкѣ значитъ *неустрашимый*, и что это прозвище очень употребительное у потомковъ Измаила, для отличія разныхъ вѣтвей одного дома.

„Вы безъ труда угадаете, милостивый государь, что послѣ такого объясненія я очень возгордился своею фамиліею, и приложилъ все свое стараніе, чтобы не измѣнить своему прозванію. Дорожа своимъ арабскимъ происхожденіемъ, я началъ объяснять его такимъ образомъ, что какое нибудь семейство мавровъ, оставшееся въ Испаніи и обратившееся въ христіанство, переселилось въ Нидерланды, во время испанскаго владычества, а оттуда, вслѣдствіе какихъ нибудь неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, перешло во Французскую Фландрію, и утвердилось здѣсь.

„Съ другой стороны мнѣ говорили, что окончаніе моей фамиліи чисто голландское, и что она очень обыкновенна въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Голландіи. Это новое объясненіе совершенно ниспровергло зданіе, которое я создалъ въ своемъ воображеніи, и въ одинъ мигъ перенесло меня съ песковъ Африки въ болота Соединенныхъ Штатовъ.

„Послѣ этого, вы, милостивый государь, зная голландскій языкъ, можете лучше всякаго другаго, особенно же лучше меня, рѣшить окончательно, съ юга или съ сѣвера вышли наши предки, носили-ли они чалму или шляпу, поклонялись-ли Магомету или были христіане.

„Изъ этого вы изволите усмотрѣть, милостивый государь,

что нѣтъ нѣмецкаго барона о шестнадцати четвертяхъ въ гербѣ, который-бы могъ похвалиться такимъ древнимъ и славнымъ происхожденіемъ, какъ я. Впрочемъ, повѣрьте, я гораздо менѣе горжусь этимъ, чѣмъ честью быть съ родни такому достойному и многоуважаемому ученому, какъ вы.

„Сообщивъ вамъ все, что мнѣ извѣстно о различныхъ мнѣніяхъ на счетъ происхожденія нашей фамиліи, я надѣюсь, что когда вы окончательно рѣшите вопросъ, арабская-ли или голландская кровь течетъ въ нашихъ жилахъ, вы благоволите сообщить мнѣ результатъ вашихъ ученыхъ изслѣдованій. Между тѣмъ, я считаю себя счастливымъ, что ношу имя, столь прославленное вами.

„Примите увѣреніе, и прочая.“

Не смотря на это убѣдительное приглашеніе, я съ-тѣхъ не получалъ болѣе никакихъ извѣстій о своемъ ученомъ соименникѣ, и потому остался въ прежнемъ невѣдѣніи на счетъ важнаго вопроса о происхожденіи моихъ предковъ.

Изложивъ все, что я знаю, по этому предмету, возвращаюсь къ своей фамиліи.

Наша фамилія, какъ я имѣлъ честь писать господину Арциусу-Сибрандусу Тальмѣ, долго имѣла свое мѣстопребываніе въ окрестностяхъ Куртре; потомъ отецъ мой жилъ нѣкоторое время въ Пуа, большомъ селѣ, въ окрестностяхъ Аміена, принадлежавшемъ герцогамъ де-Муши. Въ самое отдаленное время, до котораго достигаютъ мои воспоминанія, то-есть, около четвертаго года моей жизни, отецъ мой жилъ въ Парижѣ, противъ старой Итальянской-Комедіи, въ улицѣ Моконсель, и занимался зубоврачебнымъ искусствомъ.

Семейство его было довольно большое; оно состояло изъ трехъ дочерей и двухъ сыновей; а доброта его сердца побудила его взять на себя еще лишнее бремя, принявъ въ свой домъ сироту племянника.

Соперничество въ зубоврачебномъ искусствѣ было чрезвычайно сильно; кокетство парижанокъ и ихъ особенная заботливость о бѣлизнѣ зубовъ и свѣжести рта, одномъ изъ важнѣйшихъ условій женской красоты, непомѣрно размножили зубныхъ врачей. Отецъ мой помышлялъ уже о присканіи себѣ болѣе выгоднаго мѣстопребыванія, когда счастливый случай неожиданно далъ ему возможность осуществить свое жела-

ніе. Лордъ Гаркортъ пріѣхалъ къ моему отцу, выдернуть себѣ зубъ, и былъ такъ доволенъ ловкостью и искусствомъ врача, что уговорилъ его оставить Парижъ, поручивъ свое заведеніе въ Моконсельской улицѣ одному изъ своихъ лучшихъ учениковъ, и поселиться въ Лондонъ. Отецъ, убѣжденный блистательными обѣщаніями лорда Гаркорта, послѣдовалъ его совѣту, переправился за море, и открылъ новое зубо-врачебное заведеніе въ Кавендишъ-скверѣ, на Кавендишской улицѣ.

Лордъ Гаркортъ не обманулъ моего отца; рекомендація знатнаго лорда доставила ему множество сильныхъ и богатыхъ покровителей, между которыми первое мѣсто занималъ принцъ Валлискій, бывшій впоследствии королемъ подъ именемъ Георга IV.

Званіе зубнаго врача при будущемъ королѣ Великобританскомъ, было не только очень почетно, но столько-же и выгодно. Принцъ Валлискій былъ въ то время законодателемъ моды между молодою знатію Англіи. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ и всѣми свойствами, душевными и физическими, которыя должны были доставить ему вліяніе на представителей изящнаго вкуса и моды, воспитанный самыми замѣчательными людьми въ Англіи, онъ дѣлалъ неимовѣрные успѣхи въ наукахъ, въ искусствахъ и въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Онъ говорилъ свободно и даже съ изяществомъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ; его обворожительное обхожденіе дѣлало его кумиромъ женщинъ, и онъ считался вообще самымъ полнымъ, самымъ совершеннымъ образцомъ джентльмена трехъ соединенныхъ королевствъ.

И этотъ-то принцъ удостоилъ моего отца званія своего придворнаго зубнаго врача. Это званіе было самою сильною рекомендаціею въ фашьонѣльномъ кругу Великобританіи, и отецъ мой не могъ нарадоваться добромъ совѣту лорда Гаркорта.

Все семейство, разумѣется, послѣдовало за моимъ отцомъ въ этомъ переселеніи; однако-же, — потому-ли, что онъ думалъ воротиться въ отечество, или потому что предпочиталъ воспитаніе, которое молодые люди получали въ Парижѣ, воспитанію англійскому, но въ 1775 году, то-есть, въ первый

родъ царствованія Людовика XVI, онъ отправилъ меня въ Парижъ, гдѣ дядя опредѣлилъ меня въ учебное заведеніе господина Вердье.

Во время пребыванія моего въ Англіи, я выучился говорить по-англійски, и съ-тѣхъ-поръ всегда владѣлъ этимъ языкомъ также свободно, какъ роднымъ французскимъ. Мнѣ въ это время было девять лѣтъ. Въ заведеніи господина Вердье обнаружались первые признаки моего призванія къ драматическому искусству. Когда я оставилъ Парижъ, за пять лѣтъ до того, я былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы посѣщать другіе театры, кромѣ кукольнаго и Китайскихъ-тѣней; въ Англіи я былъ также слишкомъ молодъ, чтобы видѣть Гаррика, который въ это время былъ первымъ трагикомъ, или чтобы помнить его отчетливо, если и видалъ. Слѣдовательно, я поступилъ къ господину Вердье безъ всякаго помысла о театрѣ; но черезъ годъ по вступленіи моемъ вдругъ разнесся слухъ, который всполошилъ всѣхъ воспитанниковъ и большую часть города.

Господинъ Вердье въ свободное время занимался литературою и сочинилъ трагедію подъ названіемъ „*Талмерланъ*“. Онъ вздумалъ разыграть ее при публичной раздачѣ награды. Всѣ роли были распределены между воспитанниками; но какъ я принадлежалъ къ числу самыхъ молодыхъ пансіонеровъ, то я не имѣлъ никакой надежды участвовать въ представленіи, и эта мысль, не знаю почему, ужасно сжимала мнѣ сердце. Откуда взялся этотъ таинственный голосъ въ ребенкѣ, никогда еще не останавливавшемся на подобныхъ мысляхъ? За то, какъ обрадовался я, когда узналъ, что я попалъ въ число избранныхъ! Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждалъ я — не дня раздачи награды, — а дня раздачи ролей.

Мнѣ выпала роль, соотвѣтственная моему росту и степени важности, которую я занималъ на театрѣ: роль простаго наперсника, который, кромѣ какихъ-нибудь двадцати пошлыхъ стиховъ, разбросанныхъ по всей пьесѣ, долженъ былъ наконецъ рассказать смерть своего друга, — нѣчто въ родѣ пародіи на знаменитый рассказъ Терамена о смерти Ипполита.

Начало рассказа сошло съ рукъ довольно удачно. Но подъ конецъ, ободренный рукоплесканіями и одобрительнымъ шопотомъ зрителей, я до такой степени проникся своею ролью,

что мною овладѣла дѣйствительная горестъ; голосъ мой замеръ, дыханіе занялось въ груди, я зарыдалъ и лишился чувствъ.

Когда я пришелъ въ себя, призваніе мое заговорило, и участь моя была рѣшена!

ГЛАВА II.

Ужасное потрясеніе, которое произвело во мнѣ представленіе „*Тамерлана*“ господина Вердье, скоро изгладилось, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми впечатлѣніями дѣтства. Извѣстно, что одно изъ самыхъ великихъ преимуществъ этого счастливаго возраста заключается въ способности переходить въ одно мгновеніе отъ радости къ слезамъ и утѣшаться новою игрушкою въ самыхъ жгучихъ горестяхъ.

Учебное заведеніе господина Вердье было устроено по общему образцу всѣхъ Парижскихъ пансіоновъ. Мы жили въ Ботаническомъ саду; дортуары наши занимали то самое мѣсто, на которомъ впоследствии былъ выстроенъ домъ Бюффона, и я помню, что неразъ случалось мнѣ видѣть знаменитаго естествоиспытателя, сидѣвшимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я нѣкогда плакалъ объ отсутствующихъ родныхъ, переписывая заданный урокъ.

Между тѣмъ я росъ, занимаясь довольно лѣниво и неохотно изученіемъ классическихъ твореній древнихъ грековъ и римлянъ. *Pater Aeneas* мнѣ вовсе не нравился. Герой *Виргилія*, котораго великій поэтъ *Августова* вѣка представляетъ безпрестанно съ *спертыми въ груди голосомъ, съ воздѣтыми къ небу руками, tendens ad sidera palmas*, казался мнѣ жалкимъ трусомъ, бабюю, вовсе недостойнымъ быть отцомъ рода, даровавшего Правителямъ *великому Городу, Urbs Roma*. Несравненно ближе моему сердцу, чѣмъ сынъ *Анхизовъ*, былъ *Турнь*, также какъ въ *Иліадѣ* любимцемъ моимъ былъ *Ахиллесъ*. Само собою разумѣется, что при моемъ впечатлительномъ характерѣ, я долженъ былъ часто увлекаться фантастическими, безотчетными симпатіями и антипатіями, которыя, по моему мнѣнію, несравненно сильнѣе сочувствія

или вражды, основанныхъ на разумныхъ причинахъ. Въ теченіе своихъ учебныхъ годовъ, я безпрестанно вдавался въ безотчетную любовь или ненависть къ тому или другому изъ героевъ, которыхъ учительскія лекціи представляли моему удивленію или негодованію. Если я скорбѣлъ о Турнѣ, то больно мнѣ было также, когда Гекторъ отражалъ Грековъ и отбѣснялъ ихъ къ самымъ кораблямъ; я плакалъ надъ трупомъ Патрокла, и охотно сталъ-бы впрягать коней въ колесницу Ахиллеса Пелеида, когда онъ отправлялся влечь вокругъ стѣнъ Иліонскихъ трупъ храбрѣйшаго изъ сыновъ Пріамовыхъ.

Первымъ воспитателемъ моимъ былъ отецъ; его образъ мыслей необходимо отразился и въ моемъ воспитаніи. Наступилъ 1778 годъ. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ; мое умственное развитіе было доведено до такой точки, что я могъ уже кое-что понимать и кое о чемъ разсуждать. Отецъ выговаривалъ мнѣ у господина Вердье нѣкоторыя льготы, какъ напримѣръ, ночевать иногда внѣ заведенія, подъ ответственностью моего дяди, водившаго меня въ театръ. Само собою разумѣется, что эти льготы, столь неоцѣнимыя въ моихъ глазахъ, должны были служить наградою за мое прилежаніе къ урокамъ.

Одно число никогда не выходило изъ моей памяти; это 8-е февраля 1778 года. Трагикъ Лекенъ былъ при смерти, а Вольтеръ вѣзжалъ въ Парижъ, въ тотъ самый часъ, какъ славнѣйшій изъ его истолкователей простался съ жизнью. Цѣлая недѣля прилежанія и хорошаго поведенія заслужила мнѣ отпущекъ отъ господина Вердье и награду отъ дяди; награда-же эта всегда заключалась въ томъ, что онъ отправлялся со мною въ партеръ Французской комедіи.

Послѣ скромнаго обѣда, который однакоже показался мнѣ слишкомъ роскошнымъ и нестерпимо долгимъ, мы отправились съ дядею въ театръ, и, не смотря на страхъ мой опоздать, пришли задолго до надлежащаго времени. Стиснутые между рогатками, мы ждали своей очереди приблизиться къ кассѣ, какъ вдругъ я услышалъ имя Лекена и сталъ прислушиваться къ разговорѣ двухъ лицъ, стоявшихъ передъ нами.

— Очень боленъ, сказалъ одинъ.

— Но есть-ли, по-крайней-мѣрѣ, какая нибудь надежда спросилъ другой.

— О нѣтъ, никакой! мадамъ Бенуа въ отчаяніи.

— Бѣдняжка! вотъ, я думаю, упрекаетъ себя!

— Ну, что до этого, любезнѣйшій, сказать-ли вамъ откровенно, что я думаю?

— Скажите.

— Я думаю, что невѣста нашего великаго актера почти столько-же радуется близкой смерти Лекена, какъ и горюетъ о ней.

— Какъ такъ?

— Да такъ-же; она безъ ума отъ своего жениха, и искренно оплакиваетъ его смерть; но въ то же время это успокоиваетъ ея бѣшеную ревность.

— По чести, я тутъ ничего не понимаю!

— Развѣ вы не знаете причины смерти Лекена?

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ слушайте.

— Но можно-ли положиться на разные толки?

— Я получилъ свѣденія отъ самого Флери. Вамъ извѣстно, что Лекенъ женился по любви, но жилъ не совсѣмъ счастливо съ женою; по смерти жены, которая оставила ему двоихъ дѣтей, онъ познакомился съ мадамъ Бенуа, влюбился въ нее по уши, — влюбленъ въ нее до сихъ поръ, если еще живъ, — и хотѣлъ на ней жениться. Мадамъ Бенуа женщина такихъ-же сильныхъ страстей, какъ самъ Лекенъ; особенно въ ревности она не знаетъ никакихъ границъ. Однажды, идучи въ театръ, Лекенъ встрѣтилъ у подъѣзда молоденькую крестьянку, которая спросила его на ниже-нормандскомъ нарѣчій, не знаетъ-ли онъ, гдѣ живетъ аббатъ де-Фроле. Крестьянка была очень мила, а Лекенъ имѣлъ привычку ни въ чемъ не отказывать хорошенькому личику. Онъ проводилъ дѣвушку къ аббату де-Фроле. По возвращеніи въ театръ, онъ долженъ былъ объяснить причину своего отсутствія, и рассказалъ о своей встрѣчѣ съ этою крестьянкою, которая впоследствии поступила въ оперу. Слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до ушей мадамъ Бенуа. Нашлись добрые люди, которые представили ей бѣдную дѣвушку, какъ соперницу,

вполнѣ завладѣвшую сердцемъ ея жениха. Ревность мадамъ Бенуа пробудилась и наконецъ дошла до безумія, когда, въ послѣднемъ представленіи, она случайно увидѣла въ театрѣ свою мнимую соперницу; она уѣхала изъ театра въ страшномъ бѣшенствѣ, и когда Лекенъ пришелъ къ ней послѣ спектакля, она встрѣтила его ужасною сценою. Много труда стоило друзьямъ ихъ успокоить ревнивицу и примирить ихъ; но послѣ того Лекенъ захворалъ, и съ тѣхъ поръ уже не вставалъ.

Я никогда не могъ узнать, до какой степени подслушанный мною анекдотъ достовѣренъ; до сихъ поръ многія подробности въ немъ остаются для меня неразгаданными; но онъ врѣзался въ моей памяти, и я передаю его, какъ онъ дошелъ до меня, не ручаясь за его истину.

Въ это время мы дотянулись наконецъ до кассы, получили свои билеты и вошли въ залу. Едва занавѣсъ поднялся, какъ весь партеръ въ одинъ голосъ потребовалъ извѣстій о здоровьи Лекена. Актеръ, вышедшій на сцену для объявленія спектакля, отвѣчалъ съ глубокимъ прискорбіемъ: — „Лекенъ умеръ!“

— Умеръ! вскричала вся публика; и черезъ одно мгновеніе это восклицаніе раздирающей горести смѣнилось глубокимъ, еще болѣе раздирающимъ молчаніемъ. Многіе изъ зрителей плакали, а когда они стали выходить изъ театра, разговаривая другъ съ другомъ тихимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, можно бы подумать, что весь этотъ народъ возвращался съ выносу тѣла дорогаго родственника.

Въ первомъ засѣданіи, послѣ этого горестнаго событія, члены Французской комедіи, сдѣлавъ постановленіе о почестяхъ, которыя надлежало воздать умершему товарищу, положили явиться съ торжественнымъ визитомъ къ Вольтеру, приѣхавшему въ Парижъ въ самый день смерти Лекена. Впослѣдствіи, актеры, сдѣлавшись моими товарищами, рассказывали мнѣ подробности этого визита.

Фернейскій поэтъ, приѣхавъ въ столицу, остановился въ домѣ маркиза де-Вильета, на углу Театинской набережной и Бонской улицы. Когда господа актеры Французской комедіи вошли въ его приемную, онъ окинулъ ихъ быстрымъ взоромъ, отыскивая между ними того, котораго онъ называлъ своимъ сыномъ, своимъ ученикомъ, и на котораго онъ надѣялся для представленія своей „Ирены“. Отсутствіе того, который

долженъ-бы первый явиться къ нему, видимо встревожило старика. Аббатъ Миньо, племянникъ маркиза де-Вильета, замѣтилъ перемѣну въ его лицѣ и угадалъ его мысль. Онъ подошелъ къ поэту, взялъ его за руки и сказалъ: — „Вооружитесь мужествомъ... вы ищете Лекена?...“ Тутъ онъ остановился, не смѣя договорить. Старшій изъ актеровъ, Белькуръ, съ глубокою, искреннею горестью указалъ на своихъ товарищей, которые были всѣ въ траурѣ, и сказалъ: — „Вотъ все, что остается отъ Французской комедіи!“

Вольтеръ упалъ въ обморокъ.

По странному, почти непонятному случаю, Вольтеръ ни разу не видалъ на сценѣ актера, который наиболѣе содѣйствовалъ его славы и всѣхъ лучше постигалъ его творенія.

Извѣстіе о приѣздѣ Вольтера скоро отвлекло публику отъ горести, которою наполнила ее смерть любимаго актера. Эта вѣсть быстро пронеслась по городу и была повсюду встрѣчена такимъ восторгомъ, какого не возбудилъ-бы приѣздъ какого нибудь героя. У Троншена, врача Вольтерова, былъ молодой родственникъ, воспитывавшійся въ заведеніи господина Вердье, въ одномъ классѣ со мною. Онъ былъ въ это время не совсѣмъ здоровъ, и Троншень, приѣхавъ однажды навѣстить его, засталъ меня у больного.

— Я прямо отъ Вольтера, сказалъ онъ, входя въ комнату.

— Вы знаете Вольтера, докторъ! вскричалъ я съ восторгомъ.

— Какъ-же, я его домовый докторъ и другъ.

— О, господинъ докторъ,... — Я не могъ договорить, но вся душа моя перешла въ мои глаза. Троншень улыбнулся.

— А ты развѣ знаешь Вольтера, мой милый? спросилъ онъ.

— Я каждый вечеръ читаю великаго поэта, которому отецъ научилъ меня удивляться.

— Хорошо, мой милый; такъ я же тебѣ доставлю большое удовольствіе. Теперь ставятъ новую трагедію Вольтера, „Ирену“; я подарю тебѣ билетъ.

Я былъ въ такомъ восхищеніи, что не находилъ словъ, чтобы поблагодарить Троншена.

Между тѣмъ весь Парижъ являлся съ поклономъ къ Вольтеру, который принималъ всѣхъ въ Вильетской отели, въ

ночномъ колпакѣ и въ халатѣ, давалъ общія и особенныя аудіенціи, и въ то же время исправлялъ свою „Ирену“. Маркизь де-Вильеть, котораго въ свое время называли первымъ острякомъ и первымъ рубакою въ Парижѣ, вѣроятно за то, что онъ говорилъ весьма мало и никогда не дрался, выросъ на поляршина отъ великой чести, которую сдѣлалъ ему Вольтеръ, поселившись въ его домѣ. Но къ чему не примѣшается зависть? Однажды, какой то зонль прибилъ къ его дверямъ бумажку, на которой было написано, четкимъ и красивымъ почеркомъ, слѣдующее четверостишіе, впрочемъ, нисколько не убавившее спѣси хозяина:

Pauvre Villette, c'est en vain
Que vous prétendez à la gloire;
Vous ne serez jamais qu'un nain
Montrant un géant à la foire(*)!

Двѣнадцатаго марта Французская Академія прислала депутацію, подъ начальствомъ принца де-Бово, поздравить великаго поэта отъ имени всего ученаго сословія.

Пятнадцатаго марта докторъ Троншенъ приѣхалъ въ заведеніе господина Вердье, и привезъ мнѣ билетъ на первое представленіе „Ирены“, которое было назначено на слѣдующій день. Французская комедія не помнила такого великолѣпнаго торжества. Вся королевская фамилія была въ театрѣ; неистовыя рукоплесканія привѣтствовали автора. На слѣдующее утро весь городъ съѣхался поздравлять маститаго поэта.

30-го марта „Ирена“ была представлена въ шестой разъ. Вольтеръ былъ въ театрѣ. Въ промежуткѣ между двумя пьесами, составлявшими спектакль, вынесли на сцену его бюстъ и возложили на него вѣнокъ. При этомъ торжествѣ всѣ мужчины встали, женщины махали платками. Потомъ мадамъ Вестрисъ вышла на авансцену и произнесла стихи, сочиненные на этотъ случай Сенъ-Маркомъ. Принцъ д'Энень командиръ охраннаго конвоя графа д'Артуа, втораго брата короля, пришелъ поздравить Вольтера отъ имени его вы-

(*) Бѣдный Вильеть, напрасно ты добиваешься славы! ты вѣкъ останешься карликакомъ, показывающимъ на ярмаркѣ великана!

сочества. По окончаніи представленія, толпа вынесла знаменитаго старца на рукахъ и посадила его въ карету; я былъ въ числѣ тѣхъ, которые выпрягли его лошадей, и проводилъ творца „Магомета“ до его квартиры, крича вмѣстѣ съ другими: „Да здравствуетъ творецъ „Ирены“ и „Альзиры“!“

Два мѣсяца спустя, то есть, 30 мая 1778 года, Вольтеръ скончался, и тѣло его везли въ Сельерскій монастырь.

Болезнь Вольтера и приближающаяся смерть его волновали весь Парижъ. Я не имѣлъ возможности слѣдить за ходомъ его болѣзни, и отправился однажды къ доктору Троншену за нѣкоторыми свѣдѣніями. Дорогою я встрѣтилъ одного пріятеля, приходившагося родственникомъ Ваньеру, секретарю Вольтера. Онъ со вниманіемъ читалъ какое-то письмо. Я подошелъ къ нему, и послѣ обычныхъ привѣтствій, спросилъ его, что онъ читаетъ?

— Письмо Ваньера.

— Кто такой этотъ Ваньеръ?

— Секретарь Вольтера; это подробности о смерти великаго поэта.

— О смерти Вольтера! Вы не сочтете нескромностью, если я попрошу позволенія прочесть письмо?

— Нисколько; возьмите, читайте; можете даже сохранить его, если желаете.

Вотъ это письмо, которое Ваньеръ писалъ своимъ дѣтямъ:

„Вы спрашиваете, друзья мои, о причинѣ удручающей меня горести: развѣ вы не знаете какую тяжкую, какую невознаградимую потерю я понесъ? Мой другъ, мой благодѣтель, Вольтеръ — скончался. Онъ жилъ счастливо и спокойно въ Фернеѣ; но маркизь де-Вилеть и мадамъ Дени задумали непременно перевезти его въ Парижъ, и увѣрили, что присутствіе его въ столицѣ необходимо для представленія „Ирены“. Мы отправились изъ Фернея пятаго февраля въ полдень, и приѣхали въ Парижъ десятаго, въ три часа. На заставѣ насъ остановили, таможенный досмотрщикъ спросилъ, не имѣемъ-ли мы объявить о какихъ либо запрещенныхъ товарахъ. — „Господа, сказалъ Вольтеръ, если у насъ имѣется запрещенный товаръ, то это развѣ я самъ.“ Караванъ тотчасъ узнали его и пропустили со всеми знаками глубокаго уваженія.

„По приѣздѣ нашемъ въ Вильетскій отель, онъ узналъ о смерти Лекена; при этомъ извѣстии онъ испустилъ крикъ отчаянія и упалъ въ обморокъ. Послѣ того посѣтилъ его Рюльеръ и сообщилъ ему нѣкоторыя извѣстія, которыя сильно огорчили его; онъ заболѣлъ, и съ 25 февраля началъ харкать кровью. Я тотчасъ написалъ доктору Троншену.

„Три недѣли харкалъ онъ кровью, потомъ началъ поправляться. Въ это время нѣкоторые друзья уговаривали его купить домъ въ Парижѣ, а Французская-Комедія устроила въ честь его торжество. Послѣ этого торжества, Троншень, приѣхавъ къ Вольтеру, нашелъ его до того слабымъ, что сказалъ ему съ обычною своею откровенностью: — „Сто лудировъ отдай-бы я, чтобы вы не выѣзжали изъ Фернея. Вы сами должны понимать, что нельзя безнаказанно пересаживать восьмидесятилѣтнее дерево. Мой старый другъ, поѣзжайте поскорѣ назадъ; теперь, еще покажѣть не поздно.“

„Вольтеръ не успѣлъ послѣдовать этому совѣту. Я какъ-то спрашивалъ о его религіозныхъ мнѣніяхъ; онъ написалъ на листѣ бумаги слѣдующія слова: — Я умираю въ вѣрѣ и страхѣ Божиемъ, въ любви къ друзьямъ и ближнимъ, безъ ненависти къ врагамъ.“

„Бессонница мучила его все болѣе и болѣе; мы послали къ маршалу Ришлье, попросить немножко опиума, который онъ употреблялъ постоянно уже нѣсколько лѣтъ. Приемъ, данный Вольтеру, былъ, кажется, слишкомъ силенъ. 30 мая 1778 года, въ четверть двѣнадцатаго, вечера, онъ умеръ на рукахъ друга своего Морана. Тѣло его было набальзамировано; врачи, вскрывавшіе его, объявили, что они никогда не видали такого крѣпкаго тѣлосложенія. Его похоронили въ Сельерскомъ монастырѣ, близъ города Труа.“

Чтеніе этого письма чрезвычайно разстроило меня; я возвратился въ заведеніе господина Вердье, глубоко огорченный смертию великаго писателя.

Тутъ я окончу свои школьныя воспоминанія, потому что остальное время пребыванія моего у господина Вердье не представляетъ ничего любопытнаго. Я продолжалъ учиться по прежнему, до-тѣхъ-поръ, пока не окончилъ своего кур-

са ученія и отецъ не написалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ немедленно къ нему, въ Лондонъ.

ГЛАВА III.

Получивъ приказаніе отца, я тотчасъ простился съ Парижемъ, вовсе не думая, чтобы мнѣ привелось когда-нибудь воротиться туда на житье, а тѣмъ менѣе являться на Парижской сценѣ.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ. Отецъ мой жилъ все въ томъ-же кварталѣ и по той-же улицѣ, какъ и прежде, и имѣлъ все такой-же многочисленный и богатый кругъ кліентовъ. Вся молодая аристократія, все, что принадлежало къ большому свѣту, къ царству моды, считало обязанностью никому не повѣрять своихъ челюстей, кромѣ Тальмы.

Давъ мнѣ отдохнуть нѣсколько дней, отецъ заговорилъ о выборѣ званія, и предложилъ мнѣ свое, какъ представляющее наиболѣе ручательствъ въ спокойной и безнуждной будущности. Не чувствуя никакого сильнаго и опредѣленнаго призванія, я безъ труда согласился на предложеніе отца, сталъ его ученикомъ, и ревностно принялся за изученіе зубоврачебнаго искусства. Однако-же это ученіе и другія занятія, которыя возлагалъ на меня отецъ, оставляли мнѣ еще довольно много свободнаго времени. Я подружился съ нѣсколькими французами моихъ лѣтъ, съ которыми раздѣлялъ всѣ свои досуги, между бесѣдами и театромъ.

Въ это время жилъ въ Лондонѣ одинъ французъ, по имени Жанъ Моннѣ, нѣкогда бывший директоромъ Комической Оперы, а потомъ балетмейстеромъ. Онъ былъ ловкій и смѣлый спекулянтъ и задумалъ учредить въ Лондонѣ французскій театръ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ доставить ему и много чести, и огромные барыши. Мѣры его были придуманы, какъ нельзя лучше; онъ собирался пригласить извѣстнѣйшихъ артистовъ во всѣхъ родахъ, и завести самый разнообразный репертуаръ. Онъ открылъ подписку. Вся аристократія Вестэндскаго квартала поспѣшила подписаться; высшее торговое сословіе, по свойственной ему за-

машкѣ тоняться за дворянствомъ и соперничать съ нимъ, послѣдовало примѣру лордовъ. Моннѣ былъ въ восторгѣ. Посѣщая довольно постоянно наши собранія, онъ однажды повѣрялъ намъ свои планы, свои мысли, свои расчеты, и считалъ уже гиней, которыя должны были посыпаться въ его карманъ. Одинъ изъ нашихъ пріятелей взялъ карандашъ и сталъ записывать на листъ бумаги его цифры, не прерывая его разглагольствій. Только когда Моннѣ, изложивъ свои числа и опредѣливъ неизвѣстныя, обратился къ слушателямъ съ торжествующимъ вопросомъ: — „Ну, что вы скажете?“ — пріятель нашъ прехладнокровно сталъ читать ему басню о молочницѣ и ея кувшинѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать? вскричалъ Моннѣ.

— Только то, что основаніе ваше ложно, вычисленія невѣрны, и что въ подписной суммѣ не хватаетъ четырехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы приступить къ предпріятію съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ.

— Только-то? вскричалъ прожектеръ.

— Только, отвѣчалъ строгій математикъ; но сколько мнѣ извѣстно, англійскій фунтъ равняется двадцати-пяти французскимъ ливрамъ; это вздоръ, если угодно, но вздоръ этотъ составляетъ сто тысячъ турецкихъ ливровъ.

— Они у меня будутъ.

— Желаемъ отъ всей души! вскричали мы хорошему своему предпріимчивому соотечественнику, который собралъ всѣ свои бумаги, взялъ ихъ подъ мышку и простился съ нами.

Возвратившись домой, нашъ балетмейстеръ-антрпренеръ принялся повѣрять дѣланныя ему возраженія, и убѣдился въ ихъ вѣрности. Онъ не досчитывался четырехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Откуда взять ихъ? Извѣстно откуда! на что-же городъ, гдѣ купцы черпаютъ золото ковшами? они послѣдуютъ примѣру банкировъ, какъ банкиры примѣру дворянства. — „За дѣло!“ вскричалъ будущій директоръ.

Первый купецъ, къ которому онъ обратился съ подпискою, былъ занятъ отправленіемъ корабля въ Яву. Онъ коротко и ясно предложилъ докучливому прожектеру отправить его за перцемъ въ Цейлонъ. Другой взглянулъ въ его книжку и насмѣшливо замѣтилъ, что ему не мѣшало-бы

поучиться выписывать цифры прямо противъ статей. Третій назвалъ его французской собакою (Frenchdog). Четвертый приказалъ прикащикамъ вытолкать его въ шею.

На слѣдующій день несчастный пришелъ къ намъ, рассказать свою неудачу. Мы посовѣтовали ему объявить о своемъ предпріятіи въ газетахъ и открыть публичную подписку. Одинъ изъ насъ написалъ ему программу, означивъ его мѣсто жительства и приглашая охотниковъ поспѣшить подписаться, такъ какъ подписка идетъ чрезвычайно быстро, и скоро всѣ мѣста будутъ разобраны.

На третій день послѣ этого происшествія, возвратившись изъ Гринича, куда отецъ посылалъ меня дергать зубы въ Морскомъ Инвалидномъ Домѣ, и давъ отчетъ отцу въ исполненіи его порученія, я отправился въ наше обычное собраніе, и первое лицо, которое я встрѣтилъ, былъ нашъ балетмейстеръ и будущій директоръ французскаго театра. Объявленіе объ учрежденіи въ Лондонѣ такого театра привело въ неистовое негодованіе всѣхъ истыхъ сыновъ Альбіона, и они погрозились не только возобновить встрѣчу, какую они сдѣлали лѣтъ пятнадцать назадъ заморскимъ танцорамъ, ангажированнымъ Гаррикомъ, но въ добавокъ проучить самого антрепренера. Бѣдный Монне прибѣжалъ къ намъ, блѣдный, какъ полотно, и дрожа всѣмъ тѣломъ, просить убѣжища отъ ярости своихъ враговъ; на неприкосновенность собственной квартиры онъ не смѣлъ положиться. Разумѣется, что мы исполнили его просьбу.

— Представьте себѣ только, что есть на свѣтѣ такіе люди! говорилъ онъ.

— Любезный другъ, отвѣчалъ ему одинъ изъ собесѣдниковъ, бывший домашнимъ учителемъ у лорда Мансфильда, я въ этомъ не вижу рѣшительно ничего такого, чему-бы можно удивляться или сердиться; англійскій народъ съ молокомъ всосалъ ненависть къ французамъ. Онъ происходитъ отъ Англовъ и Нормановъ; ни тѣ, ни другіе не жаловали Франціи. Съ 1320 года, мы съ нимъ въ постоянной враждѣ, если не въ открытой войнѣ. Все, что приходитъ изъ за пролива, ему ненавистно. И повѣрьте, что предмѣстья и многочисленные кварталы Парижа встрѣтили-бы англійскихъ артистовъ ничѣмъ не лучше. У насъ освистали бы Гаррика,

такъ же исправно, какъ здѣшніе горожане освищаютъ Моле, Ларива или Дюгазона.

Эта ненависть англичанъ ко всему французскому ясно показывала невозможность существованія въ Лондонѣ французскаго театра; но въ то же время возбудила въ насъ врожденный всѣмъ молодымъ людямъ духъ противорѣчія, разохотила насъ устроить представленія, если не публичныя, — объ этомъ ничего было и думать, — то частныя. Мы тотчасъ приступили къ исполненію этого новаго плана; избрали Монне своимъ директоромъ и сложились между собою, чтобы составить необходимый капиталъ; наши родственники, друзья и знакомые были первою нашею публикою.

Скоро по всему городу разнесся слухъ, что нѣсколько молодыхъ французовъ устроили домашній театръ, на которомъ они разыгрывали лучшія произведенія французской драматической литературы. Стали поговаривать о нѣкоторыхъ изъ этихъ актеровъ любителей, которые умѣли особенно удачно передавать всю энергію стиховъ Корнеля; всю нѣгу поэзіи Расина. Со всѣхъ сторонъ приступили къ намъ съ просьбами о допущеніи на наши представленія. У каждаго изъ насъ были сильные покровители, у каждаго были особы, передъ которыми желательно было блеснуть. Сначала мы допустили на наши драматическіе вечера нѣсколько лицъ въ видѣ исключенія; но потомъ, просьбы стали такъ умножаться съ каждымъ днемъ, что помѣщеніе наше стало тѣсно; а какъ средства наши были ограничены, то мы принуждены были, хоть очень не охотно, наложить на своихъ посьбителей довольно значительную плату. Высокая цѣна еще умножила число желающихъ видѣть наши представленія. Знатнѣйшіе лорды и леди наперерывъ требовали билетовъ. Видя это расположеніе къ намъ публики, мы положили, въ угожденіе англійскому патриотизму, не ограничиваться французскимъ репертуаромъ, а давать иногда и англійскія пьесы. Успѣхъ нашъ былъ самый полный. Аристократія и высшее купечество, не раздѣляющія предубѣжденій своихъ соотечественниковъ противъ всего чужеземнаго, съѣзжались каждый день апплодировать намъ. Я имѣлъ счастье обратить на себя особенное вниманіе этой избранной публики, потому что при-

вычка съ дѣтства говорить по англійски давала мнѣ огромное преимущество передъ товарищами.

Въ числѣ самыхъ постоянныхъ нашихъ посѣтителей былъ лордъ Гаркортъ, первый покровитель моего семейства. Увидѣвъ меня на сценѣ, онъ замѣтилъ во мнѣ способности къ драматическому искусству, и предложилъ моимъ родителямъ содѣйствовать мнѣ въ дебютахъ на англійской сценѣ. Это предложеніе, отъ котораго отецъ мой отказался очень вѣжливо, но рѣшительно, было нѣсколько разъ возобновляемо разными лицами, между прочими Фоксомъ, Шериданомъ, Гейлеемъ, лордомъ Мансфилдомъ, Боркомъ и Суинборномъ.

Даже нѣкоторыя леди удостоили заботиться о моей артистической будущности. Герцогиня Девонширская, будучи въ театрѣ съ леди Гаркортъ и миссъ Бурней, призвала меня послѣ представленія «Гамлета» въ ложу и очень милостиво спросила зачѣмъ я не поступлю на театрѣ. На всѣ подобныя представленія я отвѣчалъ, что желаніе моихъ родителей побуждало меня посвятить себя другому поприщу.

Однажды, когда я былъ дежурнымъ по театру, лордъ Гаркортъ, заѣхавъ утромъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ, освѣдомился и обо мнѣ. Театръ нашъ сначала доставлялъ моему отцу удовольствіе, но послѣ сталъ бѣсить его, когда онъ замѣтилъ что для театра я пренебрегалъ своими врачевными занятіями; потому онъ отвѣчалъ съ досадою: — «Что о немъ и спрашивать, милордъ! вѣрно сидитъ у себя наверху, зарывшись въ Шекспира или Корнелю, изучаетъ Отелло, Фальстафа или Родрига.» Лордъ Гаркортъ, не отвѣчая на эту выходку раздосадованнаго отца, зашелъ въ мою комнату и дѣйствительно засталъ меня за изученіемъ какой-то роли.

Черезъ нѣсколько минутъ по приходѣ его, лакей въ щегольской ливреѣ принесъ мнѣ записочку слѣдующаго содержанія: — „Миссъ Робинсонъ, свидѣтельствуя почтеніе господину Франсуа Тальмъ, проситъ его вручить подателю билетъ на ложу; прилагаемую-же сумму передать кассиру французскаго драматическаго общества. Л. Робинсонъ.“

При запискѣ былъ банковый билетъ въ десять фунтовъ

стерлинговъ; я положилъ его въ свой бумажникъ, а записку показалъ лорду Гаркорту.

— Поздравляю васъ и вашихъ товарищей, сказалъ лордъ Гаркортъ; вы ничего не могли желать болѣе благоприятнаго для вашего театра, потому-что миссъ Робинсонъ будетъ не одна, а въ сопровожденіи принца Валлискаго; его-же посѣщеніе поставитъ васъ еще выше въ благорасположеніи лондонской аристократіи.

— Да, отвѣчалъ я, и честь и выгода, то есть два предмета, къ которымъ преимущественно должно стремиться въ свѣтъ.

Среди этихъ театральныхъ занятій, ученія и забавъ, случилось со мною довольно странное приключеніе, которое, если не принудило меня воротиться въ Францію, то крайней мѣрѣ ускорило мой отъѣздъ. Однажды утромъ, на другой день послѣ представленія, „Зауры,“ въ которомъ я игралъ Оросмана, выходя съ репетиціи, я былъ остановленъ маленькимъ лакеемъ, безъ ливреи, который спросилъ мое имя, разумѣется, по англійски, и узнавъ его, подалъ мнѣ записочку. Затѣмъ онъ поспѣшно удалился, не дожидаясь отвѣта. Когда мальчикъ скрылся, я распечаталъ записку; я не могу припомнить подлинныхъ словъ, потому-что, къ сожалѣнію, записка затерялась, но содержаніе было приблизительно слѣдующее.

„Милостивый Государь!

„Чувство, которое я питаю къ вамъ, не можетъ удивить васъ, потому-что это должная дань вашему дарованію; но если вы желаете убѣдиться въ дѣйствительности его, приходите завтра въ одиннадцать часовъ утра, у подъѣзда Друриленскаго театра, и слѣдуйте за особою, которая покажетъ вамъ небольшую книжку въ красномъ сафьянѣ: „Жизнь Шекспира.“ Мнѣ извѣстно ваше глубокое уваженіе къ великому англійскому поэту; пусть онъ будетъ вашимъ проводникомъ; я увѣрена, что подъ его защитою вы пойдете безъ всякаго опасенія.“

Хотя записка была написана довольно гладко по французски, однакоже въ ней было нѣчто странное; форма буквъ сильно отзывалась нѣмецкимъ почеркомъ; бумага была изящная, надушенная, но безъ герба. Я сталъ разсматривать

печатать; она была небольшая, оттиснута очень чисто и старательно, на сургучѣ, похожемъ на камень, который былъ тогда въ большой модѣ и назывался авантуриномъ; на ней было готическое С, вырѣзанное очень четко.

По всему видно было, что записку писала женщина, и женщина высшаго общества; но была-ли она французенка, англичанка или нѣмка? Вотъ чего я не могъ рѣшить. Однакоже, по обороту нѣкоторыхъ фразъ и по угловатому почерку, мнѣ казалось всего вѣроятнѣе, что она нѣмка.

Въ этомъ свиданіи было что-то романическое, очень нравившееся моему воображенію, вопреки убѣжденіямъ разсудка;

Я отложилъ назначенную репетицію на другой день, и съ нетерпѣніемъ ждалъ одинадцатаго часа. Мнѣ нужны были подобныя приключенія, чтобы вырвать меня изъ апатіи, въ которую я начиналъ впадать, и которая впоследствии едва не обратилась въ настоящій сплинъ. Въ половинѣ одинадцатаго я былъ уже въ назначенномъ мѣстѣ; мнѣ оставалось еще ждать полчаса. Въ эти полчаса никто меня не тревожилъ; это было зимою; холодная частая изморось не позволяла видѣть человѣка въ десяти шагахъ. Наконецъ пробило одинадцать, и я увидѣлъ сквозь густой туманъ какую-то тѣнь, которая мало по малу приняла яственный человѣческій образъ: это былъ конюхъ; онъ тяжело всходилъ на ступени, отыскивая глазами кого-то, кто по видимому долженъ былъ ожидать его на этомъ мѣстѣ. Я сдѣлалъ шагъ къ нему, а онъ два ко мнѣ. Я остановился, и онъ также остановился, въ трехъ шагахъ отъ меня, вынулъ изъ за камзола небольшую книжку въ красномъ сафьянѣ, и подаль ее мнѣ. Я раскрылъ ее: *„Жизнь Шекспира.“* Нѣтъ болѣе сомнѣнія, это мой вѣжатель! Я объяснилъ ему знакомъ, что знаю возложенное на него порученіе и готовъ идти за нимъ.

Онъ пошелъ тотчасъ черезъ Страндъ, по улицѣ, ведущей къ Сентъ-Джемскому парку. Я шелъ шагахъ въ десяти отъ него, но отъ времени до времени принужденъ былъ приближаться къ нему, потому-что туманъ становился все гуще и плотнѣе. Мы прошли, одну за другою, всѣ улицы, ведущія отъ Блекфрайерскаго моста къ Вестминстерскому. Тутъ проводникъ мой вдругъ остановился, и вынувъ изъ за пазухи арапникъ,

сталъ щелкать имъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Сначала, признаюсь, я не могъ ума приложить, что это значило; но вскорѣ я понялъ, что это былъ условный сигналъ, и сталъ ждать. Послѣ трехлѣтняго моего пребыванія въ Лондонѣ, британскія причуды были мнѣ не въ диковину.

Домъ, передъ которымъ мы стояли, былъ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ, уютныхъ домиковъ, какіе только англичане умѣютъ строить для своего комфорта. Черезъ минуту или двѣ, дверь отворилась и на порогъ показалась старуха, закутанная въ плащъ съ капишономъ. Въ то же мгновеніе конюхъ исчезъ, но такъ быстро, такъ неожиданно, какъ будто онъ и старуха приводились въ движеніе однимъ механизмомъ, который одного сводилъ, а другую выводилъ.

Старуха поглядѣла на меня пристально, какъ-бы желая удостовѣриться, не ошибся-ли посланный ея госпожи; потомъ, узнавъ меня вѣроятно, сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я шелъ за нею. Если я зашелъ такъ далеко, то конечно не затѣмъ, чтобы отступить, и я смѣло перешагнулъ порогъ незнакомаго дома.

Мы прошли черезъ садъ, взошли на небольшое крылечко и я очутился въ приѣмномъ покоѣ, украшенномъ множествомъ картинъ, которыхъ достоинства я, по близорукости, не могъ оцѣнить. Оттуда меня повели, черезъ гостиную, которая вся горѣла золотомъ, въ какую-то комнату, не то женскій будуаръ, не то библіотеку. Тутъ старуха, молча, указала мнѣ стулъ, и затѣмъ откланялась и вышла. Я былъ въ ужасномъ недоумѣніи: неужели меня привели сюда, чтобы играть со мною въ молчанку?

Когда я остался одинъ, первымъ моимъ дѣломъ было разсмотрѣть комнату во всей подробности, въ надеждѣ, не открою ли что нибудь такое, что могло мнѣ объяснить значеніе всѣхъ этихъ странностей. На небольшомъ столикѣ, посреди комнаты, на самомъ видномъ мѣстѣ, лежало открытое письмо, съ надписью въ заголовкѣ: „Господину Тальмѣ.“ Письмо было ко мнѣ, слѣдовательно я могъ прочесть его безъ всякой нескромности. Я не могу привести его слово въ слово, потому-что оно послѣ того не бывало въ моихъ рукахъ; но вотъ его содержаніе приблизительно :

„Господинъ Тальма извинить таинственность, которою окружаетъ себя особа, пригласившая его. Она увѣрена, что онъ поставитъ себя за долгъ чести не проникать этой тайны, и не разглашать ее, если откроетъ. Онъ, безъ сомнѣнія, уже давно догадался, что имѣетъ дѣло съ женщиною, и догадка его совершенно справедлива.“

„Женщина эта молода и слыветь умною и любезною. Она не считаетъ себя красавицею, но можетъ смѣло сказать про себя, что она чувствительна и способна любить. Она видѣла его во многихъ роляхъ, и голосъ его произвелъ на нее такое впечатлѣнiе, что она рѣшилась просить его доставить ей одной то удовольствiе, котораго онъ удостоиваетъ цѣлое общество. Если онъ согласится на эту просьбу, это будетъ тѣмъ любезнѣе съ его стороны, что сама особа, просящая его о томъ, не можетъ явиться; но пусть господинъ Тальма обратится къ рѣшетчатому окну въ углу комнаты, — почитательница его таланта будетъ восхищаться его декламациею изъ за этой рѣшетки.“

„Всѣ французскiе и англiйскiе поэты къ услугамъ господина Тальмы; онъ можетъ выбрать любого на полкѣ, между оконъ.“

„Если господину Тальму будетъ что либо угодно, ему стоитъ только позвонить и приказать.“

Я прочелъ письмо въ другой разъ. Приключенiе было не совсѣмъ въ такомъ испанскомъ духѣ, какъ я надѣялся. Незнакомкѣ нужна была не личность моя, а только актеръ; я долженъ былъ дать урокъ декламации невидимой ученицѣ. Впрочемъ, приключенiе было такъ лестно моему артистическому самолюбию, что я не считалъ себя въ правѣ жаловаться.

Поэтому, услышавъ шорохъ за рѣшеткою и не желая заставить ждать свою одноличную публику, я подошелъ къ таинственному углу, за которымъ она присутствовала, и началъ декламировать любовное объясненiе Ипполита къ Арисии. Никогда, я думаю, не былъ актеръ выслушанъ съ такимъ вниманiемъ, и никогда болѣе нѣжный вздохъ не отвѣчалъ на прямое или косвенное объясненiе. Этотъ вздохъ придалъ мнѣ смѣлости; я протянулъ руки къ рѣшеткѣ; но голосъ изъ

за нея остановилъ меня, сказавъ: — “Оросмана, господинъ Тальма, — Оросмана!”

Я въ первый разъ еще слышалъ голосъ своей невидимки, и голосъ этотъ заключалъ мольбу: могъ-ли я отказать? Въ одно мгновеніе переѣнилъ я голосъ, и даже паружность; изъ Скиѳа сдѣлался Туркомъ, и обратился къ своей Заирѣ съ самымъ пламеннымъ объясненіемъ, какое когда либо касалось слуха смертной. На него отвѣчалъ другой вздохъ, еще нѣжнѣе перваго; мнѣ послышалось даже что-то въ родѣ сдерживаемыхъ рыданій, и я сталъ искать въ своей памяти третьяго объясненія. Но въ это мгновеніе раздался ужасный шумъ, дрожащая рука подняла рѣшетчатую ставень, и въ окно на мгновеніе высунулась головка, накрытая непроницаемою вуалью, и закричала мнѣ: — „Уйдите, уйдите скорѣе! скорѣе!“

Затѣмъ ставень опустилась, и до меня долетѣлъ только шумъ удаляющихся шаговъ и затворяющейся двери. Въ то же мгновеніе явилась старуха и сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я слѣдовалъ за нею. Я пошелъ; она вывела меня изъ дома, но совсѣмъ не тѣмъ ходомъ и не на ту улицу, откуда я пришелъ. Туманъ былъ такъ-же густъ, какъ и передъ моимъ приходомъ; но я зналъ Лондонъ такъ-же хорошо, какъ Парижъ, и черезъ полчаса былъ уже дома. Тутъ я сталъ теряться въ догадкахъ о своемъ странномъ приключеніи; но, какъ обыкновенно бываетъ, чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ больше путался въ безвыходномъ лабиринтѣ воображенія.

Послѣ того, какъ я ни ждалъ мальчика, или конюха, или старухи, все было напрасно; отъ моей незнакомки не было ни какой вѣсти. Только на третій или на четвертый день, взявъ листъ газеты *Evening Post*, я случайно наткнулся на слѣдующую статью, въ которой описана была эта мистификація съ разными намеками и гдѣ я былъ выставленъ поэтическимъ арабомъ, подъ именемъ *Амлата*.

Я ли имѣлъ неосторожность разсказать приключеніе болтливому пріятелю, мальчикъ-ли, конюхъ, или старуха измѣнили тайнѣ, — этого я никогда не могъ разгадать. Все, что я могу сказать, это то, что на другой день по появленіи статьи, гуляя въ Гайдъ-паркѣ, я наткнулся на какаго-

то джентльмена, который сталъ передо мною, какъ будто хотѣлъ загородить мнѣ дорогу. Помнится мнѣ, что у меня былъ въ рукахъ томъ Шекспира, потому что я въ это время протверживалъ роль Фальстафа въ „Виндзорскихъ кумушкахъ.“

— Гго! промычалъ джентльмень.

Я поднялъ голову, и видя передъ собою человѣка, мнѣ совершенно незнакомаго, хотѣлъ обойти его.

— Но, сказалъ онъ по англійски.

Тутъ я понялъ, что незнакомецъ желалъ о чемъ-то со мною переговорить. — „Вы имѣете до меня дѣло, серъ? спросилъ я.

— Yes....

— Извольте говорить.

— Вы сынъ зубнаго врача Тальмы? спросилъ онъ, ломая французскій языкъ, съ британскитъ харканіемъ и при-свистомъ.

— Я, серъ.

— И въ добавокъ актеръ?

— То есть, я иногда играю на домашнемъ театрѣ, такъ, для своего удовольствія.

— Гго! для своего удовольствія?

— Да.

— И вы же арабъ?

— То есть, нѣкоторые лица увѣрили меня, что моя фамилія арабскаго происхожденія.

— А вы сами, чѣмъ считаете себя?

— Я считаю себя французомъ.

— Гго! такъ вы считаете себя французомъ?

— Да.

— Стало быть — вы французъ! а я, серъ, англичанинъ.

— Я это вижу.

— Это все, что вы имѣете мнѣ сказать, господинъ Тальма?

— О чемъ же мнѣ съ вами говорить?

— Гго! о Франціи и Англии.

— Это два славные, могучіе гоеударства, два великіе народа, серъ; вотъ все, что я могу вамъ сказать.

— На что, вы думаете, созданы эти два народа?

— На то, серъ, чтобы уважать другъ друга, и жить въ мирѣ и дружбѣ.

— Гго! а я не раздѣляю вашего мнѣнія!

— Какое-же ваше мнѣніе?

— Мое мнѣніе, что они созданы на то, чтобы вѣчно ненавидѣть другъ друга и драться между собою!

— Я васъ не понимаю, серъ....

— Гмъ! вы не понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Гго! такъ читайте.

И онъ вытащилъ изъ кармана и подалъ мнѣ номеръ Evening Post.

— А!

— А! теперь понимаете?

— Не совсѣмъ; извольте объясниться опредѣленнѣе.

— Вѣдь вы герой приключенія, рассказаннаго въ этой газетѣ.

— Положимъ, что и я, чтожъ изъ этого?

— Стало быть вы признаете это приключеніе дѣйствительнымъ?

— Я ничего не признаю и не отрицаю.

— Гго! отрекитесь отъ него, господинъ Тальма.

— Зачѣмъ мнѣ отрекаться?

— За тѣмъ, что особа, о которой идетъ рѣчь, не можетъ подвергаться подозрѣнію.

— Это мнѣ очень пріятно; если она не можетъ подвергаться подозрѣнію, то никто и не будетъ подозрѣвать ее.

— Гго! вы не понимаете меня; она должна подвергнуться подозрѣнію.

— Если ее кто подозрѣваетъ, то это вы, серъ, а не я.

— Гго! вы говорите, что это я, — а я говорю, что это вы.

— Чтожъ далѣе?

— Далѣе то, что я хочу съ вами драться.

— А, это другое дѣло; извольте прислать мнѣ своихъ секундантовъ, серъ, и дѣло будетъ улажено по вашему желанію.

— Гго! вы меня не понимаете! я хочу драться одинъ, хочу отколотить васъ одинъ.

— Дуэль безъ секундантовъ?

— Да, и сейчасъ-же, здѣсь, не сходя съ мѣста.

— На чемъ же?

— Гго! на кулакахъ! боксомъ!

И мой джентльменъ мигомъ сбросилъ шляпу, сюртукъ, галстухъ, сжалъ кулаки, и принялся мотать руку объ руку, наступая на меня.

— Серъ, сказалъ я, мы, французы, деремся инымъ образомъ, особенно, когда защищаемъ честь близкой особы или Франціи.

— Гго! какъ же вы деретесь?

— На шпагахъ или на пистолетахъ. Я буду ждать вашихъ секундатовъ; вотъ мой адресъ.

Я положилъ свою карточку на его шляпу и удалился, между тѣмъ, какъ мой джентльменъ надѣвалъ сюртукъ и завязывалъ галстухъ. Тщетно ждалъ я его секундатовъ или какой нибудь вѣсти о немъ. Пршла недѣля, потомъ другая, — а о немъ не было ни слуху, ни духу. Но въ эти двѣ недѣли, отцу моему дано было знать подъ рукою, что мнѣ не мѣшало-бы выѣхать изъ Англій. Какъ это согласовалось съ его желаніемъ, чтобы я проводилъ мать, собиравшуюся черезъ нѣскольکو дней во Францію, то я простился съ столицею Альбіона и съѣлъ въ одинъ изъ тѣхъ дилижансовъ, запряженныхъ шестью здоровыми лошадьми, которые такъ быстро и такъ спокойно совершаютъ путешествіе изъ Лондона въ Дувръ.

ГЛАВА IV.

Я выѣхалъ изъ Лондона 27 марта 1784 года, и черезъ три дня былъ уже въ Парижъ. Я привезъ съ собою два письма: одно отъ кавалера Фагана къ господину Франту, состоявшему при великобританской миссіи въ Парижъ, которому Фаганъ рекомендовалъ меня, какъ молодого зубного врача, очень искуснаго въ своемъ дѣлѣ; другое отъ лорда Гаркорта къ Моле. Лордъ Гаркортъ и герцогъ Суссекскій желали знать, не будетъ-ли возможности завести французскій театръ въ Лондонѣ; это была ихъ давнишняя мысль и они

никакъ не могли отъ нея отказаться; принцъ Валлискій поддерживалъ ее всѣми силами.

Я поселился на старой нашей квартирѣ, въ Моконсельской улицѣ и думалъ продолжать отцовское ремесло. Прежде всего я отправился къ мистру Франту и вручилъ ему письмо кавалера Фагана. Онъ обѣщалъ быть моимъ кліентомъ и рекомендовать меня всѣмъ своимъ знакомымъ. Онъ сдержалъ слово; но не надолго послужило мнѣ благорасположеніе этихъ господъ, по обстоятельствамъ, которыя будутъ изложены ниже.

Потомъ я пошелъ къ Моле. Знаменитый артистъ былъ въ то время на верху своей славы.

Первый, и могло статься послѣдній, визитъ такому человѣку, какъ Моле, былъ для меня вещь слишкомъ пріятною и лестною, чтобы не постараться продлить его по возможности. Моле говорилъ свободно и пріятно: онъ спрашивалъ меня о Лондонѣ, объ англійскомъ обществѣ, о Гаррикѣ, о Шекспирѣ, объ отношеніи Дюси къ британскому исполнуну, о степени родства Дюсисовыхъ „Гамлета“, „Ромео“ и „Короля Лиры“ съ оригиналами, и наконецъ о моихъ дебютахъ на домашнемъ театрѣ. Я говорилъ съ жаромъ, и Моле показалось, что во мнѣ есть душа артиста. Онъ пригласилъ меня заходить къ нему и обѣщалъ доставить мнѣ даровой входъ во Французскій театръ, или во Французскую комедію, какъ тогда назывался этотъ театръ.

Это обѣщаніе чрезвычайно обрадовало меня; конечно, я и безъ того могъ довольно часто посѣщать театръ; но билетъ, взятый въ кассѣ, доставлялъ мнѣ входъ только въ залу, а Моле открывалъ мнѣ доступъ за кулисы, то есть, знакомство со всѣми великими артистами. Онъ сдержалъ слово; самъ провелъ меня въ первый разъ въ фойе и познакомилъ съ Дюгазономъ и Флери.

Мнѣ еще не приходило въ голову, что и я могу дѣйствительно поступить на сцену. Туманный лондонскій воздухъ

заразилъ меня сплиномъ; на меня безпрестанно находила какая-то апатія, отъ которой я возвращался только припадками нервическаго раздраженія, которыя породило во мнѣ употребленіе въ видѣ лекарства морской воды, которому я научился въ Лондонѣ. Впрочемъ, нынче я не стую ни на этотъ сплинъ, ни на эту нервическую раздражительность; первому я обязанъ меланхолическимъ элементомъ своего таланта, а второй — силою увлеченія.

Я не хотѣлъ оставаться зубнымъ врачомъ, а между тѣмъ постоянно слушалъ курсы хирургіи и медицины; но эти курсы наводили еще болѣе мрачности на мое воображеніе, ставя меня безпрестанно съ глазу на глазъ съ ничтожествомъ человѣка и напоминая мнѣ Шекспирова „быть или не быть!“ Мало по малу, анатомическія занятія такъ мнѣ опротивѣли, что я не могъ ѣсть въ тѣ дни, когда долженъ былъ ходить на лекціи.

Я довольно порядочно рисовалъ: рисованіе и чтеніе сдѣлались моею единственною усладою. Я безпрестанно читалъ Плутарха, потомъ Тацита и Светонія; сравнивалъ исторію съ историческими этюдами Шекспира, Корнелья и Расина. Шекспиръ являлся мнѣ выше всѣхъ писателей. Онъ производилъ на меня такое сильное впечатлѣніе своею дѣйствительностію, что, прочитавъ его драму, я могъ рисовать и даже костюмировать главные лица, какъ будто они стояли предо мною, живые. Послѣ чтенія французскихъ трагедій было совсѣмъ не то.

При всемъ томъ я глубоко уважалъ Корнелья и Расина, особенно перваго; что касается до Вольтера, я гораздо менѣе сочувствовалъ ему, какъ поэту и драматургу; и вотъ почему я и впослѣдствіи рѣдко игралъ въ его драмахъ.

Около этого времени, я впервые узналъ любовь; и если эта любовь была не самою продолжительною, то ужъ навѣрное самою бурною въ моей жизни. Не знаю, какъ это случилось, но взоры мои не въ добрый часъ упали на хорошенькое личико, только что приѣхавшее изъ южной Франціи.

Я познакомился съ хорошенькою прѣзжею, и умъ ея окончательно вскружилъ мнѣ голову. Я тотчасъ рѣшился на ней жениться. Мы стали просить позволенія на свадьбу, я у отца, она у своихъ родныхъ; но отецъ и ея родные словно сговорились: отказъ послѣдовалъ съ обѣихъ сторонъ. Сначала это привело насъ въ отчаяніе; но потомъ мы утѣшились, поклялись любить другъ друга вѣчно и неизмѣнно, и выждать болѣе благоприятнаго времени. Читатели вѣроятно догадываются, что при моемъ меланхолическомъ и раздражительномъ характерѣ, я былъ, необходимо, чрезвычайно ревнивъ. Дѣйствительно, я почти могъ-бы перещеголять Оросмана и Отелло. Какихъ глупостей не дѣлалъ я изъ своей нелюбной ревности. Ссоры и сцены мало по малу охладили насъ другъ къ другу и наконецъ довели до совершеннаго разрыва, къ великому удовольствію моей матери.

Въ это время я подружился съ тремя молодыми юристами, которые, впоследствии, сдѣлались знаменитостями въ адвокатскомъ сословіи; это были: Белларъ, Бонне и Лепидоръ. Въ долгіе зимніе вечера они собирались у меня и читали вслухъ для упражненія въ ораторскомъ искусствѣ; по большей части, читали они Корнелья и Мольера, иногда Вольтера и Расина. Сначала я не принималъ участія въ этихъ занятіяхъ, былъ задумчивъ и пасмуренъ, и сидя въ той же комнатѣ, гдѣ пріатели мои декламировали, часто ничего не видѣлъ и не слышалъ. Наконецъ, раздосадованный этою апатіею, Белларъ однажды насильно вложилъ мнѣ книгу въ руку, и заставилъ меня подавать реплики. Я помню, какъ впоследствии, сдѣлавшись уже извѣстнымъ, можетъ быть и слишкомъ извѣстнымъ ораторомъ, онъ рассказывалъ этотъ случай съ весьма лестною для меня гордостью; онъ былъ вполне убѣжденъ, что онъ первый открылъ во мнѣ талантъ и указалъ мнѣ мое призваніе.

Мало по малу, посѣщеніе театра и кулисъ, и убѣжденія моихъ трехъ пріателей, снова воспламенили во мнѣ огонь, который загорался во мнѣ прежде, а теперь только тлѣлъ,

но не угасъ вовсе. Я опять началъ играть, сначала на домашнихъ театрахъ, потомъ у Доуиена, наконецъ вездѣ, гдѣ только встрѣчался случай. Мои припадки хандры стали рѣже; но зато, когда они находили на меня, то были еще сильнѣе прежняго. Я забывалъ самые близкіе мнѣ предметы, когда они не были подлѣ меня. Углубившись въ собственные свои мысли, которыя создавали цѣлый новый міръ внутри меня, я и не видѣлъ того, что дѣлалось вокругъ меня. Я имѣлъ способность спать во всякое время, почти безъ просыпу, и пользовался этою способностью часто безъ всякой мѣры; словно, будто во мнѣ происходилъ какой-то тягостный переворотъ, который истощалъ всѣ мои силы, и я хотѣлъ бѣжать отъ самого себя. Только напряженная работа или чрезвычайно увлекательная бесѣда могла занять меня; тогда я мгновенно выходилъ изъ своего равнодушія; голосъ мой оживалъ, глаза сверкали, я защищалъ избранную мысль съ жаромъ, доходившимъ до краснорѣчія; потомъ, когда задача была кончена, мгновенный пламень остывалъ, и я снова впадалъ въ свою обычную апатію.

При такомъ настроеніи души, само собою разумѣется, я былъ преплохой хозяинъ, и потому я былъ по шею въ долгахъ. Между тѣмъ, я по прежнему дергалъ зубы и посылалъ свѣтъ. Тутъ я какъ-то встрѣтился съ госпожею Жанлисъ, наставницею герцога Шартрскаго. Меня представили ей, какъ молодаго человѣка, умѣющаго необыкновенно хорошо читать стихи. По желанію ея, я продекламировалъ ей нѣсколько тирадъ изъ Шекспира и изъ Корнелья. Послѣ этого, она не сомнѣвалась уже въ моемъ искусствѣ; и результатомъ двухъ или трехъ такихъ драматическихъ сеансовъ было то, что она выпросила мнѣ у герцога Шартрскаго, нынѣ герцога Орлеанскаго (*) мѣсто его придворнаго зубнаго врача.

Придворный врачъ герцога Шартрскаго! это просто

(*) Начало этихъ записокъ писано въ 1817 году; тогда герцогъ Орлеанскій самъ еще не думалъ, что онъ со временемъ будетъ королемъ Французъ, Людовикомъ Филипомъ I.

кладъ! За то дѣвица Сенваль младшая убѣждала меня принять предложеніе съ такимъ же жаромъ, съ какимъ она отклоняла меня отъ драматическаго поприща. Добрая Сенваль искренно желала мнѣ добра, и воображала, что оказываетъ мнѣ большую услугу, стараясь удалить меня отъ театра и уговаривая поступить въ придворную службу. Ксчастью, я неожиданно нашелъ опору въ человѣкѣ, который и не подозрѣвалъ, куда онъ велъ меня этимъ. Отецъ мой, къ которому я обратился за совѣтомъ, узнавъ, что званіе придворнаго зубнаго врача принудить меня покинуть заведеніе въ Моконсельской улицѣ и поселиться въ Пале-Рояль, всѣми силами убѣждалъ меня уклониться отъ лестнаго предложенія. Съ такою опорой, я поблагодарилъ госпожу Жанлисъ, остался въ Моконсельской улицѣ и продолжалъ посѣщать театръ.

Около этого времени судьба моя рѣшилась. Вопреки совѣтамъ и убѣжденіямъ дѣвицы Сенваль, я поступилъ въ школу декламациі, гдѣ профессорами были тогда Флери и Ларивъ. Легко себѣ представить, какъ оскорбилось и какимъ гнѣвомъ вспыхло самолюбіе моего отца, когда онъ узналъ, что я рѣшился идти въ актеры! Недѣли еще не было, что я несказанно обрадовалъ его вѣстью о полученіи мною степени магистра зубоврачебнаго искусства. Завязалась предлинная переписка, въ которой онъ доказывалъ мнѣ, что званіе актера, и даже званіе писателя — самое жалкое, самое несчастное изъ всѣхъ званій. Я отвѣчалъ ему, что не понимаю такихъ предубѣжденій въ человѣкѣ, величающемъ себя философомъ. Онъ чувствовалъ, что его сопротивленіе было несообразно съ тѣми понятіями, въ которыхъ онъ воспитывалъ меня; но онъ, чѣмъ болѣе чувствовалъ свою неосновательность, тѣмъ болѣе это бѣсило его.

— Еще если бы, писалъ онъ мнѣ, ты могъ надѣяться когда нибудь сравняться съ Гаррикомъ или Дюфреномъ! тогда я не говорилъ бы ни слова.

ЮМОРИСТИКА.

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

НЕПРАВДОПОДОБНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Дышетъ счастьеъ,
Упоительная ночь.
Ночь пѣмая,
Голубая
Неба сѣвернаго дочь....

Эта поэтическая дѣвушка, блѣдная, въ бальномъ пушистомъ нарядѣ снѣговъ, задумчивая, какъ всѣ поэтическія дѣвушки, это дочь сѣвернаго неба, это святочная петербургская ночь! Встрѣчая новый 1850 годъ, она по обыкновенію улыбнулась ему мечтательной улыбкой сѣвернаго мѣсяца, задумалась надъ прошедшимъ и, весело, беззаботно взглянувъ въ будущее, подслушала мечты красавицы, два три вздоха старой дѣвы, вздрогнула подъ громкую увертюру бальной скрипки, подъ шумный звонъ хрустала и журчанье сѣдой пѣны шампанскаго, еще улыбнулась на суету людскую.... и юркнула въ вѣчность! Но прежде, чѣмъ все это она сдѣлала, прежде, чѣмъ послѣдній, двѣнадцатый

ударъ колокола сказалъ о ея уходѣ.... бѣлокурый юноша, подрумяненный и подпудренный морозомъ, завернувшись въ короткую шинель, пѣта не совѣмъ ясной лазури и, нахлобучивъ на глаза фуражку, занесенную сухимъ и мелкимъ снѣгомъ, казалось любовался послѣднею ночью утекающаго года.... Площадь, идущая берегомъ Лиговки была пуста. Далеко, за гранью этой романтической рѣчки слышался скрипъ снѣгу подъ савями запоздавашаго ваньки, да тамъ, на пустынныхъ Пескахъ, протяжно перекликались вѣрные псы.... Молодой человѣкъ стоялъ въ какомъ-то грустномъ раздумьи. Онъ, то поглядывалъ на луну, то на ключья снѣга, крутившіяся у ногъ его, то пощипывалъ уши, или пряталъ носъ въ крошечный воротникъ шинели, черная шерсть котораго принадлежала одному изъ тѣхъ животныхъ, которыхъ такъ любятъ старушки.

— Я просто уничтожень.... Я просто обезумѣлъ, прошенталъ молодой человѣкъ голосомъ разрѣшившагося отчаянія. Морозъ пробралъ меня до костей до сердца.... а я стою.... и чего стою? Чего мнѣ ждать?... Все кончено!

Въ этотъ моментъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юноши скринула калитка и звонкій мелодическій голосъ дѣвушки окликнулъ его....

— Послушайте.... послушайте! нерѣшительно сказала дѣвушка!... Скажите: какъ васъ зовутъ?...

Молодой человѣкъ выпрямился.... Точно *она!* подумалъ онъ.... Меня-съ? спросилъ онъ, стараясь разглядѣть лицо незнакомки....

— Да!... Да.... васъ! торопливо отозвалась дѣвушка, дѣлая движеніе назадъ.

— Николаемъ-съ!... а.... постойте! постойте!... а васъ?

— Лизаветой! и съ громкимъ веселымъ смѣхомъ вострушка упорхнула за калитку.

— Лизавета! выразительно повторилъ юноша.... О, Лизавета!... О Лизавета Алексѣвна! продолжалъ онъ. Думалъ забыть о васъ и вотъ сама насмѣшница судьба въ видѣ этой прыгуни, снова напомнила мнѣ моемъ несчастіи!... истинное несчастіе!... говорилъ онъ медленно подвигаясь въ глубь и пустыню песочныхъ закаулковъ.... И какъ она нѣжно, мило, своею хорошенькою ручкою, подала мнѣ билетъ и говоритъ: будьте завтра, Николай Ивановичъ, въ маскарадѣ; вотъ, говоритъ, я вамъ дарю билетъ.... Смотрите же! примолвила.... и взглянула.... ух! какъ взглянула!... а я-то!... я-то великодушный дуракъ.... только, что не закричалъ во всю мочь: буду!... буду, Лизавета Алексѣвна.... Вѣдь

надо же было забыть, что этотъ несчастный фракъ у меня въ закладѣ.... Ну что я стану дѣлать безъ фрака!... Просто бы сказала: Не могу Лизавета Алексѣвна... Такъ вотъ повѣдѣлся на Василя Ануфриевича, а тотъ, какъ на зло, завтра на именинахъ.... ужасъ! терзаніе!... фракъ! фракъ мой! шепталъ юноша, подходя къ маленькому дому, зеленому, какъ свѣжій огурчикъ.

Квартира Николая Ивановича заключалась въ одной тѣсной и темной комнаткѣ, раздѣленной перегородкою отъ квартиры его хозяина, стараго холостяка Власа Петровича Бородавкина. Войдя въ свою истопленную комнату и пугнувъ порядкомъ своего не-кормленнаго полкапа, бросившагося было съ обычною ласкою навстрѣчу хозяина, юноша ошарилъ сначала все углы, потомъ все карманы и, бросивъ на полъ фуражку, съ тяжелымъ вздохомъ опустился на скрипучій диванъ.

— И табаку даже нѣтъ! сказалъ онъ голосомъ, похожимъ больше на плачь, чѣмъ на восклицаніе... хоть бы трубку... хотя бы сигарочку... продолжалъ онъ, тѣмъ же тономъ... я бы все еще повеселѣе встрѣтилъ новый годъ... такъ нѣтъ!...

Николай Ивановичъ легъ и укрылся шинелью. Забывая урчаніе голоднаго желудка, отсутствіе сигары и трубки, присутствіе холода и шелканье бревенъ, сжимаемыхъ морозомъ, юноша утонулъ въ мечтахъ и задремалъ.... Тысяча огней, ярче солнца, пылали теперь въ глазахъ его, тысяча заманчивыхъ масокъ съ ихъ мягкими бархатными глазками, и пушистыми какъ шкурка персика подбородочками мелькали навпопередъ нимъ и кивали своими русыми головками.... Здравствуй! говорили онѣ.... отчего задумчивъ?..

— Отстань маска! шепталъ Николай Ивановичъ.... «А! знаю.... насмѣшливо продолжала неотвязчивая.... знаю, о чемъ грустишь.... и отчего бѣжишь отъ меня... ты, Колюшка.... безъ фрака».... и Николай Ивановичъ дрожалъ, блѣднѣлъ и кусалъ въ кровь свои еще розовыя губы. Отстань! повторялъ онъ, умоляющимъ голосомъ.... пощади!... Она насъ услышитъ.... «Кто? Лиза-та! спрашивала злая маска.... Да она все знаетъ... все! Ей рассказалъ Власъ Петровичъ, у котораго твой хорошенькій фракъ спрятанъ въ сундукъ, далеко, глубоко.... Коля! Коля! шептала маска.... вѣдь Власъ Петровичъ на ней женится».... Отстаньте! Что я вамъ сдѣлалъ? вскричалъ Николай Ивановичъ.... И онъ, какъ безумный, поднялся съ дивана.... Нѣсколько мгновеній юноша не могъ прийти въ себя.... Яркій свѣтъ не исчезалъ еще изъ глазъ его и насмѣшливый шопотъ красавицы

все еще звучалъ въ ухахъ.... Николай Ивановичъ протеръ глаза, осмотрѣлся.... и дѣйствительно въ щель перегородки замѣтилъ свѣтъ, который тонкой полосой падалъ на его двери.... Какой дрянной сонъ! сказалъ Николай Ивановичъ, оставивъ лѣвый глазъ въ трещину перегородки.... Вотъ, и мучитель мой пришелъ! продолжалъ онъ....

Въ самомъ дѣлѣ, Власъ Петровичъ, былъ уже дома.

— Славно, лихо встрѣтили. И чинно такъ—съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.... говорилъ онъ, въ то время, какъ тощая и лысая фигура его покачивалась изъ стороны въ сторону. Замѣтно было, что Власъ Петровичъ подгулялъ....

А!... продолжалъ онъ.... Хорошо.... Шипучка была.... знай нашихъ!... А, ужъ Макарь Сысонъ, чтобъ его волки съѣли, молодецъ! Знатно рывкнулъ.... говорить: желаю счастья Авдотьи Стахеевнѣ и нарѣченному ей жениху Власу!... Власу! говорить. А... чтобъ его волки.... Власъ Петровичъ не окончилъ любимой фразы.... онъ икнулъ....

А!... Кто-то вспоминаетъ.... сказалъ онъ.... Ну и пусть.... Коли добрый человѣкъ, пусть вспоминаетъ добраго человѣка.

Вотъ-бы хорошо, подумалъ Николай Ивановичъ попросить его теперь, не отдастъ-ли фрака.... безофень этотъ скряга сговорчивъ и особенно добръ....

— Ну.... что же Власушка — волкъ тебя.... спать, что ли? продолжалъ старикъ разсуждая самъ съ собою и опускаясь на стулъ. А.... те! те! Штука! вскричалъ онъ, ударивъ себя табакеркой по лбу.... И забылъ было.... Каждый годъ собирался.... Наконецъ-то рѣшу, волкъ меня..., Баста!... Позову сегодня суженую-ряженую со мною поужинать волкъ ее. Да ужъ позову.... Не струшу!... И поросенкомъ ее, и гусемъ, и пирогомъ. Всѣмъ начину!

Власъ Петровичъ бодро поднялся со стула, накинулъ на плеча халатъ, а на столъ салфетку, поставилъ тутъ-же два прибора, бутылку вина, пирогъ, гуся и поросенка..., Словомъ все, какъ было обѣщано. При видѣ такого благополучія, сердце заняло въ груди юноши.... Онъ забылъ фракъ, Лизу и маскарадъ.... онъ видѣлъ только гуся, поросенка и пирогъ.... Какъ сытый голоднаго не разумѣетъ, такъ точно непонять муки и страданій, совершавшихся въ душѣ Николая Ивановича въ то время, какъ обладатель такого заманчиваго ужина Власъ Сидоричъ свободною, хозяйскою

рукою налил рюмку хересу, проглотил ее и припаялся за гуся, примолвивъ неизбежное: Волкъ те ѣшь....

— Правда... Только одинъ волкъ можетъ пожирать съ такимъ ожесточеніемъ! думалъ Николай Ивановичъ, не успѣвая слѣдить за мелькающею вилкою своего домохозяина....

— Ну!.. Теперь и суженую позвать время, сказалъ послѣдній... Суженая, ряженая, приходи ко мнѣ поужинать! продолжалъ онъ смѣло, громко и внятно....

— Иду! Иду!... отозвался Николай Ивановичъ, съ удивительнымъ искусствомъ поддѣлываясь подъ женскій голосъ.

Власъ Петровичъ поблѣднѣлъ.... и уронилъ изъ рукъ вилку.

— Что? прошепталъ онъ. Иду? Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ придетъ, подумалъ онъ и единственный клочъ волосъ его поднялся дыбомъ при этой страшной мысли. Нѣсколько мгновеній старикъ оставался недвижимъ на мѣстѣ, боязливо прислушиваясь къ малѣйшему шороху.... Наконецъ хмѣль и бодрость воротились къ нему. Мало-по-малу краска замѣнила блѣдность на лицѣ его, носъ вспыхнулъ румянцемъ, вѣки снова опустились и густыя брови снова нависли надъ сѣрыми и мутными глазами. Онъ улыбнулся.

— Померещилось, волкъ меня.... А? не боюсь! Вотъ не боюсь-таки! Приходи суженая, милости просимъ. Только вилки и ножи уберу, а тамъ приходи.... Храбрый Власъ Петровичъ замоталъ отяжелѣвшею головою, опустилъ ее на руки и чрезъ минуту захрапѣлъ.

Прекрасно! прошепталъ Николай Ивановичъ.... Будетъ у меня ужинъ, будетъ и фракъ.... Пойду къ старику.... Но, чтобы не попасть въ просакъ возьму свѣчку, продолжалъ онъ, какъ-будто бы пришелъ за огнемъ. Не мѣшаетъ на случай... Съ этими словами находчивый юноша отыскалъ свѣчку и отправился въ комнату Власа Петровича.

Старикъ храпѣлъ.

Осторожно подошелъ Николай Ивановичъ къ столу, свободно умѣстился на приготовленномъ для суженой стулѣ, задулъ свѣчку и припаялся за трапезу. Покамѣсть все шло, какъ нельзя лучше. Бутылка пустѣла, юноша хозяйничалъ, подсмѣиваясь въ душѣ надъ легковѣріемъ стараго ростовщика, гусь исчезалъ и уже очередь доходила до поросенка. Вдругъ — скрипнули двери позади Николая Ивановича.... Онъ вздрогнулъ и обомлѣлъ.... кто-то-

легкою, едва внятною походкою приближался къ столу.... Дыханіе замерло въ груди Николая Иванныча.... онъ ясно слышалъ шаги и шелестъ ихъ.... Его испуганнымъ очамъ представилась женщина, стройная, высокая.... онъ слышалъ, какъ она прошла мимо его.... остановилась у стола и загремѣла тарелками.... что это?... заключилъ растерявшійся юноша, съ ужасомъ прислушиваясь къ громкому хрустѣнію костей обѣденнаго гуся на зубахъ суженой....

— Кто тутъ? рѣшился проговорить молодой человѣкъ....

Отвѣта не было.... только звенѣли тарелки и хрустѣли кости.

— Кто тутъ? громче повторилъ Николай Иваннычъ.... отчаяніе придало ему смѣлости.... Но еще послѣдній вопросъ не замеръ на устахъ его, какъ суженая бросилась къ нему на грудь....

Николай Иваннычъ вскрикнулъ.... и поймалъ голову своего полкапа....

— Ахъ ты проказникъ! вскричалъ онъ, покотившись со смѣху.... хороша красавица!...

— Что? что такое? заворчалъ очнувшійся Власъ Петровичъ.

Юноша молчалъ, приготовляясь къ предназначенной себѣ роли.

— Кто тутъ? спросилъ старикъ голосомъ, выражавшимъ весь страхъ несчастнаго.

— Суженая твоя! протяжно сказалъ Николай Иваннычъ и звякнулъ вилокъ....

— Су....су.... Уфъ! только могъ прошептать пораженный Власъ Петровичъ.

— Ты звалъ меня, старикъ, продолжалъ юноша.... и я пришла.... ѣшь со мной.

Власъ Петровичъ не откликался.

— Ѣшь! сердито повторилъ проказникъ....

— Не могу!... не могу.... застоналъ Власъ Петровичъ..

Николай Иваннычъ застучалъ вилокъ.

— Буду!... буду! откликнулся несчастный.... Ѣмъ! все съѣмъ.... все!... и онъ хваталъ, что попадалось подъ руку, набивая ротъ, то пирогомъ, то хрѣномъ....

— Уйди!... Уйди! умоляющимъ шопотомъ говорилъ старикъ.... не я звалъ тебя.... уйди.... не сосѣдъ ли мой.... Вонъ тамъ.... за стѣной.... волкъ его.... иди туда....

— А! дрянной старичишка! хочешь бѣду сбросить на чужія плеча.... Вотъ я тебѣ....

— Пощади!... пощади... не буду! волкъ меня...

— Ты и и безъ того обидѣлъ этого бѣдняка...

— Нѣтъ, право нѣтъ!... Въ мирѣ и согласіи, волкъ насъ... живемъ...

— Хорошо миръ... У бѣдняка отнялъ фракъ за то, что онъ только одинъ мѣсяцъ не заплатилъ тебѣ процентовъ... А! сказалъ Николай Иванычъ, въ то время, какъ его полканъ, обнюхавъ масляныя руки Власа Петровича принялся лизать ихъ...

— Ухъ... батюшки! умираю... пощади... не цѣлуй моихъ рукъ... ну, тебя... Волкъ съ тобой! охъ... доѣхала!...

— Отдашь ли фракъ твоему жильцу?...

— Отдамъ... отдамъ! не цѣлуй только... Фу! тфу... еще въ губы... волкъ тебя... мохнатая морда... охъ... Николай Иванычъ!... проснись хоть ты!... спаси меня... фракъ возьми! пожалуста, возьми! кричалъ Власъ Петровичъ...

Не упуская счастливаго мгновенія — Николай Иванычъ бросился къ двери и возвращаясь тотчасъ же назадъ съ крикомъ: Что съ вами, отецъ мой, Власъ Петровичъ! принялся вытаскивать изъ подъ стола несчастнаго ростовщика...

— Фу!... Ухъ!... ушла...

— Что такое? что съ вами, Власъ Петровичъ?... вѣрно дурной сонъ видѣли...

— Да... сонъ... волкъ его... ну братъ... ну Николаша, проѣлъ было я свою головушку: спасибо выручилъ... чего, братъ... волкъ ее... такъ въ ротъ и лезетъ... всѣ губы ободрала лохматая каналья...

— Да кто же это?

— Суженая, братецъ, суженая!

— Какая?...

— Ну... звалъ поужинать... а она ѣсть не наѣла — волкъ ее ѣшь, а меня - то было... Фу!... зажигай свѣчку... Спасибо выручилъ... спасибо голубчикъ... завтра фракъ за это получишь назадъ...

— Возможно-ли, добрый Власъ Петровичъ...

— Получишь... получишь... Вѣкъ его не забуду... Ради Господа, Ниолушка, зажигай свѣчку, да ложись въ моей комнатѣ... Все расскажу... Ёль ли ты сегодня... волкъ тебя?

— Нѣтъ еще, Власъ Петровичъ!...

— Ну вотъ садись... кушай, что осталось... не все же слопала

моя суженая.... зажигай свѣчку.... все расскажу.... И фракъ хоть сейчас.... ну его къ волку!...

Власть Петровичъ сдержалъ свое слово, но вмѣстѣ съ тѣмъ закаялся гадать, свататься и даже жениться, помня страшную ночь на новый годъ.

В. ПУТУХАЙСКІЙ.

=

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

II.

РУССКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Заговорило ретивое, или урокъ бѣдовой дѣвушкѣ. Оригинальная комедія, въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. *П. И. Григорьева* 1-го.

Интересный вдовецъ или ночное свиданіе съ иллюминаціей. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Г.***

Провинциальный братецъ. Оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи. Фантазія. Оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *К и З.* Вечеръ артистовъ. Дивертисманъ.

(*Бенефицъ г. Максимова 1.*)

Слѣдя въ продолженіе пятнадцати лѣтъ постоянно за сценическимъ развитіемъ, творчествомъ и выполненіемъ г. Максимова, мы не могли не убѣдиться въ томъ, что природа надѣлила этого артиста истиннымъ талантомъ и самыми завидными средствами для сцены. Рутиня довершила сдѣланное природою: опытность, навыкъ къ сценѣ, увѣренность въ себѣ и въ публикѣ, изученіе эффектовъ дикціи и мимики, поставили г. Максимова на первое мѣсто между представителями *молодыхъ людей* (*jeune premier*) петербургской русской сцены. Для каждой мало-мальски выпуклой роли въ значительномъ произведеніи г. Максимовъ сдѣлался необходимымъ; ему только, изъ всѣхъ занимающихъ одинакое съ нимъ амплуа, можно съ довѣріемъ поручить выполненіе эффектно-задуманнаго и вліятельнаго характера. Но отдавая справедливость значенію г. Максимова на нашей сценѣ и ставя его выше соперниковъ мы дѣлаемъ это только условно: онъ *первый*

именно потому, что нѣтъ вторыхъ и третьихъ по той-же части.

При многихъ завидныхъ качествахъ, дарованныхъ этому артисту природою, онъ имѣетъ и множество недостатковъ, которые не разъ ставили лѣтопись нашу въ неприятную необходимость дѣлать ему невыгодныя замѣчанія. Но опять таки, въ похвалу г. Максимову, скажемъ, что всѣ его недостатки не принадлежатъ ему самому, не суть слѣдствіе несовершенства его природы, или результатъ ограниченности и неполноты его организаціи. Всѣ эти недостатки заимствованы имъ отъ другихъ и родились вслѣдствіе двухъ главныхъ несовершенствъ этого артиста: недостатка самосознанія и страсти къ подражательности. Съ самого вступленія на сценическое поприще г. Максимовъ всегда имѣлъ передъ глазами образцы и слѣпо имъ слѣдовалъ, не работывая собственныя душевныя силы, не отыскивая въ личной своей природѣ данныхъ для своего творчества. Сначала онъ подражалъ И. И. Сосницкому, потомъ Дюру и В. А. Каратыгину. Конечно, въ этомъ отношеніи невозможно было поступить умнѣе и добросовѣстнѣе, нельзя было на нашей сценѣ избрать подлинниковъ лучше: всѣ эти три корифея — люди съ огромнымъ, самобытнымъ дарованіемъ; но именно потому-то усвоить ихъ талантъ другой натурѣ, чуждой ихъ индивидуальной организаціи, вещь совершенно невозможная.

Подражаніе въ творческихъ искусствахъ допускается только въ томъ смыслѣ, когда подражатель слѣдуетъ взгляду, направленію, образу постиженія своего подлинника; но когда онъ хочетъ усвоить себѣ его манеры, привычки и вообще всѣ формы его внѣшняго проявленія, — подражатель становится простымъ копировщикомъ, робкимъ рабомъ своего идеала. Въ живописи, на примѣръ, можно слѣдовать извѣстной школѣ, основанной великимъ мастеромъ, слѣдовать ей въ правильности рисунка, въ пріятности колорита, въ гармоніи сочетаній цвѣтовъ, и въ тоже время быть творцемъ оригинальнымъ; но нельзя сдѣлаться великимъ художникомъ раболѣпно списывая картины Рафаэля, Рубенса, Тиціана и кого-бы то ни было. Копія никогда не уподобится подлиннику, потому что въ ней не будетъ основной мысли созданія, не будетъ личныхъ качествъ души, внутренней силы и вдохновенія, которыя руководили художника. Возьмите три сосуда различныхъ размѣровъ, переливайте влагу изъ средняго въ большой и малый и вы увидите, что въ первомъ случаѣ окажется — *недостатокъ*, во второмъ — *излишество*. Такъ и подражаніе: оно перенимаетъ или недостатки, или то, что перелито черезъ край. Въ подлинникѣ обыкновенно и то и другое бываетъ неизбежнымъ свойствомъ организаціи и потомъ

перестаетъ быть порокомъ, въ подражаніи — оно становится привитымъ, чуждымъ свойствомъ и потому ярче бросается въ глаза.

Покойный Дюръ имѣлъ небольшіе, выразительные глаза, которые не выносили сильнаго дѣйствія свѣта, и которые онъ, при испытующемъ взглядѣ на собесѣдника или при глубокой думѣ, невольно прищуривалъ. Голосъ его былъ чистъ, звонокъ, но имѣлъ иногда звукъ носовой (timbre nasale), котораго онъ, впрочемъ, тщательно избѣгалъ. Тонкія, мелкія черты его лица оживлялись постоянною улыбкою, въ которой таилось что-то саркастическое, насмѣшливое; это была улыбка Вольтеровская. Онъ мастерски умѣлъ извлекать выгоды изъ самыхъ невыгодъ своей личности и онъ становились въ немъ увлекательно приятными, какъ у ловкой кокетки каждое редимое пятнышко, каждый маленькій изъянчикъ дѣлается средствомъ для возвышенія ея красоты.

В. А. Каратыгинъ одаренъ отъ природы формами атлетическими и онъ умѣлъ на сценѣ довести ихъ до красоты античной; его пластика — живая живопись и скульптура. Жесты его бываютъ подчасъ широки, рѣзки: они не могутъ быть другими, при его формахъ и при исполняемыхъ имъ роляхъ героевъ. Голосъ его, безъ того сильный, въ энергическихъ сценахъ становится громовымъ, потрясающимъ: это свойство его организаціи и слѣдствіе глубокаго изученія собственной природы.

Все это кровное, родовое имущество этихъ двухъ артистовъ — оно въ наслѣдство не переходитъ и не благопріобрѣтается подражаніемъ. Иначе, слѣдовало бы перенять все ихъ физическія и нравственныя свойства, что также невозможно, какъ изъ пигмея сдѣлаться великаномъ, или изъ Гиганта — Томъ-Пусомъ.

Представьте же себѣ человѣка, который, не будучи надѣленъ природными недостатками Дюра и сценическими достоинствами В. А. Каратыгина, имѣя черты крупныя, глаза большіе, органъ правильный, ростъ на половину меньше В. А. и формы въ пять разъ укладистѣе его формъ, вздумалъ бы, на рекордъ своей природы, подражать ихъ внѣшнему проявленію: щурить глаза, говорить въ носъ и стягивать лицо въ насильственную улыбку — чтобъ походить на Дюра, или размахивать руками, придумывать позы и въ сильныхъ мѣстахъ кричать — чтобъ подражать Каратыгину! Что изъ этого вышло-бы? Ужъ вѣрно не подражаніе и даже не копія, а просто каррикатура на эти образцовые подлинники. Въ сценическомъ искусствѣ, гдѣ матеріалъ для творчества составляетъ самая личность артиста, не можетъ быть допущено даже рабское копированіе,

допускаемое въ живописи и ваяніи. Всякое fac-simile въ этомъ отношеніи уже непростительный и пагубный для актера недостатокъ.

Но по странности природы человѣческой вообще, и по наглядности сценической въ особенности, актеры-подражатели какъ-то въ переживаемыхъ ими свойствахъ другихъ, какъ нарочно привязываются къ дурнымъ привычкамъ, которыя потому именно и бросаются болѣе въ глаза, что не составляютъ въ подлинникахъ неотъемлемыхъ качествъ ихъ таланта. Такъ было и съ г. Максимовымъ. Вся погрѣшность этого актера состояла не въ недостаткѣ таланта, а въ его направленіи, въ подражательности, которая мѣшала самобытному его развитію и заставляла его усваивать привычки, рѣшительно несвойственныя его собственной личности и натурѣ. Отсюда произошла какая-то натянутость въ игрѣ, что пѣмцы очень правильно называютъ *Stelltheit*, вычурность въ дикціи, излишество въ движеніяхъ, по русски очень хорошо обрисовываемое словомъ *молодечество*. Какъ въ смѣшныя, такъ и въ патетическія минуты — онъ почти всегда впадалъ или въ фарсъ, или въ эксцентризъмъ, губившіе даже хорошо задуманныя имъ созданія. Еще недавно мы имѣли случай замѣтить ему эти два важные недостатка при разборѣ выполненія ролей *Глинскаго* и *Курбетова*, въ двухъ новыхъ комедіяхъ г. Григорьева.

Г. Максимовъ довольно умный актеръ, чтобы понять требованія каждой роли, довольно талантливый, чтобы выполнить эти требованія естественно и просто, но имъ, при изображеніи характера, руководитъ не столько желаніе передать его натурально, какъ страсть произвести непременно эффектъ, возбудить насильственные рукоплесканія. Къ этому устремлено все его усердіе и оно-то часто выбрасываетъ его изъ должной колеи природы и вкуса. Оттого онъ производитъ впечатлѣніе мѣстами, никогда цѣлымъ создаваемъ; оттого каждая роль выходитъ у него неопредѣлительнаго цвѣта, съ яркими бликами, но безъ тѣней и полутоновъ; оттого во всѣхъ роляхъ замѣчается въ немъ утомительное торжество и однообразіе. Все изученіе его устремлено на внѣшнее выраженіе, не на внутреннее созданіе, и потому почти каждый характеръ выливается у него въ извѣстную стереотипную форму, но безъ содержанія, которое проливалось бы на нее свой особенный свѣтъ.

Г. Максимовъ теперь въ лучшей порѣ своей жизни, когда зрѣлый умъ отбрасываетъ заблужденія молодости, онъ на томъ рубежѣ, гдѣ или дѣлаются великимъ художникомъ, или нисходятъ

въ разрядъ обыкновенныхъ актеровъ. Чтобъ сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ у него есть всѣ данныя и мы съ удовольствіемъ должны сказать, что въ послѣдніе два года замѣчали въ немъ рѣшительное стремленіе къ артистическому перерожденію. Мало по малу онъ начинаетъ забывать любимыя свои традиціи и отвыкать отъ заимствованныхъ привычекъ. Были роли, въ которыхъ онъ былъ неподобенъ, мы отмѣтили ихъ въ нашей лѣтописи. Вообще, въ игрѣ его замѣтно больше обдуманности и самобытности; дикція его правильна и натуральна, особливо, когда онъ не ищетъ усипенныхъ эффектовъ; въ движеніяхъ — больше свободы, въ фязіономіи — спокойствія, въ походкѣ — простоты. Остается обратить вниманіе на колоритъ характеровъ, которые онъ выполняетъ, придать имъ побольше разнообразія, психическихъ оттѣнковъ, и мы поздравимъ г. Максимова съ рѣшительною побѣдою въ искусствѣ и надъ самимъ собою. Въ душѣ его затаено много золота и мы желали бы, чтобъ извлеченное наружу, оно придало еще больше блеску его дарованію и оправдало любовь къ нему его поклонниковъ, нерѣдко слѣпую, но все таки болѣе или менѣе заслуженную. Къ величайшей чести этого артиста мы должны сказать, что онъ очень совѣтливъ и старателевъ въ своемъ дѣлѣ: — это лучшая порука за дальнѣйшіе его успѣхи.

Главною пьесою бенефиса г. Максимова въ нынѣшнемъ году была новая комедія въ стихахъ П. И. Григорьева 1-го: Заговорило ретивое или Урокъ бѣдовой дѣвушкѣ. Признаюсь, меня очень удивило, какъ автору пришло въ голову къ очень хорошей идѣи и умно созданной интригѣ приплести воспоминаніе о *Бѣдовой дѣвушкѣ*, самомъ пошломъ фарсѣ. На дѣлѣ оказалось, что эта бѣдовая дѣвушка одна бенефисная приманка; однакожъ она осталась не безъ нравственнаго вліянія и на самую пьесу, какъ мы увидимъ.

Сашинька Степанова вострушка, болтушка, попрыгушка, избалованная папинькой, который далъ полный просторъ ея легкомыслію и вѣтвенности. Привыкнувъ къ своеволю, она исполнилась мыслию о преимуществѣ своего ума передъ другими и вѣктораго рода самолюбивой чванливости. Она позволяетъ себѣ смѣяться надъ всѣми, всѣхъ дурачить и осуждать. У Сашиньки есть тетка, Ольга Марковна, сорокалѣтняя дѣвица, которая еще думаетъ выйти замужъ. Ее-то Сашинька сватаетъ за всѣхъ и всякаго, дѣлая себѣ изъ этого шутку. Между тѣмъ, въ Сашиньку влюбленъ молодой человѣкъ, Мецецкій, образованный, солидный, добрый, и отецъ ея далъ ему уже слово. Мецецкій перестроилъ по этому случаю свой деревенскій домъ и все приготовилъ для удобства и удовольствія будущей своей супруги. Но Сашинька на все это

смотритъ съ обычной своей вѣтренностію и легкомысліемъ. Это приводитъ въ отчаяніе жениха. Въмѣсто того, чтобы заняться собственной судьбою, она сватаетъ своей теткѣ, заѣзжаго къ нимъ степняка Курдюкова.

Свадьба Курдюкова то улаживается, то разстроивается, но Сашинька все приводитъ въ порядокъ. Когда же отецъ ей говорить, чтобы она была повнимательнѣе къ Мецецкому, она начинаетъ смѣяться надъ своимъ женихомъ, и представляетъ его въ лицахъ и въ каррикатурахъ. Мецецкій все слышалъ и видѣлъ изъ смѣшной комнаты. Онъ оскорбленъ до глубины души и стыдится, что могъ расточать свои чувства подобной куклѣ на пружинахъ. Онъ отказывается отъ женитьбы, хочетъ ѣхать и, передъ отѣздомъ, высказываетъ Сашинькѣ очень рѣзко свое мнѣніе о пустыхъ, надмѣнныхъ и легкомысленныхъ свѣтскихъ вертушкахъ. Сашинька, въ свою очередь, уязвлена въ самое чувствительное мѣсто своего самолюбія; униженіе, стыдъ, страхъ лишиться прекраснаго жениха, къ которому она въ эту минуту чувствуетъ только, что не равнодушна, заставляють ее очнуться. Она видитъ всю непріятную сторону своихъ недостатковъ, раскаявается и обѣщаетъ исправиться. Мецецкій, видя откровенность, съ которой она сознается въ своихъ слабостяхъ, мирится съ нею и празднуетъ свадьбу.

Сюжетъ, какъ видите, не сложный, не затѣйливый, по комедія интересуетъ отъ начала до конца. Все достоинство ея въ подробностяхъ и въ сценахъ, веденныхъ живо и забавно. Главныя положенія: сцена передразниванія Сашинькою Мецецкаго, его негодование и переходъ вѣтренницы къ чувству и разсудку, — задуманы и выполнены авторомъ очень хорошо. Характеръ степнаго агронома и скотовода, самый рельефный изъ всѣхъ, смѣшонъ, но немножко карикатуренъ. Женскіе характеры въ этой пьесѣ лучше обрисованы и вѣрнѣе выдержаны, чѣмъ въ другихъ пьесахъ г. Григорьева.

Пьеса обставлена и разыграна очень хорошо. Самъ авторъ въ роли Курдюкова прекрасенъ. Г-жа Сосницкая, въ роли тетки, какъ всегда, въ подобныхъ роляхъ, производитъ эффектъ, хотя выполненіе ею этой роли имѣетъ какое-то слишкомъ родственное сходство съ выполненіемъ ролей *Язвинной* въ комедіи «Случай изъ петербургскаго быта», и *Волновой* въ комедіи «Женихъ на парѣ». Г. Максимовъ простъ, натураленъ, приличенъ, а въ сценѣ упрековъ одушевленъ неподдѣльнымъ огнемъ. Вотъ какимъ мы любимъ этого артиста: здѣсь говоритъ душа и ничѣмъ не жертвуетъ невзыскательному вкусу необразованной массы.

Главный характеръ въ пьесѣ, *Сашиньки* или *Александрины*, который Мецецкій довольно вѣрно обрисовываетъ стихомъ:

Безумно вертится и скачетъ, какъ коза...

разумѣется, выполняла г-жа Самойлова 1; это настоящее ея амлуа. Только вотъ чего мы не умѣемъ себѣ разъяснить: авторъ-ли предписалъ ей говорить на разные голоса и всѣхъ передразнивать, даже въ самыхъ простыхъ монологахъ, или это мысль, навѣянная артисткѣ придаточнымъ заглавиемъ пьесы: «урокъ *бъдовой двѣушкѣ*»? Во всякомъ случаѣ, эта *бъдовая двѣушка* имѣла самое пагубное вліяніе на логическое выполненіе характера Александрины. Просто, не поймешь, что это такое: шутка—не шутка, фарсъ—не фарсъ, но и на дѣло не похоже. Мы объяснили характеръ Сашиньки какъ его поняли изъ очертанія и описанія, сдѣланнаго самимъ авторомъ въ пьесѣ: это характеръ естественный и возможный, но г-жа Самойлова 1-я приняла его уже слишкомъ со стороны сценической шутки: она передразниваетъ тутъ, кстати и некстати, не только всѣхъ актеровъ, играющихъ съ нею на сценѣ, но и артистку давно сошедшую съ помостовъ, всегда составлявшую славу нашего театра и оставившую прекрасную память о себѣ въ исторіи русскаго сценическаго искусства. Мы говоримъ объ Александрѣ Михайловнѣ Каратыгиной, объ одной изъ умѣйшихъ актрисъ, когда либо бывшихъ на русской сценѣ. Передразнить манеру дикціи великаго артиста, особливо, когда еще природа придала выговору его нѣкоторыя яркія особенности, какъ это было у г-жи Каратыгиной, — вовсе не хитрость и даже не искусство. Вотъ, еслибъ г-жа Самойлова 1-я могла усвоить себѣ талантъ, глубокую обдуманность и силу игры г-жи Каратыгиной — мы поздравили бы ее съ огромнымъ успѣхомъ и усовершенствованіемъ. Пока же намъ остается только замѣтить, что эти неумѣстныя передразниванія совершенно затемнили смыслъ характера представляемаго лица и главную идею автора. Какъ бы простъ ни былъ Курдюковъ, однако вѣрно повялъ бы, что надъ нимъ смѣются, еслибъ дѣйствительная Александрина вздумала такъ, какъ г-жа Самойлова 1-я, вдругъ заговорить съ нимъ грубымъ и протяжнымъ басомъ. А надо замѣтить, что чѣмъ простѣе и необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ скорѣе обижается, не только насмѣшкою, но даже простою шуткою. Чтобы убѣдить Курдюкова жениться на тетушкѣ, Сашинька поддѣлывается подъ его тонъ. Но поддѣлаться подъ тонъ человѣка значитъ принять его образъ взгляда на вещи и его образъ мыслей, а вовсе не передразнить его голосъ и манеру разговора. Первое можетъ

убѣдить, второе только раздражить человѣка. Главная сцена пьесы, гдѣ Александрина, послѣ упрековъ Мезецкаго, поражена стыдомъ, раскаяніемъ, горестію и отчаяніемъ, такъ же выражена г-жею Самойловой 1, довольно слабо и не производитъ того эффекта, какого можно бы ожидать отъ подобнаго перехода отъ комизма къ патетизму. Здѣсь уже ощущается въ артисткѣ недостатокъ чувства, такъ какъ прежде ощущался избытокъ *бойкости*, несвойственной ни возрасту, ни образованности молодой дѣвушки. Вообще, намъ кажется, что весь характеръ этотъ ложно понять и потому исчезаетъ передъ другими лицами, тогда-какъ долженъ бы господствовать въ пьесѣ, нарочно для него задуманной. Что очень мило въ фарсѣ-водевилѣ, не имѣющемъ претензій на здравый смыслъ, то становится очень неприятнымъ въ комедіи, гдѣ все должно быть естественно, разумно и прилично.

Комедія г. Григорьева имѣла успѣхъ. Авторъ былъ вызванъ.

Если вы хотите знать, что такое «Провинціальный братецъ», я вамъ расскажу. О! это человѣкъ бѣдовый, въ полномъ смыслѣ слова, хотя никого не передразниваетъ. Это чистый, самобытный оригиналъ. Двумъ братьямъ Грушевскимъ, Александру Сергѣевичу и Петру Сергѣевичу, судьба даровала одного родителя, но двухъ различныхъ маменекъ. Каждый изъ нихъ наследовалъ свойства своей родительницы. Александръ Сергѣичъ воспитывался въ столицѣ, онъ кротокъ, добръ, образованъ, любитъ искусства, пишетъ альбомные стихи, рисуетъ портреты, занимается музыкой и службой, и посвящаетъ все свои вздохи и напѣвы Сонюшкѣ Хозаровой, дѣвушкѣ свѣтской, вполне умѣющей оцѣнить маленькіе салонные таланты. Петръ Сергѣичъ, напротивъ, выросъ въ глуши, въ деревнѣ, безъ особеннаго призора и безъ всякихъ хитростей науки.

При такомъ образѣ воспитанія, Петръ Сергѣичъ вышелъ совершеннымъ степнымъ медвѣдемъ, безукоризненнымъ сыномъ природы, вовсе не посвященнымъ въ тонкости новѣйшей цивилизаціи.

Александръ Грушевскій затѣялъ, какъ порядочный, свѣтскій человѣкъ, повѣщать свои труды по части поэзіи, музыки, живописи, вздоховъ и напѣвовъ, законнымъ бракосочетаніемъ съ Сонюшкой Хозаровой. Для этого онъ, какъ водится, заказалъ себѣ новое платье Альвангу, у Анничкова моста, и новую мебель Гамсу, въ Михайловской улицѣ. Какъ порядочный-же, свѣтскій человѣкъ, онъ долгомъ счелъ извѣстить своего деревенскаго брата о грядущей перемѣнѣ своей жизни. Вотъ, разъ, въ одинъ прекрасный день, когда среди зимы, на улицахъ стояли дождевыя

лужи, и изливались обильныя массы самой благорастворенной измороси, и когда Александръ, въ изящномъ своемъ кабинетѣ, передъ каминномъ, подбиралъ послѣднія ризы въ альбомъ Солюшки и оканчивалъ ея портретъ, поправляя въ тоже время корректуру романса, ей посвященнаго, онъ вдругъ получилъ раздушенную записку отъ будущей своей тещи. Г-жа Хозарова извѣщала его, съ приличными граматическими ошибками, что такъ-какъ они сегодня согласились ѣхать въ маскарадъ въ Благородное Собраніе съ Ландышевыми, и такъ-какъ домъ Ландышевыхъ рѣшительно противъ квартиры Александра Сергѣича, и такъ-какъ онъ давно желали взглянуть на его житье-бытье, то онъ съ дочкой и пріѣдутъ къ нему вечеромъ, откушать чаю. Александръ сдѣлалъ антрша и чуть не пробилъ потолока головою при этомъ извѣстїи. Онъ сейчасъ позвалъ Афімью кухарку, велѣлъ ей всемъ распорядиться, а самъ поскакалъ въ милотины лавки за приличнымъ угощеніемъ. Пока онъ тамъ раздумывалъ, что деликатнѣе подать, кievское варенье или ералашь, братецъ его, Петръ Сергѣичъ, нагрянулъ къ нему на квартиру, какъ снѣгъ на голову. Получивъ приличное извѣщеніе столичнаго брата, провинціальный братецъ счелъ неприличнымъ не явиться лично на свадьбу своего однокровнаго. Вотъ онъ, вооружась овчиннымъ тулупомъ, крытымъ нанкою, мѣховою шапкою допотопной моды, валежками и шерстяными рукавицами, уложивъ погребецъ и часть телятницы съ окорокомъ въ тарантасъ, — пустился въ Сѣверную Пальмиру — на долгихъ. При первомъ шагѣ въ домъ брата, онъ встрѣченъ испуганною кухаркою; но онъ не смущается и тотчасъ-же требуетъ настойки, поотогрѣть душу. Настойки у приличнаго человѣка не оказывается. Петръ Сергѣичъ сильно раздражается противъ брата, который штофы и бутылки, вещь паниполезнѣйшую, замѣнилъ въ шкафахъ разными вздорами, книгами и заморскими выдумками. «Даже настойки, какого-вибудь тамъ травнику простаго, нѣтъ!» Между-тѣмъ, онъ, не конфузясь первой неудачею, распоряжается, какъ у себя дома; кидаетъ мѣховую шапку и рукавицы на письменный столъ чопорнаго дѣльца-поэта, тулупъ на кресла, разжигаетъ каминъ первыми попавшимися на глаза бумагами и журналами, разсматриваетъ портретъ своей будущей невѣстки и, такъ, шутки ради, выводитъ ей богатырскіе усы, а наконецъ, въ своихъ валежкахъ ложится на новый штофный диванъ Гамса, и преспокойно засыпаетъ. Можете себѣ представить ужасъ и удивленіе петербургскаго льва, когда онъ въ своей роскошной квартирѣ находитъ растрепаннаго степнаго медвѣдя! Послѣ первыхъ привѣтствій и

объясненій, Александръ старается выпроводить куда нибудь своего оригинальнаго братца. Но какъ бы не такъ, тотъ требуетъ сперва обѣда, а потомъ хочетъ всхрапнуть, и непременно на заморской механикѣ, какъ онъ называетъ Гамсовъ диванъ. Женихъ нашъ на раскаленныхъ угольяхъ: каждую минуту можетъ явиться чопорная теща съ уточенной певѣстой и вдругъ увидеть такой скандалъ! Это просто ужасъ и неприличіе! По счастью, Петръ Сергѣичъ, накушавшись вплотную, и выкушавъ заморскаго зелья, именуемаго на мѣстномъ нарѣчій *хересами*, топчетъ въ пѣгѣ и мягкихъ пружинахъ Гамсова кресла. Въмѣстѣ съ кресломъ, Александръ велитъ его вынести въ другую комнату. Въ эту самую минуту пріѣзжаютъ жданныя гости. Союшка спрашиваетъ, готовъ-ли ея романсъ. Александръ хочетъ ей торжественно поднести ноты и находитъ только обгорѣлый клочекъ ихъ въ каминѣ. Уточенная певѣста очень обягается такимъ знакомъ небреженія. Александръ, желая поправить первую проказу провинціальнаго братца, говоритъ, что онъ написалъ стихи въ ея роскошномъ альбомѣ. Но увы! братецъ бросилъ мокрую шапку на альбомъ и всѣ стихи и рисунки его превратились въ обойные разводы. Софья въ отчаяніи. Наконецъ, несчастный женихъ хочетъ возвратитъ ея благосклонность хоть прелестнымъ портретомъ, срисованнымъ на память.... о ужасъ! обворожительная, эфирная Софья представлена тамбуръ-мажоромъ. Этой обиды не могутъ вынести ни мамея, ни дочка: это личность, которая задѣла ихъ за живое. Слѣдуетъ страшная ссора и рѣшительный разрывъ. Чай, сухари, ералашъ — все забыто: дамы ѣдутъ. Но въ дверяхъ останавливаетъ ихъ степной братецъ. Онъ все подслушалъ, объясняетъ дѣло, беретъ вину на себя, и, благодаря своей провинціальной наивности, приводитъ опять все въ надлежащій порядокъ.

Пьеса безъ вычуръ, безъ фарсовъ, но очень забавна. Господинъ Мартыновъ былъ очень типиченъ въ роли провинціала; госпожа Жулева очень мила въ роли *Софьи Хозарѣвой*; господинъ Самойловъ очень приличенъ въ роли *Александра Грушевскаго*.

Интересный вдовецъ или Ночное свиданіе съ иллюминаціей — назвать *оригинальнымъ* водевилемъ, и дѣйствительно онъ оригиналенъ по великимъ своимъ несообразностямъ и неестественностямъ. Интересный этотъ вдовецъ вовсе неинтересенъ, а ночное свиданіе съ иллюминаціей цѣлкомъ взято изъ «Липецкихъ водъ» князя Шаховскаго. Содержанія въ пьесѣ нѣтъ почти никакого: Нѣкто Вильсовскій, интересный вдовецъ, нанялъ къ малолѣтнему сыну гувернантку Надежду Александровну и переѣхалъ на дачу

не то къ Крестовскому перевозу, не то въ Чухопскую деревню, или въ какую-то другую лѣтнюю трущобу низшаго разряда. Пока гувернантка учить его сына азбукѣ, онъ самъ толкуетъ ей о любви. Положеніе бѣдной дѣвушки становится очень непріятнымъ, тѣмъ болѣе, что Вильсовскій объясненія свои дѣлаетъ явно, открыто, среди улицы, предъ лицомъ всѣхъ жителей балагановъ, называемыхъ тамъ дачами, къ великому соблазну всего женскаго населенія. Но Вильсовскому этаго мало: объясняя пламенную страсть гувернанткѣ, онъ въ тоже время волочитъ за шесть сосѣдками. Приѣзжаетъ сестра Вильсовскаго, какая-то княгиня Свейская, и онъ объявляетъ ей, что хочетъ жениться на своей гувернанткѣ. Къ вечеру созываетъ онъ гостей на сговоръ и въ тоже время приглашаетъ своихъ сосѣдокъ на свиданіе. Онѣ сходятся въ потьмахъ, всѣ садятся на одну скамейку, которая подъ ними подламывается въ ту самую минуту, когда около балагана Вильсовскаго зажигаютъ плашки и онъ самъ съ гостями выходитъ объявить, что гувернантка его невѣста. О! глубина остроумія! Такого эффекта не придумалъ-бы никакой Скрибъ на свѣтѣ! И для этого написанъ цѣлый водевиль. Но онъ написанъ и еще кое-для чего: въ предлинномъ куплетѣ Вильсовскій рассказываетъ разныя сплетни Колтовской и Чухонской деревни; авторъ видимо рассчитывалъ на этотъ эффектъ — но, увы! обманулся. И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло публикѣ выслушивать описаніе всѣхъ этихъ барышень-сочинительницъ, наѣздницъ съ папирсами, американскихъ женъ и прочихъ пныхъ вздоровъ, на которыя г. Кажинскій потратилъ столько вдохновенія въ видѣ полекъ, вальсовъ и галоповъ, а г. Максимовъ столько груди и усердія? Эти закоулочныя тайны и въ свѣтѣ неинтересны, тѣмъ болѣе на сценѣ, гдѣ зритель требуетъ ума, натуры, остроумія, вкуса, а не сплетень, или, какъ ихъ называетъ *Θ. В. Булгаринъ*, — *аристотанизмовъ*. И что это за любовь представлена въ «Интересномъ вдовцѣ»?

Низкія натуры не въ состояніи понимать нравственною стороны высокаго чувства любви. Можетъ ли Вильсовскій истинно, благородно любить, когда въ тоже время унижаетъ свою любовь интригами и волокитетвомъ? И что это за домашній бытъ, который весь разыгрывается среди проѣзжей улицы? Скромность и домоѣдство отличительныя черты русскаго человѣка, даже въ низшихъ слояхъ общества, а высшіе классы еще болѣе соблюдаютъ приличія. Невольно воскликнешь вмѣстѣ съ Лермантовымъ смотря на такія несообразности гг. водевильныхъ поставщиковъ:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышать?

Впрочемъ, «Интересный вдовецъ» поситъ родственное клеймо со всѣми сценическими издѣліями, появляющимися подъ фирмою Г*** и К. — въ немъ тоже отсутствіе здраваго смысла и остроумія, таже неестественность, какъ и въ «Бѣдовой дѣвушкѣ», въ «Цыганкѣ», «Старицѣ и двое молодыхъ», «Школа натуральная» и въ остальной дюжинѣ. Все это обличаетъ въ авторѣ менѣе отсутствіе таланта, чѣмъ недостатокъ вкуса и образованія.

Водевиль шелъ кругло на сценѣ: всѣ выполнили роли свои отчетливо, потому болѣе, что роли эти состояли изъ нѣсколькихъ словъ, и отчета себѣ давать было не въ чемъ. Въ такомъ произведеніи нечего искать характеровъ или положеній, которыя требовали бы психическаго изученія. Жаль было только видѣть г-жу Самойлову 2, въ ничтожной роли гувернантки, изъ которой никакая Марсъ или Гагенъ ничего бы не сдѣлали, хотя бы онѣ употребили десять лѣтъ на изученіе смысла этого гіероглифа.

Давно ведется поговорка, что у *каждаго барона своя фантазія*. Но вѣроятно со времени существованія театра, никому еще въ голову не приходило *фантазіи*, подобной той, какую гг. У и Z сочинили для русской сцены. Представьте себѣ старуху, которая больше всего любитъ гадкую моську, и меньше всего свою воспитанницу Лизаньку. Вдругъ къ этой воспитанницѣ сватаются шесть жениховъ разомъ: Оемпестовль Мильтіадовичъ Разорвака, грекъ, *отчасти лукавый и въроломный*, какъ сказано въ афишѣ, Каслянъ Родіоновичъ Батогъ-Батыевъ, татаринъ, торгующій мыломъ, Адамъ Карлычъ Либенталь, нѣмецъ, — не безъ рѣзвости, (какъ гласитъ афиша,) Мартынъ Мартыновичъ Кутило Заволдайскій — человекъ приличный (по афишкѣ), Георгій Александровичъ Безпардонный — по афишкѣ же — человекъ застѣнчивый, и Фирсъ Евгеньичъ Миловидовъ, человекъ прямой — тоже по афишкѣ, и грубіянь — на дѣлѣ. Весь этотъ разнохарактерный дивертисманъ ухаживаетъ за Лизанькою, чтобы получить ея руку по одинъ только нѣмецъ Либенталь догадался, что для этого вѣрнѣе ухаживать за моською старухи. Въ минуту, когда старуха принимается за рациональный анализъ лестныхъ предложеній разнокалиберныхъ искателей, у нея пропадаетъ ея моська *Фантазія*. Рука воспитанницы назначена тому изъ жениховъ, кто отыщетъ *Фантазію*. Дѣйствіе происходитъ въ лѣсу. Громъ, молнія, дождь

и завываніе вѣтра. Оркестръ играетъ бурю изъ «Севильскаго Цирюльника». По сценѣ бѣгаютъ разныя собаки. Женхн рѣшаются каждый изловить какую-нибудь собаку и, окорнавъ ее такъ, чтобъ она походила на моську, представить на милостивое усмотрѣніе старухи. Всѣ они являются къ ней, кто съ подстриженнымъ пуделемъ, кто съ обритою шавкою, кто съ безхвостымъ стриксомъ, Миловидовъ даже съ картонной моськой, купленной въ игрушечной лавкѣ. Одинъ только нѣмецъ приноситъ настоящую фантазію и получаетъ руку Лизаньки. Однако соперники составляютъ противъ него интригу, но чѣмъ ихъ замыселъ долженъ развязаться, мы сказать не можемъ, потому что публика, потерявъ великое терпѣніе, не дала актерамъ окончить эту комедію и ошибала ее, прежде опущенія занавѣса. Г. Мартыновъ, оставшійся одинъ на сценѣ, попросилъ изъ кресель афишку, чтобы узнать, какъ онъ говорилъ: «Кому въ голову могла придти фантазія, сочинить такую глупую пьесу»? Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканіями. Послѣ такого рѣшительнаго приговора публики, намъ остается только занести въ нашу лѣтопись одинъ фактъ, что оригинальная фантазія удостоилась на нашей сценѣ такого паденія, съ которымъ можетъ только сравниться паденіе комедіи «Ремонтёры», данной двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и составившей эпоху въ преданіяхъ Александринскаго театра.

Писательница. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Г-жи М. Корсини.

Комедія эта представляетъ фактъ довольно замѣчательный: писательница, которая сама сочинила семнадцать книжекъ «Очерковъ современной жизни», — осмѣиваетъ въ женщинахъ страсть къ сочиненію. Но мысль эта перестаетъ быть странною, когда видишь, что г-жа Корсини выбрала въ героини комедіи женщину пустую и глупую, которая принимается за писательство не по призванію, а просто изъ одного тщеславія, чтобы объ ней говорили, чтобъ ее играли на сценѣ, вызывали за ея издѣліе. Начитавшись пустыхъ журнальныхъ фразъ, она воображаетъ, что приноситъ великую пользу и добро человѣчеству и потомству своимъ письменнымъ рукодѣліемъ, а между тѣмъ въ семейной жизни забываетъ долгъ супруги, матери, хозяйки. Мужъ ея болѣнъ, она имъ не занимается; дѣти забыты и оставлены на попеченіе какой-то прачки-

выдающей себя за гувернантку, обжоры, воровки, жевщины глубоко невѣжественной.

Эта героиня-писательница сооружаетъ комедію для Александринскаго театра, и сама напередъ всѣмъ кричитъ о своемъ талантѣ, умѣ, презрѣніи къ журнальнымъ партіямъ, объ ожидающемъ ее успѣхѣ, вызовѣ, торжествѣ. Однако-жъ для большаго обезпеченія своего успѣха, она заводитъ знакомство съ какими то quasi литераторами и журналистами, которыхъ зоветъ отобѣдать и прослушать свою комедію. Недовольные угощеніемъ, эти герои и комедію находятъ очень плохую. Одинъ изъ нихъ, мосье Балдуесъ, однакожъ, желая вознаградить себя за тощій желудокъ, начинаетъ строить куры сочинительницѣ, объясняя ей, и довольно основательно, что чернила не на то придуманы, чтобы пачкать пальчики хорошенькой женщины, что сфера ея: чувство, любовь, а не фразерство и производство макадатурной бумаги, что для сочиненія недостаточно одного желанія славы, а нужны умъ, званія, талантъ, и что такой душечкъ, какъ Глафира Платоновна, всего приличнѣе слѣдуетъ правилу Лабрѣя :

Voulez-vous ressembler aux muses —
Inspirez, mais n'écrivez pas!

то-есть «Если хотите походить на музъ, вдохновляйте, но сами не пишите!»

Эти сладкія рѣчи подслушала гувернантка, которая сама не равнодушно посматривала на Балдуеса и передала ихъ мужу Глафиры Платоновны. Мужъ, хотя человекъ слабый и всегда привыкшій дѣйствовать изъ подъ башмака своей разумницы супруги, въ эту минуту однакожъ сознаетъ свое семейное достоинство, и въ то время, какъ жена его поѣхала смотрѣть представленіе своей комедіи, онъ самъ разыгрываетъ съ нею шутку-водевиль: отпускаетъ кухарку и лишнихъ людей, выгоняетъ гувернантку, отвозитъ дѣтей къ своей матери, и устрояется дома — на холостую ногу. Жена возвращается почти въ пустую квартиру, послѣ торжественнаго паденія своей пьесы, ошканная публикою и осмѣянная Балдуесомъ, который увѣрялъ ее напередъ, что комедія ея не повторится больше ни разу. Она хотѣла-бы излить свое горе въ грудь мужа, поцѣловать дѣтей, никого вѣтъ. Одинъ Балдуесъ дерзко преслѣдуетъ ее своими вѣжностями. Тутъ пробуждается въ ней раскаяніе, сознаніе вины, какъ матери семейства, и она торжественно возвращается отъ пера къ иголкѣ, отъ идеаловъ — къ прозѣ жизни, отъ поэтическихъ бредней — къ домашнимъ обязанностямъ и кухоннымъ горшкамъ.

Мы очень рады за Глафиру Платоновну и желали бы, чтобъ примѣръ ея нашель послѣдовательницъ и между другими поэтисами, пускающимися, безъ призванія, въ романы и драмы. Къ несчастію, если онѣ не видѣли перваго представленія комедіи госпожи Корсини, имъ едва-ли удастся воспользоваться назидательнымъ урокомъ: пьеса упала, при громкихъ изъявленіяхъ неодобренія, точь въ точь, какъ и комедія Глафиры Платоновны.

Между тѣмъ, надо сказать, что комедія эта задумана очень не дурно, но выполнена не довольно ловко. Есть въ ней характеры выдержанные и очень жизненные. Таковъ, напримѣръ, характеръ мужа писательницы (*г-нъ Мартыновъ*), человекъ, большого страхомъ холеры, у котораго отъ каждаго душевнаго движенія начинается урчавіе или боль подъ ложечкой. Характеръ гувернантки, Шарлоты Фрицовны* (*г-жа Сандунова*) набросанъ прекрасно: эти претензіи на деликатное воспитаніе, на знаменитое родство, на молодость и свѣтскость, при дѣйствительной бѣдности, ничтожности и невѣжествѣ, очень забавны и ловко выражены. Кухарка Аграфена (*г-жа Громова*) прямо списана съ натуры. Сама же писательница — болѣе идея, одѣтая въ женское платье, чѣмъ дѣйствительное существо; это просто резонерка, а не женщина въ настоящемъ ея значеніи. Недостатокъ природы въ этомъ главномъ лицѣ, на которомъ сосредоточивается весь интересъ зрителя, и потомъ нелѣпыя, неправдоподобныя фигуры литераторовъ Балдуса, Павіанова, Чапыжкина, совершенно губятъ пьесу. Есть мѣста въ роли Глафиры Платоновны, гдѣ авторша пьесы слишкомъ явно сама выдвигается изъ за дѣйствующаго лица, съ душевной своей мыслію. Иногда, мѣста, говоримыя ею безъ всякой провіи возбуждаютъ къ примѣненіямъ, не совсемъ выгоднымъ, Напримѣръ:

«Что во мнѣ есть талантъ, въ этомъ, кажется, сомнѣваться нельзя. Я могу написать въ часъ четыре страницы съ половиной, вовсе не ломая головы. Мнѣ стоитъ только приняться, и перотакъ и бѣжить.... Притомъ, я пишу самымъ приличнымъ и благороднымъ слогомъ. Мои сочиненія должны произвести важный переворотъ въ нашей литературѣ. До-сихъ-поръ нельзя было читать русскіхъ книгъ: всё онѣ наполнены Богъ знаетъ чѣмъ. Пора показать, что значитъ деликатная и пріятная литература, литература хорошаго тона. Воображаю, сколько у меня появится

* Отчества *Фрицова* существовать не можетъ. *Фрицъ* есть уменьшительное отъ *Фридрихъ*, тоже что *Ванижка* отъ *Ивана*, а по уменьшительнымъ именамъ отчества не даются.

враговъ, какъ будутъ стараться вредить мнѣ. Но истинное достоинство всегда торжествуетъ и я непременно достигну громкой славы. Какъ сильно бьется мое сердце, когда я вижу любопытные взоры, обращенные на меня, и слышу невольное восклицаніе: Вотъ наша знаменитая писательница!»

Съ другой стороны, слабости Глафиры Платоновны нѣсколько оправдываются тѣмъ, что авторъ окружилъ ее неприятнымъ обществомъ: глупымъ мужемъ, который только и бредитъ своимъ урчаніемъ, дѣтьми, избалованными и шаловливыми, людьми корыстными и не преданными. При благородномъ семействѣ, стремленіе ея развлекаться посторонними занятіями, отторженіе отъ обязанностей матери и супруги, для пустыхъ вымысловъ, было бы чувствительнѣе и не находило бы никакого извиненія въ глазахъ зрителей. Притомъ, въ пьесѣ ощущаются недостатокъ движеній, многорѣчіе, излишества, которыя вредятъ впечатлѣнію. Главное вниманіе, видимо, потрачено на отдѣлку подробностей, а не на округленіе и колоритъ главной мысли.

Впрочемъ, мы не дерзаемъ слишкомъ вдаваться въ обсужденіе комедіи г-жи Корсини, во первыхъ, потому что это первый ея сценическій опытъ, во вторыхъ, потому, что наканунѣ представленія «Писательницы» при афишахъ разнесено объявленіе отъ г-жи Корсини, въ которомъ, между прочимъ, она говоритъ слѣдующее:

«Постоянное вниманіе публики заставляетъ меня объявлять ей о' выходѣ моихъ новыхъ сочиненій и напоминать о цѣли, къ которой стремятся мои литературные труды, чтобы читатели знали, чего могутъ ожидать отъ нихъ. Если бы я участвовала въ какомъ-нибудь журналѣ, или въ одной изъ газетъ, то имѣла бы тамъ и голосъ; но не смотря на желаніе мое войти въ общую дѣятельность нашихъ почтенныхъ литераторовъ, я остаюсь всегда отдѣльной личностью, съ самостоятельнымъ взглядомъ на предметы, не подчиняющимся на литературномъ поприщѣ постороннему вліянію. Поэтому и должна я прямо обращаться къ публикѣ.

«Занимаюсь я литературой не случайно, для проведенія времени, или въ надеждѣ на славу и выгоды; главное мое желаніе: польза и добро. Безъ этого всякій трудъ ничтоженъ, или, еще хуже, вреденъ для другихъ. Чтобы дѣйствовать согласно съ этимъ стремленіемъ, я изучаю людей на разныхъ поприщахъ. Правильный взглядъ на людей помогаетъ моему мышленію видѣть ихъ ясно и вѣрно и притомъ опредѣлять, что именно составляетъ

непремѣнную основу счастія каждаго человѣка: и богатаго, и немущаго, и съ ограниченными понятіями и съ обширнымъ умомъ.

«Когда я постигла общій источникъ добра и зла въ человѣчествѣ, не касаясь исключеній и частныхъ, то увидѣла ясно, къ чему должна устремить свою дѣятельность, и стараюсь воспроизводить свои картины отчетливо и вѣрно. Говорю вѣрно, потому что одно и то же можетъ быть представлено въ разныхъ оттѣнкахъ. Жизнь людей — это дѣйствительная, движущаяся передъ нами, картина; она можетъ являться намъ въ истинныхъ, или ложныхъ краскахъ, судя потому, какъ мы освѣтимъ ее своимъ умомъ и воображеніемъ.»

«Прекрасная способность своими описаніями производить впечатлѣніе на умъ и сердце другаго должна сплѣстись на помощь ближнему.»

«Вотъ идеи, отъ которыхъ я не отклоняюсь въ своихъ сочиненіяхъ. Изъ слѣдующаго краткаго отчета читатель увидитъ, что я иду прямо по пути, мной проложенному; иду одна съ своими твердыми убѣжденіями, имѣя въ виду единственную цѣль, принести хоть малую пользу моимъ соотечественникамъ и нашей литературѣ.»

«Здѣсь кстати считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о комедіи: «Женщина-писательница».»

«Комедія эта написана для чтенія, а не для сцены; помѣстивъ ее въ «ОЧЕРКАХЪ», я не рѣшилась представить ее на судъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ. Я знаю, что не всякое литературное произведеніе, хотя бы оно имѣло и разговорную форму, можетъ быть разыграно; точно такъ же не всякая пьеса, эффектная на сценѣ, читается пріятно. Для сочиненія литературнаго нужна полнота и округленность, чтобы всѣ его части гармонировали между собой. Тутъ допускаются подробности и тончайшіе оттѣнки мысли и чувства. Въ сценической же пьесѣ характеры и дѣйствіе должны быть обрисованы чертами сильными; тамъ каждое слово, сказанное выразительно, имѣетъ вѣсъ и значеніе. Кромѣ того необходимы: движеніе, живость разговора и одушевленіе, которое пьесой сообщается артистамъ, а отъ нихъ переходитъ и на публику.»

«Не надѣясь соединить въ своей комедіи столько условій, я полагала, что она не можетъ быть разыграна. Но дирекція Императорскихъ Театровъ обратила на нее ласковое вниманіе и приняла ее для сцены. Меня почтили объясненіемъ, что, не смотря на несовершенство моей комедіи, въ ней однакоже замѣтили свѣ-

душие судьи проблескъ въ некоторыхъ достоинствъ, заслуживающихъ поощренія. «*Писательница*», приспособленная къ сценѣ, будетъ представлена на дняхъ превосходными нашими артистами, которые съ обязательной снисходительностью истинныхъ талантовъ приняли на себя трудъ разыграть сочиненіе автора, еще неизвѣстнаго въ сценической литературѣ.

«Г-въ режиссёръ, оказывающій много участія этой пьесѣ, сообщилъ мнѣ имена назначенныхъ для нея артистовъ.

«Не смотря на замѣчательныя дарованія гг. артистовъ, я не смѣю ожидать большаго успѣха этой комедіи, но почтитаю себя счастливой, что могу выразить передъ публикой свою глубокую благодарность Дирекціи Императорскихъ Театровъ за ея одобреніе моего перваго опыта. Отъ души желала бы я произвести на этомъ поприщѣ что-нибудь замѣчательное и тѣмъ оправдать вниманіе лицъ, меня поощрившихъ.»

Авторъ, который говоритъ о себѣ публично такъ положительно, отнимаетъ орудіе у критики и самъ становится судьей своего произведенія передъ публикою. Намъ удивляетъ только одно: какъ г-жа Корсини, (если вѣрить искренности ея признаній, разосланныхъ при афишахъ), сознавая всѣ недостатки своей комедіи и не рассчитывая на ея успѣхъ, рѣшилась отдать ее на сцену и подвергнуть себя явному осужденію зрителей? Это героизмъ, къ которому, признаемся, мы неспособны и котораго *благого направленія и пользы соотечественникамъ*, въ простотѣ души своей, вовсе не понимаемъ.

Просимъ Апполона и Талію, чтобы желаніе души г-жи Корсини — *«произвести на этомъ поприщѣ что-нибудь замѣчательное, и тѣмъ оправдать вниманіе лицъ, ее поощрившихъ»* — какъ можно поскорѣе исполнилось!

О. К.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

=

Ф Р А Н Ц І Я .

(Письмо изъ Парижа отъ 1¹⁸ января.)

Большая Опера, поставивъ *«Блуднаго сына»* г.г. Скриба и Обера, который, мимоходомъ сказать, имѣлъ огромный успѣхъ, кажется, не хочетъ остановиться на этомъ успѣхѣ. Она общается еще на эту зиму, кромѣ новаго балета для госпожи Черито, оперу Розенгайна, которая, впрочемъ, ожидается уже довольно давно; еще большую оперу неутомимаго Обера для госпожи Альбони, и оперу молодого композитора Гунó для Рожé и госпожи Виардо. Поговариваютъ также о возобновленіи *«Карла Смѣлаго»* для дебюта Маральти, молодого тенора, имѣвшаго огромный успѣхъ прошлымъ лѣтомъ въ Лондонѣ, въ *«Жидовкѣ»*.

Либретто новой оперы, представленной на театрѣ Комической оперы, подъ названіемъ *«Таинственной пѣвицы»*, принадлежитъ также неистощимому перу Скриба, въ сотрудничествѣ съ Лёвеномъ. Музыка г. Виктора Масé, молодого композитора, въ первый разъ выступающаго на драматическое поприще. Сюжетъ заимствованъ изъ жизни испанскаго живописца Веласкеса; впрочемъ, за историческую петгину анекдота мы не ручаемся. Авторы избрали для своей пьесы молодость Веласкеса, время, когда онъ еще былъ мало извѣстенъ, и какъ большая часть молодыхъ и малоизвѣстныхъ художниковъ, часто находился въ крайней нуждѣ. Борьба съ бѣдностью и неудачами наводятъ на него уныніе и хандру; онъ мраченъ и раздражителенъ. Однакоже какой-то добрый гений тайно хранитъ его и благодѣтельствуетъ ему: каждый разъ, какъ его другъ, альгуазиль Пердиканъ, по обязанности службы, долженъ

вести его въ тюрьму, по требованію кредиторовъ, какая-то певѣдомая рука выручаетъ его изъ бѣды и уплачиваетъ его долги. Мало того: въ собственной своей мастерской, куда никогда не проникаетъ нога посторонняго, онъ за частую находитъ даже кошельки золота. Молодой артистъ не вѣрнѣе въ колдовство; но какъ онъ ни ломаетъ себѣ голову, онъ никакъ не можетъ придумать, откуда бы всѣ эти благодѣянія; и онъ приписываетъ эту помощь Марквизъ Вильреаль, и объявляетъ ее чувствомъ, котораго онъ не можетъ раздѣлять. Это еще не единственное горе Веласкеса: у него есть хорошенькая служанка Паламита, къ которой онъ питаетъ страстную любовь, хотя едва смѣетъ въ томъ сознаться себѣ самому. да его мрачность и раздражительность; онъ вымещаетъ свою досаду на всѣхъ, кто только имѣетъ съ нимъ дѣло, и особенно на Паламитѣ и на другѣ своемъ, Пердиканѣ, который также вздумалъ влюбиться въ служанку и безпрестанно подѣзжаетъ къ ней и предлагаетъ ей свою руку и сердце. Но Паламита отвергаетъ и то и другое, потому что она тайнѣе любитъ своего господина. Положеніе этихъ трехъ лицъ было бы совершенно безвыходно, безъ посторонняго обстоятельства, которое съ перваго разу представляется не имѣющимъ съ ними ничего общаго. Весь городъ всполошенъ появленіемъ какой-то таинственной пѣвицы, Хитаны Лазарильи, которая по вечерамъ поетъ на площади и приводитъ въ восторгъ всѣхъ слушателей, такъ, что на ея тарелку сыплются не только мараведи, но и золотые крузяды. Только она никогда не является иначе, какъ подъ плотною вуалью, и никто не видалъ ее въ лицо. Нѣсколько молодыхъ людей рѣшились во что бы ни стало видѣть ея лицо, и даже познакомиться съ нимъ весь городъ. Для этого они придумали слѣдующую хитрость: когда она, по окончаніи пѣнія, станетъ обходить присутствующихъ съ тарелкою, нѣсколько челоуѣкъ должны похитить ее и вести къ Веласкесу, котораго Пердиканъ заранѣе уговоритъ снять съ нея портретъ. Въ тотъ же вечеръ они приступаютъ къ исполненію своего плана; но Хитана, вырвавшись изъ рукъ похитителей, бѣжитъ къ Веласкесу, который прячетъ ее въ комнатѣ Паламиты. Между тѣмъ народъ сбѣгается на выручку своей любимицы, и полагая, что Веласкесъ въ заговорѣ, грозитъ строго наказать его, если онъ не возвратитъ ее. Тутъ въ сосѣдней комнатѣ раздается голосъ Лазарильи, дверь отворяется, Хитана выходитъ съ Мандолицою. Всѣ умолкаютъ, уговариваютъ ее пѣть, и сыплютъ деньги въ ея тарелку. Одинъ Веласкесъ не можетъ положить ни гроша, и Лазарилья предлагаетъ ему заплатить ей портретомъ. Живописецъ беретъ кисти и палитру, Хитана всходитъ на мѣсто, пригото-

ленное для нея, вуаль спадаетъ.... о удивленіе! это сама Паламита. Тутъ объясняется, чья тайная рука выручала живописца изъ пужды, и Веласкесъ, тронутый любовью и преданностію своей служанки, предлагаетъ ей свою руку и сердце.

Въ музыкѣ молодаго композитора видны признаки несомнѣннаго таланта, свѣжесть, естественность и пѣвучесть мелодіи, тщательная и умная обработка оркестра и знаніе условій драматической музыки. Благодаря этимъ достоинствамъ и прекрасному исполненію, опера имѣла самый лѣстный успѣхъ и поставила господина Масе въ число молодыхъ композиторовъ, подающихъ самыя блистательныя надежды.

Г. Лумлей, директоръ Итальянской оперы, продолжаетъ знакомить публику съ новыми артистами, которыхъ онъ ангажировалъ. Въ послѣднемъ письмѣ мы уже говорили о дебютахъ госпожъ Зонтагъ и Фіорентини и тенора Кальцолари. Съ тѣхъ поръ дирекція подарила насъ еще двумя операми Донизетти, въ которыхъ мы познакомились съ знаменитымъ теноромъ Ивановымъ, съ г-жею Идою-Бертранъ и съ баритономъ Колини. Ивановъ уже былъ въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ назадъ и съ честью занималъ амплуа перваго тенора, рядомъ съ незабвеннымъ Рубини. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ увидѣли мы его опять, въ роли Джейваро въ *«Лукреціи Борджіи»*. Онъ вполне оправдалъ самыя восторженныя ожиданія, возбужденныя его именемъ. Его дивный голосъ, его превосходная итальянская метода, умѣніе передать всѣ мельчайшіе оттѣнки исполняемой музыки, его неподражаемое сморцато, и прекрасный, драматическій талантъ, съ перваго его появленія поставили его въ главѣ труппы, рядомъ съ г-жею Зонтагъ и Лаблашемъ. Роль Орсини служила дебютомъ г-жѣ Идѣ Бертранъ, которая исполнила свое дѣло мастерски, и заслужила неоднократныя рукоплесканія своею аріею въ первомъ дѣйствіи, и знаменитымъ Brindisi.... О, это Brindisi! не въ добрый часъ написалъ его Донизетти! съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ, намъ столько разъ приходилось его слышать, и на театрѣ, гдѣ оно почти каждый разъ повторяется, и въ концертахъ, и въ гостиныхъ, что мы содрогаемся при одномъ видѣ его на афишкѣ, даже если его должна исполнять сама Альбони!

Роль Лукреціи утвердила насъ въ хорошемъ мнѣніи о драматическомъ талантѣ г-жи Фіорентини; эта молодая артистка дѣлаетъ быстрые успѣхи въ своемъ искусствѣ, которыми и она и публика преимущественно обязаны ея даровитой наставницѣ, г-жѣ Унгеръ-Сабатье, которой имя пользуется такою громкою и за-

служенною славою, не смотря на краткость ея драматическаго поприща.

Въ «*Линдъ*» увидѣли мы опять г-жу Зонтагъ, которая можетъ назвать ее одною изъ своихъ лучшихъ ролей, и познакомились съ Колинн, столько лѣтъ восхищавшимъ Петербургъ, Лондонъ и Вѣну. Роль отца дала ему случай выказать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ свой замѣчательный драматическій талантъ; сцена проклятiя была исполнена имъ и г-жею Зонтагъ въ совершенствѣ. Г-жа Ида Бертранъ, въ роли Шеротто, также не мало содѣйствовала успѣху всей пьесы.

Черезъ мѣсяць сбѣщаютъ намъ дебютъ дѣвицы Каролины Дюпре, дочери знаменитаго тенора, въ «*Лучио-де Ламермуръ*» или въ «*Любовномъ напитокѣ*».

Среди блеска и успѣховъ, которые Лумлей, этотъ счастливѣйшій изъ театралныхъ директоровъ, умѣлъ перенести на сцену Парижской Итальянской Оперы, скопляется надъ нею тучка, которая смотритъ довольно грозно. Въ одномъ изъ прошедшихъ пьесъ, рассказывая, какимъ образомъ управленiе Итальянской оперы перешло изъ рукъ Ронкови въ руки Лумлея, мы говорили что однимъ изъ главныхъ поводовъ къ отрѣшенiю перваго былъ процессъ, начатый противъ него банкирскимъ домомъ Леруа-де-Шаброль и К, требовавшимъ объявленiя его несостоятельнымъ; и что Ронкони грозился войти въ Государственный Совѣтъ съ жалобою на рѣшенiе министра внутреннихъ дѣлъ. Процессъ съ домомъ Леруа-де-Шаброль кончился въ пользу Ронкони; судъ объявилъ искъ неосновательнымъ, и самую денежную претензiю истцовъ невѣрною; вмѣсто полутораста тысячъ франковъ, которыхъ они требовали, Ронкони долженъ имъ только восемьдесятъ съ чѣмъ-то, отъ которыхъ онъ никогда не отрекался, и которыя уплата разсрочена ему на два года. Стало быть, съ этой стороны у него руки развязаны. Исполнитъ-ли онъ свою угрозу, и какой будетъ его результатъ — въ настоящее время неизвѣстно; вѣроятнѣе всего, что Лумлей покончитъ съ нимъ полюбовною сдѣлкою.

На Французскомъ театрѣ весь итогъ новостей заключается въ новой античной комедiи въ стихахъ, г. Эмиля Ожье, «*Флейтищикъ*».

Содержанiе ея очень просто.

Но не смотря на крайнюю простоту интриги, и на неизмѣримое пространство, отдѣляющее представленную имъ эпоху отъ нашихъ понятiй и нравовъ, комедiя господина Ожье имѣла огромный успѣхъ, которымъ она преимущественно обязана силѣ и вѣрности, съ какою очерчены въ ней характеры, строгой логикѣ въ по-

строеніи и ходѣ пьесы и чрезвычайной свѣтѣ и благозвучности стиховъ.

На театрѣ Одеона самое замѣчательное явленіе, — возобновленіе довольно старой уже, но прекрасной драмы Мишеля Массона и Сентина : «*Мужъ фаворитки.*» Она имѣетъ здѣсь такой же успѣхъ, какой имѣла прежде на театрѣ Сень-Мартенскихъ воротъ.

Кромѣ того, на этомъ театрѣ явилась очень хорошенъкая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Камиля Дусе «*Домашніе враги.*» Мысль ея очень не новая. Почти все комикки, начиная съ Теренція, представляли намъ типы въ родѣ мосье Нерваля : людей мнительныхъ и подозрительныхъ, которые создаютъ себѣ небывалые печали и страхи, и частенько, желая оградиться отъ опасности несуществующей, бросаются сами въ опасность дѣйствительную, по которой онъ, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣваютъ. Мосье Нерваль женился на дѣвушкѣ, которая, какъ ему извѣстно, любила прежде другаго : но мать ея, боясь непостоянства молодого моряка, отправившагося въ Остидію, предпочла ему мосье Нерваля, человѣка почтенныхъ лѣтъ, опытнаго, солиднаго и, главное, не требующаго приданого. Мадамъ Нерваль имѣла неосторожность сохранить пѣжные стихи своего перваго жениха; эти стихи попадаютъ въ руки мосье Нерваля, и онъ ни съ того, ни съ другаго, приписываетъ ихъ своему пріятелю Оскару де-Сень-Реми, который ухаживаетъ за его женою только затѣмъ, чтобы получить руку ея сестры. Между тѣмъ, изъ Остидіи приѣзжаетъ другой его пріятель, морской офицеръ Морисъ, въ которомъ мадамъ Нерваль узнаетъ того, кому она измѣнила по волѣ своей матери. Мосье Нерваль, по старой пріязни, поручаетъ Морису избавить его отъ двухъ лицъ, которыя онъ считаетъ заклятыми врагами своего домашняго спокойствія : отъ Сень-Реми, который бредитъ одною рыбною ловлею, и отъ тещи, которая заботится только о томъ, какъ-бы изгладить изъ сердца дочери память прежней любви. Морисъ исполняетъ возложенное на него порученіе, какъ нельзя лучше. Онъ довольно честенъ, чтобы понять, что онъ самъ первый врагъ въ домѣ, и хочетъ удалиться; но къ счастью всехъ членовъ семейства, сестра мадамъ Нерваль, столь-же равнодушная къ преслѣдованіямъ Оскара, какъ чувствительная къ горести Мориса, выходитъ за него замужъ, открываетъ глаза своему зятю и съ помощью матери доказываетъ ему, что единственный врагъ его въ домѣ — онъ самъ, съ своимъ мнительнымъ и подозрительнымъ характеромъ. Пьеса полна движенія, ведена ловко и умно, написана пре-

красными стихами, и имѣла успѣхъ, который напомнилъ успѣхъ «Франсуа-покидыша.»

На театрѣ Драматической Гимназій двѣ прелестныя актрисы, г жи Вольфъ и Амедина Лютеръ состязаются въ игривости, остроуміи и красотѣ, въ комедіи водевилъ г. г. Клервиля и Кордье «Искушенія Антуанеты.» Не смотря на то, что авторы не разорились на умъ для состряпанія этой жалкой комедіи, и что они растянули ее на пять предъидущихъ дѣйствій, она однако-же имѣетъ большой успѣхъ, благодаря напвной, живой и умной игрѣ госпожъ Вольфъ и Лютеръ, которыя вынесли ее на своихъ плечахъ. Иначе, она, вѣроятно, подверглась-бы одинакой участи съ «Безпокойной ночью», водевилемъ господъ Рошфора и Лангле, который едва дотащился до конца и который переходитъ всѣ границы пошлости, дозволенныя на театрѣ, и долженъ-бы принадлежать къ репертуару какого нибудь святочного балагана, а не Драматической Гимназій.

Новости на театрахъ Разнообразія, Водевиля и Монтансье почти такъ же неудачны, какъ и въ Драматической Гимназій.

«Фехтовальный учитель» водевилъ въ одномъ дѣйствіи, на театрѣ Разнообразія, принадлежитъ перу очень умнаго фельетониста, но довольно плохого водевилиста, г. Гино. Вотъ его содержаніе. Леопольдъ, смотря въ досужіе часы изъ окна своего пятого этажа, замѣтилъ въ окнѣ прямо напротивъ своей квартиры хорошенькое женское личико, которое ему чрезвычайно приглянулось. Отъ такого сосѣдства одинъ только шагъ до знакомства, а отъ знакомства до любви. И вотъ мы встрѣчаемъ Леопольда въ скромной комнаткѣ Луизы, которая колеблется между удовольствіемъ видѣть своего возлюбленнаго и страхомъ, чтобы не разсердился на нихъ дядя, фехтовальный учитель. Этотъ дядя такой строгій, такой суровый, и особенно такъ недовѣрчивъ къ молодымъ людямъ, которые влюбляются въ дѣвушку въ окно! Однако-же дядя на этотъ разъ оказывается гораздо добрѣе и снисходительнѣе обыкновеннаго, потому-что узнаетъ въ Леопольдѣ сына своего стараго друга и благодѣтеля. Этимъ даже не ограничивается его расположеніе къ сыну своего друга. Узнавъ, что Леопольдъ, вслѣдствіе какой-то глупой ссоры, долженъ драться съ однимъ отчаяннымъ забіякою и рубакою, онъ придумываетъ средство выручить своего новаго друга изъ опасности. Для этого онъ учить его фехтовать, и набивъ ему немного руку, созываетъ всѣхъ своихъ учениковъ, въ томъ числѣ отличнѣйшаго изъ всѣхъ, Дюбура; дерется въ ихъ присутствіи съ Леопольдомъ, даетъ себя обезоружить, корчитъ ужасную досаду, и такимъ образомъ даетъ Лео-

польду славу первого рубаки въ мірѣ. Дюбуръ, какъ большая часть забіякъ и рубакъ, не слишкомъ храбраго десятка; видя искусство своего противника, онъ отказывается отъ дуэли, и проситъ у него извиненія. Въ заключеніе водевиля, разумѣется, Лепольдъ женится на Луизѣ.

«Помпонета и Помпадуръ» водевиль въ одномъ дѣйствіи господъ Моле-Жантильома и Констана Геру, еще скуднѣе содержаніемъ. Все дѣло въ томъ, что мадамъ де-Помпадуръ уѣхала тайно въ Парижъ, тогда, какъ она приглашена съ балкона своего присутствовать при какомъ-то великолѣпномъ торжествѣ, дающемся въ честь ея; и вѣрная камеристка, чтобы не измѣнить тайнѣ своей госпожи, рядитъ въ ея платье ея крестницу Помпонетту и сажаетъ ее на балконъ вмѣсто маркизы. Два молодца едва не разстроиваютъ все дѣло: это тщеславный солдатъ Морисъ и глупый баронъ де Вьебуа. Первый — женихъ Помпонетты; видя особенное благоволеніе, съ которымъ смотритъ на него мнимая маркиза, воображаетъ, что онъ имѣетъ какой важный чинъ, чуть не маршалъ Франціи, и такъ поднимаетъ носъ, что его принуждены арестовать въ то время, какъ сама маркиза возвращается въ свой замокъ. Баронъ такъ далеко не заходитъ; онъ только читаетъ мнимой маркизѣ похвальные стихи, отъ которыхъ бѣдной Помпонеттѣ такъ зѣвается, что нѣтъ мочи. Но съ прѣздомъ маркизы все приходитъ въ порядокъ: Помпонетта освобождается отъ дослушиванія баронскихъ стиховъ, а женихъ ея, по ходатайству маркизы, выпускается изъ подъ ареста, научившись впредь не поднимать слишкомъ высоко носа, и не заглядываться на балконы. Эта хрупкая канва переплетена довольно забавными путаницами и остротами; впрочемъ, вся пьеса, очевидно, написана для того, чтобы дать случай хорошенькой госпожѣ Делормъ явиться въ двухъ костюмахъ, маркизою прошлаго вѣка и крестьянкою; она равно мила и въ томъ, и въ другомъ.

Гораздо занимательнѣе двухъ предыдущихъ водевилей въ одномъ дѣйствіи господина Бержерё «*Мины и контрмины*». У одного стараго генерала есть двѣ молоденькія племянницы, одна вдова, другая еще дѣвушка, которыхъ онъ, какъ ихъ опекунъ, очень желалъ бы выдать замужъ и пристроить. Но племянницы такъ взыскательны, онѣ уже столько забраковали жениховъ, что дядя почти теряетъ надежду сбыть ихъ съ рукъ, и въ отчаяніи рѣшается поступить съ ними по военному: объявляетъ, что онѣ должны или выходить замужъ, или ѣхать въ глушь, въ деревню. Новый рѣшительный отказъ со стороны племянницъ. Что тутъ дѣлать? Генераль вспомнилъ, что подъ крѣпости подводятъ

мины; тоже средство онъ рѣшается употребить противъ упрямыхъ племянницъ. Капитанъ любитъ Лауру; генералъ поручаетъ ему прикинуться влюбленнымъ въ Леонію; адвокатъ влюбленъ въ Леонію, и по приказанію генерала будетъ ухаживать за Лаурою. Такимъ образомъ, думаетъ генералъ, заранѣе потирая себѣ руки отъ радости, заговоритъ ревность, и онѣ станутъ сговорчивѣе. Но если генералъ хорошо знаетъ осадную науку, то племянницы не хуже его знаютъ науку обороны и отраженія. Онѣ тотчасъ смекнули тактику дяди, и сговорились провести жениховъ, принимая ихъ томные вздохи и любовныя рѣчи за личную монету. Видя, что хитрость не имѣетъ желаннаго результата, вздыхатели обвиняютъ другъ друга въ неумѣиіи, ссорятся, и дѣло доходитъ до дуэли. Это уже переходитъ за предѣлы плана сестеръ; не видя другаго средства водворить миръ, онѣ сознаются въ своей хитрости, и принимаютъ предложенія влюбленныхъ. Этотъ живой и веселый водевилъ имѣетъ нѣкоторыя притязанія на музыку; господинъ Наржѳъ написалъ для него небольшой квинтетъ, который очень недуренъ, но исполняется, — какъ могутъ водевильные актеры исполнить квинтетъ! Пьеса крѣпко напоминаетъ двѣ, три — очень старинныя комедіи.

Театръ Монтансье, по примѣру Водевила, также воспользовался газетнымъ шумомъ о пазиланинческо-симпатическихъ, то есть *улиточныхъ телеграфахъ*, и господа Лёвенъ, Брюнсвикъ и Артюрь де Боплавъ скроили для него предлинный и пренезлбный водевилъ — обзоріе въ трехъ дѣйствіяхъ, подѣ названіемъ «*Земля улитокъ*». Это наборъ нелѣпницъ безъ всякой связи, и даже очень не смѣшныхъ. Только во второмъ дѣйствіи встрѣчается нѣсколько остроумныхъ, мѣткихъ выходокъ на нѣкоторыя современныя явленія, общественныя и театральныя; наиримѣръ на «*Блуднаго сына*», котораго ждали такъ долго, что борода у него посѣдѣла во время репетицій; на индейскаго пабоба, который приходитъ въ такой восторгъ отъ оперныхъ танцовщицъ, что бросаетъ имъ свои брилліантовыя застѣжки, ожерелье, свое шитое золотомъ платье, и готовъ бы взять въ охапку все свое имущество, еслибъ оно было подѣ рукою, и бросить его къ ногамъ прекрасныхъ баетныхъ богинь, а прочая, и прочая.

Другая пьеса, данная на этомъ театрѣ «*Господинъ бѣгающій за женщинами*», комедія въ одномъ дѣйствіи, господъ Барьера и Декурселя, нѣсколько замысловатѣе, хотя въ ней немного найдется новаго. Гекторъ Дюшменъ, подобно многимъ молодымъ лю-

дямъ, имѣеть страсть вступать въ разговоръ съ каждою женщиною, которую встрѣчаетъ на улицѣ; едва онъ завидитъ шляпку и шаль или мантилью, ноги его противъ воли плетутся въ ту сторону; причеъ онъ считаетъ обязанностью наскзать съ три короба любезностей, предложить свои услуги. Такъ встрѣчаете вы его въ Тюильрийскомъ саду, и слышите поочередно его бесѣды съ мамзель Жоржиною, о томъ, какъ за нею ухаживаетъ нѣкій отставной полковникъ Геренъ, и о томъ, какъ мосе де Серви стрѣляется на везаряженныхъ пистолетахъ; съ мамзель Флориною о томъ, какъ мосе Легро дѣлаеть ей глазки. Между дѣломъ и бездѣлемъ онъ рассказываетъ вамъ, что сердце его горитъ пламенною любовью къ какой-то сиротѣ, мамзель Матильдѣ, что онъ сватался на ней, но грозный опекунъ ея отвѣчалъ, что онъ выдереть ему уши, если онъ придетъ еще разъ съ такимъ предложеніемъ. Но вотъ бесѣды и откровенія мосе Гектора прерываются появленіемъ одного прехорошенькаго жепскаго личика. Онъ тотчасъ туда и не отстаетъ отъ незнакомки, какъ она ни удаляется отъ него, и какъ ни проситъ его оставить ее въ покоѣ. Видя, наконецъ, что онъ не отвяжется, незнакомка рѣшается терпѣливо выслушать его любезности, соглашается даже пройтись съ нимъ по саду и приглашаетъ его къ себѣ отобѣдать.

— Моя карета ждетъ у воротъ, мы сейчасъ поѣдемъ, говоритъ она. Карета! свой домъ! такихъ важныхъ дамъ Гектору еще никогда не случалось встрѣчать, да и глаза ея сверкаютъ такъ страшно, такъ лукаво! Мосе Гекторъ чувствуетъ что нибудь не доброе; но дѣлать нечего; отступить уже поздно, и онъ ѣдетъ. Да, не даромъ сердце мосе Гектора чуяло недоброе! лукавая незнакомка сыграетъ съ нимъ славную шутку, отплатитъ ему сторницею за весь свой полъ, который онъ столько времени преслѣдовалъ своими дерзкими любезностями! Во первыхъ, мадамъ Дермонъ объявляетъ ему, что она только за тѣмъ пригласила его обѣдать, что у нея званый обѣдъ, и какъ-то пришлось, что будетъ тринадцать человѣкъ за столомъ. Потомъ каждому приходящему гостю она представляетъ его язвительными словами: «Честь имѣю представить вамъ господина, котораго я не знаю, и который пристаеть къ дамамъ на улицѣ съ разговорами!» Мосе Гекторъ желалъ бы провалиться сквозь землю; но нечего дѣлать: надо сидѣть и слушать всѣ насмѣшки, всѣ колкости, надо испить чашу до дна. Еще хуже, когда являет-

ся племянница мадамъ Дермонъ, мамзель Матильда. Узнавъ продѣлки своего возлюбленнаго, она не хочетъ слышать о его любви. Однакоже истинная любовь не злопамятна. Мосье Гекторъ такъ трогательно молить о прощеніи, такъ торжественно обѣщаетъ бросить свою глупую страсть, что мамзель Матильда смягчается и прощаетъ его. Остается только уломать ея родню, которая не такъ сговорчива. Но счастье благопріятствуетъ мосье Гектору не по заслугамъ. Въ роднѣ мамзель Матильды, онъ узнаетъ тѣ самыя лица, о которыхъ онъ узналъ столько курьозныхъ вещей отъ мамзель Жоржины; слѣдовательно, онъ ихъ всѣхъ держитъ въ рукахъ; ему стоитъ только сказать слово, чтобы выудить его согласіе. Одной мадамъ Дермонъ не чѣмъ пострашать; но она такъ добра, что не можетъ противиться просьбамъ племянницы, и также прощаетъ виновнаго.

Театръ Водевилья далъ также пренелѣпую, но вовсе не забавную путаницу, подъ названіемъ «*Двери и шкафы*», гг. Варена и Лериса.... Но отсутствующихъ не должно поминать лихою, а Водевиль въ настоящее время закрыть; оставимъ же въ покоѣ его послѣдній неудачный фарсъ, и пожалѣемъ только о закрытіи театра, который не разъ доставлялъ намъ много удовольствія, и заставлялъ насъ хохотать отъ души. Да и нельзя не пожалѣть о немъ, потому что подъ управленіемъ своего послѣдняго директора, умнаго и талантливаго артиста Поль-Эрнеста, онъ началъ было быстро подниматься и припоминать свою давнишнюю славу, если же онъ теперь закрыть, то платится за грѣхи старыхъ директоровъ, которые накопили на немъ бездну долговъ, поглощающую все его выручки. Долго-ли онъ будетъ закрыть, и какое слѣдствіе будетъ имѣть жалоба, поданная Поль-Эрнестомъ на судебное рѣшеніе, присуждающее его къ уплатѣ старыхъ долговъ, не входившихъ въ условія, на которыхъ онъ принялъ управленіе театра, еще неизвѣстно. А между-тѣмъ уже поговариваютъ о нѣсколькихъ претендентахъ на званіе директора.

Театръ Веселости чуть не рушится каждый вечеръ отъ восторга, который Фредерикъ-Леметръ и госпожа Кларисса Мируа возбуждаютъ въ новой драмѣ гг. Деннери и Марка-Фурнье: «*Пальцо*». Драма, сама по себѣ, не лучше, не хуже чѣмъ большая часть драмъ, появляющихся на бульварныхъ театрахъ, но Фредерикъ-Леметръ создаетъ изъ своей роли нѣчто такое прекрасное, подъ этимъ шутовскимъ, грязнымъ нарядомъ кочующаго по деревнямъ фигляра, столько высокихъ человѣческихъ чувствъ,

что вы невольно забываете изысканность и пошлость обстановки, миритесь съ условнымъ міромъ, въ которомъ вращаются бульварныя драмы, прощаете всё грѣхи пьесы противъ искусства, ради высоко поэтического типа, который создаетъ передъ вами великій артистъ. Дѣйствіе происходитъ въ самый разгаръ реставраціи, когда эмигранты толпами возвращаются въ отечество и рассылаютъ старинныхъ балы въ свои помѣстья. Такую сцену возвращенія старыхъ владѣльцевъ со всѣми принадлежностями стараго порядка вещей видите въ Курземонѣ. Жители искоса смотрятъ на престарѣлую Атеансу де Вермандуа, длинную и сухую, спѣсивую и безчувственную, и на ея племянника, тупоумнаго Геркулеса де-Монбазонѣ. Но вдругъ раздаются барабаны и литавры, и длинныя лица толпы проясняются, всё взоры блестятъ удовольствіемъ... Эти звуки возвѣщаютъ прибытіе кумира всего околотка, пальцаца Бельфегора; и вотъ онъ въѣзжаетъ на колесницѣ, съ своею доброю женою Магдалиною, съ сыншкомъ Жакине, который уже обѣщаетъ продлить славу своего великаго родителя, и съ малюткою дочерью Жанеттою. Вглядитесь въ эту почтенную семью, замѣтите сколько доброты, сколько вѣжности во всѣхъ ея членахъ, какъ они дышать другъ другомъ, и вы не удивитесь почтенію и любви, которыми она пользуется. Но во всякой порядочной драмѣ долженъ быть злодѣй; есть онъ и здѣсь: это нѣкто Лавареннъ, прозывающій себя кавалеромъ де-Ролакомъ, на томъ основаніи, что когда-то онъ убилъ настоящаго кавалера де-Ролака и завладѣлъ его бумагами. Лаваренну извѣстно, что пріятель де-Ролака герцогъ де-Монбазонъ, отправляясь въ эмиграцію, оставилъ во Франціи малютку дочь, на попеченіе одного стараго рыбака; извѣстно ему также, что рыбакъ, не зная знатнаго происхожденія своей питомицы, выдалъ ее замужъ за нѣкоего Гильома Бельфегора, базарнаго фигляра. Онъ тотчасъ смекаетъ, что гордому герцогу не очень пріятно будетъ видѣть дочь свою женою фигляра, и замышляетъ планы, чтобы уничтожить этотъ бракъ и самому жениться на Магдалинѣ. Съ-этимъ онъ подъѣзжаетъ къ Бельфегору, грозя, въ случаѣ его сопротивленія, погубить его. Бѣдный фигляръ не видитъ другаго средства спасенія, какъ бѣжать поскорѣе съ своимъ семействомъ въ Ангулемъ. Но Лавареннъ и тутъ отыскиваетъ его; между тѣмъ, какъ Бельфегоръ потѣшаетъ народъ на площади, онъ открываетъ Магдалинѣ ся знатное происхожденіе и приглашаетъ ее бросить мужа и дѣтей, и идти къ своему отцу, гдѣ она будетъ жить въ богатствѣ и роскоши. Сначала она отказывается; но ея Жанетта

больна, и доктора говорят, что только спокойная жизнь и попеченія могут спасти ее. Материнская любовь побѣждаетъ все прочія чувства, и когда Бельфегоръ возвращается съ сыномъ домой, домъ пустъ. Въ третьемъ дѣйствіи большой праздникъ въ замкѣ герцога де-Монбазона, въ честь отыскавшейся дочери. Между гостями блуждаетъ замаскированный человекъ, котораго наружность свидѣтельствуешь бѣдность и горе. Это Бельфегоръ; онъ пришелъ подъ предлогомъ забавлять общество, но въ самомъ дѣлѣ только для того, чтобы видѣться съ Лаваренномъ. Они встрѣчаются, и здоровый палеяцо отнимаетъ у него бумагу несчастнаго де-Ролака, и нѣкоторыя другія, которыя могутъ отправить убійцу на галеру, и убѣгаетъ съ своею добычею. Завладѣвъ бумагами, Бельфегоръ скидаетъ свой балаганный нарядъ, и является къ герцогу подъ именемъ кавалера де-Ролака. Все ласкаютъ и лелѣютъ кавалера, не смотря на площадныя шутки, которыя отъ времени до времени испещряютъ его напыщенный разговоръ. Но Лавареннъ не дремлетъ; онъ подъ рукою распускаетъ слухъ объ убійствѣ де-Ролака; Бельфегора принимаютъ за виновнаго, судятъ и приговариваютъ къ галерамъ. Герцогъ де-Монбазонъ хочетъ воспользоваться этимъ, чтобы заставить свою дочь отречься отъ мужа; притворившись, будто онъ вѣритъ, что Бельфегоръ и Лавареннъ одно лицо, онъ выхлопоталъ ему прощенье, которое онъ имѣетъ право не объявлять, если Магдалина не отречется отъ мужа и отъ сына. Магдалина, въ отвѣтъ, бросается въ объятія Бельфегора и Жакине; гордый герцогъ тронуть этою любовью, и не рѣшается уничтожить помилваніе. Между тѣмъ Лавареннъ, услышавъ что убійца де-Ролака помилванъ, отрываетъ, что этотъ убійца — онъ самъ. Бельфегоръ спасенъ; а Лавареннъ попался, потому что герцогъ де-Монбазонъ скрывалъ одно обстоятельство; именно, что убійца не вполнѣ помилванъ, а только галеры замѣнены ссылкой въ Кайенну. Магдалина останется съ мужемъ, но на условіи, чтобы дѣти ихъ воспитывались у герцога.

Все несообразности этой драмы, какъ мы уже сказали, исчезаютъ передъ дивною игрою Фредерика Леметра и г-жи Мируа. Благодаря этимъ двумъ артистамъ вы десять разъ пойдете смотреть пьесу, и каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ; и развѣ только возвращаясь домой пожалѣете, что такіе прекрасные таланты осуждены поддерживать такіе жалкія издѣлія.

Другая пьеса того же театра, «Женихи Желбеты» воевиль въ одномъ дѣйствіи, господъ Поля Дандре и Сеннефа, сто пер-

вое воспроизведеніе одной и той же темы, которая уже всё́мъ надо́ла до сыта. Молодой актеръ, будущій Буфё или Перлэ, любить хорошенькую дочь трактирщика; но почтенный трактирщикъ знаетъ, что съ его деньгами, онъ можетъ принскать себѣ зятя почище; хотъ бы, напримѣръ, англичанина сэра Гамбета, или барышника Бренгзевга, или сына сосѣда-мельника; да мало ли ихъ еще на примѣтѣ. Чтобы устранить всё́хъ этихъ жениховъ, актеръ поочередно является подѣ видомъ каждаго изъ своихъ соперниковъ, открываетъ ихъ слабыя стороны, и такъ надо́даетъ будущему тестю, что тотъ рѣшается не гоняться за знатностью и богатствомъ, а отдать дочь за ея возлюбленнаго, актера. Пьеса имѣетъ успѣхъ, благодаря живой и умной игрѣ г. Полена-Менье, исполняющаго главную роль.

Историческій театръ все еще закрытъ, и вѣроятно не скоро откроется. Г. Денвери, принявшій было на себя дирекцію, отказался, какъ скоро увидѣлъ, въ какое разстройство привели этотъ театръ г. Дюма и его подставные директоры. Послѣ него явились многіе другіе охотники, но частью сами отступались, частью были устранены по ненадежности. Между тѣмъ всё кредиторы театра подали ко взысканію не только на директора г. Долиньи, но и на самаго Александра Дюма. Коммерческій Судъ, убѣдившись изъ разсмотрѣнія счетовъ и книгъ, что хотя номинальнымъ директоромъ былъ одинъ Долиньи, однако-же г. Дюма очевидно участвовалъ въ управленіи театра и распоряжался его капиталами и сборами, объявилъ ихъ обомъ несостоятельными.

Многіе полагаютъ, что существованіе этого театра въ прежнемъ его видѣ и съ прежнимъ назначеніемъ — играть историческія драмы въ тѣхъ формахъ, какъ создавали ихъ гг. Александръ Дюма, Маке, Поль Феваль, и прочая, невозможно, и предлагаютъ обратить его въ оперный театръ, взаимѣнъ Национальной оперы, основанной въ 1847 году Адольфомъ Аданомъ, и продержавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. Довольно вѣроятно, что этотъ планъ состоится, но какъ, и подѣ чьимъ управленіемъ, еще неизвѣстно.

Между тѣмъ какъ два театра, Водевиль и Историческій, закрываются, рядомъ съ ними возникаютъ, или скорѣе возобновляются другіе театры. Недѣли двѣ назадъ открылся вновь старинный театръ Бомарше, съ своимъ полубалаганнымъ репертуаромъ. Вслѣдъ за нимъ открылся и старый циркъ, подѣ громкимъ назва-

нием Национального театра; судя по началу, можно полагать, что онъ останется вѣренъ своей прежней задачѣ, представлять Наполеона, его гвардію и походы во всевозможныхъ видахъ, съ лошадьми, барабаннымъ боемъ, ружейною пальбою, пушками и вообще всеми принадлежностями трескучей драмы и великолѣпнаго спектакля.

АП. БОНАВЕНТУРА.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ.

Какъ Петербургъ отдыхаетъ и наслаждается. — Музыкальные его наклонности. — Юсифъ Гунгль и достоинства его. — Кстати, слово о театральныхъ оркестрахъ. — Отечественный композиторъ танцевъ Федоръ Вальцъ. — Его житейская и музыкальная школа. — Итальянская опера въ сезонъ 1850—1851 года. — «Севиальскій цирюльникъ» и «Карлъ Смѣлый» — Россіи. — Donna del Lago и «Королева Голкондская» — Доницетти. — Цѣнители и судьи. — Музыкальные наслаждения № 2. — Оркестръ въ Пассажѣ. — Московскіе цыганы. — Контрафакція цыганъ: Братья Мальчугины — Цыганскіе драмы-дивертисманы. — Пассажъ и его зрѣлища. — «Анатомическій Музеумъ г. Навратія. — Дѣтскій театръ г-жи Гевгартъ. — «Новеллистъ» издаваемый г. Бернардомъ. — «Исторія Итальянской Оперы» сочиненіе г. Кажинскаго. — Инструменты Лихтенгаля. — Балы и маскарады. — Семейные вечера въ Благородномъ Собраніи. — Швейцарь-поэты.

Петербургъ, по преимуществу, городъ служебный и дѣловой. Это центръ русскої бюрократической и военной жизни, средоточіе вѣшной торговли, начало всего, что интересуется Россію въ общественномъ, промышленномъ и семейномъ ея быту. Поэтому для дѣятельности Петербурга существуютъ только двѣ сферы: трудъ и развлеченіе отъ труда. Жизнь наша и проявляется только съ этихъ двухъ сторонъ: мы или работаемъ, или веселимся. Но какъ столица и резиденція Россіи, какъ городъ, по преимуществу, образованный и европейскій, вмѣщающій въ себя цвѣтъ русскаго общества, — Петербургъ и въ удовольствіяхъ своихъ долженъ быть богаче прочихъ городовъ нашего отечества. Онъ ищетъ развлеченій разумныхъ, благородныхъ, изящныхъ; ему доступны искусства, въ высшемъ ихъ проявленіи; онъ любитъ выставки произведеній русскіхъ художниковъ въ Ака-

деи́и Художествъ, присутствуетъ въ ученыхъ засѣданiяхъ Академи́и Наукъ, слушаетъ духовные концерты Императорской Придворной Капеллы, приходитъ въ восторгъ отъ Итальянской Оперы, наслаждается пируэтами первоклассныхъ танцовщицъ; имѣетъ лучшiе театры Русскiй и Французскiй, и придумываетъ все, что можетъ служить для сбереженiя времени, сокращенiя разстоянiй, удобства сообщенiя, скорости приобрѣтенiя знанiй и — денегъ, словомъ все, что подразумѣвается подъ общепринятымъ выраженiемъ — *комфортъ жизни*.

Оставляя дѣловой трудъ Петербурга въ сторонѣ, и слѣдя только за его развлеченiями и удовольствiями, мы найдемъ множество любопытныхъ предметовъ, которые стоятъ разсмотрѣнiя и обсужденiя, и всегда будутъ интересны для читателей.

Прошлый, 1850 годъ былъ особенно счастливъ для Петербурга, въ отношенiи предметовъ развлеченiя: онъ представилъ ему обширное поле для наслажденiя. Въ первый разъ явился въ нашей столицѣ знаменитый германскiй композиторъ и канцельмейстеръ *Иосифъ Гунгль*, который съ Страусомъ и Ланцеромъ составлялъ все что есть лучшаго по части новѣйшей, европейской *садовой* и *балльной* музыки. Онъ привезъ съ собою оркестръ, въ двадцать шесть чело-вѣкъ, составленный изъ петипныхъ виртуозовъ, который поселился въ ротондѣ Павловскаго Воксала. Трудно найти оркестръ такъ хорошо слаженный, играющiй съ такою вѣрностью, точностью (*précision*), совокупностию, съ такимъ одушевленiемъ и огнемъ! Я имѣлъ случай слышать прославленные оркестры Страуса, Лабичкаго, Мюзара, всѣ они далеко уступаютъ оркестру Иосифа Гунгля, хотя первый и послѣднiй вчетверо сильнѣе инструментованы. Сколько людей ломали себѣ головы, чтобы изобрѣсти пьяно оркестръ, или одинъ механизмъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ всѣ инструменты струнные, духовые, мѣдные, для того, чтобы придать звукамъ единичность, аккордамъ созвучiе и вѣрность, что казалось невозможнымъ при исполненiи музыки многими людьми, управляемыми каждый своею волею, своимъ взглядомъ, собственно ему удѣленною степенью таланта и разумнiя! — Иосифъ Гунгль сдѣлалъ невозможное — возможнымъ. Онъ такъ подобралъ таланты, такъ сроднилъ инструменты, такъ сдружилъ самолюбiя, такъ подчинилъ частный произволъ одной своей волѣ, что безъ посредства механики, составилъ оркестръ живой, чувствующiй, то пѣвущiй, то рокочущiй — и при всемъ этомъ механически послушный маию его творческаго жезла. Это огромная музыкальная заслуга! Мы встрѣчаемъ въ театрахъ Европы оркестры, составленные изъ знаменатѣйшихъ виртуозовъ, изъ гениевъ —

своихъ инструментовъ, изъ людей, которыхъ участіе въ оркестрахъ покупается на весь золота, и между тѣмъ эти громкоименные оркестры чрезвычайно далеки отъ совершенства и почти никогда не удовлетворяютъ тонкаго музыкальнаго чувства своимъ исполненіемъ. Причина этому очень понятная. Каждый амбушюръ, каждый смычокъ — есть отдѣльное, щекотливое самолюбіе; каждый инструментъ желаетъ первенствовать и перекричать своихъ собратій; каждый артистъ желаетъ шегольнуть своимъ талантомъ и ничѣмъ не пожертвуетъ сосѣду. Являются выходы, украшенія, передѣлки тамъ, гдѣ нужно согласіе, совокупность, общій эффектъ. Каждый инструментъ въ оркестрѣ, при выполненіи музыкальнаго произведенія, есть отдѣльная клавиша, которая имѣетъ значеніе только въ цѣломъ, и потому на каждую оркестровую партію надо смотрѣть, какъ на частицу полнаго, продуманнаго сочиненія, — которая по себѣ, даже еслибъ имѣла яркія мѣста, — есть только фраза безъ мысли, выраженіе безпредметное, получающее смыслъ и содержаніе при одномъ сочетаніи съ другими частями. Стало быть, всѣ частицы должны стремиться не столько къ собственной отдѣлкѣ, какъ къ выраженію общей мысли цѣлаго. Этого-то и не достигаютъ никогда оркестры, составленные изъ гениальныхъ виртуозовъ, которые свои отдѣльные голоса не въ состояніи подчинить общей массѣ звуковъ. Лучшій оперный оркестръ, какой удавалось мнѣ слышать, безспорно оркестръ *Большой Оперы* въ Парижѣ: въ немъ нѣтъ европейскихъ гениевъ, онъ весь составленъ изъ питомцевъ Консерваторіи, очень хорошихъ музыкантовъ и точныхъ, вѣрныхъ исполнителей предписаній композитора, безусловно подчиненныхъ вседвижущему железу капельмейстера. Кромѣ многихъ, другихъ превосходныхъ вещей, я слышалъ выполненіе этимъ оркестромъ увертюры «Карла Смѣлаго» Россини: это верхъ возможнаго совершенства! Какая полнота, звучность, стройность! Что за единство и опредѣлительность колорита! Каждое отдѣльное мѣсто получаетъ опредѣленный, законченный смыслъ и цѣлое принимаетъ совершенно новое значеніе. Темпы ведены разумно, ферматы поразительны, переходы къ бурѣ и къ тишинѣ и вѣгѣ, совершаются съ постепенностію *crescendo* и *diminuendo*. — просто поразительными. Восторженные французы требовали два раза повторенія этой чудной увертюры; я не французъ, не отъявленный энтузіастъ, а признаюсь, захотѣлъ-бы послушать это образцовое выполненіе и въ четвертый и въ пятый разъ, еслибъ это было возможно.

Но чтобы перейти къ главной нашей темѣ: «какъ наслаждается Петербургъ», скажемъ, что превосходный оркестръ Юсефа

Гунгля, оркестръ, какого мы еще не слышали, не производилъ того сильнаго впечатлѣнія, какъ напримѣръ побрякушки и птичій свистъ Гильмана, ни тѣхъ френетическихъ криковъ, какія зараждаютъ неистовые, нестройные хоры цыганъ. Главная причина этого страннаго явленія въ музыкальномъ городѣ, состояла въ томъ; что репертуаръ Юсефа Гунгля, по большей части, былъ составленъ изъ пьесъ классическихъ Бетговена, Моцарта, Бартольди, изъ хорошихъ увертюръ, а не изъ сбора модныхъ полекъ, вальсовъ и галоповъ. Только изрѣдка, на закуску, роуг la bonne bouche, позволялъ онъ себѣ выполненіе легкихъ пьесъ, но и то дѣлалось съ строгимъ выборомъ и по большей части пьесы эти принадлежали самому капельмейстеру и были проникнуты мыслью, чувствомъ, вкусомъ. Впрочемъ, Юсефъ Гунгль не успѣлъ еще надлежащимъ образомъ ознакомиться съ настоящей музыкальностью Петербурга, онъ еще половъ мечтативъ о психическомъ наслажденіи музыкаю, о красотахъ высокихъ мыслей; онъ не знаетъ еще, что дѣловой Петербургъ въ часы отдохновенія хочетъ не углубляться, а развлекаться и веселиться. Теперь онъ, кажется, смѣкнулъ дѣломъ. Къ будущей веснѣ вывезетъ онъ изъ Германіи много самой новой, свѣжей, живительной музыки: вихрей вальсовъ, трлеучекъ полекъ и контрдансовъ. Мы предсказываемъ ему громаднѣйшій успѣхъ: онъ войдетъ въ моду, и изъ прежняго барашка сдѣлается львомъ на цѣлое лѣто!

Кстати, говоря о балныхъ танцахъ, мы должны отмѣтить въ прошломъ годѣ появленіе у насъ довольно замѣчательнаго отечественнаго дарованія по этой части, которое далеко оставило за собою предшествовавшія ему знаменитости въ области полекъ и галоповъ, Г. Кажинскаго и г. Кюзана. Мы говоримъ о Фодорѣ Вальцѣ. Въ настоящее время это одинъ изъ плодовитѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ композиторовъ легкой музыки, какого мы имѣемъ. Въ теченіе одного года онъ написалъ и издалъ *двадцать семь* разныхъ сочиненій для баловъ, воздушныхъ оркестровъ, оркестра Цирка и для пѣнія! Это стоитъ добраго пяти-актнаго балета. Въ мелодіяхъ его есть свѣжесть, въ переходахъ оригинальность, въ инструментовкѣ — эффектъ и пріятное сочетаніе. Его «*Карнавалъ-кадриль*» и «*Эхо кадрили*», исполненные оркестромъ Юганна Гунгля на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ, приводили публику въ восторгъ и по нѣсколько разъ были повторяемы. Композитора даже вызывали на эстраду. Онъ написалъ тринадцать кадрилей, шесть полекъ, два марша, изъ которыхъ особенно замѣчательны «*Мамелюкскій*,» три галопы, два вальса и одинъ романсъ. Но кромѣ музыкальнаго таланта

г. Вальцъ имѣеть и другія замѣчательныя дарованія : онъ отличный сценическій машинистъ и хорошій декораторъ. Жизнь этого артиста представляетъ много любопытныхъ фактовъ. Ѳеодоръ Карловичъ Вальцъ родился въ Петербургѣ, въ 1820 году. Отецъ его, родомъ Лифляндецъ, былъ отличный механикъ, славился въ столицѣ, устраивалъ водопроводы, желѣзныя стропила для кровель и потолокъ, сооружалъ скоропечатныя станки и прочая. Молодой Вальцъ съ дѣтства уже ознакомился съ законами механики, и, посѣщая прилежно нѣмецкую Петро-Павловскую школу, въ досужіе часы составлялъ чертежи, рисунки и устраивалъ разные механическіе снаряды. Но любознательный и пытливый умъ его не ограничивался тѣснымъ кругомъ занятій его отца. Ему хотѣлось изучить механику въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ болѣе разнообразныхъ приложеніяхъ. Пока онъ довольствовался книгами, но скоро представился ему случай поучиться дѣлу и на опытѣ. При механическихъ занятіяхъ въ немъ проснулась врожденная склонность къ музыкѣ. Онъ выбралъ скрипку. Первыми музыкальными его наставниками были скрипачъ Тяпкинъ и кларнетистъ Майеръ. Оба служили въ оркестрѣ театра и перѣдко доставляли молодому человѣку случай любоваться волшебными балетами, въ которыхъ дѣйствіе чудныхъ машинъ Андрея Роллера поглощало все его вниманіе. Такимъ образомъ, смотря спектакли изъ оркестра, онъ въ одно и то же время учился законамъ музыки и театральной механикѣ. Но ему недостаточно было любоваться эффектомъ машинъ, онъ хотѣлъ проникнуть во все таинство этихъ фантастическихъ постановокъ. Онъ познакомился съ Роллеромъ, выпросилъ позволеніе ходить въ его мастерскія, наконецъ самъ принялся и за кисть, и за рубанокъ и сдѣлался, такимъ образомъ, его добровольнымъ помощникомъ. Театръ обратился для него въ главную стихію жизни. Между тѣмъ, онъ прогуливалъ дѣло, назначенное ему въ отцовской мастерской и, наконецъ, объявилъ, что рѣшительно хочетъ посвятить себя театральной механикѣ. Недовольный этимъ рѣшеніемъ старикъ, не желая однакожъ препятствовать призванію сына, отпустилъ его на все четыре стороны, говоря : «Иди, учись, трудись и добывай себѣ хлѣбъ, какъ знаешь!» — Оставшись господиномъ своей воли, Ѳ. К. опустилъ руку въ карманъ, и встрѣтя въ немъ пять цѣлковыхъ, призадумался. Однако молодость размышляетъ не долго. Онъ слышалъ о томъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ есть довольно хорошій театръ, гдѣ играютъ даже волшебныя пьесы. «Скоро тамъ ярмарка, сказалъ онъ себѣ : хорошій машинистъ будетъ не лишнимъ.»

Онъ побѣжалъ въ Ямскую, нашелъ ямщика, который говорилъ, что собирается на ярмарку съ кладью, далъ ему задатокъ и, не расширявая далѣе, полный своимъ мечтами, сѣлъ на возъ. Черезъ два дни онъ былъ на ярмаркѣ, только не въ Нижнемѣ, а Шлиссельбургѣ. Въ карманѣ звякали два цѣлковыхъ. Онъ опять задумался. По время течеть, а съ нимъ и деньги, стало быть, терять его не приходится, когда въ карманѣ запасу мало. О. К. очнулся отъ своей думы передъ балаганомъ странствующихъ акробатовъ, на которомъ красовались пестрыя вывѣски со всеми чудесами геркулесовой силы, змѣиной гибкости и танцмейстерской ловкости. Между прочими диковицами, афиша объявляла презабѣлливую Арлекинаду. Вальць не вытерпѣлъ, онъ разбѣнялъ одинъ цѣлковый. Представленіе было отменно скверно, по элементы для кое-чего порядочнаго находились въ труппѣ. Когда публика вышла изъ балагана, удовлетворенная до восторга, Вальць быстро перешагнувъ оркестръ и въ одинъ прыжокъ былъ въ средѣ-лицедѣевъ. Послѣ назидательной критики ихъ представленія, онъ предложилъ имъ вѣрный секретъ къ успѣху. Сперва труппа разинула ротъ, потомъ запрыгала отъ радости. Мадамъ Дункель, содержательница артистическаго заведенія, кинулась обнимать пришельца — и вотъ онъ сдѣлался главою всего театра: придумывалъ пьесы, писалъ декорации, устраивалъ машины, училъ дѣйствовать, разыгрывалъ въ оркестрѣ, и пожиналъ лавры, при самомъ скудномъ содержаніи. Но главное, страсть къ театру была отчасти удовлетворена. Такъ пространствовалъ онъ около года, пока, въ городѣ Веро, внезапная и продолжительная болѣзнь не заставила его разстаться съ труппою Дункель и Ком. Акробаты почтили его слезой сожалѣнія, небольшими деньгами, и отправились въ дальнѣйшіе города Россіи. Вставъ съ постели, Вальць началъ искать себѣ приличныхъ занятій, но въ цѣломъ Веро не нашелъ даже тѣни какаго-нибудь художника, кромѣ музыканта Зибе, церковнаго органиста. Онъ отправился къ нему. Почтенный старикъ принялъ молодого человѣка, какъ собрата по искусству, и приютилъ его въ своей скудной квартиркѣ. У него-то началъ Вальць снова свои музыкальныя студіи и впервые ознакомился съ законами композиціи и генераль-басса.

Вальць дѣлалъ быстрые успѣхи въ новой наукѣ. И немудрено, его одушевляла первая страсть. Прекрасные глаза Матильды Зибе, дочери органиста, зажгли его сердце. Тутъ только почувствовалъ онъ вполне потребность прочнаго положенія въ свѣтѣ и началъ прилагать все старанія, чтобы достать вѣрное мѣсто. Молодые люди произвели другъ на друга одинакое впечатлѣніе,

простой, открытый, добрый нравъ Ѳ. К. плѣнял дѣвушку; ея наивная застѣчивость и скромность приводила въ восторгъ юношу. Они повѣдали старикъ о состоянїи своихъ сердець. Зибѣ задумался. «Да, сказалъ онъ, вы завидная парочка, — по жите одной любовью нельзя, она требуетъ пищи, а въ нуждѣ умираетъ. Я могу вамъ дать только мое согласіе и желаніе счастья: это двѣ вещи прекрасныя, но они неимѣютъ курса на рынкѣ. Подождемъ: Богъ не безъ милости и счастье отъ васъ не уйдетъ.» Дѣйствительно, на третій день послѣ этого объясненія, чрезъ Веро проѣзжала богатая Новоржевская помѣщица, г-жа К. Случайно она встрѣтила Вальца и, узнавъ, что онъ музыкантъ, спросила: не знаетъ ли онъ хорошаго человѣка для управленія ея домашнимъ оркестромъ? Любовь отважна: Вальць отрекомендовалъ ей самого себя. Дѣло бымо тутъ же рѣшено. Ему назначили шестьсотъ руб. сер. жалованья, на всемъ готовомъ, даи пятьдесятъ руб. на подъемъ, съ условіемъ, чтобы чрезъ недѣлю онъ отправлялся въ село Каньково. Вальць прилетѣлъ къ старикъ Зибѣ на крыльяхъ восторга. Послѣ первыхъ слезъ умиленія, послѣдовалъ сговоръ; черезъ три дни сыграна свадьба и черезъ недѣлю счастливая чета тянулася на долгихъ въ Новоржевъ. Въ селѣ Каньковѣ хоръ музыкантовъ встрѣтилъ поваго своего начальника съ почетомъ и страхомъ. Предшественникъ его былъ строгій, брюзгливый старикъ. Вальць впервые прищамался за дѣло, въ которомъ былъ еще несвѣдущъ, онъ долженъ былъ искать опоры въ опытности своихъ подчиненныхъ: это сблизило его съ артистами. Между ними нашелъ онъ превосходнаго перваго скрипача, который могъ съ успѣхомъ продолжать его музыкальное образованіе, начатое Зибѣ. Множество новыхъ пьесъ были расписаны на оркестръ, отлично сыграны: энергическій капельмейстеръ умѣлъ одушевить музыкантовъ, музыканты хотѣли поддержать своего капельмейстера, въ которомъ нашли свиходительнаго и добраго начальника, — и г-жа К. не узнала своего оркестра, по возвращеніи изъ столицы. Въ теченіе двухъ лѣтъ, Ѳ. К. блаженствовалъ среди трудовъ и любви своего новаго семейства. Но счастье непостоянно! Помѣщица задумала своей капеллѣ дать другое назначеніе и въ одно прекрасное утро, Вальць съ семействомъ увидѣлъ себя безъ мѣста и безъ всякихъ видовъ на постоянную доходъ. Отправя жену и ребенка къ ея отцу, онъ самъ пустился въ столицу. Едва онъ успѣлъ выдти изъ брчки, готовясь отыскать себѣ квартиру, поближе къ театру, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ встрѣтилъ перваго своего покровителя Роллера.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ его художникъ послѣ первыхъ привѣтствій. — «Пока еще — только хочу искать дѣла,» отвѣчалъ печально Вальцъ. — Такъ не ищи: мнѣ нуженъ помощникъ; если хочешь, я завтра представлю тебя на это мѣсто. — Въмѣсто отвѣта бѣдный артистъ со слезами бросился обнимать добраго декоратора.

На другой день онъ былъ опредѣленъ къ театру машинистомъ; черезъ годъ поставилъ на Александринской сценѣ волшебный водевилъ: «*Носовъ*» и устроилъ машины новаго Театра-Цирка, съ его выдвигнымъ оркестромъ. Теперь имя Вальца равно извѣстно, какъ отличнаго театральнаго машиниста, полнаго фантазіи и счастливыхъ идей, и какъ хорошаго композитора балльной музыки. Говорятъ, что онъ въ настоящую минуту пишетъ комическую оперу, въ русскомъ духѣ: желаемъ ему успѣха и увѣрены, что совѣтливый трудъ всегда будетъ оцѣненъ публикою.

Но перейдемъ опять къ петербургской музыкѣ. Само собою разумѣется, что величайшее развлеченіе и наслажденіе наша публика находить въ «Итальянской оперѣ.» Я говорю о той части петербургскаго населенія, которое дѣйствительно любитъ музыку и понимаетъ ее. Итальянская Опера теперь у насъ дѣло моды, стало быть, ее не всѣ посѣщаютъ съ одинакою степенью удовольствія и сочувствія. Григорьевъ на этотъ счетъ правъ, заставляя героя своей «Житейской школы» говорить:

Когда-бъ вы музыкой одною наслаждаться
Умѣли въ оперѣ, пусть такъ, душа моя...
Такъ нѣтъ! вамъ только-бы нарядомъ отличатся,
А музыка у васъ послѣдняя статья!
Да и не вы однѣ, безъ толку, безъ оглядки,
Знай тянутся, ползутъ въ аристократки,
Кричать про оперу, да дѣлаютъ изъязыкъ,
А смыслятъ въ музыкѣ лишь «Красный сарафанъ.»

Въ Пантеовѣ уже было говорено, что составъ труппы въ нынѣшній сезонъ очень удаченъ. Мы объясняли достоинства каждаго изъ артистовъ и не намѣрены понапрасно повторять одно и то же и разсыпаться въ восторгахъ и восклицаніяхъ. Скажемъ, однако-жъ, что нѣкоторыя оперы въ нынѣшній сезонъ даны съ неподражаемымъ совершенствомъ и совокупностію, какая только случайно и то очень рѣдко можетъ встрѣтиться. Счастливецемъ на этотъ разъ былъ Россини и притомъ въ двухъ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ многообразный творческій его геній всего яв-

ественнѣе выразился, въ двухъ крайностяхъ, составляющихъ основу его артистическаго величія, словомъ въ операхъ: «Севильскій цирюльникъ» и «Карлъ Смѣлый.» Въ первой не знаешь, кому изъ артистовъ отдать пальму первенства: всё лучше! Другаго *Фигаро*, какъ Тамбурина — не было, нѣтъ и никогда не будетъ на свѣтѣ: это воплощенные — умъ, юморъ, жизнь, веселость и ловкость! Госпожа Персіани, *Розина*, одною сценою *урока музыки*, во второмъ актѣ, гдѣ она голосомъ выдѣлываетъ труднѣйшія скрипичныя варіаціи, доступныя только смычку Оле Буля или Эрнста, приводитъ въ изумленіе и восторгъ, которымъ нѣтъ границъ. Маріо увлекателенъ въ роли графа *Альмавивы*; а Тальяфико просто неподражаемъ въ *Донъ Базиліо*. Физиономія, костюмъ, манера пѣнія и игры его — совершеннѣйшій типъ этого чуднаго характера, созданнаго Бомарше, и дивно иллюстрированнаго музыкою Россини. Изъ чудной своей аріи *la calunnia* Тальяфико умѣлъ сдѣлать цѣлую драматическую поэму, которая васъ вмѣстѣ смѣшитъ и потрясаетъ. Россини въ *Бартоло* дополняетъ стройную картину своимъ особеннымъ комизмомъ, своими итальянскими кончетти. Нельзя довольно наслушаться и наглядѣться въ этой оперѣ, такъ въ ней совершенство музыкально лирическаго исполненія слито съ превосходствомъ сценическаго постиженія, созданія и выраженія.

Въ «Карлъ Смѣломъ» встрѣтилось тоже сочетаніе талантовъ, которымъ роли по мѣркѣ и по средствамъ. Главную жизнь въ эту дивную музыкальную поэму вноситъ Тамберликъ, кажется, нарочно созданный для роли *Арнольда*.

Этотъ чудно-звучный и сильный голосъ, доходящій до верхняго *la* безъ примѣса фальцета, этотъ огонь и энергія въ пѣніи, невольно сообщаютъ и всѣмъ другимъ дѣйствующимъ какое-то электрическое одушевленіе. Каждый изъ артистовъ тутъ безукоризненно совершенъ въ своей партіи, а хоры неподобны. Молоденькая пѣвица Марай, въ небольшой своей партіи *Матильды* выказываетъ столько души, чувства, вкуса и умѣнья, что невольно вырываетъ рукоплесканія. Эта опера еще никогда не давалась у насъ съ такимъ совершенствомъ, да и едва-ли гдѣ-нибудь можетъ быть лучше исполнена. Я говорилъ выше объ неподражаемомъ исполненіи увертюры «Карла Смѣлаго» въ Большой Парижской Оперѣ, но я не успѣлъ добавить, что убѣжалъ изъ театра отъ пѣнія прославленныхъ гг. Дюпре, Бароале, Серды и г-жи Штольдъ.

Изъ новыхъ оперъ у насъ поставлены въ нынѣшній сезонъ: «Королева Голкондская» — господина Донизетти, и «Дѣва Озера» Россини. Обѣ не имѣли успѣха, первая по слабой, безхарактер-

ной музыкѣ, вторая по безжизненной пнтригѣ и недостатку музыкальнаго драматизма. Только два пумера въ ней плѣняютъ слушателя, одинъ — эвергическая каватина *Дугласа* — господина Тамберлика, другой — сладенькая серенада *Карла V* — господина Маріо. Что касается до «Роберта» Мейербера, мы объ немъ и говорить не будемъ: эта глубокая музыка не создана для итальянскихъ пѣвцовъ. Тутъ пужны не благоухающіе цвѣтки, а зрѣлый, сочный плодъ! Наконецъ мы слышали изъ устъ вашихъ артистовъ и Моцарта, въ его «Свадьбѣ Фигаро», но объ этомъ замѣчательномъ созданіи надо говорить въ «Театральной лѣтописи», а не въ Фельетонѣ.

Между тѣмъ, пока фешьопебльная часть Петербурга, en grande tenue, слушаетъ и судитъ великихъ артистовъ, составляющихъ нашу Итальянскую Оперу, и, вставя лорнетъ въ глазъ или запусая два пальца въ карманъ бѣлой жилетки, бросаетъ съ равнодушной миной знатока, вправо и влѣво, свои рѣшительные приговоры: — «Персіани — фальшивить!» — «Тамбурини — passé!» — «Тамберликъ — крикунъ!» — «Де Мерикъ — не умѣетъ пѣть!» — «Марай — хорошевьякая, но пищитъ!» «Колетт — грубовать!» — «Маріо — такъ себѣ, но не Рубини!» и такъ далѣе, обо всѣхъ по-одиночкѣ, и о цѣлой труппѣ — гуртомъ; пока другая, менѣе смѣлая, но не менѣе претендательная на *фешьопебелиство* часть посѣтителей, оперы подобострастно подбираетъ приговоры этихъ доморощенныхъ эстетиковъ, чтобы потомъ, съ той-же миною знатока, блеснуть ими въ своихъ кружкахъ, видѣвшихъ итальянскихъ артистовъ только на театральныхъ афишкахъ; пока въ пышной залѣ театра, въ салонахъ и гостиныхъ средней руки происходитъ эта музыкальная комедія, — другая часть Петербурга, не столь притязательная, но не менѣе музыкальная, отъ полноты души наслаждается музыкою въ Пассажѣ. Она слушаетъ смрепно громовержущій оркестръ Ивана Гунгля, взвѣвающій вихри вальсовъ, сыплющій блестящи полекъ и французскихъ кадрили; она умиляется отъ пѣнія братьевъ Мальчугиныхъ, изъ которыхъ одинъ братъ — сестра; она приходитъ въ сильный восторгъ отъ хоровъ Московскихъ цыганъ, отъ *венгерской* ихъ пляски, сбивающей на русскаго трепака, отъ «Козлика», «Сарафанчика»,

А послушать Лизу, Грушу,

Какъ распустятъ голосокъ:

Потрясаютъ просто душу,

Растрясаютъ кошелекъ!

Но восторгъ слушателей вокальной музыки въ Пассажѣ нѣсколько поясняется тѣмъ, что кочевой московскій таборъ въ Петербургѣ

совѣмъ *объевропился* : на немъ ярко обозначились успѣхи цивилизации и прогресса. Вы помните, какъ Баратынскій, въ своей поэмѣ «Цыганка», описывалъ этотъ таборъ :

Куда, заснувшюю столицей,
 При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ,
 Въ саялахъ несется вереницей
 Вѣсельчаковъ ея поѣздъ ?
 Къ цыганамъ. — Предъ знакомымъ домоу
 Остановились. Въ двери съ громомъ
 Стучать. Привычною рукою
 Имъ отворилъ цыганъ съдой.
 Ужъ гости вѣтренные тамъ,
 Ужъ кличуть дѣвы по именамъ.
 Но все Египетское племя
 Вокругъ пріѣзжихъ, въ тоже время,
 Съ веселымъ шумомъ собралось
 И свѣтъ сіянье разлилось.
 Дремоту дѣвы покидаютъ,
 И вотъ — ужъ весело болтають,
 И таборъ къ пѣнію готовъ.

Нѣтъ! наши цыгане ужъ вовсе не положи на эти сплмки съ нихъ тридцатыхъ годовъ. Духъ промышленности и утонченія смилъ съ нихъ почти совѣмъ родимыя пятна. Цыганы завпы французомъ куаферомъ, цыганки въ фантастическомъ нарядѣ послѣдней моды, съ цвѣтами Лапина на головахъ, съ букетами Сима въ рукахъ; они не поютъ уже національныхъ, буйныхъ пѣсенъ Бессараби, они упражняются въ романсахъ Гурилева и Лазарева; они поютъ уже не на босую ногу въ тѣсной коморкѣ, а на пышной эстрадѣ; ихъ пѣніе не называется уже хоромъ табора, а *концертомъ* цыганъ. И они имѣютъ успѣхъ въ этомъ искаженномъ видѣ. Но всякій успѣхъ рождаетъ состязаніе, спекуляцію. И на цыганъ явилось много контрафакцій, имъ подражаютъ, ихъ передразниваютъ, и эти новые цыгане — аилке, имѣютъ болѣе или менѣе своего успѣха. Мальчугины поютъ тѣже пѣсни съ хоромъ, придавая имъ немножко побольше музыкальности. Видя все это, чувствуя подрывъ своего ремесла, цыгане отыскали новую отрасль въ своемъ искусствѣ, новый элементъ въ своей національности. Эстрада замѣнилась у нихъ теперь сценою, колонны концертной залы декорациею, фантастическій костюмъ — природнымъ, и они, съ пѣніемъ и пляскою въ лицахъ представляютъ, какъ

Цыганы шумною толпой
 По Бессарабин кочуютъ,
 И среди лѣса, надъ рѣкой
 Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.

Эта драматическая импровизація довольно разнообразна и занимательна; концертная зала Пассажа всегда полна биткомъ въ подобныя представленія. Надо отдать имъ полную справедливость—цыгане очень ловкіе актеры.

Пассажъ нашъ, вообще, въ послѣднее время сдѣлался болѣе мѣстомъ увеселеній и зрѣлищъ, чѣмъ торговымъ складомъ. Кушеть

Я на счетъ скажу пассажа:
 Есть-ли въ мірѣ гдѣ такой!
 Преогромный — въ три этажа,
 И представьте — *весь пустой*.

теперь уже становится анохровизмомъ. Пассажъ съ утра до ночи полонъ народа, но народа не покупающаго, не торгующаго, а кушающаго, пьющаго, веселящагося, развлекающагося. Половина огромнаго зданія занята зрѣлищами, представленіями, музыкальными имброджіо. Здѣсь показываютъ вамъ «туманныя картины,» съ аккомпаньманомъ птичьяго органчика; тутъ космограму Европы съ баснословною Сиреною, у которой кошечья морда и рыбій хвостъ; тамъ восковой кабинетъ въ натуральный ростъ, въ которомъ Вольтеръ причесанъ á la соф и въ новомодномъ фракѣ, а Козьма Рощинъ одѣтъ Магометомъ II; далѣе кабинетъ *натуральныхъ* рѣдкостей—въ спиртѣ, въ которомъ величайшая рѣдкость — найти любопытнаго зрителя. Вотъ здѣсь сеньоръ Привичипе на неизобрѣтенномъ еще парѣчинъ показываетъ вамъ чудеса *натуральной магіи*; а тутъ мадамъ Гебгартъ представляетъ *натуроподражательный* Дѣтскій спектакль. Ниже Анатомическій музеумъ, объясняющій *натуру* челоѣка. Однимъ словомъ, здѣсь все чрезвычайно натурально, даже то, что такія заведенія существовать могутъ! Это чисто *школа натуральная*.

Но между этими зрѣлищами есть одно, которое могло бы существовать и не въ Пассажѣ и которое, къ чести петербургской любознательности, очень сильно посѣщается. Это именно «Анатомическій Музеумъ» господина Навратія. Музеумъ этотъ въ высшей степени любопытный и превосходный кабинетъ натуральныхъ и восковыхъ анатомическихъ и хирургическихъ препаратовъ. Что можетъ быть любопытнѣе для образованнаго че-

ловѣка, какъ познаніе самаго себя, своей внутренней, невидимой жизни! Но анатомія, изъ веѣхъ человѣческихъ знаній самое интересное и необходимѣйшее, менѣе всего доступна для свѣтскаго человѣка, именно по недостатку наглядныхъ предметовъ, которые бы его знакомили съ ея таинствами. Академическіе музеумы посвящены исключительно для спеціальной науки, частныя рѣдки и неполны. Такое собраніе, какъ музеумъ господина Навратіля, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ только одно. При всей своей спеціальности оно, между тѣмъ, чрезвычайно разнообразно: здѣсь есть препараты чисто *анатомическіе, паталогическіе, хирургическіе*, и многіе другіе. Вы наглядно, въ какіе нибудь два часа, научаетесь очень положительно внутреннему строенію человѣческаго тѣла, научаетесь распознавать жизненные органы и ихъ отправленія, однимъ словомъ, научаетесь познавать вѣчную мудрость Творца въ совершеннѣйшемъ его твореніи — человѣкѣ. Для врача, хирурга, патолога, акушера — музеумъ этотъ предметъ величайшаго интереса, для учащагося естественнымъ и медицинскимъ наукамъ — превосходное пособіе, для человѣка свѣтскаго — самое поучительное и назидательное зрѣлище. Дивясь мудрой природѣ, вы здѣсь также удивляетесь и человѣческому искусству, которое умѣло воспроизвести эту природу въ такихъ чудныхъ моделяхъ. Веѣ препараты этаго музеума, особливо восковые, сдѣланы съ окончательнымъ совершенствомъ. Много науки, много искусства, много лѣтъ труда и огромныя денежные издержки нужны были на то, чтобы создать такой прекрасный кабинетъ и нельзя достаточно возблагодарить почтеннаго господина Навратіля, что онъ рѣшился насъ съ нимъ познакомить. Совѣтуемъ веѣмъ и каждому посмотрѣть *Анатомическій Музеумъ*: войдя въ него съ простымъ любопытствомъ, онъ выйдетъ съ драгоценнымъ запасомъ знанія.

Всякій театръ близко касается нашего журнала. Поэтому скажемъ нѣсколько словъ и о миниатюрномъ «*Дѣтскомъ Театрѣ*» госпожи Гебгардъ. Это премиленкая и преславная игрушка для маленькихъ зрителей. Крошечные актеры, вершка въ два и въ полтора, такъ искусно выполняютъ свое дѣло, такъ твердо знаютъ свои роли, такъ ловки, развязны и естественны на сценѣ, что часто, глядя на этихъ изящныхъ, благовоспитанныхъ, эстетическихъ личностей, невольно пожалѣешь, для чего они не помѣняются мѣстами съ нѣкоторыми живыми артистами, которые на свое призваніе смотрятъ съ меньшей совѣстливостію и съ гораздо большими претензіями. Посмотрите на ихъ промышленныя занятія, охоту, рыбную ловлю, прогулки, вѣжныя объ-

ясненія, пастушескія спелы увеселенія, танцы — это сухая прелесть! Вся жизнь этихъ маріонетокъ, этихъ природныхъ артистовъ, самая умильная картина добродушія, незаносчивости, скромности и дѣйствительной любви къ искусству: жалованья большого они не берутъ, перспективной платы не просятъ, овацій и подарковъ не требуютъ, ролей не бракують, не интригуютъ, не ссорятся, не капризничаютъ, не задирають носа, словомъ, это истинные, образцовые таланты! О, мы разстаемся съ ними съ сожалѣніемъ! Мы еще поговоримъ объ нихъ! Мы имъ воздадимъ должную дань удивленія и благодарности настоящей, критической оцѣнкой ихъ высокихъ дарованій!

Но въ то время, какъ часть петербургскаго населенія наслаждается Итальянской оперой, польками Александринскаго театра, и музыкой Пассажа графа Фермора-Штейнбока, что же дѣлаетъ та часть, которая, по обстоятельствамъ или инымъ причинамъ, не кидается въ моду и въ водоворотъ пассажныхъ наслажденій, а, сидя дома, втайнѣ слѣдуетъ своему музыкальному инстинкту, этому шестому чувству всякаго добропорядочнаго петербуржца? Эта часть находитъ свои развлечения: она читаетъ «Исторію Итальянской оперы» сочиненіе господина Кажинскаго и разыгрываетъ и распѣваетъ за пьянцо Лихтеналеа интересныя пьесы «Нувелиста» господина Бернара. Тутъ есть чѣмъ развлечься хоть кому отъ самой густой египетской скуки!

«Исторія Итальянской Оперы» одно изъ самыхъ курьезнѣйшихъ литературныхъ явленій нынѣшняго года. Исторія эта сочинена г. Кажинскимъ и напечатана, съ двадцатью опечатками включительно, на 50 страницахъ разгонистой печати. Явная цѣль брошюры стремится къ тому, чтобъ положительно доказать —

Что *Полька* — это вещь, а прочее все гиль!

Разсказавъ съ удивительной глубиной учености, что такое была *Итальянская опера* у древнихъ грековъ и римлянъ, г. Кажинскій начинаетъ разбирать ее у самихъ Итальянцевъ, которые, какъ извѣстно, образовались изъ смѣси германскихъ народовъ въ остатками дрепнихъ римлянъ. Потомъ онъ вычисляетъ всѣхъ итальянскихъ композиторовъ по именамъ, даже тѣхъ, которые никогда не думали писать оперъ. При каждомъ имени есть положительная оцѣнка въ нѣсколькихъ словахъ, сдѣланная имъ самимъ, г. Кажинскимъ. На примѣръ: *Галлупи*: «произведенія этого автора отличаются удивительною красотою и доставили ему всеобщую славу!» *Николо Джомелли*: «произведенія его заслуживаютъ ве-

лучайшія похвалы, они исполнены красоты и *возвышенности*», (чего?) *Пичини*: «онъ написалъ болѣе трехсотъ (!?!?) оперъ, отличающихся богатствомъ и новостью мыслей.» *Сарти*: «*формы его* отличаются красотой и изяществомъ.» *Гульельми, Паизелло, Чимароза*: «подобно заходящему солнцу, бросаютъ на горизонтъ лучи свѣтлые и блестящіе.» За тѣмъ слѣдуетъ біографія Россини, цѣликомъ изъ музыкальнаго словаря. Но ужъ этому достаается на порядкахъ, то по головкѣ, то противъ шерстки. Тутъ вы узнаете отъ господина Кажинскаго, что опера «Demetrio e Polibio» не содѣйствовала Россини къ пріобрѣтенію славы; что *великія и неоспоримыя драматическія* достоинства «Итальянки въ Алжирѣ» (пустой шутки) поставили автора на ряду съ знаменитѣйшими композиторами; что Россини, писавши своего «Турка въ Италиі», держалъ перо *не въ рукѣ*, (но въ чемъ же?); что онъ *вытряхнулъ изъ за рукава* оперу «Торвальдо и Дорлиска»; что опера «Севильскій Цирюльникъ» всегда будетъ *типомъ* для всѣхъ *opera buffa*, но что распространяться о ея совершенствахъ онъ, г. Кажинскій считаетъ *лишнимъ*; что знаменитый романсъ Джульеты въ «Капулетахъ и Монтегіяхъ» — Беллини, есть ничто иное, какъ *совершенное подражаніе* романсу Дездемоны въ «Отелло» Россини, что яствуется уже изъ того, что оба романса поются *подъ аккомпаньманъ арфы*; что Россини, принужденный безпрестанно раскланиваться на вызовы при первомъ представленіи его «Сороки-воровки» гораздо больше *измучился*, чѣмъ отъ *управленія оркестромъ*; что большая часть его оперъ пали или не имѣли успѣха; что написавъ «Вильгельма-Теля» Россини доказалъ, *какъ бы онъ могъ писать, еслибы захотѣлъ.*» По здравой логикѣ изъ этого выходитъ, что всѣ свои прежнія оперы Россини писалъ дурно, и притомъ именно потому, что не хотѣлъ писать ихъ хорошо. Бѣдный Россини, чего на тебя не внесутъ! «Съ этаго времени, продолжаетъ г. Кажинскій, Россини предается *совершенному бездѣйствію*. Гастрономическія наслажденія составляютъ одну изъ *главнѣйшихъ его работъ.*» — Хорошо *наслажденіе*, когда оно становится *работою*! Но это бы еще ничего, а вотъ какъ *работу* согласить съ *совершеннымъ бездѣйствіемъ*, этаго ужъ мы никакъ не понимаемъ! Развѣ вертѣть колесо, какъ бѣлка, или сочинять безпрестанно на одинъ и тотъ-же ладъ польки?

Далѣе, разбирая вліяніе Россини на итальянскую музыку, г. Кажинскій говоритъ: «*Извѣстно, что итальянцы умѣютъ писать музыку для пѣнія лучше нѣмцевъ и французовъ.*» (Вотъ это ново)! «Причина этаго преимущества заключается въ основательномъ изученіи пѣнія, съ котораго итальянскіе композиторы

начинають свое музыкальное образованіе : французы-же и нѣмцы пренебрегаютъ этимъ совершенно. Оперы Вебера служатъ неоспоримымъ доказательствомъ!» — Ну, ужъ какъ бы нибыло неоспоримо это доказательство, однако мы желали-бы, чтобъ г. Кажинскій указалъ намъ изъ всего репертуара приведенныхъ имъ итальянскихъ именъ, не только цѣлую оперу, но хоть одну польку, написанную для пѣнія итальянцемъ, которая могла-бы сравниться съ «Фрейшюцомъ», «Эвриантою», «Оберопомъ», «Преціозою» — Вебера, съ «Дояъ-Жуаномъ» и «Волшебной флейтою» Моцарта, съ «Іосифомъ» Мегюля, «Невѣстой» и «Фенеллой» — Обера, не говоря уже о «Робертъ», «Гвельфахъ и Гибелинахъ», «Пророкъ» — Мейербера и о «Жидовкѣ» — Галеви. Пусть укажетъ онъ намъ въ итальянской музыкѣ хоть что-нибудь приблизительно похожее на оперы Глука : «Пенгения въ Тавридѣ» и «Армида!» А вѣдь это все нѣмцы да французы, которые по его мнѣнію пренебрегаютъ совершенно изученіемъ законовъ пѣнія.

Впрочемъ, г. Кажинскій критикъ не упорнаго права, онъ не постоитъ за свое убѣжденіе; если оно вамъ не нравится, переверните страницу, другую и онъ самъ вамъ скажетъ : «Керубини, одинъ изъ величайшихъ композиторовъ, отличался возвышенностью мыслей и необыкновенною чистотою слога (т. е. *стиля*) но онъ принадлежалъ исключительно французской школѣ, и оказалъ музыкѣ великія и неоспоримыя услуги развитіемъ системы нѣмца Глука.» — «Спортини по сочиненіямъ своимъ принадлежитъ исторіи музыки нѣмцевъ и французовъ (?); объ немъ скажемъ, что слава его увеличивается со дня на день и что ему въ области искусства принадлежитъ самое почетное мѣсто. Пэръ — всю жизнь свою писалъ для Франціи : стиль его изященъ и чистъ, инструментовка легка и пріятна.» — «Итальянскіе композиторы въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ болѣе заботятся объ успѣхѣхъ своихъ пѣвцовъ, нежели о *цѣлости* и *характерѣ* драмы. У нихъ чаще всего пѣвецъ стоитъ на первомъ планѣ, композиторъ же съ своимъ произведеніемъ на второмъ, а иногда даже совершенно назади!» И все это вѣрно оттого, что они начинаютъ свое музыкальное образованіе съ основательнаго изученія законовъ пѣнія, которыми нѣмцы и французы совершенно пренебрегаютъ. «Рубини превосходно выразился, говоритъ далѣе г. Кажинскій ; онъ сказалъ : Итальянскія оперы суть фраки, сшитыя по мѣркѣ того или другаго пѣвца. Наши композиторы въ этомъ случаѣ отличные портные.» По крайности г. Кажинскій справедливъ : если нѣмцамъ и фран-

цузамъ отъ него досталось, такъ и итальянцамъ пенездоровится отъ этакихъ похвалъ.

Но это не все, погодите. Россини, котораго онъ ставитъ выше всѣхъ итальянскихъ композиторовъ, не раздѣляется съ нимъ такъ дешево! «Разсмотримъ, говоритъ онъ, инструментальную часть оперъ этого композитора. Подъ *инструментальною частью* разумѣется, какъ извѣстно, *увертюра и антракты*». Вѣкъ живи — вѣкъ учись! Представьте, а мы въ простотѣ души думали, что все, что въ оперѣ принадлежитъ оркестру — называется инструментальною частью: и акомпаньманъ ибнѣя, и интродукціи къ аріямъ, и выходы, и марши, и танцы, и описательная музыка, напрямѣръ, бури, тишина ночи, восходъ солнца; а выходитъ на повѣрку, что это все *лирическая часть*, а *инструментальная* собственно состоитъ изъ *увертюръ*, которыя пишутъ не всѣ композиторы оперъ, и *антрактовъ*, которыхъ никто не пишетъ, кромѣ господина Кажинскаго для Александринскаго театра. Но послушаемъ, что далѣе говоритъ нашъ ученый толкователь: «И здѣсь, (то-есть, въ инструментальной части) Россини явился преобразователемъ. Его произведенія отличаются *новымъ блескомъ и новою красотою*. Увертюры «Танкредъ», «Отелло», «Елисаветы», «Семипирамиды», наполнены *превосходными мелодіями и неизвѣстными до него эффектами*, но — плачь увертюръ Россини *самый дурной, несносный для слуха*, привыкшаго къ *хорошей музыкѣ*. — «Вотъ тебѣ и здравствуй! Новый блескъ этотъ выходитъ *самый дурной*, а *превосходныя мелодіи, неизвѣстные эффекты и новая красота* — несосны для слуха, привыкшаго къ *хорошей музыкѣ*! А знаете-ли отчего это? — «Оттого, говоритъ господинъ Кажинскій, что величайшій *геній* не всегда способенъ руководствоваться *самыми общими, самыми развитыми понятіями*». — Что правда, то правда! Гевіемъ именно и называютъ того, кто создаетъ въ искусствахъ новое, свое, вноситъ въ него евъжіе элементы, а *общія мьста и развитыя понятія* или иначе *избитыя формулы* оставляетъ въ достояніе сочинителей полекъ, вальсовъ и галлоповъ.

«Эти *недостатки*, продолжаетъ нашъ цѣнитель и судья — встрѣчаются *во всѣхъ* увертюрахъ Россини. *Слухъ искусныхъ музыкантовъ* конечно оскорбляется этимъ, потому что они понимаютъ всю несообразность подобнаго рода музыки, часть публики, привыкшая къ *хорошей музыкѣ* тотчасъ чувствуетъ какую-то *непріятность для слуха*». — Какъ мы благодаримъ Бога, что мы не принадлежимъ, какъ господинъ Кажинскій, къ *искуснымъ му-*

зыкантизмъ, и къ той части публики, которая чувствуетъ какую-то непріятность для слуха при исполненіи композицій Россини! А то вамъ пришлось бы тутъ же раскаяться въ восторгѣ, съ которымъ мы, вмѣстѣ съ невѣжественной, неслыхавшею антрактовъ Александринскаго театра, и стало быть не привыкшей къ хорошей музыкѣ — парижскою публикою, слушали его увертюру въ «Карлѣ Смѣломъ».

За Россини у господина Кажинскаго слѣдуютъ: Зингарелли, Симонъ Майеръ, Фиораванти, Николлини, Азіоли, Генерали. Ужъ какъ эти господа попали въ послѣдователи Россини — мы рѣшительно не понимаемъ. Каждый изъ нихъ кончилъ свое поприще прежде, чѣмъ Россини выступилъ на сцену. Хронологія у господина Кажинскаго немножко хромаетъ, но это такой вздоръ, на который искусные музыканты и великіе историки не обращаютъ вниманія. Господинъ Кажинскій перечисляя этихъ маэстро очень наивно добавляетъ, что «Стиль Николлини принадлежитъ старинной итальянской школѣ и со времени преобразования, которое произвелъ Россини, сочиненія этого автора совершенно забыты; что Генерали родился въ 1785 году и что Россини много пользовался партиціями этого автора, простѣе, присвоивалъ себѣ его сочиненія; что оперы Ригини нынче вовсе забыты и что они написаны въ немецкомъ стилѣ, то-есть безъ основательнаго изученія законовъ пѣнія. Какъ же онѣ попали въ Итальянскую оперу?»

Но за то ужъ настоящимъ современникамъ и послѣдователямъ Россини, г. Кажинскій не подстилаетъ розъ и лавровъ, а заставляетъ ихъ плясать такую арабскую польку, что бѣдные не знаютъ, въ какую шель имъ выскочить. МеркадANTE, Пачини, Беллини, Доницетти, Риччи, Верди — уничтожены просто въ прахъ и въ пыль. Но послушайте лучше самаго критика: «Беллини былъ человекъ съ истинно большимъ дарованіемъ» — Милоество! — «Почти ни одинъ композиторъ не оставилъ намъ столько прелестныхъ мотивовъ!» — Очень спсходительно! — «Оперы его обошли всю Европу, а его» «Сомнамбула», эта прелестная идиллія XIX вѣка, упрочила себѣ долгое существованіе.» — Даже лество! — «Пѣсни Беллини дышатъ огнемъ возвышенной страсти и любви. Въ каждомъ тактѣ, въ каждой нотѣ — выражается сердце поэта, сердце полное любви и чистѣйшихъ чувствованій: Беллини поэтъ возвышенный, поэтъ вдохновенный!» — Да это просто панигирикъ! Постойте, вотъ вамъ и оборотъ медали: «Онъ не отличался глубокимъ знаніемъ музыки; произведенія его пренеполнены величайшими ошибками; мысли его недостаточно разви-

ты, часто недостаетъ въ нихъ *основательной связи*. Кто хочетъ разсматривать Беллини съ *ученой точки*, тому не совѣтуемъ даже брать въ руки его партій. *Строгий знатокъ, критикъ по профессіи* (какъ г. Кажинскій на примѣръ) найдетъ въ нихъ *бездну недостатковъ*; разсматривая же красоты этихъ *чудныхъ, вдохновенныхъ мелодій, съ истиннымъ чувствомъ*, сбросивъ съ себя на минуту *парикъ и тогу судьи критика*, онъ увидитъ, глазами души и сердца, много *превосходнаго и возвышеннаго*, чего холодный свѣтъ не въ состояніи замѣтить.»

Мы принадлежимъ къ холодному свѣту и хотя не въ состояніи, по мнѣнію господина Кажинскаго, замѣтить *превосходное и возвышенное*, но до того любимъ мелодическаго Беллини, что готовы воскликнуть: *господинъ Кажинскій, сбросьте вашъ парикъ и тогу!* Оставьте намъ Беллини, не берите въ руки его партій, не разсматривайте его съ *вашей ученой точки!* Пощадите намъ хоть «Норму» и «Сонамбулу!» Тѣмъ болѣе, что вы упрекаете бѣднаго Беллини за нововведенія, которыя, какъ вы полагаете, способствовали къ упадку *драматическаго пѣнія*, а мы напротивъ находимъ, что именно эти нововведенія и возвысили нѣсколько драматизмъ въ итальянской оперѣ. Вы говорите: «Причиной упадка итальянской оперы было *искаженіе пѣнія*. Беллини, самъ не подозрѣвая того, былъ наиболѣе виновнымъ, вводя *декламационное пѣніе*. Блестящій успѣхъ его повлекъ за собою тѣмъ подражателей. Образовалась *новая школа*, назвать которую и описать мы не умѣемъ.» Но если вы не умѣете понять и описать эту школу, то мы вамъ скажемъ, что она вовсе не такъ зловредна, какъ вы подозрѣваете, и рѣшительно не послужила къ упадку итальянской оперы, а, напротивъ, къ ея возвышенію. Основателемъ этой школы былъ тотъ самый пѣмецъ Глукъ, котораго систему, какъ вы говорите, развивалъ Керубини. Система эта вся состояла въ томъ, чтобъ согласовать смыслъ музыки со смысломъ словъ, которыя она выражаетъ и дать речитативу, который прежде былъ безсмысленной скороговоркой, заключенной между двумя аккордами, какъ въ скобкахъ, настоящее музыкальное выраженіе, требуемое положеніемъ лица и движеніемъ страсти. Вотъ что называется декламационнымъ пѣніемъ. Этому прѣкрасному примѣру послѣдовали всѣ новѣйшіе итальянскіе композиторы, а Мейерберъ довелъ искусство лирическаго разговора до апогея. Слѣдовательно, Беллини за это слѣдуетъ не порицать, а благодарить. Гибъвъ вашъ на него и на Донизетти совершенно напрасенъ. Вы говорите, что Донизетти, Риччи, Верди, Нини *е tutti quanti* отличаются *въличайшею небрежностью* и довели испор-

ченность драматической музыки до крайней степени.» Совершенно несправедливо: во первыхъ, Донизетти и Верди вовсе не треньбрень или tutti quanti, хотя они и не сочиняли полекъ; во вторыхъ, эти огромные таланты не довели драматической музыки до упадка, а напротивъ основали драматическое начало въ итальянской оперной музыкѣ, гдѣ его прежде шло и духомъ не пахло. Вы спрашиваете: «Что значать эти полковые оркестры, вводимые на сцену? — Къ чему эти барабаны въ оперѣ?» — Мы отвѣтимъ на вопросъ вопросомъ: что значать эти барабаны и тромбоны во французскихъ кадрилихъ и полькахъ? къ чему эти кастаньеты, вѣвники, колокольчики, хлопущки, и другія орудія, видѣныя музыкою, въ оркестрѣ театра? Вы скажете: для произведенія не предзфекта. Тоже могутъ сказать и ваши обвиненные, съ гораздо разумнѣйшимъ основаніемъ.

Г. Кажинскій съ ужасомъ заключаетъ такъ: «Вопросъ: до чего дойдетъ опера въ Италіи, если подобные композиторы (то есть Беллини, Донизетти, Риччи, Верди) будутъ долѣе властвовать?» Къ чему ужасаться! Вамъ не нравится ихъ власть, бросьте польки, напишите оперу и убейте ихъ всѣхъ на повалъ: власть останется за вами. Вы же такъ легко видите, съ вашей ученой точки, всѣ недостатки «Нормы», «Люцій», «Лукречіи», «Набукко», «Пуританъ», «Элезира д'Аморе» — что вамъ просто ничего не стоитъ, какъ говорится, всѣхъ ихъ за поясъ заткнуть.

Мы помнимъ, что въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій г. Кажинскій тоже жестоко ратоборствовалъ противъ бѣднаго Гаэтано Донизетти и съ истинно базнословной наивностью сказалъ: «Да что такое Донизетти? Механическій наборщикъ звуковъ, и больше ничево; который все пишетъ по одной и той же, однажды имъ придуманной формѣ. Дайте мнѣ двѣ первыя фразы любой увертюры Донизетти, я напишу вамъ безъ ошибки всю его оперу, никогда не слыхавъ ее,» Какъ бы мы довольны были, еслибъ на этомъ основаніи, г. Кажинскій, вмѣсто двухъ новыхъ полекъ, которые онъ готовитъ къ градушему бенефису Александрискаго театра, самъ бы придумалъ двѣ фразы à la Донизетти и написалъ намъ изъ нихъ оперу получше «Дочери полка», «Роберта д'Эвере» «Допа Паскуале.» Это истинно порадовало бы любителей музыки и возстановило бы упавшую итальянскую оперу.

Но мы никогда не выплыли бы изъ этого моря учености и высшихъ взглядовъ, которые г. Кажинскій, какъ самъ говоритъ на стр. 38, приобрѣлъ, управляя нѣсколько лѣтъ оркестромъ въ Вильнѣ, и впоследствии сочиняя съ ученой точки зрѣнія польки для антрактовъ Александрискаго театра и цыганскіе попури для

г-жи Самойловой, еслибъ насъ не призывали другіе любопытнѣйшіе предметы нашего фельетона.

Домосѣдъ меломанъ, между тѣмъ, поглотивъ разомъ всю эту «Исторію итальянской оперы» вполне убѣжденъ, что она (т. е. опера) никуда негодится, очень радъ что не попалъ въ итальянскіе спектакли, и глубоко увѣренный, что и пѣмцы, и итальянцы не умѣютъ писать настоящей музыки, а что ее надо искать въ современныхъ полькахъ и редовахъ, проворно схватываетъ первую тетрадь «Нувеллиста» за нынѣшній годъ и садится къ имперялю Лихтенталя.

«Нувеллистъ *» этотъ премилый, прелюбезный, пресовѣтливый музыкальный журналъ. Не въ примѣръ своимъ братіямъ, онъ даетъ подписчикамъ своимъ все новыя и притомъ очень хорошо выбранныя пьесы извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Карлъ Мейеръ, Дамке, Шульгофъ, Шиллеръ, Дювернуа, Шифъ, Романусъ, Бейеръ, Даргомыжскій, Глинка, Гурилевъ, Яковлевъ, Рубинштейнъ, Осиповъ, Арну, Фракманъ, Щепинъ, Алябьевъ — обыкновенные его вкладчики. Самъ издатель, извѣстный композиторъ и лучший изъ нашихъ музыкальныхъ торговцевъ, ревностно участвуетъ въ «Нувеллистѣ.» Но *Нувеллистъ* имѣетъ передъ другими музыкальными изданіями, не одно преимущество *новизны*, онъ и разнообразіе другихъ, по содержанію, и красивѣе всѣхъ — по наружности. Въ литературномъ листкѣ его есть что почитать, въ музыкальныхъ тетрадяхъ найдешь прекраснѣйшія пьесы для всякаго возраста и для всякихъ средствъ. А это не бездѣлица! При каждомъ номерѣ есть тетрадка для дѣтей, подъ названіемъ: *Petit Album des jeunes pianistes*, составленная изъ легкой музыки, очень умно и съ большимъ вкусомъ выбранной. Ежегодно даритъ онъ сверхъ того своимъ аббентамъ по нѣсколько очень хорошихъ портретовъ музыкальныхъ знаменитостей, и все это за 11 руб. 50 коп. сер съ пересылкою: это просто дешевле самой дешевизны!

Вы можете себѣ представить, что домосѣдъ-меломанъ въ первой тетради «Нувеллиста» нашелъ самое отрадное вознагражденіе за массу учености, которую заставилъ его проглотить г. Кажинскій. Онъ нашелъ прекрасную транскрипцію «Народнаго гимна», сдѣланную Карломъ Мейеромъ; оригинальный «Капризъ» Дамке; «Мечтанія объ улыбкѣ Луизы» Карла Фосса; а вы знаете, какъ К. Фоссъ нѣженъ и поймете, какъ мечтанія его должны быть

* Подписка на «Нувеллистъ» принимается въ музыкальномъ магазинѣ Бервара и въ книжной лавкѣ Печаткина — въ *С.-Петербурѣ*; у Левгольда — въ *Москвѣ*, и у Тотти — въ *Одессѣ*.

сладостны, когда мы вамъ за секретъ откроемъ, что улыбка Луизы самая обворожительная. Далѣе онъ принялся разыгрывать «Блистательный вальсъ» — Шульгофа, «Ноктюрнъ на берегу моря» — Валласа, «Незабудку-польку» — Архангельскаго; и «До свиданія — польку» — Бильза. Удовлетворивъ себя по части фактической музыки, онъ развернулъ «Литературный листокъ» Нувелиста, чтобы насладиться частью теоретическою. Тутъ встрѣтилъ онъ очень миленькіе историческіе рассказы, хорошія біографіи композиторовъ и всѣ текущія новости музыкальнаго міра. И представьте его удивленіе: ни одна изъ этихъ статей не дышала глубокомысліемъ г. Кажинскаго, всѣ онѣ написаны не съ высокой точки зрѣнія, видимо безъ парика и тоги судьи-критика! Онъ опять схватился за «Исторію Итальянской Оперы» г. Кажинскаго, чтобы убѣдиться, кому же наконецъ вѣрить при такомъ различіи взглядовъ, и прочелъ въ первыхъ шести строкахъ слѣдующее опредѣленіе оперы:

«Опера — зрѣлище по преимуществу; (???) соединяющее въ себѣ «прелесть всѣхъ изящныхъ искусствъ»; (!) имѣетъ отдѣльныя «одной только ей свойственныя условія, и не можетъ подлежать «разбору, на основаніи правилъ, существующихъ для другихъ «сценическихъ зрѣлищъ.»

Меломанъ сталъ въ окончательный тупикъ, этотъ наборъ словъ показался ему чистѣйшей галиматьяею и онъ невольно воскликнулъ: что-же это такое? Въ эту минуту задумчивый взоръ его остановился на тетрадкѣ нотъ, на ней было напечатано:

«Новая арабская полька — соч. Кажинскаго.»

Такъ-какъ мы попали въ жилу музыки, то поговоримъ, кста-ти, объ инструментахъ для фортепьянной игры. Это предметъ чрезвычайно важный въ настоящее время, когда покупателю предстоптъ самый роскошный выборъ между мастерами. Было время, когда по этой части господствовалъ одинъ только Тишнеръ: инструмента, лучше его работы, нельзя было достать, и всѣ по-неволѣ обращались къ нему одному. Потомъ явились мастера Виртъ и Шрёдеръ, которые стали раздѣлять его славу. Мало по малу начали основываться и другіе мастера-художники, которыхъ инструменты ни въ наружности, ни въ устройствѣ, ни въ силѣ звуковъ, не уступали работѣ главныхъ корпеевъ. Но всѣ они, болѣе или менѣе, были только слѣпые подражатели Эрара и французскихъ мастеровъ. Настоящій Эраровскій или Плейелевскій инструментъ всегда бралъ верхъ надъ ихъ работою, и въ Россію выпсывалось почти столько же заграничныхъ инструментовъ, сколько ихъ выдѣлывалось здѣсь. Это про-

должалось до тѣхъ поръ, пока въ Петербургъ пріѣхалъ въ первый разъ Листъ, первый пьянистъ въ мірѣ и лучшій знатокъ по части инструментовъ. Листъ игрокъ самый прихотливый, онъ всегда возить съ собою два превосходѣйшіе инструмента, къ которымъ, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ не найдешь двойниковъ. Но въ каждой большой столицѣ, онъ, какъ новый Гарунъ-эль-Решидъ, никогда не обходитъ всѣхъ инструментальныхъ мастеровъ, чтобъ увѣриться, не таится ли гдѣ нибудь въ мастерской новаго дива-ройяля. Въ такомъ странствованіи онъ и въ Петербургѣ, пробѣжавъ по всѣмъ извѣстнѣйшимъ клавиатурамъ, зашелъ къ новому инструментальному фабриканту Лихтенталю, и какъ Архимедъ, въ восторгѣ воскликнулъ: *нашелъ!* Съ этихъ поръ началась слава Лихтенталя: ни чей инструментъ не выносилъ такъ терпѣливо и устойчиво игры Листа, ни чей инструментъ не передавалъ такъ нѣжно и сладко душу Листа. Съ той минуты Листъ не играетъ уже ни на чьихъ инструментахъ, кромѣ Лихтенталевыхъ. Дѣлерь, Дрейшокъ, Тальбергъ — дѣлаютъ тоже. И вотъ вмѣсто того, чтобы ввозить къ намъ издѣлія Эрара и Плейеля, отъ насъ теперь выписываютъ за границу инструменты Лихтенталя, который поставилъ фабрику свою * на высокую погу и получилъ почетныя титула придворнаго инструментальнаго мастера короля Бельгійскаго и его королевскаго высочества принца Альберта Англійскаго. Но все это не было дѣломъ случайности. Лихтенталь дѣйствительно великій художникъ, артистъ въ душѣ, одна изъ тѣхъ тревожныхъ натуръ, которыя не могутъ спокойно оставаться при старомъ, которыхъ духъ безпрестанно работаетъ и стремится вдаль, къ безпредѣльному совершенству. Почти трудно повѣрить что стало съ его инструментами, съ тѣхъ поръ, какъ Листъ провозгласилъ ихъ первыми въ мірѣ! Теперь ихъ узнать нельзя: столько онъ придумалъ усовершенствованій, улучшеній, основныхъ прсобразованій, какъ во внутренномъ механизмѣ, такъ и во внѣшней формѣ. Лихтенталь обладаетъ самымъ быстрымъ соображеніемъ и удивительнымъ механическимъ тактомъ. Когда вошли въ моду *пьянино*, это прекрасное изобрѣтеніе повѣйшаго времени, которое дѣлаетъ инструментъ уютнымъ, помѣстительнымъ въ каждой комнатѣ и притомъ самой красивой мебелью, Лихтенталь тотчасъ увидѣлъ неудобства механизма этаго инструмента. Декъ или резонансъ *пьянино*, немѣя большаго объема, не представлялъ достаточнаго протяженія для

* Фабрика Лихтенталя находится на Фонтанкѣ, между Чернышевскимъ и Семеновскимъ мостами, въ домѣ Шмидта. Магазины въ Пассажѣ.

струнъ, такъ что если басовыя клавиши издавали довольно полный звукъ, то дискантовыя за то, по короткости струнъ, имѣли звукъ быстрый, больше деревянистый, чѣмъ металлическій. Думая объ устраненіи этого важнаго недостатка, Лихтенталь нашелъ на мысль дѣлать крестообразное расположеніе струнъ, отчего струны дискантовыя получили такое-же развитіе, какъ и басовыя и звуки всего инструмента въ полнотѣ, чистотѣ и продолжительности совершенно сравнялись. Изобрѣтеніе это, которое въ инструментальномъ искусствѣ можно назвать истинно великимъ, нашло въ рукахъ Лихтентала приложеніе и къ другимъ инструментамъ. На основаніи такой-же системы крестообразнаго расположенія струнъ, изобрѣлъ онъ свой *Имперіаль*, инструментъ, по совершенству своему, занимающій нынѣ первое между мѣсто всѣми пьано форте. Чтобъ сдѣлать имперіаль удобнымъ для всякаго помѣщенія, даже самаго уютнаго, Лихтенталь придумалъ способъ сократить механическое его устройство въ размѣрахъ, не лишая его ни силы, ни звучности: вышелъ *Кабинетный Имперіаль*. Наконецъ, въ послѣднее время, онъ началъ дѣлать такъ называемыя *Quarrè квадратные фортепьяно*, которые превосходятъ всѣхъ роялей прежняго устройства, а стоятъ болѣе чѣмъ на половину дешевле. Въ нихъ таже крестообразная система струнъ. Кромѣ выгодъ, которыя мы уже объяснили, эта система представляетъ то удобство, что вчетверо долше держитъ строй, даже при самой усиленной игрѣ, и не допускаетъ струны порываться и дребезжать. Каждый инструментъ Лихтентала сверхъ того имѣетъ двойной резонансъ, который легче выноситъ тяжесть струнъ и дѣлаетъ инструментъ прочнымъ. Объ наружности его инструментовъ мы не будемъ говорить: она отличается изящной простотой и вкусомъ, притомъ надо сказать, что эта мебель не боится вліянія воздуха и сохраняетъ механизмъ, какъ герметически пригнанный ящикъ. Теперь Лихтенталь послалъ свои инструменты на Всемирную Выставку въ Лондонъ и мы увѣрены, что они тамъ увѣнчаются первою наградой. Между прочимъ, самая пріятная сторона Лихтентала состоитъ въ его безкорыстіи: при его славѣ, успѣхѣ, преимуществѣ его инструментовъ передъ всѣми прочими и при исключительной привилегіи ихъ работать, онъ могъ-бы брать баснословныя цѣны, наживать страшныя капиталы! Ничего не бывало: онъ, какъ истинный художникъ, хлопочетъ только о томъ, чтобъ его прекрасное изобрѣтеніе вытѣснило отовсюду неуклюжіе и глухіе ящики прежней методы, и потому продаетъ свои превосходныя инструменты даже дешевле самыхъ простыхъ

старинныхъ, не смотря на ихъ изящество и тройную прочность*. Эта заслуга, по нашему мнѣнiю столь-же важна, какъ и самая заслуга изобрѣтенiя. Чтобы сдѣлать свои инструменты доступными даже для жителей отдаленныхъ отъ столицы мѣстъ, Лихтенталь на свой счетъ отправляетъ инструменты за тысячу верстъ и далѣе; еслибъ инструментъ дошелъ до мѣста въ испорченномъ видѣ, стоитъ его только объ этомъ извѣстить, и онъ немедленно перемѣняетъ его новымъ, и сверхъ того отвѣчаетъ за прочность и исправность своихъ инструментовъ въ теченiе десяти лѣтъ! Вотъ это гарантiя! Я думаю, что послѣ такихъ условiй, даже въ провинцiяхъ никто не захочетъ имѣть у себя инструментовъ кромѣ, Лихтенталевскихъ. Въ столицахъ-же фирма Лихтентала на инструментъ давно уже служитъ вывѣскою *фешьюнеальнаго дома*. Многiе, при вышискѣ инструментовъ, затрудняются въ заглавномъ выборѣ тона и легкаго или твердаго *туша* (toucher). Для подписчиковъ «Пантеона» редакцiя охотно возьметъ такой выборъ на себя, если только ей дадутъ на этотъ счетъ писемное объясненiе.

Чтобы заключить нашу статью тѣмъ, съ чего мы ее начали, то есть, развлеченiями и увеселенiями Петербурга, скажемъ, что въ настоящую минуту Петербургъ радится и танцуетъ съ величайшимъ усердiемъ и постоянствомъ. Маскерады Дворянскаго Собранiя и Большаго Театра оглашаются смѣхомъ, говоромъ, пискомъ, полпы суеты и движенiя; балы и семейные вечера Благороднаго Собранiя кипятъ жизнью, раздольемъ и непринужденной веселостью. Въ нынѣшнемъ году *Семейныя Пятницы* въ Благородномъ Собранiи особенно счастливы! Прекрасный домъ господина Пашкова становится тѣснымъ для этого веселаго семейства; кромѣ большихъ залъ, во всѣхъ почти смѣжныхъ комнатахъ танцуютъ. Здѣсь веселятся безъ претензiи, по домашнему, какъ бы въ кругу самыхъ короткихъ знакомыхъ, и веселятся отъ души. Сохраняя всѣ строгiя приличiя общественнаго собранiя, семейные вечера даютъ возможность людямъ средняго сословiя доставлять своимъ семействамъ прiятное, и не убыточное

* *Имперiаль*, самый роскошный палисандровый съ бронзою стоитъ 4000 р. Орѣховый съ мѣдной оковкою 800 р. Такой-же краснаго дерева 780. *Роль-имперiаль* стоитъ: орѣхов. — 700 р. Красн. 650 *Кабитетный Имперiаль*: палисандров. побольше — 725, поменьше 675, орѣхов. б. 700, м. 675., красн. 650—625. *Пьянино*: роскошное 575, орѣхов. 428, красн. 400. *Пьяно-карре*: орѣхов. 545, красн. 315 р. с. Тутъ-же включена плата за укладку и отправленiе до 1000 верстъ. Жителямъ Петербурга дѣлается 10 процент. уступки.

развлеченіе. Выѣздъ на эти балы не требуетъ отъ дамъ большихъ издержекъ на туалетъ: не пышность костюма, а только изящная простота, не дорогіе уборы и каменья, а только непринужденность и незыскательность — вотъ главныя условія вечеровъ Благороднаго Собранія. Все натянутое, вычурное, церемонное — здѣсь совершенно исчезаетъ. Члены и гости Собранія всѣ принадлежатъ къ благородному сословію, стало быть щепетильной разборчивости тутъ существовать не можетъ: дамы охотно идутъ танцовать съ первымъ кавалеромъ, который ихъ пригласитъ, хотя бы онѣ встрѣчали его въ первый разъ въ жизни. Это завязываетъ узелъ знакомства и представляетъ интересъ новизны. Прекрасный обычай этотъ рождаетъ довѣріе, непринужденность, истинное веселіе. Хорошо было бы, еслибъ тамъ вывелся и другой обычай, завесенный къ намъ Богъ вѣсть откуда и отзывающійся самой смѣшной щепетильностью, обычай, котораго не встрѣтишь ни въ одномъ европейскомъ танцевальномъ кругу: именно — искать себѣ *сопротивника* (*vis-à-vis*) во французской кадрили. Не все ли равно, кто противъ меня танцуетъ, когда всѣ танцоры носятъ одно и тоже званіе, принадлежатъ къ тому же обществу? И не странно-ли, не стѣснительно-ли въ высшей степени, по первымъ аккордамъ оркестра рыскать въ поѣхахъ по всѣмъ комнатамъ, разбѣгая толпу, чтобы отыскать своего партнера и обозначить ему мѣсто, гдѣ стать. Если не претендательность выбора кавалера въ дамахъ такъ обязательна, мила и умна, то подобная претензія въ мужчинахъ должна по неволѣ казаться странною и почти несвойственною такому обществу, какое собирается въ Благородномъ Собраніи. Люди не танцующіе паходятъ въ этомъ Собраніи свои развлечения: для нихъ существуютъ компата для чтенія, со всѣми русскими и иностранными журналами и газетами, карты и биллиардъ. Уставъ Собранія дѣлаетъ поступленіе въ члены доступнымъ для людей самаго ограниченнаго состоянія, ежегодный взносъ денегъ (15 р. с.) за членскій билетъ, распределенъ въ три срока; цѣны на всѣ предмѣты, потребляемые въ Собраніи, чрезвычайно дешевы. И за эту маловажную трату, каждый членъ семейный пользуется со всѣмъ своимъ семействомъ (разумѣется дамами) баломъ каждую пятницу, круглый годъ, начиная съ конца сентября до мая; концертами во время великаго поста; пріятными вечерами (каждый вторникъ) съ музыкою и пѣніемъ; всѣми повременными изданіями и каждый день, если захочетъ, прекраснымъ обѣдомъ, за самую умеренную плату — и пріятнымъ вечеромъ въ радушномъ, благоправномъ и пріятномъ обществѣ. Последніе два

обстоятельства особенно важны для молодыхъ, одинокихъ людей, не имѣющихъ родныхъ и обширнаго знакомства, для которыхъ удешевленіе и удобство столичной жизни составляютъ два предмета крайней необходимости. Вообще надо сказать, что Благородное Собраніе есть одно изъ самыхъ пріятныхъ и полезныхъ учрежденій въ Петербургѣ, и до какой степени оно уважительно и важно, до какой степени сообразно съ правами и требованіями нашей жизни, доказывается уже тѣмъ, что комплектъ членовъ (600 человекъ) почти всегда полонъ, всегда есть кандидаты, и кромѣ того множество лицъ являются на каждый значительный вечеръ гостями. Много способствуетъ къ этому и образцовый порядокъ, который заведенъ и постоянно поддерживается въ этомъ Собраніи.

Кстати скажемъ: швейцаръ этого Собранія, господинъ Мартынъ Марковскій, славится своимъ философскимъ взглядомъ на вещи и поэтическимъ даромъ. Этотъ даръ расточаетъ онъ ежегодно на поздравленія своихъ почтенныхъ членовъ и гостей съ новымъ годомъ, и каждый изъ нихъ охотно приноситъ ему дань своей благодарности. Поздравленія эти, печатаемые на разноцвѣтной бумагѣ, отличаются оригинальностью, своего рода юморомъ и самаго наивнаго простодушія. Мы не можемъ удержаться, чтобы не подѣлиться съ читателями пріятнымъ поздравленіемъ, полученнымъ нами отъ г. Марковского въ нынѣшнемъ году. Вотъ оно:

Постоянно я старался
Вашу милость заслужить;
Мелкимъ бѣсомъ рассыпался,
Чтобы дамамъ угодить.

Зорко око сторожило
Мѣховой вашъ капиталъ:
Какъ полвѣка укатило
Я въ заботѣ не видалъ.

И ужъ сколько поколѣній
Быстрой, пестрой чередой,
Здѣсь, въ туманѣ упоеній,
Промелькнули предо мной!

Помню юношей я въ клубѣ:
Франты были — а потомъ,

Потонувъ въ медвѣжьей шубѣ,
Пріѣзжали старикомъ.

Сколько дѣвъ, что здѣсь входили,
Превращались въ милыхъ дамъ,
И потомъ мѣста въ кадрили
Уступали дочерямъ!

Я-жъ все тутъ, на прежнемъ мѣстѣ!
Также двери настезъ вамъ:
Прежде — маменькѣ — невѣстѣ,
Нынче — дочкамъ — матерямъ.

Разсмотрѣлъ я въ эти годы
Весь людской водоворотъ:
Лица, шубы, танцы, моды
Все смѣнялось каждый годъ!

Какъ теперь гляжу въ натурѣ,
Какъ, бывало, въ прежній вѣкъ,
Прыгалъ ловко въ *матрадуры*,
Искривляясь, человекъ;

Какъ потомъ онъ въ *эккосезъ*
Ножки хлыстикомъ сплеталъ,
И въ вальжномъ *полонезъ*
Важно гусемъ выступалъ.

Тутъ *мазурки*, *краковьяки*
Появились на свѣтъ,
И веселые гуляки
Били пятками паркетъ.

А какъ вспомню время оно,
Какъ, бывало, рой господъ
Въ вихряхъ быстрыхъ *котильона*
Ночь кружится на пролѣтъ!

Въ вальсѣ дѣвушекъ уносятъ,
Кружатъ головы въ конецъ,

И пощадь сами просятъ
Побѣдители сердець.

Котильонъ потомъ смѣнили,
Видно что народъ усталъ :
Овъ, французскія кадрили
По нѣмецки шаркать сталъ.

Я, забывъ не разъ салоны,
Тоже видѣлъ издали,
Какъ пускалися въ салоны
Залы платьями мели.

Наконецъ явилась полька!
Вотъ такъ танецъ! сущій бѣсъ!
Знай крутись себѣ и — только,
Просто вотъ... деликатесь.

Стоя вѣчно у порога,
Глазъ я съ залы не спускалъ,
И за всѣмъ довольно строго
Постоянно наблюдалъ :

Я нашелъ, что нынче дамы
Какъ картинки хороши
И отъ нихъ и бука самый
Будетъ вѣрно безъ души ;

Что всѣ наши кавалеры
Прелихіе господа,
И на разные манеры
Польку пляшутъ хоть куда !

Что солидное сословье
Съ каждымъ годомъ все растетъ :
Дай ему Господь здоровье
И умножь его доходъ !

Какъ на нихъ благословенье
Такъ и мнѣ-то потеплѣй :
Не забудутъ, безъ сомнѣнья,
И швейцара у дверей.

Согласитесь, нашъ лѣтописецъ тавцевъ не лишенъ исторической вѣрности и, по части выплясыванія, обсудилъ первую половину нынѣшняго вѣка довольно вѣрно!

Е. КОНИ.

С М Ъ С Ъ .

ДВА ГОДА ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

*Воспоминаніе о жизни и походахъ въ кавказскихъ горахъ
Штабсъ-Капитана Новоселова.*

Новоселовъ, убитый въ дѣлѣ на Хребтѣ Сенехтѣ, во время Натухайской экспедиціи 1842 г., — въ бытность свою до того въ плѣну у Абазеховъ и горныхъ, или бѣглыхъ Кабардинцевъ, испыталъ, подглядѣлъ и извѣдалъ много любопытнаго и потрясающаго. Возвращенный на родину, въ объятія друзей — онъ оставилъ интересныя записки о своихъ походахъ въ горахъ, которыя послѣ его смерти достались мнѣ. Часть ихъ я утратилъ въ 1844 г. при переходѣ 5-го пѣхотнаго корпуса чрезъ Сулакъ.

Не смотря на это, въ памяти моей остались потеряныя страницы его интересныхъ походовъ, которыя я съ нимъ такъ часто перечитывалъ, и потому рѣшаюсь ихъ передать любопытствующимъ, — тѣмъ болѣе, что всѣ тропинки въ горахъ Абхазіи, съ обычаями и правами ихъ жителей, мнѣ также знакомы, какъ и ему — ибо я раздѣлялъ одинакую съ нимъ участь, съ тою только разницею, что немного позже.

В. САВИНОВЪ.

Послѣ двухъ-часовой ходьбы — небольшой отрядъ нашъ раскинулъ цѣпь и, выбравъ удобное мѣсто въ рощѣ, принялся за

порубку дровъ. Вечеръ былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ февральскихъ вечеровъ, какими нерѣдко щеголяетъ полудикая и роскошная природа Абазіи.... и будь я избалованъ любовью, то непременно предался бы *кейфу* и мечтамъ. Но нелюбя первого и неспособный къ послѣднему, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣгая сквознаго шалаша и скуки, я вскинулъ на плечо винтовку и отправился преслѣдовать дичь, которой въ окрестностяхъ Сухума всегда много. Времяни было у меня довольно въ запасѣ, ибо отряду предполагалось пробыть на порубкѣ три или четыре часа, а непріятностей, обидъ и печальнаго нападенія со стороны горцевъ нельзя было ожидать, потому что рошу окружали одни только мирные аулы. Раздвигая стволомъ винтовки густыя вѣтви чинарѣ я медленно и осторожно подвигался впередъ, боясь спугнуть оплошную курицу, или щеголя фазана... Почти цѣлый часъ прошелъ въ напрасныхъ поискахъ. Я зашелъ, какъ видно, далеко, потому что пѣсня рекрута и стукъ его топора начинали уже теряться въ отдаленіи, какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня чиркнула какая-то пташка.... Я вздрогнулъ отъ радости, взвелъ курокъ моей винтовки и тише черепахи, осторожно змѣи поползъ у корней чинары и мелкаго самшита.... Свистъ повторился, но уже въ противоположной отъ меня сторонѣ. Плохо дѣло, подумалъ я, — будь у меня собака, такъ не прошло бы двухъ секундъ, и эта таинственная прыгунья — осталась бы на моемъ прицѣлѣ. А между тѣмъ прыгунья, чиркавая чрезвычайно заманчиво, всё уходила впередъ, да впередъ. Я подвигался за нею, проклиная свою неловкость, плохой слухъ и незоркій глазъ... Вотъ уже за мною исчезли звуки топоровъ, а впереди зарѣдѣла роша, — открывъ видъ на мрачное Гузхалакское ущелье, отдѣляемое отъ нея небольшою поляною. Славно, подумалъ я, сейчасъ выгоню мою мучительницу на поляну, всыплю въ нее зарядъ и походъ мой конченъ. Съ этими мыслями я сталъ насвистывать, мнѣ отвѣчали тѣмъ же. Черезъ нѣсколько минутъ, что-то черное мелькнуло за кустомъ — и остановилось. Съ крикомъ радости я бросился впередъ и осыпалъ кустъ дробью.... Но на выстрѣлъ мой отвѣчалъ только громкій хохотъ — и въ то же мгновеніе рослый горецъ, самой звѣрской наружности, уставилъ стволъ своей винтовки въ припоръ къ моей груди. Я понялъ въ чемъ дѣло, и, не теряя бодрости, быстро ударилъ по вражескому стволу, готовый отвѣтить недругу прикладомъ, какъ въ этотъ рѣшительный моментъ арканъ горца спуталъ меня по рукамъ и бросилъ на землю. Кричать и просить помощи было бесполезно: меня бы не услышали, — защищаться я не вмѣлъ воз-

возможности. Тревожно забилося тогда мое сердце... мысль о плѣнѣ, рабствѣ и неизбежныхъ мукахъ, меня ожидающихъ, облила его холодомъ отчаянія... Грудь, сдавленная ногою горца, запыла въ тоскѣ и горѣ. Мутнымъ, болѣзненнымъ взоромъ взглянулъ я на хищника — и къ удивленію моему узналъ въ немъ одного изъ мирныхъ Абазинцевъ, съ которымъ былъ коротко знакомъ по са-товкамъ въ укрѣпленіи.

Келимъ-Ухъ, развѣ ты меня не знаешь? сказалъ я, задыхаясь отъ петли, которую онъ затыгивалъ на моей шеѣ. — Келимъ улыбнулся и еще крѣпче стянулъ арканъ.

— Разбойникъ, повторилъ я рѣшительно.... Ты долженъ меня зарѣзать или отпустить сейчасъ же.

— Пхе! не думаешь ли Капуданъ, что Келимъ глупъ? Небойсь — я за тебя не стану просить выкупа.... Нѣтъ, я тебя упрячу въ такія руки, изъ которыхъ ты можешь только вырваться въ джехеннемъ, или въ Чечню.

Не коротко, но по крайней мѣрѣ ясно, подумалъ я. Въ эту минуту судьба моя была рѣшена. Я зналъ, что просить у хищника свободы, даже покупать ее съ моей стороны было-бы напрасно. Свершивъ преступленіе, горецъ, по своимъ понятіямъ, не вѣритъ въ прощеніе — потому, что всякое зло, или мысль о немъ, по его мнѣнію, требуетъ отплаты.... Лишенный надежды на свое спасеніе и выслушавъ Келима, я уже не старался утѣшать себя, рѣшась переносить твердо всё зло, всё муки, какія пошлетъ судьба мнѣ на долю.

Между тѣмъ Келимъ, скрутивъ мои руки и сообщивъ арканъ съ петлею, затыгивавшею горло, такъ, что при малѣйшемъ движеніи руки я долженъ былъ удавить себя, — вывелъ меня на поляну. Здѣсь хищникъ вспрыгнулъ на сѣдло, ухватилъ меня за воротъ и, легче пера приподнявъ съ земли, поставилъ къ себѣ на стремя.

— Держись Капуданъ, примолвилъ онъ весело, дорога не близкая... Къ тому же конь мой не любитъ постороннихъ наѣздниковъ.

Съ этими словами горецъ, не выпуская меня изъ рукъ, гикнулъ на коня и чрезъ полчаса мы уже далеко оставили за собою рошу и Гузхалакское ущелье.

Темная ночь раскидывалась надъ Гумскими предгорьями. Встрѣчный вѣтеръ насвкозь пронизывалъ меня холодомъ.... Я дрожалъ въ мокромъ китилѣ своемъ, увлажненномъ сырýmъ туманомъ. Руки мои слабѣли. Истоющая послѣднія услія — я едва могъ держаться за холку сѣдла, опасаясь каждое мгновеніе повиснуть на

арканѣ. Мы мчались лѣвымъ берегомъ Баслаты, на которой въ восьми верстахъ отъ ея истока расположенъ аулъ *Акапа*. Черезъ часть быстрой ѣзды аулъ открылся передъ нами.

Громкій лай голодныхъ псовъ встрѣтилъ насъ при выѣздѣ въ Акапу. Келимъ-Ухъ срыгнувъ съ сѣдла, ослабилъ мой арканъ — и взявъ въ поводъ коня сталъ пробираться узкою тропинкою позади саклей. Здѣсь я понялъ предосторожность горца. Акапа расположена не болѣе какъ въ четырнадцати верстахъ отъ Сухума. Большая часть Абазиновъ, населяющихъ ее, преданы русскимъ, покрайней мѣрѣ, боятся ихъ — и потому хищникъ опасался любопытства своихъ одноулицевъ, которые могли бы его выдать... Осторожно, и на мое несчастіе ни кѣмъ незамѣченные, подошли мы къ саклѣ Келима. Молодая, красивая Абазинка и толпа ребятъ встрѣтили насъ при входѣ въ грязную саклю, раздѣленную надвое верблюжьимъ сукномъ.

— Жигерда! Огня на очагъ... Больше! сказалъ горецъ, обращаясь къ женѣ своей: — гость мой дрожить отъ холоду, — надо обогрѣть его... продолжалъ онъ насмѣшливо, въ то время, какъ ребяташки съ боязливымъ шопотомъ: Русскій, Русскій! прятались въ уголь, а красивая Абазинка устала на меня взоръ полный сожалѣнія...

— Еще, Келимъ — еще Русскій? прошептала она съ худо скрываемымъ упрекомъ.. Смотри, накличешь ты бѣду изъ Сухума на головы твоихъ кровныхъ!..

— Жигерда! вскричалъ Келимъ, посинѣвъ отъ досады: развѣ ты думаешь, что твоя шея оборветъ арканъ мой? Развѣ ты думаешь, что плеть Келима также мягка, какъ его ласка. Смотри... Пошла — разсѣдай коня — да скажи Урти, что дѣло есть до него.

Вспыхнувъ румянцемъ, Жигерда бросила на мужа взглядъ, какимъ только можетъ подарить горянка въ минуту гнѣва — взяла скребницу и вышла изъ сакли. Мы остались вдвоемъ, дѣти также бросились за матерью.

Ворча на дерзость жены, горецъ сбросилъ на лавку бурку и, не снимая вооруженія, положилъ нѣсколько сухихъ виноградныхъ лозъ на очагъ, поджогъ ихъ и знакомъ пригласилъ меня погрѣться у разведеннаго огня. Я былъ совершенно радъ такой милости. Скоро пламя очага, высушивъ мой китель, разогрѣло мои окоченѣвшіе члены — и не смотря на мое безотрадное положеніе, на голодъ и сильную боль въ рукахъ, крѣпко стянутыхъ веревкою, дремота одолѣла меня и я заснулъ въ то время, какъ Келимъ привался ревизовать мои карманы.

Была глубокая полночь, когда я проснулся, разбуженный громким смѣхомъ и говоромъ моего владѣльца. Слабый свѣтъ Чачьхура, * поставленнаго на лавкѣ, блѣдно обрисовывалъ усатую фигуру Келима и стоявшаго передъ нимъ худаго, блѣднаго и сгорбленнаго жида Урти, главнаго дѣателя на Сухумскихъ сатовкахъ, преданнѣйшаго слуги Русскихъ, какъ онъ всегда рекомендовалъ себя намъ, и вѣрнаго помощника Абазиновъ во всѣхъ ихъ продѣлкахъ, какъ говорила о немъ молва. По мокрой шапкѣ Урти, увлажненной дождемъ, которую онъ только что стряхнулъ — можно было заключить о недавнемъ приходѣ еврея. Желая послушать разговоръ собесѣдниковъ, въ которомъ, быть можетъ, заключалась исторія моихъ будущихъ походовъ, я прикинулся спящимъ и даже не обратилъ вниманія на кусокъ чурена и пару шемаекъ, положенныхъ въ эту минуту мнѣ въ руку женою Келима, помѣщавшеюся подлѣ меня на войлокѣ.

— Худо вѣрится, храбрый мой Келимъ, говорилъ еврей.... Русскіе не спятъ на порубкахъ, а ты пзъ глазъ у нихъ укралъ Капитана...

— То-то и есть, душа моя; подивись моей снаровкѣ, отвѣчалъ Келимъ.... Не всегда надо добычу брать съ ножа, иной разъ нуженъ волчій ротъ, а въ другой лисій хвостъ.

— Такъ ты....

— Хвостомъ, душа моя Урти, — на этотъ разъ хвостомъ...

— И ловко?

— Какъ видишь! Келимъ указалъ на меня... Я возвращался отъ кунака изъ Охвამе *, продолжалъ онъ, а гяуры входили въ рошу. Вотъ еслибъ было потемнѣе, да попозже — подумалъ я — воротился бы Келимъ тогда домой съ ясыремъ, было бы у него полъ-шапки абазовъ...

— Да кто же тебѣ дастъ полъ-шапки абазовъ за гяура? отозвался еврей.

— Ты душа моя Урти, — ты, моя крошка...

— Пхе!.. Какъ можно!...

— Можно, можно, ипташи Урти... Сторгуемся... Послѣ сторгуемся... Слушай.

— Не дамъ, право не дамъ, Келимъ....

— Дашь, увидимъ.... Послѣ.... Слушай. Абазы-то мнѣ и прибавили ума... Думаю: полъ-шапки.... Хорошо! Много! Постараюсь,

*) Плошка, въ которой горитъ рыбій жиръ. —

** Мирный абазинскій аулъ, расположенный на берегу моря, въ двухъ верстахъ отъ Сухума.

думаю. Съ этимъ словомъ я заскакалъ впередъ отряда версты на три, сбатовалъ коня, а самъ ползкомъ назадъ, въ кустарникъ, и прилегъ....

— У! какія страсти, Келимъ — ну, а если-бы тебя поймали....

— Да то-то что не поймали.... снаровка Урти, на все снаровка! Долго и напрасно выжидалъ я оплошного гяура.... Наконецъ, ясный шорохъ въ кустахъ заставилъ меня вздрогнуть отъ радости. Осторожно приподнялъ я голову и увидѣлъ Капудана, который шелъ прямо на меня, обнюхивая каждую травку.... Другой бы не смекнулъ, а Келимъ понялъ, въ чемъ дѣло. — Капуданъ охотился и не находилъ дичи.... Я свиснулъ, Капуданъ прислушался и пошелъ ко мнѣ.... Насвистывая, я съ быстротою змѣи мѣнялъ мѣста, уходя впередъ. Капуданъ бранился, не видя птицы. Я смѣялся и заманивалъ его на исходъ роши....

— Славно, славно.... бойко Келимъ! шепталъ еврей.

— Лѣсъ рѣдѣлъ, поляна открывалась за нами, продолжалъ гореть, — мѣшкать было напрасно; чиркнувъ еще разъ, я съ шумомъ упалъ въ кустъ можжевельника. Капитанъ вскрикнулъ и осыпалъ меня дробью.... Мнѣ только этого и надо было... Еще пыжь его заряда не коснулся травы, еще дымъ выстрѣла обвивалъ мою голову — какъ, съ быстротою молніи, свиснулъ мой арканъ и бросилъ на землю гяура.... А?... Что скажешь, Урти?

— Джигитъ!... Джигитъ Келимъ.... Умница!

— То-то, сердце моего сердца.... На все нужна снаровка; не одна отвага кормить удалца *сыскилемъ*.

— Правда, правда, Келимъ.... Ну, такъ-какъ же мы порѣшимъ дѣло?

— Просто, веселье дней моихъ, — ты отсчитаешь мнѣ польшапки абазовъ и возмешь его....

— Польшапки абазовъ! вскричалъ Урти.... Цѣлую пропасть серебра. Не шутишь ты, Келимъ?

— Я шучу только навеселѣ, и то развѣ съ женой....

— Нѣтъ!... нѣтъ!... И еврей, вытянувъ лѣвую руку, уставленную къ носу Келима прижалъ на ней большимъ пальцемъ свой высохшій мизинецъ и продолжалъ: Хочешь, душа моя, пару трапезондскихъ пистолетовъ и пару жирныхъ овецъ — сочныхъ, какъ іюльская виноградина?

Надо было запастись всею моею твердостью, вѣсьмъ своимъ терпѣніемъ, чтобы не зарыдать въ безсиліи оскорбленнаго самолюбія, въ моей тоскѣ и отчаяніи, когда жидъ торговалъ мое тѣ-

ло, мое существованіе и торговалъ такъ дешево. Задушить его я не могъ, потому что былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ.

— Пхе! пару овецъ.... и пару пистолетовъ? промычалъ Келимъ. Смѣешься Урти.... Въ глаза смѣешься! Развѣ я не знаю, что можешь за него самъ получить?

— Душа моя Келимъ, для меня очень убыточно....

— Урти, не подкрашивай жи бойкимъ словомъ! Я знаю, что на дняхъ князь Дахмуль присылалъ къ тебѣ спросить: нѣтъ ли продажнаго и смышленаго ясыря изъ русскихъ.... Ему нуженъ хорошій нукеръ.... вотъ гдѣ ты выручишь свое.... Наконецъ — если не князю, то въ Чечнѣ ты его русскимъ же продашь за хорошій выкупъ.... Пхе! вѣдь онъ капуданъ — радуга на груди есть.... * Завтра-же ты отправляешься съ караваномъ въ горы.... Кстати....

— Такъ, такъ! А не считаешь, чего мнѣ будетъ стоить доставить гяура къ мѣсту.... Теперь дороги не безопасны.... Молодцы собираются къ Тугоопен ** и грабятъ всѣхъ встрѣчныхъ — не только нашѣго брата, вѣрныхъ слугъ вашихъ.

Тутъ я болѣе не вслушивался въ разговоръ моихъ враговъ. Забывая собственное несчастіе, я все вниманіе сосредоточилъ на томъ важномъ открытіи, о которомъ проговорился еврей. — Охотно-бы я пожертвовалъ тогда жизнью за одинъ часъ свободы, лишь бы только имѣть возможность извѣстить кого-нибудь изъ русскихъ о замыслѣ хищниковъ. Тысячу средствъ, тысячу плановъ придумалъ я къ исполненію этого дѣла и всѣ они не стоили одной порядочной надежды, всѣ они были несбыточны. Сначала думалъ я обратиться къ Урти и предложилъ ему хорошую награду съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ отъ меня письмо въ укрѣпленіе, но обсудивъ внимательно эту мысль, я нашелъ, что еврей ни за какія сокровища не продастъ горцевъ, которымъ постоянно продавалъ русскихъ. Предложить за себя выкупъ Келиму я также не могъ — горецъ не повѣрилъ бы моимъ клятвамъ, если бы я обѣщалъ ему молчать о его дерзости. Оставалось только основать всѣ надежды на самомъ себѣ — и при малѣйшей возможности я рѣшился бѣжать, хотя бы съ видимою опасностію быть пойманнымъ и спрятанымъ въ яму.

* Орденскія лейточки нашихъ офицеровъ Абазины называютъ *Хай-зюрг* — радуга.

** Фортъ Вельяминовскій, взятый горцами послѣ геройской защиты его русскими, 29 февраля 1829 года, за 22 дня до славнаго подвига русскихъ въ укрѣпленіи Михайловскомъ.

Между-тѣмъ Келимъ и Урти все еще торговались.

— Погоди, погоди, говорилъ еврей, прерывая потокъ красно-рѣчія горца; ужъ для тебя только Келимъ, для тебя дорогой кунакъ мой, — я дамъ за него пару винтовокъ и три овцы....

— Урти.... послушай....

— И то съ тѣмъ, чтобы ты проводилъ мою арбу до Баталя-Кая*.

— Пару винтовокъ и четыре барана, сказалъ рѣшительно Келимъ.

— Четыре барана, четыре барана? повторилъ еврей... Ну, хорошо! А умѣетъ-ли онъ что-нибудь дѣлать: дудочки, свистки, напимѣръ — картинки, карты.... А?

— Не знаю....

— Тогда-бы я еще, пожалуй, прибавилъ за него барана, тогда-бы мнѣ ничего ни стоило кормить его въ пути.... Я-бы продавалъ по ауламъ его работу.

— Спросимъ, сію минуту спросимъ, отвѣчалъ Келимъ — и онъ толкнулъ меня ногою. Показывая, что просыпаюсь отъ глубокаго сна, я поднялъ голову и спросилъ: что ему нужно?

— Вставай и садись Капуданъ, отвѣчалъ онъ.

— Не могу подняться, сказалъ я: ноги и руки мои затекли кровью отъ твоихъ веревокъ.

— Какое злодѣйство! Какое тиранство! шепталъ еврей, искося поглядывая на меня. Я едва могъ сносить его насмѣшку, приправленную притворнымъ состраданіемъ, въ то время, какъ Келимъ молча развязалъ мнѣ руки и ослабилъ веревку на ногахъ моихъ.

— Вотъ Капуданъ, сказалъ онъ. — Завтра ночью мы отправимся въ горы.... но, не беспокойся — мы продаемъ тебя въ славныя руки. Житье будетъ раздольное.... Право! Тутъ Келимъ перешелъ къ прямой цѣли своего разговора и спросилъ меня, умѣю-ли я дѣлать дудочки или рисовать картинки? — Я отвѣчалъ, что умѣю и то и другое, особенно послѣднее. Еврей и горецъ подарили другъ друга довольной улыбкой. Первый изъ нихъ исчезъ въ ту же минуту и воротился съ пятью листами мятой бумаги и карандашемъ. Мастерскою мнѣ было назначено заднее отдѣленіе сакли, гдѣ я и расположился на чистой циновкѣ подъ надзоромъ проснувшихся ребятишекъ. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ моей, когда я завладѣлъ карандашемъ и бу-

* Горная возвышенность, лежитъ верстахъ въ двадцати-пяти отъ Эль-боруса.

магою. Я рѣшился на удачу и на авось бросить въ Баслату * записку, разсчитывая, что быть-можетъ, по волѣ Промысла, какимъ-нибудь образомъ она попадетъ въ руки моихъ товарищей.... День проходилъ, а я не могъ исполнить своего намѣренія, атакованный просьбами мальчишекъ, которые приставали чтобъ нарисовалъ имъ русскую пушку и русскаго Ивана **; въ свою очередь и добрав Жигерда, до сыта накормившая меня въ отсутствіе мужа, не лишила себя случая посмотреть, хотя въ картинкѣ, какъ одѣваются русскіе барыни. Удовлетворивъ просьбы дѣтей и матери, я успѣлъ нарисовать нѣсколько картинокъ для Еврея и въ тоже время отдѣлаться отъ ребятъ, удивлявшихся моему необыкновенному таланту. Тутъ я приступилъ къ исполненію своей задушевной мысли.

«Фортъ Вельяминовскій въ опасности, писалъ я. Какъ кажется, Шапсуги вмѣстѣ съ горными Абазинами, которые собираются къ нимъ отвсюду, хотять сдѣлать на него нападеніе.

Поручикъ Новоселовъ.

P.S. Пишу изъ аула Акапа, гдѣ нахожусь связанный у абазина Келимъ Уха. Взять въ плѣнъ вчера — 10 февраля, завтра ночью везутъ меня въ горы — по дорогѣ на Балта-Кай. Не довѣряйте Еврею Урти — онъ врагъ русскихъ и торгуетъ ими въ горахъ.
1840 г., февраля 11.»

Вотъ содержаніе записки, которую, свернувъ въ небольшую трубочку и обмотавъ нитками камыша, выдернутого изъ циновки — я намѣревался бросить въ Баслату. А для того, чтобы письмо мое болѣе обратило на себя вниманія, я прикрѣпилъ къ нему еще и орденскую ленту, не знаю почему-то оставленную мнѣ Келимомъ, тогда какъ крестъ былъ изъ первыхъ моихъ вещей, которыми онъ завладѣлъ.

Въ полдень веселый и довольный Келимъ воротился домой, вооруженный парю новыхъ винтовокъ. Удовольствившись въ цѣлости веревки, которою я былъ привязанъ за ногу къ очагу и поколотивъ ребятъ за дурной присмотръ за мною, онъ, самодовольно улыбаясь, ударилъ по плечу Жигерду.

— Видишь, сказалъ онъ ей, вѣшая на стѣну винтовки.... Настоящія турецкія.... насѣчка серебрянная.... стволь, какъ коса твоя черенъ!...

— Вижу....

* Баслата вытекаетъ изъ горъ южной Абазинъ, пробѣжавъ у пороговъ саклей Акапы, почти у самыхъ стѣнъ Сухума впадаетъ въ Черное море. Она не широка и въ протяженіи имѣетъ верстъ семнадцать.

** Вообще всѣ Абазины русскаго солдата называютъ *Иваномъ*.

— То-то! Теперь будетъ чѣмъ вспомнать отца этимъ волчатъ,—онъ указалъ на дѣтей. Поди Жигерда, продолжалъ горецъ, и для твоихъ бѣлыхъ зубовъ я раздобылъ гостинецъ.... Тамъ у сакли четыре барана.... на славу будетъ шашлыкъ — убери его до времени.

Жигерда вышла. Келимъ не измѣняя своей улыбки, обратился ко мнѣ.

— Ну, что Капуданъ.... спросилъ онъ; много сдѣлалъ картинокъ?

— Посмотри, отвѣчалъ я, придвинувъ къ нему изчерченные лоскутки бумаги.

Съ глубокимъ вниманіемъ критика Келимъ нѣсколько минутъ разсматривалъ мою работу и наконецъ разразился громкимъ смѣхомъ, при взглядѣ на европейскаго франта, изображеннаго мною въ кургузомъ фракѣ и модной шляпѣ. Фракъ и шляпа долго занимали Келима, онъ смѣялся почти до слезъ и кончилъ тѣмъ, что, назвавъ франта птицею, просилъ меня для его потѣхи придѣлать къ портрету длинный носъ, что я исполнилъ. Перебравъ картинку, горецъ остался ими совершенно доволенъ. Но этимъ не кончилось. Хитрый и осторожный хищникъ началъ составлять изъ лоскутковъ листы, желая увѣриться вся-ли тутъ бумага. Велѣдствіе этой ревизіи не оказалось двухъ лоскутковъ. Одинъ изъ нихъ мною употребленъ былъ для записки, на другомъ я нарисовалъ пушку и усатаго Ивана ребятамъ Келима. Горецъ нахмурилъ брови и, не довѣряя себѣ, снова пересчиталъ бумагу. — Результатъ былъ тотъ-же. — Капуданъ, спросилъ онъ: Гдѣ еще двѣ картинки!

— Я отдалъ ихъ твоему старшему сыну, отвѣчалъ я.

— Джелаль-Оглу!... Отдай мнѣ картинку! сказалъ горецъ, обращаясь къ курчавому и красному ребенку.

— Не дамъ.

Келимъ молча и равнодушно протянулъ руку къ плети, брошенной на лавку. Мальчикъ не двигался съ мѣста и тѣмъ же равнодушнымъ, безстрашнымъ взглядомъ отвѣчалъ на взглядъ отца.

— Когда я билъ тебя Джелаль-Оглу? спросилъ Келимъ.

— Вчера утромъ.

— Больно?

— Больно.

— Прибью еще больнѣе, если не отдашь картинокъ.

— Не отдамъ, хоть убьешь.

Келимъ взялъ плеть и подошелъ къ сыну. Отдашь ли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Горецъ посинѣлъ отъ досады и замахнулся на ребенка. Но въ то же мгновеніе Джелаль-Оглу съ быстротою молніи вырвалъ у отца всю пачку рисунковъ, и въ одинъ прыжекъ былъ уже за дверью.

— Теперь отдай мнѣ плеть, старый волкъ, кричалъ онъ; а не то всю бумагу брошу въ Баслату.... Слышь, волкъ.... старый волкъ!... И повторяя послѣднія слова, мальчишка то прицелкивалъ пальцами, то прыгалъ на одной ногѣ у сакли.

Келимъ бѣсновался. Поди ко мнѣ!... Поди курчавый шайтанъ! кричалъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва.... Поди, дай мнѣ только разъ тебя ударить, только одинъ, чтобы я могъ видѣть твою кровь, змѣенышь!

Мальчишка, снова прыгая на одномъ мѣстѣ и ударяя въ ладони, припѣвалъ: Не пойду.... Не пойду; старый волкъ, не пойду!

— Джелаль-Оглу!—кричалъ Келимъ—одинъ только разъ ударю, или берегись: продамъ въ горы!...

— А! въ горы? вскричалъ мальчикъ.... не боюсь я тебя.... Брошу бумагу въ Баслату и расскажу всѣмъ въ аулѣ, что ты украдъ у русскихъ Капудана.... Въ Сухумъ пойду.... Прощай, старый волкъ, если не хочешь отдать мнѣ плеть!...

— Змѣя!... На.... возьми! И Келимъ дрожащею рукою бросилъ нагайкою въ сына, а вслѣдъ за тѣмъ къ ногамъ горца упали и рисунки.

Эта настойчивость дерзкаго ребенка выручила меня изъ бѣды, которую я едва не нажилъ въ самомъ началѣ моего предпріятія. Остальную часть дня Келимъ былъ мраченъ и не разговорчивъ. Онъ даже забылъ спросить, накормили ли меня.

Задумавшись надъ своимъ положеніемъ и тѣми испытаніями, которыя мнѣ готовились въ будущемъ, я не тревожилъ горца распросами о томъ, куда именно онъ продаетъ меня. Для меня это было все равно — я зналъ, что въ горы.

Наступила мрачная, холодная и дождливая ночь. Вѣтеръ грустно завывалъ въ трубѣ полуразвалившейся печки Келима, бросая съ очага обгорѣлый хворостъ и шелестя камышемъ кровли. Грязные потоки дождя бѣжали по стѣнамъ сакли и наводняли ей полъ, заставляя Джигерду безпрестанно перемѣнять мѣста своей войлочной постели. Келимъ не спалъ. Онъ чистилъ свою старую винтовку, изрѣдка отворялъ крошечное окно сакли и прислу-

шивался къ шуму Баслаты. Горецъ поджидалъ кого-то. Но вотъ подъ окномъ сакли скрипнула арба и вслѣдъ за тѣмъ голосъ Урти окликнулъ горца по имени.

— Готовъ — совсѣмъ готовъ! отвѣчалъ Келимъ, навидывая на плеча бурку. — Славная ночь, продолжалъ онъ, говоря самъ съ собою; нечего бояться встрѣчи, развѣ только мокрый шакаль перебѣжитъ дорогу. — Съ этими словами горецъ отвязалъ меня, распуталъ веревку на ногахъ и, снова скрутивъ руки, вывелъ изъ сакли. Дождь лилъ, какъ изъ ведра — грязь была по колѣно. Въ одно мгновеніе я былъ облитъ водою съ головы до ногъ. Но забывая первую неприятность предстоящаго мнѣ похода, я теперь искалъ только счастливаго мгновенія приблизиться къ берегу рѣки и бросить въ нее мою посылку.... Время было дорого.... Вѣтеръ дулъ съ горъ и слѣдовательно записка моя помчалась бы съ двойною быстротою.

— Ну, ѣдемъ? спросилъ Урти, закутанный въ широкую бурку и вооруженный шашкою, которая, по-видимому, чрезвычайно его беспокоила, колота по ногамъ.

— Ёдемъ, сердце моего сердца! — отвѣчалъ Келимъ, и онъ уже поставилъ одну ногу въ стремя, вдругъ скригнувъ на землю и быстро подошелъ къ Урти.

— Да! вскричалъ горецъ.... Сколько же, дорогой мой кунакъ, ты заплатишь мнѣ за платье Капудана?

— За платье?... Какъ за платье? спросилъ изумленный еврей.

— Ну да.... Такъ.... Вѣдъ не съ чириками же я тебѣ его продалъ.... Ноги только твои, а что на ногахъ — то мое.

— Э.... полно, кунакъ! дорогое время напрасно теряемъ.... По ѣдемъ — объ этомъ послѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ, Урти, не то я раздѣну Капудана.

— Раздѣвай....

— Такъ ты не хочешь заплатить за платье?

— Не хочу. Я его прикрою своею буркою — у меня есть одна въ запасъ.

— Какъ знаешь, отвѣчалъ Келимъ, подходя ко мнѣ съ рѣшительнымъ видомъ и готовый исполнить свое намѣреніе.

— Остановись, разбойникъ! вскричалъ я, доведенный до крайности жестокостію горца.... Не развязавши рукъ, ты не смѣнешь съ меня кителя, а развяжешь ихъ, такъ я не дамъ тебѣ живымъ, хищникъ! Между тѣмъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я въ нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ назадъ достигъ берега Баслаты и бросилъ свою посылку.... Въ тоже мгновеніе порывистый вѣтеръ подбросивъ ее на воздухъ, закрутилъ и пере-

пѣсь на противоположный берегъ рѣки: Последнее мое авось, последняя моя надежда погибла тогда съ нею. Между-тѣмъ, Келимъ, обнаживъ кинжалъ, шелъ ко мнѣ.

— Урти! вскричалъ я рѣшительно, ставъ на обрывистый берегъ Баслаты. — Плати этому звѣрю за мое платье или въ это же мгновеніе я брошусь въ рѣку...

— Барана! крикнулъ еврей.

— Двухъ! глухо повторилъ горецъ.

— Двухъ.... или брошусь! повторилъ я.

— Двухъ.... Двухъ! Ограбили разбойники! простоналъ Урти. Двухъ — возьмите двухъ!

Мы отправились.

Я долженъ былъ идти пѣшкомъ. Урти и Келимъ ѣхали верхомъ. Миновавъ аулъ, мы своротили на горную дорогу, которая проторена въ скалахъ и тянется по направленію къ истоку Келасури, на аулъ Чолоу. Здѣсь насъ встрѣтили два абазина, наемные проводники Урти. За двѣ версты до Келасури, промокшій до костей, измученный холодомъ и усталостію, пройдя восемь верстъ, я въ изнеможеніи упалъ на краю оврага.

— Что съ тобою Капуданъ? вскричалъ испуганный Урти.

— Не могу идти, прошептала я, оставь меня — я умру здѣсь.

— Умрешь? простоналъ еврей — Умрешь тогда, какъ я совершенно раззорился на тебя?... Нѣтъ! На, возьми мою бурку.... Келимъ, развяжи ему руки.... Насъ четверо.... бояться его нечего.... Посадимъ его въ арбу.... Пускай согрѣется.

Караванъ остановился, а Келимъ, не прекослова желаніямъ Урти, развязалъ мнѣ руки и почти донесъ меня до узкой и крытой арбы.

— Чиха! Лейла! сказалъ Урти, просунувъ голову въ арбу.... Потѣситесь мои жемчужины и удѣлите мѣсто русскому. Въ арбѣ послышался шорохъ и шопоть. И когда я расположился въ ней, закутавшись въ бурку еврея—мнѣ казалось до того просторно, что я рѣшился вытянуть ноги и уснуть съ комфортомъ сибарита. Но не смотря на мою усталость, благодѣтельный сонъ отказалъ мнѣ на этотъ разъ въ услугѣ. Мысль, что я нахожусь подлѣ женщины, которая раздѣляютъ со мною одну долю, также отторгнутыя навсегда отъ родины, отъ друзей и близкихъ—глубоко запала мнѣ въ душу. Забывая свою безотрадную участь — я теперь занялся ихъ будущимъ. Я даже началъ за одинъ пріемъ сочинять на этотъ случай два приличные романа изъ ихъ жизни, какъ нескромный шопоть моихъ собесѣдницъ спугнулъ мои мечты и насторожилъ ухо.

Плѣнницы говорили по абазински. Стало-быть, я могъ понимать ихъ.

— Те... Лейла, шептала Чиха... онъ не спитъ, онъ слышитъ насъ.

Желая обмануть ихъ я усилилъ дыханіе. Нѣсколько мгновеній длилось общее молчаніе и наконецъ обѣ горячки сказали въ одинъ голосъ.

— Лейла, онъ спитъ! Чиха — онъ спитъ.

— Чиха, душечка, шептала Лейла—возьми руссына за руку....

— Ай! Что ты?... Зачѣмъ?

— Те... Узнаешь тогда : князь онъ или простой Иванъ... Если рука мягкая — онъ князь.

— Бѣдненькой, ипташи руссаны. Да я и такъ-знаю, что онъ князь, Лейла.

— Не правда, не знаешь! Чиха, душечка.... Скажи.

— Право. Онъ такой хорошенькій.... Глаза голубые, право Лейла.... Я видѣла его, когда онъ выходилъ изъ сакли....

— Да вѣдь тогда было темно?

— Темно? Въ саклѣ былъ огонь, когда онъ стоялъ на ея порогѣ.

Дѣвушки замолчали.

— Чиха, начала опять любопытная Лейла, бѣлокурый — руссынъ?

— У!... да.... Глаза голубые, Лейла.... Маленькіе усы.

— Правда, Чиха? Ахъ, какъ я люблю бѣлокурыхъ руссыновъ : они такіе добрые.

— Почему ты знаешь?

— Какъ же... Когда я еще была ребенкомъ, отецъ часто бралъ меня на сатовку въ Гагры.... Бывало, руссынъ погладитъ меня по головѣ, потомъ ущипнетъ за щеку — и поцѣлуешь....

— Ай, Лейла! Что ты?

— Право.... только одинъ разъ.... и подарить что нибудь ; тамъ ленту на поясъ, или позументъ, что они на шашкахъ носятъ. Всѣ они такіе добрые — и старые руссыны тоже. Я вѣдь знаю.

— Ну, и этотъ также добрый, Лейла?

— Я думаю, коли онъ князь и руссынъ.... Пощупай его за руку.... Вотъ тогда узнаешь. Не бойся — они всѣ добрые, да этотъ же и спитъ....

— Боюсь.... страшно, Лейла.

— Вотъ ужъ тебя сейчасъ видно, что не въ нашихъ горахъ родилась, а за-Ингури... Смотри — какъ я....

И я слышалъ, какъ дрожавшая рука Лейлы откинула мою буржу упала на мою руку.... Мягкая! шептала дѣвушка. Надо было понимать тогда мое положеніе и мои ощущенія, ихъ высказать нельзя. Сердце громко стучало въ груди моей, отъ этого прикосновенія. Не справляясь съ разсудкомъ, я быстро и безотчетно схватилъ маленькую и полную руку Лейлы.

Дѣвушка вскрикнула и выдернула свою руку изъ моей руки.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ.... Что надѣлала? шептала Чиха.

— Не пугайся, Лейла, сказалъ я, готовый снова поймать очаровательный пальчикъ. Ты вѣдь сама же говорила, что все руссыны добры.... Я вѣдь слышалъ весь вашъ разговоръ.

— Ай! хитрый.... Какой хитрый! шептали дѣвушки.

— И особенно благодарю тебя, Лейла, продолжалъ я, совершенно забывая, что роль любезника очень не шла ко мнѣ въ моемъ настоящемъ положеніи. Благодарю тебя за то, что ты такъ любишь бѣлокурыхъ руссыновъ!

— Ай, гяуръ.... гяуръ! сказала дѣвушка.

— Но между-тѣмъ, говорилъ я, надо тебя разувѣрить, душа моя: ты ошиблась; я — не князь.

— Не князь? спросили въ одинъ голосъ горянки. Кто-же.... Иванъ?

— Нѣтъ — я офицеръ....

— А что это такое — офицеръ?

— Начальникъ Ивана.

— Ну, все равно! Князь! вскричала Лейла: я вѣдь знаю....

— Куда насъ везутъ? спросила она, послѣ недолгаго молчанія.

— Не знаю, Лейла, отвѣчалъ я.... въ горы. Дѣвушка вздохнула. Ты грустишь красавица, продолжалъ я, прислушиваясь къ ея неровному дыханію.... Тебя вѣрно украли, оторвали отъ груди матери и братьевъ — отъ твоей прекрасной родины?

— Нѣтъ, руссыня, — меня не украли, отвѣчала она.... Меня продала Урти родная мать моя.... И слышно было, какъ Лейла силлась удержать свое рыданіе.

Сердце мое сжалось ужасомъ при ея отвѣтѣ.

— За чѣмъ-же она продала тебя? спросилъ я.... Отъ нужды вѣрно?

— Да... и оттого, что я моложе и красивѣе ея.

И волчица бережетъ свое дѣтище, а тутъ человѣкъ продаетъ кровь свою! думалъ я, пораженный словами Лейлы. Избѣгая дальнихъ вопросовъ и не желая растревлять грустными воспомина-

ніямъ свѣжей раны въ сердцѣ горячки, я оставилъ ее и обратился къ Чихѣ.

Печальную и грустную исторію рассказала мнѣ эта дѣвушка.

На южной границѣ между Абхазіею и Мингреліею, есть аулъ Бибигдаръ *, тамъ родилась и разцвѣла Чиха. Юная и прекрасная, радостно встрѣтила мингрелка весну свою. Какъ птичка пѣла она въ кругу своихъ рѣзвыхъ подругъ, усладительнѣе всѣхъ напѣвала ей лютня, прелестнѣе всѣхъ была ея головка украшенная голубымъ бархатомъ васильковъ. Но пришла пора — встрепенулось и ея безпечное сердце, задумались черные глазки красавицы.... Не рѣзвую пѣсню запѣла ея говорливая лютня и голубой василекъ на челѣ дѣвушки замѣнила легкая морщинка, прорѣзанная не годами, а думой. Чиха полюбила молодого армянина — духанщика изъ Кипита **. Молодецъ чувствовалъ чувствомъ дѣвушки. Переглянулись быстрыя очи ихъ, запросилось сердце къ сердцу.

— Чиха, шепнулъ ей однажды армянинъ. Меня извела красота твоя дивная.... Сердце мое выболѣло любовью.... Не потупляй глазъ твоихъ, моя милая.... Не краснѣй при словахъ моего сердца... отвѣть ему. Жить не могу безъ тебя, радость моя.... При мысли о тебѣ, я забываю всё, всё!... Будь моею. Наряжу тебя въ жемчугъ и канаусъ, разукрашу дни твои радостію.... Подарю такую любовь, какой не купишь ни за золото!

— Не канаусъ и жемчугъ мнѣ нужны, рѣшилась отвѣчать дѣвушка.... сердце просить только твоей любви и ласки.

Не запомнятъ старики-Мингрелы такого раздольнаго веселья, такого вкуснаго и сладкаго вина, какое лилось изъ дорогихъ азерпешей на богатыхъ коврахъ Евлампія, сирավявшаго канунъ своей свадьбы. На славу угостилъ армянинъ своихъ родичей и друзей нареченной. Кто веселъ, кто на веселѣ разстался съ хозяиномъ.... А молодые, какъ голубки, всё еще ворковали — наконецъ и они разстались.

Была глухая полночь, когда старый отецъ Чихи, изрѣдка покрикивая на воловъ, медленно тянулся горною дорогою въ своей скрипучей арбѣ изъ Кипита до Бибигдара. Дочь молчала, утонувъ въ морѣ заманчивой мечты о завтрашнѣ. Подгулявшій отецъ, пробѣжавъ версты три затянулъ пѣсню. Кругомъ царствовало мертвое молчаніе, нарушаемое только звонкою пѣснею стараго мингрела.

* Имѣетъ болѣе двадцати дворовъ и расположенъ въ пяти верстахъ отъ лѣваго берега рѣки Галдзга.

** Также населенный аулъ, лежитъ въ шести верстахъ отъ Бибигдара.

— Остановись, батюшка... сказала Чиха.

— Зачѣмъ?... Теперь волю разошлись, и остановить ихъ—значить снова растрепать свой бичь.

— Мнѣ кажется, какъ будто-бы насъ кто-то догоняетъ... не забыли-ли мы чего?

— Забыть — ничего не забыли, отвѣчалъ отецъ... А что за нами гонятся, такъ это, душа моя, не къ лучшему... Вынь-ка на всякой случай мою винтовку... она заряжена.

Испуганная дѣвушка, дрожа, подала отцу винтовку.

— Не бойся, душа моя, — если это недобрые люди, если это хищные абазехи, говорилъ подгулявшій и слѣдовательно чрезвычайцо храбрый старикъ, такъ я отобью у нихъ охоту добывать ясырей въ нашей славной Мингрелии. Съ этимъ словомъ старый мингрель оглянулся и въ тоже мгновеніе остановилъ воловь. — Еще шагъ, — вскричалъ онъ, оттянувъ курокъ винтовки и установивъ ее въ средину четырехъ нагнавшихъ его абазеховъ хищниковъ — и перваго изъ васъ я отправлю въ джехеннемъ!...

При началѣ этой сцены, растерявшаяся Чиха безъ памяти упала на дно арбы... за тѣмъ она слышала только нѣсколько выстрѣловъ... Потомъ слухъ ея былъ пораженъ предсмертнымъ стономъ отца...

Утро этой страшной ночи она встрѣчала уже за Ингури — въ жалкой саклѣ разбойника Келима, который продалъ ее чрезъ два дни Урти.

Еще Чиха не успѣла кончить своего разказа, который и позволялъ себѣ передать не ея языкомъ, какъ подъ нашею арбою послышалось журчаніе воды... Спутницы мои съ громкимъ воплемъ испуга бросились ко мнѣ. Мы переправлялись чрезъ Киласури. Я ихъ успокоивалъ, какъ могъ, увѣряя, что Урти вѣрно хорошо знаетъ всѣ броды на всѣхъ южныхъ рѣкахъ Абхазіи, когда нѣсколько разъ въ годъ проводитъ здѣсь свои караваны. Благодаря обстоятельствамъ, мое краснорѣчіе не встрѣтило своего предѣла, и прежде чѣмъ оно истощилось — мы были уже за Киласурию.

Настало прекрасное февральское утро, котораго трудно было ожидать послѣ такой бурной и дождливой ночи. Арба наша остановилась. Мы прошли версты двѣ — дорогами, неизвѣстными ни русскимъ, ни горцамъ, — оставивъ за собою аулы Чалюу и Апшипури, которые лежатъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ горной, выючной дороги, поднимающейся на раззоренный аулъ Мисоста Наурузова.

Въ одну минуту наши проводники сбатовали коней и, набравъ

сухого хвороста, развели нѣсколько огней, надъ которыми каждый повѣсилъ свой котелокъ съ бараниною.

Предусмотрительный Урти въ первую минуту привала освѣдомился о заключенныхъ въ арбѣ и вывелъ насъ на чистый воздухъ.

При взглядѣ на моихъ спутницъ, — лица которыхъ ночью оставались для меня загадкою — я почти обомлѣлъ отъ восторга. Это были въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго преувеличенія, перлы, алмазы красоты. Особенно Лейла, взглянувшая на меня, при выходѣ изъ арбы, произвела на меня такое страшное впечатлѣніе, что въ первую минуту раздраженія моихъ чувствъ я рѣшился спросить себя: Не влюбленъ-ли?... И самъ отъ себя не могъ добиться положительнаго отвѣта: да или нѣтъ?

— Здоровъ ли, Капуданъ? спросилъ меня Урти съ видимымъ участіемъ.

— Да... я только согрѣлся, но что захвораю, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Богъ тебя сохрани! отвѣчалъ еврей, ты меня погубишь.... Что хочешь ѣсть — ѣшь, что хочешь пить — пей! продолжалъ онъ — только будь здоровъ.... Все дамъ тебѣ.... Спроси только.... Пожалѣй меня!....

— Разбатовывайте коней! вскричалъ въ эту минуту Келимъ!... На насъ мчатся горскіе хищники! продолжалъ онъ, заряжая свою винтовку.

Урти, блѣдный и испуганный, вперилъ оловянный взоръ въ узкую тѣснину, въ которой медленно пробиралось четыре горца. Положивъ поперегъ сѣдла свои винтовки — они прямо шли на насъ. Положеніе ихъ винтовокъ сказывало о непріязненномъ намѣреніи хищниковъ.

— Не выдайте.... Не выдайте! шепталъ Урти, обращаясь къ проводникамъ. Послѣдніе выправивъ винтовки, вспрыгнули на коней и бросились на тропинку.

— Урти, сказалъ я, было-бы лучше, если-бы твои проводники остались за арбой.... Тогда четырьмя мѣткими выстрѣлами они могли-бы положить четырехъ хищниковъ.

— Правда... правда! Капуданъ! шепталъ Урти, упавшій отъ страха на землю....

Въ это мгновеніе горцы завязали дѣло.... Третій изъ нашихъ проводниковъ съ прострѣленной грудью упалъ къ ногамъ моимъ. Келимъ, какъ разъяренный тигръ, обнаживъ шашку, ударилъ на недруговъ.... Но въ это мгновеніе одинъ изъ хищниковъ, бросивъ товарищей, подскакалъ къ Лейлѣ и схвативъ ее на руки, пере-

кинулъ черезъ сѣдло, занеся ногу уже въ стремя. Минута была рѣшительная.... Кровь прилила мнѣ въ голову. Непомня себя, я вырвалъ изъ рукъ раненаго проводника еще не разряженную его винтовку и, рискуя убить Лейлу, брякнулъ куркомъ.... Пуля, прорѣзавъ складку на плечѣ ея чадры, ударила въ плечо горца — и врагъ замертво рухнулъ на землю. Съ воплемъ и дикимъ, безумнымъ смѣхомъ Лейла кинулась ко мнѣ на шею....

Въ эту же минуту мнѣ пришла мысль о побѣгѣ и о спасеніи Веняминовскаго форта. Оттолкнувъ Лейлу, я бросился за патронами убитаго горца и потомъ, протянувъ Лейлѣ руку, сказалъ: Прощай, я бѣгу.... время дорого!...

— Нѣтъ!... нѣтъ, Руссынъ! вскричала дѣвушка, я не пущу тебя!

— Лейла! Не безумствуй.... Прощай....

— Прощай Руссынъ.... прощестала она, какъ будто бы просыпаясь отъ долгаго сна.

— Помни обо мнѣ.... Вотъ тебѣ! и она подала мнѣ свой поясъ.

Между тѣмъ, отчаянный Келимъ кончалъ уже ратоборство въ свою пользу.... Два врага были убиты — два бѣжали. Заряжая на бѣгу винтовку, я скоро достигъ вершины скалы и спрятался тамъ за камень.

Скрываемый камнемъ, я сталъ наблюдать Келима и его спутниковъ, которые съ торжествомъ побѣдителей возвращались къ своей арбѣ. Первымъ дѣломъ ихъ было вытащить изъ подъ арбы струсившаго Урти. Потомъ они начали искать меня. И я видѣлъ, какъ Лейла показала имъ въ противоположную сторону отъ той, въ которую я бѣжалъ....

Два горца бросились по тропинкѣ, указанной Абазиною, въ то время, какъ Урти рвалъ на себѣ волосы въ тоскѣ и досадѣ....

ИСТОРИЯ ПОЕДИНКОВЪ И ДУЭЛЕЙ.

Родина дуэлей — въ Скандинавіи. Народы этихъ странъ жили безъ законовъ, безъ дисциплины и полагали все свои добродѣтели на острѣе своего меча. Они не знали другой справедливости, кромѣ силы. Только мечемъ поддерживали они свои требованія и примирляли ссоры. Заставляя драться противниковъ, они считали правымъ побѣдителя и виноватымъ побѣжденнаго. Дуэли нашего вре-

мени сдѣлались извѣстными не прежде, какъ въ половинѣ XVI столѣтія, послѣ отмѣненія судебныхъ поединковъ.

Мы скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, что такое были судебныя поединки; достаточно вспомнить формы и причины ихъ, чтобы обезславить ихъ память.

Извѣстны были многіе роды дуэлей и странныхъ поединковъ: дуэли, предписанныя трибуналами, дуэли, называвшіяся необходимыми, поддерживавшіяся властію короля; дуэли изъ уваженія къ прекраснымъ дамамъ, дуэли изъ хвастовства, удачества и изъ мщенія. Должно однакоже замѣтить, что во времена этихъ дуэлей думали, что Самъ Богъ рѣшалъ судьбу поединка; вотъ почему судебный поединокъ назывался *испытаніемъ*, а слѣдствіе онаго *судомъ Божиимъ*.

Если дворянинъ вызывалъ простолюдина, то онъ долженъ былъ приходиться на мѣсто битвы пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукѣ; если онъ являлся на лошади и съ своимъ дворянскимъ оружіемъ, то у него отнимали лошадь и доспѣхи; онъ оставался въ рубашкѣ и былъ обязанъ въ такой одеждѣ сражаться съ простолюдиномъ. Предъ началомъ поединка правительство дѣлало три объявленія: первымъ приказывалось удалиться родственникамъ сражающихся; вторымъ повелѣвалось народу хранить молчаніе; третьимъ запрещалось подавать помощь которой нибудь сторонѣ, подъ опасеніемъ большаго штрафа и даже смертной казни, если который нибудь изъ противниковъ будетъ побѣжденъ чрезъ эту помощь. Когда въ уголовномъ преступленіи бой происходилъ между защитниками, то тяжущіеся ставились въ такомъ мѣстѣ, откуда не могли видѣть поединка: въ это время каждый изъ нихъ былъ опоясанъ веревкою, долженствовавшею служить къ его казни, если защитникъ будетъ побѣжденъ.

Въ эти времена, — судьи могли уполномочивать женщинъ къ принятію дуэли, даже къ предложенію оной. Ничего не могло быть смѣшнѣе и любопытнѣе такого боя. Для такой дуэли выкапывался ровъ шириною въ три и глубиною въ два съ половиною фута. Человѣкъ долженствовавшій драться съ женщиною спускался въ этотъ ровъ, около котораго обводился кругъ, откуда не позволялось выходить во время поединка.

Вмѣсто оружія давали каждому изъ сражающихся по три палки, длиною въ аршинъ. Палки женщинъ обвивались ремнемъ и на концѣ ихъ привязывался камень, вѣсившій около фунта. Если желя ударить, сражающійся касался палкою земли, то терялъ одну палку. Первый, потерявшій все три палки, признавался ви-

новнымъ. Тогда законы осуждали: мужчину — къ отсѣченію головы, а женщину — къ закапыванію живою въ землю.

Въ началѣ XVII столѣтія страсть къ поединкамъ овладѣла всеми сословіями. Граждане, военные, духовные, всё хотѣли драться. Въ концѣ этого вѣка, страсть къ дуэлямъ распространилась до такой степени, что двѣ актрисы, дѣвицы Маріетта Бопре и Екатерина де-Урлицъ, имѣли свиданіе въ театрѣ для рѣшенія оружіемъ ссоры, происшедшей между ними, и ихъ допустили драться на шпагахъ въ концѣ маленькой пьесы.

Указъ 1565 года, уложеніе Блоа, приговоръ парламента 1599, уложеніе Людовика XIV августа 1679, указъ Людовика XV, 12 апрѣля 1723 года, наказывали дуэлистовъ съ большею или меньшею строгостію, но безъ успѣха.

Отчего же эти покушенія не имѣли желаемого успѣха? Оттого, что древній обычай, взятый съ формъ варварскаго суда поражалъ еще загрубѣлый духъ народа, незареннаго просвѣщеніемъ; оттого, что обыкновеніе носить оружіе способствовало къ сохраненію во всѣхъ сословіяхъ этого оскорбительнаго для ума обычая; оттого, что дуэлисты легко получали помилованіе.

Въ эпоху строгихъ опредѣленій Людовика XIV противъ дуэлистовъ, увичтоженіе дуэли было прославляемо въ стихахъ и въ прозѣ, въ публичныхъ рѣчахъ и въ частныхъ бесѣдахъ. Это было въ то время, когда герцогъ Павейлейскій отказался отъ дуэли съ графомъ Суацонскимъ. Этотъ примѣръ нашелъ мало подражателей.

Мужество дуэлистовъ, большею частію, есть ничто иное, какъ увѣренность въ своемъ искусствѣ. Если-бы такой храбрецъ зналъ навѣрное, что онъ самъ умретъ отъ удара, который нанесетъ, привязанность къ жизни сдѣлала-бы его болѣе осторожнымъ.

Вотъ для доказательства одинъ случай, который разсказываютъ историки сѣвера.

Король Густавъ Адольфъ, одинъ изъ героевъ Швеціи, смотря на поединки, какъ на нарушеніе дисциплины, произнесъ смертный приговоръ всемъ дуэлистамъ. Только что былъ обнародованъ этотъ законъ, какъ два офицера выпросили у этого государя позволеніе со шпагою въ рукѣ рѣшить ссору, между ними возникшую. Раздраженный такою просьбою, Густавъ подумалъ съ минуту — потомъ согласился, но съ условіемъ, чтобы онъ былъ свидѣлемъ поединка и самъ-бы назначилъ мѣсто и часъ его. Онъ въ самомъ дѣлѣ отправился туда; но съ корпусомъ пѣхоты, которою окружилъ обоихъ бойцевъ; потомъ призвалъ полковаго полача и сказалъ ему: Какъ только одинъ изъ нихъ будетъ убитъ,

тотчасъ отрубилъ голову другому. Пораженные такимъ рѣшеніемъ дуэлисты, признавая свою ошибку, вымолили прощеніе у короля, и поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

Нѣкоторые изъ древнихъ также имѣли понятіе о поединкѣ или дуэли. Историки говорятъ, что Пирръ посылалъ вызовъ къ Антигону; но послѣдній отвѣчалъ: Если Пирръ наскучилъ жизнью, то у него есть много другъ средствъ лишиться ея.

Въ концѣ послѣдняго столѣтія Мальта была единственною страной, гдѣ дуэль дозволялась закономъ. Основанная первоначально на романическихъ правилахъ рыцарства, дуэль вошла въ законоположеніе. Въ послѣдствіи времени, она подверглась ограниченіямъ довольно страннымъ. Для битвъ назначалась особенная улица въ городѣ и сражающіеся обязаны были подъ строжайшимъ наказаніемъ тотчасъ вложить шпагу въ ножны, когда женщина, священникъ или кавалеръ велятъ имъ это сдѣлать. Такія ограниченія были по своему свойству прямымъ уничтоженіемъ первоначальнаго закона.

ЖИВОПИСЕЦЪ ДАВИДЪ И ЕГО ЖЕНИТЬБА.

Бѣдный Седень имѣлъ дочерей невѣсть; одна красивѣе другой. Гіацинта старшая изъ нихъ, влюбилась въ живописца Давида и непременно хотѣла выдти за него за мужъ. Давидъ не былъ Аполлономъ Бельведерскимъ; лицо его всегда выражало какую-то строгость и рѣдко оживлялось лучемъ веселости; волосы падали въ беспорядкѣ по его плечамъ, какъ у какой нибудь сивиллы. Въ его портретѣ, который писанъ имъ самимъ, вась поражаетъ античный характеръ наружности. Но вѣривъ ли Давиду, изображенному Давидомъ? Набрасывая свой портретъ, онъ вѣрно думалъ о римлянахъ древнихъ временъ? Такія красоты не очаровывали невѣсть 1750 года, когда маркизы и мушкетеры во всемъ одерживали верхъ. Конечно Гіацинта Седень скорѣе увлеклась извѣстностію Давида, чѣмъ его наружностью; она любила въ немъ художника и его дивное искусство. Только привитый къ другому человѣку случаемъ, геціемъ или судьбою — человѣкъ обыкновенный рождаетъ страсти. Въ одиночествѣ онъ приноситъ плодъ дикій, но привитый даетъ плодъ роскошный. Въ одиночествѣ онъ представляетъ грубую истину, — привитый является идеаломъ чарующимъ. На человѣка глядятъ и любятъ его глазами разума

Давидъ часто обѣдалъ у Седена. Тогда Гіацинта особенно заболталась о своемъ нарядѣ; улыбка осѣняла ея миленькій ротикъ; она говорила Давиду о его картинахъ голоскомъ сирены, потому что сирены, скрываясь на дно океана, завѣщали голосъ свой всѣмъ хорошенькимъ дѣвушкамъ, въ сердцѣ которыхъ таится искра любви. Гіацинта садилась за клавесинъ и разыгрывала лучшія аріи своего друга Гретри. Не одинъ разъ за этимъ клавесинномъ она находила новыя и свѣжія вдохновенія. Прослушавъ первую арію, Давидъ говорилъ хладнокровное: *хорошо!* и опускался въ кресло отпирать обычную сіесту. Хотя онъ и не совсѣмъ спалъ, Гіацинта ничего не выигрывала — Давидъ уносился въ даль, за двадцать вѣковъ назадъ, онъ виталъ среди римлянъ и грековъ. О! еслибъ Гіацинта была изящнымъ произведеніемъ древности — мраморной или бронзовой статуей! но она обладала только любовью, умомъ, юностью, красою, а Давиду не всегда былъ понятенъ этотъ языкъ.

Впрочемъ дочь Седена простила ему разбѣяность.

— Когда-нибудь, говорила она отцу, скрывая слезы, онъ тронется и замѣтитъ любовь мою.

Извѣстно всѣмъ, что Давидъ основалъ знаменитую школу живописи. Учениковъ Давида вѣнчали почти при каждомъ конкурсѣ Римской Академіи; за это собирався почтить учителя національной наградой. Людовикъ XVI, повидмавшій превосходно искусства, назначилъ Давиду помѣщеніе въ Луврѣ.

До тѣхъ-поръ Давидъ не хлопоталъ о женитьбѣ, онъ думалъ только о дѣтищахъ своего генія. Чтобы занять квартиру въ Луврѣ, онъ принужденъ былъ переговорить съ королевскимъ архитекторомъ, Пекулемъ. Еще въ Римѣ познакомился онъ съ его сыномъ. Часто бесѣдовали они вмѣстѣ о родинѣ и о родной семьѣ. Сынъ Пекуля говорилъ Давиду: «У меня сестры красавицы, выбери себѣ любую и породнися. При отъѣздѣ живописца въ Парижъ, онъ далъ ему письмо къ отцу. Прошло болѣе двухъ лѣтъ, а Давидъ все еще носилъ письмо въ карманѣ, и когда оно попалось ему на глаза, говорилъ:

— Кто знаетъ, можетъ-быть, отъ этого зависить моя участь.

И потомъ опять на полгода забывалъ о порученіи.

Наконецъ, по надобности, онъ явился къ Пекулю.

— А! вы Давидъ, сказалъ архитекторъ, вамъ слѣдуетъ квартиру въ Луврѣ.

— Да, Его Величество пожаловалъ мнѣ помѣщеніе во дворцѣ.

— Еслибъ вы побывали у меня, назадъ тому два или три года,

съ однимъ письмецомъ изъ Рима, которое я жду-не-дождусь, давнымъ давно ужъ вы жили бы въ Луврѣ.

Давидъ имѣлъ письмо въ карманѣ, краснѣя онъ вынулъ его и въ волненіи подалъ архитектору.

— Прекрасно! сказалъ Пекуль, письмо еще подождетъ, а вы приходите сегодня обѣдать, такъ мы его и прочтемъ за десертомъ.

Сказавъ это, Пекуль, въ свою очередь, спряталъ письмо.

— А квартира? спросилъ Давидъ.

— Днемъ раньше, днемъ позже — разницы немного, отвѣчалъ Пекуль.

Въ ожиданіи обѣда, Давидъ отправился прямо къ своему другу Седену, который также жилъ въ Луврѣ, и рассказалъ ему о своемъ свиданіи съ Пекулемъ.

— Ровно ничего не понимаю, сказалъ Седенъ, это настоящая путаница.

Гіацинта была тутъ; внезапная блѣдность покрыла ея рдѣвшіяся щечки.

— Къ несчастію, я все поняла! прошептала она.

Лихорадка овладѣла блѣдной дѣвушкой: она знала дочерей Пекуля; онѣ не превосходили ее красотой, но были привлекательнѣе. Давидъ пошелъ обѣдать. Роскошь кокетства, грація чувствъ, все соединилось для очарованія его. Пекуль хотѣлъ во что бы ни стало войти въ родство съ знаменитымъ художникомъ.

За десертомъ, между шампанскимъ и испанскимъ виномъ, Пекуль взялъ письмо сына и принялся читать вслухъ. Это былъ одинъ изъ театральныхъ эффектовъ. Въ столовой царствовала глубокая тишина; дочери невѣсты изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ зорко слѣдили за Давидомъ, между-тѣмъ какъ отецъ, читая письмо, старался угадать отвѣтъ въ его глазахъ. Одна мать думала о сынѣ, который еще не возвращался изъ Рима.

Письмо было не длинно и вотъ что заключалось въ немъ:

«Любезный батюшка! Представляю тебѣ лучшаго изъ моихъ друзей; устрой такъ, чтобъ онъ сдѣлался моимъ братомъ. Нѣтъ ничего легче: ему двадцать-пять лѣтъ, а у тебя дочери-невѣсты; у него талантъ — у тебя деньги».

Пекуль окончилъ, а его еще слушали.

— Вы видите, сударыни, сказалъ наконецъ Давидъ, какъ-бы удивленный нечаянностью, вашъ братецъ судить о вещахъ по своему; я постараюсь заслужить его доброе мнѣніе, но онъ не знаетъ, что въ дѣлѣ женитьбы нельзя принуждать ни дочерей, ни сестеръ. Я же одинъ, безъ семьи и, разумѣется, почту себя

счастливымъ, если мое одиночество оживится красотою и добродѣтелью.

На эту изысканную фразу, въ стилѣ слезливыхъ драмъ тогдашняго времени, дѣвицы Пекуль отвѣчали краснорѣчивымъ молчаніемъ.

Давидъ разсматривалъ ихъ, не зная, которую ему назначали или которая имѣла право на этотъ выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, для Давида истинная страсть, поэзія и жена, все заключалось въ живописи; женщину онъ считалъ существомъ, которое пополнило бы жизнь, не развлекая ее.

Есть два рода художниковъ: одни вводятъ искусство въ жизнь, это эгонисты, энтузіасты своихъ собственныхъ твореній, поэты тѣснаго семейнаго кружка; другіе оживляютъ искусствомъ свои произведенія, расточаются въ нихъ съ самоотверженіемъ, даже съ эгоизмомъ, но облагороженнымъ, потому что произведенія ихъ — они сама, а слава — лучезарная метаморфоза ихъ личности.

Королевскій архитекторъ сказалъ Давиду, что онъ готовъ выполнить совѣты сына, зная, что знаменитый творецъ *Велисарія* свободенъ отъ брачныхъ узъ. Бесѣда снова оживилась; говорили весело и много; но собираясь домой, Давидъ еще не зналъ на комъ остановить свой выборъ. При уходѣ, онъ быстро замѣтилъ очертанія лицъ обѣихъ дѣвушекъ и удалился, спрашивая себя, которая, по требованіямъ искусства, ближе его сердцу.

Просто по привычкѣ, онъ зашелъ къ Седену.

Гіацинта была еще блѣднѣе, а онъ не сказалъ ей объ этомъ, потому что не замѣтилъ.

— Ну! любезный Давидъ, вскричалъ Седенъ съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, вы, кажется, и веселы, и озабочены? Отчего это?

— Въ самомъ дѣлѣ, продолжала Гіацинта, прикрывая улыбкою внутреннее страданіе, ваше лицо представляетъ двѣ картины.

— Двѣ картины! прервалъ Давидъ, вы угадали. Знаете, сейчасъ обѣдалъ я у Пекуля; опять завели рѣчь о женитьбѣ. Сами посудите — для чего мнѣ жениться?

— Въ этомъ я еще не вижу двухъ картинъ, сказала съ нетерпѣніемъ Гіацинта.

— Погодите! возразилъ Давидъ, чтобъ жениться, надо имѣть невѣсту, и у меня ихъ двѣ!

Бѣдная дѣвушка вздохнула свободнѣе. Последняя искра надежды — какъ искра здоровья въ предсмертный часъ — просіяла на ея тоскливомъ челѣ.

— Да, двѣ, продолжалъ Давидъ, какъ бы углубляясь въ самого себя; я не люблю ни одной, но полюблю, быть можетъ, одну болѣе другой: у одной бѣлокурые волосы, у другой черные.

Гіацинта взглянула украдкой въ зеркало каминна, въ которомъ отражалась ея бѣлокурая головка.

— У одной — черты лица рѣдкія, профиль римской; у другой типъ деликатнѣе, контуръ выразительнѣе, какъ у греческаго бюста, смягченнаго рѣзцомъ Фидія.

Гіацинта продолжала глядѣться въ зеркало.

— Видите, сказалъ Седень, въ двадцать лѣтъ я любилъ бѣлокурые локоны больше черныхъ: что намъ въ римскомъ профильѣ временъ Августа въ Парижѣ при Людовика XVI.

Гіацинта покраснѣла; она поспѣшила замѣтить, что черные волосы, по ея мнѣнію, всегда привлекательнѣе бѣлокурыхъ.

— Такъ, вы мнѣ совѣтуете жениться на римскомъ типѣ? спросилъ ее Давидъ.

— Да, прошептала Гіацинта; это ближе къ вашимъ склонностямъ, и вы, какъ Корнель — вдохновляетесь Римомъ.

Сильно билось сердце Гіацинты; она не могла продолжать, ей страшны были и радость, и горе. Она трепетала, чтобъ онъ не рѣшилъ въ пользу дѣвицы Пекуль — и трепетала, чтобъ онъ не отвѣтилъ ей: вы совѣтуете мнѣ избрать вашу соперницу, а я женюсь на васъ. Она была увѣрена, что Давидъ колеблется въ выборѣ между нею и дѣвицею Пекуль.

Вдругъ Давидъ, прохаживавшійся по замку, подошелъ къ Гіацинтѣ и отрывисто спросилъ ее:

— Кстати, вѣдь вы знаете дочерей Пекуля?

— Да, прошептала она, изнемогая.

— Прекрасно! Если знаете, скажите откровенно, на которой изъ нихъ мнѣ жениться?

Гіацинта поблѣднѣла, произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ и упала безъ чувствъ; она поняла наконецъ всю язвительную горечь своей судьбы.

Старикъ Седень, знавшій сокровенную тайну дочери, бросился передъ нею на колѣна и прижалъ ея голову къ своей груди.

— Что съ нею? спросилъ растроганный Давидъ, который, не считая Гіацинту невѣстою, любилъ ее всегда, какъ сестру.

— Что съ нею? печально отвѣчалъ Седень, если вы не знаете, я не скажу вамъ.

Мертвое молчаніе послѣдовало за этими словами.

— Боже моей, Боже мой! мысленно продолжалъ старикъ, я думалъ имѣть и дочь и сына, и вдругъ потерю обоихъ.

Давидъ взялъ руку Гіацинты и старался утѣшить ее своей суровой нѣжностью.

Она открыла глаза, поблагодарила его за участіе и просила ни о чемъ не беспокоиться; потомъ медленно поднялась, съ трудомъ дошла до клавесина и начала печальную и краснорѣчивую арію изъ Ричарда, какъ бы вспоминая и несбывшіяся мечты и прежній пылъ остывшаго сердца.

Давидъ предпочелъ римскій типъ и женился на дѣвицѣ Пекуль. Вскорѣ умеръ старикъ Седенъ, а за нимъ и Гіацинта.

Нѣсколько словъ по поводу отзыва г-на Вл. Ч. о комедіи «ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА.»

«Въ декабрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года г. Вл. Ч., разбирая комедію *Женская дружба* — говоритъ, между прочимъ: «По какимъ уважительнымъ причинамъ «г. переводчикъ счелъ необходимымъ фабриканта Бремона переименовать въ Гибера, Маркизу де Меранжъ — въ Маркизу де «Моррѣ, полковника де Баржи — въ полковника де Мелькура?»

Неужели г. Вл. Ч. не догадался, почему едѣлана эта перемѣна въ именахъ? Кажется дѣло ясное: просто потому чтобъ избѣжать французскаго ассепт, который въ русскихъ падежахъ весьма неудобенъ на сценѣ. Бремонъ, Меранжъ, Баржи, также были бы благозвучны по-русски, какъ М. Rotin — названный въ переводѣ г. Потинъ, Intégride — Антрепидъ, Chavantré — Шавантре, Madeleine, Мадлена и проч. и проч.

Никто не будетъ спорить, что въ собственныхъ именахъ историческихъ лицъ, или въ прозведеніяхъ классическихъ, своевольная перемѣна именъ была-бы непозволительна, но отчего-же въ ежедневныхъ комедіяхъ, незамѣнять французскихъ именъ — болѣе удобными для русскаго произношенія?

Самъ же г. Вл. Ч. далѣе говоритъ: «Намъ всегда смѣшно, когда на замѣчаніе: тотъ написалъ комедію, у другаго на дядьхъ чи-

«тали драму, вамъ дѣлають вопросъ: а какъ названіе? Какъ
«будто въ названіи все дѣло.»

И такъ, если дѣло не въ названіяхъ, такъ зачѣмъ-же было къ
нимъ и придираться???

II. КАРАТЫГИНЪ.

ЗАЛАТУРЪ.

Одинъ бездарный пасквилантъ написалъ комедію, въ которой вывелъ личности нѣкоторыхъ литераторовъ, окруживъ ихъ грязью и клеветами. Комедія возбудила глубокое отвращеніе и негодованіе во всѣхъ здравомыслящихъ и благородныхъ людяхъ. Издатель одной газеты, человекъ очень умный и откровенный, находясь у актрисы, для бенефиса которой онъ также написалъ пьесу, отзывался объ этомъ драматическомъ памфлетѣ, какъ о произведеніи въ высшей степени гадкомъ и низкомъ. Едва онъ высказался, какъ вошелъ самъ творецъ пасквиля. Хозяйка отрекомендовала его журналисту.

— Мнѣ очень лестно, сказалъ памфлетистъ, познакомиться съ вами....

— Не льститесь: я сейчасъ только сказалъ, что ваша послѣдняя пьеса грѣшитъ противъ смысла, правды и чести.

— Право? Ну, а я нахожу, что она очень хороша! отвѣчалъ съ самодовольною дерзостію памфлетистъ.

— Должно быть такъ, возразилъ журналистъ, потому-что еслибъ вы были объ ней моего мнѣнія, то постыдились бы ее обнародовать.

Одинъ господинъ былъ до чрезвычайности скупъ. Разъ люди пришли къ нему съ жалобой, что прикащикъ приказалъ имъ на ужинъ давать только вареную рѣпу и кашу. Господинъ взбѣсился: Можетъ-ли быть! позвать ко мнѣ сейчасъ мошенника-управителя. — Управитель явился. — «Правда-ли, что ты людямъ даешь

на ужинъ рѣпу да кашу? — Точно такъ-съ... отвѣчаетъ съ трепетомъ прикащикъ.... «Смотри же, чтобъ этакихъ безпорядковъ у меня не было, впередъ изволь давать имъ одинъ вечеръ — рѣпу, а другой — кашу».

Къ журналисту зашелъ свѣтскій левъ и началъ распространяться въ длинныхъ разсказахъ, вовсе не занимательныхъ. Замѣтивъ, что хозяинъ задумался, онъ его спросилъ: Но, скажите, пожалуйста, я можетъ быть васъ беспокою и отрываю отъ умственной работы? — «О, нѣтъ, ничего, отвѣчалъ журналистъ, продолжайте, — когда я думаю, мнѣ все равно, какой бы вздоръ ни говорили, я ничего не слышу».

— Фи! другъ мой! сказала одна дама своему мужу: какъ ты зѣвашь. — «Чтожь дѣлать, отвѣчалъ супругъ, мужъ и жена составляютъ одно тѣло, а когда я одинъ — мнѣ скучно.»

Одинъ актеръ слылъ ужаснымъ острякомъ. Онъ употреблялъ все усилія, чтобы сказать острое слово на счетъ ближняго или уколоть сарказмомъ соперника. Разъ, въ присутствіи очень умной и доброй артистки, С**, онъ истощилъ весь запасъ своихъ колкостей и эпиграммъ. — «Вотъ головка!» замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. — Да, отвѣчала С**, — булавочная головка!

Юный писатель принесъ однажды извѣстному драматургу раздирательную драму своего сочиненія и просилъ, просмотрѣвъ ее, сдѣлать свои замѣчанія.

Драматургъ долго отговаривался, но наконецъ вынужденъ былъ согласиться, чтобы только отвязаться отъ докучнаго посѣтителя. Недѣли черезъ двѣ, молодой человекъ опять явился къ нему, чтобы узнать: какъ онъ нашелъ его сочиненіе.

— Драму вашу я прочиталъ, отвѣчалъ драматургъ; но позволите-ли вы мнѣ вамъ сказать откровенно свое мнѣніе...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе; каждое замѣчаніе ваше...

— Вотъ изволите видѣть : драма ваша не то, чтобы была совершенно плоха; только все, что въ ней есть хорошаго — не ново, а то, что ново — не хорошо.

Плохой актеръ, сыгравъ главную роль въ одной драмѣ, встрѣтился на другой день съ извѣстнымъ театральнымъ критикомъ и сказалъ :

— Не правда-ли, что я успѣлъ тронуть сердца зрителей ?

— Какъ нельзя больше, отвѣчалъ литераторъ : я самъ не могъ смотрѣть на васъ безъ жалости.

Одинъ продувной плутъ, въ родѣ описываемаго Чечеткинѣмъ, Черемисова, жаловался разъ, что его называли бездѣльникомъ.

— Э! полноте горевать, отвѣчалъ ему знакомый, я очень хорошо знаю господина, который такъ объ васъ отозвался; онъ это съ дуру: ужъ у него такая глупая привычка каждую вещь называть по имени.

Одинъ самолюбивый авторъ, пожалованный сподручными газетамъ въ первые драматурги, написалъ комедію, которая не имѣла никакого успѣха. Встрѣтясь, послѣ представленія, съ другимъ писателемъ, противъ удачныхъ пьесъ котораго онъ всегда вооружался, онъ спросилъ, что онъ думаетъ о его комедіи ?

— Я думаю, сказалъ писатель, что вамъ очень-бы хотѣлось, чтобъ я былъ ея авторомъ.

Двое пріятелей встрѣтились, послѣ продолжительной разлуки въ петербургскомъ Пассажѣ.

— Какъ ты поживаешь, любезный ? спросилъ одинъ.

— Такъ, не совѣмъ, чтобы... ты, я думаю еще не знаешь, что я женился ?

— А! вотъ это прекрасно !

— Не слишкомъ, потому что мнѣ попалась жена презлая и прекапризнаго характера.

— Ну, это плохо.

— Не такъ, чтобы очень; я взялъ за ней пятьдесятъ тысячъ серебромъ.

— А! это не дурно.

— Напротивъ; очень дурно. Приданое я получилъ деньгами, вздумалъ сдѣлать оборотъ; накупилъ электоральныхъ овецъ да мериносовъ, а они отъ климата всѣ переколѣли.

— Вотъ это скверно.

— Не совсѣмъ еще скверно; я за ихъ шкуры выручилъ больше, чѣмъ мнѣ обошлись самыя овцы.

— Ну, это хорошо.

— Не слишкомъ, потому что мой деревенскій домъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ сгорѣлъ со всѣмъ, что въ немъ было; даже съ конторкою, гдѣ хранились эти деньги.

— Э! вотъ это плохо!

— Ну, не черезъ чуръ плохо; домъ-то былъ застрахованъ и представъ себѣ — въ немъ сгорѣла моя жена.

Франтъ купчикъ, представляя въ одинъ короткій домъ молодого человѣка, своего родственника, пріѣхавшаго изъ провинціи, хотѣлъ отпустить бон мо и сказалъ: «Имѣю честь рекомендовать Петра Петровича Лыкова; считаю нужнымъ замѣтить, что онъ вовсе не такъ глупъ, какъ кажется».

— Я только этимъ и отличаюсь отъ него, сказалъ провинціаль.

Пушкинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что одна дама замѣтила ему, что во всей его поэмѣ «Цыганы» одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь.

На пароходѣ, плывшемъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, было человѣкъ тридцать пассажировъ. День былъ тихій, море спокойно. Пассажиры собрались на палубѣ и находились въ веселомъ настроеніи духа; шутки, остроты и анекдоты сыпались со всѣхъ сторонъ. Кто-то предложилъ играть въ загадки всѣ охотно согласились и усѣлись на скамьи. Къ игравшимъ подошелъ скромно одѣтый старичокъ и просилъ позволенія предложить загадку, которую, по его словамъ, никто не отгадаетъ.

— Извольте, говорите, посмотримъ, заговорили пассажиры.

— Сейчасъ ; но только съ условіемъ, чтобы всякій, кто не отгадаетъ, заплатилъ мнѣ.... ну, хоть тридцать копѣекъ серебромъ штрафу.

— Хорошо, согласны отвѣчали хоромъ пассажиры.

— Лѣтомъ мерзну, зимой обжигаясь, весной лечу за облака, а осенью ухожу въ землю ! сказалъ старикъ. Извольте отгадывать.

Всѣ думали, думали, ломали головы, но все напрасно, смыслъ загадки имъ не давался, какъ кладъ, и всѣ единогласно объявили, что не знаютъ, что эта за штука; старикъ обошелъ игравшихъ и собралъ условленный штрафъ къ себѣ въ шляпу.

— Ну, чтожь, объясните-же намъ, что значить ваша загадка?

— Что значить?... Да я и самъ не знаю.

— Да какъ-же это вы?

— Кажется, у насъ не было уговору, чтобъ я непременно вамъ объяснилъ загадку. Онъ преспокойно высыпалъ деньги въ фартукъ бѣдной вдовы, которая была тутъ-же на пароходѣ, поклонился, надѣлъ шляпу и ушелъ въ каюту.

Одинъ франтъ, посѣтивъ знаменитаго Декарта, засталъ его за отличнымъ завтракомъ.

— Я вижу, что мудрецы также любятъ хорошо покушать, какъ и мы грѣшныя, сказалъ онъ.

— А неужели вы думали, отвѣчалъ Декартъ, что все растительное и животное создано только для глупцовъ?

Лѣтъ двадцать назадъ жилъ нѣкто Л***, прославившійся своей разсѣянностію. Такъ, напримѣръ, написалъ онъ разъ къ своему пріятелю такое письмо :

Любезный другъ

N. N.

«Вчера я забылъ у тебя свою золотую табакерку ; потрудись «прислать ее съ подателемъ этого письма.»

Когда онъ готовился запечатать письмо, человекъ привнесъ ему табакерку, сказавъ, что нашелъ ее въ карманѣ его фрака. Л*** взялъ перо и сдѣлалъ на письмѣ приписку :

«Не трудись искать табакерки ; она нашлась у меня во фракѣ.»

И отослалъ письмо.

Глупый лодочникъ, простоявшій весь день у пристани, противъ Смольнаго монастыря, и не выручивъ ни копѣйки, подстилавъ себѣ въ лодкѣ тулупъ, собирався съ горя улечься спать. Къ нему по-

дошел дурно одѣтый человекъ и помѣстившись въ лодкѣ требовалъ, чтобы онъ перевезъ его на Охту. Подъѣзжая къ Охтенской пристани, пассажиръ сказалъ:

— «Послушай, братецъ: вѣдь денегъ у меня нѣтъ, но я могу вмѣсто платы за перевозъ дать тебѣ совѣтъ, который для тебя будетъ дороже денегъ.

Почесавъ, по русскому обычаю, въ затылкѣ и видя, что съ пассажира ему взятки гладки, лодочникъ изъявилъ желаніе ужъ лучше получить совѣтъ, чѣмъ ровно ничего.

— «Ну, такъ слушай-же: я совѣтую тебѣ не перевозить никого, не взявши денегъ впередъ.

Двое знакомыхъ встрѣтились гдѣ-то на мосту.

— «Послушай, любезный другъ, сказалъ одинъ другому, не можешь-ли ты отдать мнѣ сто цѣлковыхъ, что взялъ у меня три-тысяго года, на двѣ недѣли?

— «Во первыхъ, я взялъ у тебя не сто, а триста цѣлковыхъ, отвѣчалъ должникъ.

— «Совсѣмъ нѣтъ; я очень помню, что ровно сто.

— «Позволь-же мнѣ знать это лучше. Триста, говорю я тебѣ....

— «Ну, пожалуй, хоть триста, только ты отдай мнѣ сто, и я....

— «Сто? Нѣтъ, любезный, ужъ лучше я тебѣ останусь долженъ всѣ чѣмъ заплачу сто.

Кто-то разсказывалъ въ обществѣ, что во время сраженія пуля ударила его въ грудь, но не ранила, потому что ударилась въ цѣлковый, лежавшій у него въ карманѣ. «Какое счастье! воскликнулъ одинъ изъ слушателей, промотавшій въ короткое время все свое состояніе, будь я на вашемъ мѣстѣ, такъ вѣрно былъ-бы убитъ на поваль.»

У одного старика, отъ безпрестанныхъ занятій, зрѣніе чрезвычайно притупилось, такъ, что онъ за обѣдомъ не могъ обойтись безъ очковъ.

Старый знакомый встрѣтивъ его на улицѣ спросилъ:

— «Ну, что ваши глаза?»

— «Да ничего; впрочемъ племянникъ говоритъ, что теперь я вижу лучше.»

Нѣкто отправился въ ванну и едва не утонулъ. Оправясь отъ испуга, онъ далъ себѣ слово до-тѣхъ поръ не входить въ воду, покуда не выучится плавать.

Нѣкто намѣревался купить себѣ лошадь и спросилъ своего пріятеля, кавалерійскаго офицера, какъ можно узнать лѣта лошади; тотъ отвѣчалъ: по зубамъ. Отправившись на конную, онъ высмотрѣлъ себѣ красиваго жеребчика, сторговался въ цѣнѣ; но вспомнивъ совѣтъ офицера, открылъ лошади ротъ и, пересчитавъ зубы, объявилъ барышнику, что лошадь ему не годится. — «Почему-же не годится, сударь? Лошадка молодая.» — «Да, какъ-же! меня не надуешь! Я вѣдь считалъ у нея зубы; твоей лошади уже тридцать два года.» Онъ вообразилъ, что число зубовъ у лошади соотвѣтствуетъ числу ея лѣтъ.

Охотникъ до крѣпкихъ напитковъ вообще и не виноградныхъ въ особенности, упившись въ пріятельской бесѣдѣ, сказалъ: «Какой вздоръ! говорятъ, что стаканъ вина придаетъ человѣку бодрости и укрѣпляетъ его, а я выпилъ теперь цѣлыхъ десять рюмокъ и все таки не могу держаться на ногахъ!»

Докторъ предписалъ больному пить зейдлицкую воду. Замѣтивъ, что пациентъ сдѣлалъ гримасу, онъ сталъ объяснять ему, что только первый стаканъ обыкновенно кажется противнымъ.

— А! ну, такъ ужъ я лучше начну со втораго, отвѣчалъ догадливый больной.

Графиня М** приказала своему швейцару говорить всѣмъ, что ее нѣтъ дома. Вечеромъ онъ пришелъ рапортовать ей, кто

пріѣзжалъ въ тотъ день и между прочими назвалъ г-жу Б**, ея короткую пріятельницу и родственницу.

— Да развѣ я тебѣ не говорила, сказала она швейцару, что для нее я всегда дома !»

На другой день только что графиня уѣхала въ Англійскій магазинъ, какъ опять пріѣхала г-жа Б**.

— Дома-ли, графиня, спросила она швейцара.

— Дома-съ.

Г-жа Б** поднялась по лѣстницѣ, обошла все комнаты и не встрѣтила никого. Она воротилась назадъ и съ нѣкоторой досадою сказала швейцару :

— Чтожь это такое? графиня вѣрно уѣхала?

— Уѣхали-съ, но для васъ онѣ всегда дома.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

СВАДЕБНЫЙ СТОЛЪ БЕЗЪ МОЛОДЫХЪ,

или

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ НЕ РЖАВѢЕТЪ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

П. А. Каратыгина.

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ Императорскими придворными актерами, ноября 9, 1850.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Оома Ильичъ Мякишъ.

Иванъ Осиповичъ Расторопинъ, его пріятель и шаферъ.

Авдотья Андреевна, бывшая экономка Мякиша.

Варвара Степановна Кутафьина, мать невесты.

Станиславъ Станиславичъ Капорскій, посаженный отецъ.

Марья Семеновна, посаженная мать.

Бахромкинъ.

Цыплянскій.

Дерюгинъ.

Лазенко.

Вьюшкинъ.

Игнатій, слуга его.

Оеиціантъ.

Одинъ изъ музыкантовъ.

Музыканты.

Пріятели Мякиша.

АКТЕРЫ:

Г. Мартыновъ 1.

Г. Каратыгинъ 2.

Г-жа Сосницкая.

Г-жа Громова.

Г. Смирновъ 1.

Г-жа Сандунова.

Г. Прусаковъ.

Г. Смирновъ 2.

Г. Славинъ.

Г. Антонолина.

Г. Сергеевъ.

Г. Марковецкій.

Г. Фальцевъ.

Г. Рупини.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Театръ представляетъ порядочную комнату, по бокамъ двери, по срединѣ выходъ, на право диванъ, передъ нимъ столъ, убранный цвѣтами, на немъ вазы, съ цвѣтами, конфекты, фрукты, жирандоли и прот.

I.

ОФИЦІАНТЪ убираетъ столъ, **ИГНАТІЙ** вь среди комнаты стоитъ на лѣстницѣ и ставитъ свѣчи въ люстру.

Игнатій. Ну, теперъ только вставить свѣчи и все дѣло съ концомъ.... Да и вы также скоро покончите?

Офиціантъ. За нами оставовки не будетъ!... дѣло привычное: каждый день то на свадьбѣ, то на именинахъ, то на сговорахъ, то на поминкахъ, то на похоронахъ.... у насъ все живой рукой!

Игнатій. Да, да, у васъ веселая должность!... а что вы давно офиціантствомъ занимаетесь?

Офиціантъ. Давно.

Игнатій. Вѣдь, я чай, вамъ прибыльно?

Офиціантъ. Да, убыль съ прибылью на однѣхъ салазкахъ ѣздить: прибыльно—какъ дѣло разумѣешь; а какъ рохля, такъ и своего къ концу мѣсяца не получишь. Вѣдь у насъ за всякую испорченную вещь хозяинъ вычитаетъ. Надо, чтобъ ничего изъ рукъ не вывалывалось.

Игнатій. Ужъ разумѣется нужна ловкость.... А что, не будетъ мнѣ у васъ мѣстечка? я вѣдь тоже, даромъ, что старъ, а малый расторопный.... (свѣча у него падаетъ) Ахъ, выскочила — проклятая! неплотно завернулъ!

Офиціантъ. Нѣтъ, нашъ хозяинъ все молодыхъ принимаетъ.

Игнатій. Молодыхъ, молодыхъ! Нынче все молодежь, куда ни посмотришь! Все за молодыми гоняются, а старымъ людямъ житья нѣту. Вонъ и мой баринъ, на старости съ ума свихнулъ: беретъ такую молоденькую, что въ дочку-бы годилась.

Офиціантъ. Да что онъ, вдовецъ?

Игнатій. Какое вдовецъ! холостыба горемычная. Ну, да хоть то хорошо, что теперъ у насъ будетъ настоящая хозяйка, а не какая нибудь экономка, которая насъ считывала, а барина обсытывала!

Офиціантъ. Такъ у васъ была экономка?

Игнатій. Да, такая подозрительная, что никому отъ нея житья не было: въ каждой кофѣйкѣ отдай отчетъ.... Жила у

насъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ, иначе вчера выжили ее, голу-бушку.

Официантъ. Отчего-же она отошла?

Игнатій. Извѣстно, при молодой то ей не рука; она сама варохлаась въ жены къ баринцу; бывало только и рѣчи: вотъ погодите дескать, я буду здѣсь полной хозяйкой, такъ всёхъ въ руки возьму! Какъ-бы не такъ! Возьми — ничего!

II.

ТѢЖЕ и РАСТОРОПИНЪ, въ черной парѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Расторопинъ. Ага! дѣло идетъ на ладъ! У васъ ужъ все на порядкахъ.... хорошо, хорошо, только надо бы столъ поближе къ дивану.

Официантъ. Мы послѣ диванъ пододвинемъ.

Расторопинъ. Да, да; ну, все равно: диванъ поближе къ столу.... Важно, важно!... Столъ хоть куда! И цвѣточки и ягодки, чего хочешь, того просишь. А сколько фунтовъ конфектъ?

Официантъ. Десять фунтовъ-съ!

Расторопинъ. Не мало-ли?

Официантъ. Такъ приказано.

Расторопинъ. (*пробуетъ конфекты*) Да, да, ну, хорошо, хорошо; конфекты славныя, славныя конфекты.... вѣрно отъ Излера.... Ну, а мороженое готово?

Официантъ. Теперь еще рано — послѣ привезутъ!

Расторопинъ. То-то, братъ, смотри, чтобъ все было какъ слѣдуетъ.... Миѣ обо всемъ надо спросить: вѣдь я шаферъ, за все отвѣчаю.... Ну, а у тебя, Игнатій, все-ли въ исправности?

Игнатій. Все готово-съ.... Лампы зажжены, люстра прилажена.... лѣстницу посыпалъ пескомъ....

Расторопинъ. А музыканты еще не приходили?

Игнатій. Какіе музыканты?

Расторопинъ. Ну, извѣстно, которые по баламъ ходятъ.

Игнатій. Давеча еще за свѣтло играли на дворѣ какіе-то мѣмцы, да уши.

Расторопинъ. Я тебя не объ нихъ спрашиваю.... къ намъ придутъ другіе....

Игнатій. Слушаю съ.

Расторопинъ. Смотри-же, поѣдемъ въ церковь такъ ты распорядись, какъ слѣдуетъ....

Игнатій. Да баринъ говорилъ, чтобъ я былъ за каретой....

Расторопинъ. Ну гдѣ тебѣ за каретой — свалился.... я своего человѣка привезъ, онъ поѣдетъ за каретой, я ему илвриво досталъ, а ты здѣсь оставайся.

Игнатій. Да, что-же Филька-то развѣ лучше меня? я бы и самъ илвриво-то у сосѣдей досталъ....

Расторопинъ. А кто же здѣсь-то останется? Дѣлай, что тебѣ приказываютъ, а не умничай — не твое дѣло. Какъ-бы чего не забыть еще.... Уфъ, измучился! Охъ, ужъ эта шаферская должность.... Право хлопотливѣе жевиха.... Ну, а что нашъ молодой одѣвается?

Игнатій. Нѣтъ еще съ.... Недавно бриться начали.

Расторопинъ. А, хорошо, хорошо; пусть его брѣтся.

Мякишъ. (за кулисами) Иванъ Осипычъ, это ты?

Расторопинъ. Что?

Мякишъ. (тоже) Ты ужъ пріѣхалъ?

Расторопинъ. Пріѣхалъ, пріѣхалъ, я, братъ, человѣкъ исправный.

III.

ТѢЖЕ и **МЯКИШЪ**, въ халатѣ, въ ермолкѣ, съ намыленной бородой, въ рукахъ полотенце и бритва.

Мякишъ, *цѣлуетъ его*. А, здравствуй, здравствуй, Иванъ Осиповичъ. Что-же это, ужъ не отстаютъ-ли мои часы?

Расторопинъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся, поспѣешь.

Мякишъ. Ахъ, братецъ, у меня сего-дня все не ладится, за что ни возьмусь: началъ бриться, обрѣзался, видишь, какъ царапнулъ!

Расторопинъ. Экой ты какой! вѣдь до свадьбы не заживешь.

Мякишъ. Игнатій, сбѣгай ко ты за цирюльникомъ, а то у меня сегодня руки трясутся.

Игнатій. Да, пожалуй, я васъ выберю, если угодно....

Мякишъ. Поди ты.... выберю!

Игнатій. Ну, какъ хотите — я его сейчасъ приведу.

Расторопинъ. Ну, братъ Оома! наступаетъ блаженный часъ, какъ говорится.

Мякишъ. Охъ, братецъ, не говори! И весело, и страшно, и сердце прыгаетъ отъ радости, и руки трясутся, и душа въ пятки уходитъ!

Расторопинъ. Это все отъ нетерпѣнія. Шагъ-то такой рѣшительный. Конечно, я на своемъ вѣку не испыталъ этаго, а думаю, что должно быть очень щекотливое положеніе. Счастливичкы ты, Оома, счастливичкы — какую молоденькую подцѣпилъ!

Мякишъ. А вѣдь хороша?

Расторопинъ. Еще-бы! красавица.... Посмотри-ко свадебный-то столъ — а, каковъ?

Мякишъ. Ай да спасибо Капитону Михайловичу — молодець!... мастеръ! Умѣеть украсить....

Расторопинъ. Сядь-ко, сядь, для пробы....

Мякишъ. Ну, зачѣмъ?

Расторопинъ. Сядь, потѣшь. Я полюбуюсь.... Какъ это будетъ ужо-то.... ужо-то!...

Мякишъ (*садится*). Она вотъ тутъ.... а я здѣсь....

Офиціантъ. Нѣтъ-съ, вы съ этой стороны!...

Мякишъ (*передвигаясь*). Да, да, ошибся.... точно, точно, я вотъ тутъ!...

Расторопинъ. А я вотъ здѣсь, съ подносомъ.... Здравье Оомы Ильича и Анны Ивановны! Урра!... и пойдетъ разливанное море!...

Мякишъ. Ахъ сладкія минуты.... сладкія!

Расторопинъ. Да, особенно, какъ закричать *горько*, понимаешь? (*чмокаетъ*).

Мякишъ. Охъ, братецъ, не говори. Вѣдь Анята до сихъ поръ едва ручку мнѣ позволяла цѣловать.

Расторопинъ. А тутъ, въ самыя губки. Охъ, варваръ! со стороны глядя, дрожь пробѣгаетъ. Не выпить-ли намъ для репетиціи?

Мякишъ. Нѣтъ, братецъ, не ловко.

Расторопинъ. Да такъ, по бокальчику.... надо попробовать; въ новомъ погребѣ бралъ вино, а мы, знаемъ, по старому, по пословицѣ, кто празднику радъ.... понимаешь?...

Мякишъ. Нѣтъ, не прилично.

Расторопинъ. Ну, полно скупиться.... я вѣдь шаферъ, я сегодня здѣсь хозяйничаю, а ты сиди, да облизывайся (*офиціанту*). Принеси ко, принеси, тамъ есть пол-бутылки Жаксона! Охъ-ужъ эта шаферская должность! обо всемъ надо позаботиться!...

Офиціантъ *уходитъ*.

Мякишъ. Какой ты кутило!

Расторопинъ. Кутило! Тебѣ хорошо! Ты ничего не види, въ упоеніи, а нашему брату холостяку, хоть въ чужомъ пирѣ похмѣлье, и за то спасибо! Вѣдь ты знаешь, дурашка, какъ я тебя люблю. Сего-дня не успѣлъ даже пообѣдать, голоднешенекъ, а все съ хлопотами, то туда, то сюда, ужъ за то могу похвастать, что по моей части не будетъ остановки. Ты за ужинъ, пожалуй, ничего не ѣшь съ своей голубкой; я буду и ѣсть, и пить за троихъ.

Мякишъ. Спасибо, любезный, спасибо.

Расторопинъ. Да ужъ я всегда таковъ, для друзей себя не пожалѣю! *(молчаніе)* Ну, а что Авдотья Андревна уѣхала.

Мякишъ *(со вздохомъ)*. Уѣхала!

Расторопинъ. Когда? вчера?

Мякишъ *(тоже)*. Вчера!

Расторопинъ. Совѣмъ?

Мякишъ *(тоже)*. Совѣмъ!

Расторопинъ. Что, простились по дружески?

Мякишъ. Нѣтъ, она уѣхала, не простясь со мною!

Расторопинъ. Э!..

Мякишъ. Да, я ушелъ поутру со двора, а она въ это время перебралась отъ меня со всѣмъ своимъ добромъ!

Расторопинъ. Да у тебя, братъ, кажется, слезы на глазахъ?

Мякишъ. Нельзя же, братецъ, пятнадцать лѣтъ жила у меня, вѣдь и къ собакѣ привыкнешь, такъ и ту жаль прогнать, а она женщина хорошая.... Хотя иногда и поворчишь, бывало, повздоритъ, да за то была отходчива, а вотъ теперь, какъ совѣмъ отошла, такъ признаться, все какъ-то неловко! Все хочется спросить: А что молъ, Авдотья Андревна.... а гладить: Авдотьи Андревны и нѣтъ!!

Расторопинъ. Да, конечно, привычка вторая натура. Впрочемъ, часа черезъ полтора будетъ новая хозяйка, такъ позабудешь о старой.

Мякишъ. Конечно.... можетъ быть.... все таки.... вѣдь пятнадцать лѣтъ у меня хозяйничала — это не шутка. Придешь, бывало, изъ должности, все готово, ни о чемъ не заботишься, а теперь надо самому хозяйствомъ заниматься. Повѣришь-ли, нынѣшнюю ночь я не могъ даже глазъ сомкнуть. По утру всталъ, — кухарка сварила кофей безъ клею, то не такъ, другое иначе.... все какъ-то не клеится, не ладится, а она умѣла мнѣ угодить.

Не ключницей въ домѣ Авдотья Андревна,
 А другомъ моимъ залушевленнымъ была!
 Пятнадцать лѣтъ кряду она ежедневно,
 Меня, какъ ребенка, всегда берегла!
 Бывало, живешь, ни о чемъ не хлопчешь,
 Спокоенъ и счастливъ, и веселъ, и сытъ:
 Пусть, чуть простудился, палецъ ноги промочишь,
 Ромашкой, шалфеемъ — она напоитъ!

Бывало, бывало, вездѣ поспѣвала!
 Все знаетъ, все смыслитъ, не надо слуги.
 И какъ экономно хозяйство держала;
 Какіе бывало пекла пироги!
 Авдотья Андревна! привязанность вашу,
 Лишь только въ разлукѣ я сталъ повищать.
 Теперь заварилъ я любовную кашу....
 Да какъ-то мнѣ будетъ ее разхлебать!!

(Официантъ приноситъ шампанское, на подносѣ съ бокалами.)

Расторопинъ. Ну, полно, братъ, что было, то прошло! Ужъ
 если ты хочешь сегодня рюмиться, такъ лучше вотъ этакъ....
 (Подаетъ ему бокалъ). Возьми-ко, возьми, чокнемся! Дай Богъ
 вамъ совѣтъ да любовь!

Мякишъ. Спасибо, спасибо! А знаешь-ли, дружище, сказать
 по правдѣ: въ любви-то моей невѣсты я еще не совсѣмъ увѣ-
 ренъ.... Даже можно сказать: совсѣмъ не увѣренъ.

Расторопинъ. Вотъ на! Отчего-же?

Мякишъ. Да молода больно, вѣтеръ еще въ головѣ, вѣдь ей
 только 18 лѣтъ.

Расторопинъ. Ну, что жъ, тебѣ-же лучше; въ эти годы дѣ-
 вушка, какъ воскъ, что хочешь изъ нея сдѣлаешь.

Мякишъ. Нѣтъ, братъ, въ наше время съ этими восковыми
 куколками не сладить; чуть что не по нихъ, такъ, того гляди,
 самого тебя въ дугу согнуть! Она же балованная штучка, по-
 французски воспитана, поди, сговори съ ней.... Вотъ третьяго
 дня я было думалъ, что совсѣмъ наша свадьба разойдется.... Мое
 счастье просто на волоскѣ висѣло!

Расторопинъ. Э, какъ такъ?

Мякишъ. А вотъ какъ: ты знаешь вѣдь, я ужъ десятый годъ
 кожу въ парикѣ.

Расторопинъ. Ну да; что тутъ худаго?

Мякишъ. Я и самъ также думалъ.... мнѣ и въ голову не вхо-

дло, что объ этомъ обстоятельствѣ надо было сказать, при сватовствѣ; я изъ деликатности умолчалъ.... Что-же, сударь мой, третьяго дня у нихъ было что-то въ родѣ дѣвшника; собрались ея пансіонскія подруги; начали пѣть, танцовать, потомъ вздумали играть въ фанты, я тоже привязался.... тутъ-то меня бѣсъ и попуталъ.... Кричатъ: чей фантъ вынется — что тому дѣлать? А какая-то попрыгунья-стрекоза говоритъ: подь фортепяно пролѣзь! — Глядь, — вынулся мой фантъ. Нечего дѣлать, надо было согнуться въ три погибели.... я знаешь этакъ.... стогроча.... хотѣлъ молодцомъ проскочить.... шмыгнулъ.... а парикъ-то проклятый и остался на крючкѣ подь фортепьянами!... всѣ такъ и покатались: ха, ха, ха, ха, ха! а невеста моя въ слезы, убѣжала въ свою комнату, я за ней, теща за мной, тамъ и пошла потѣха! У невесты истерика, у тещи спазмы, а у меня остальные волосы дыбомъ стали! Да еслибъ я знала, (говоритъ Аннушка), что вы ходите въ парикъ, я бы ни за что не пошла за васъ! Теща, чѣмъ бы унять капризную дѣвчонку, тоже начала мнѣ мыть голову!... Кое какъ наконецъ уговорились, вышли въ залу, гости разѣзжаются.... Ну, думаю, вотъ тебѣ и дѣвчникъ! сыгралъ же я штуку подь фортепьянами!... Нечего дѣлать! взялъ свой парикъ.... то-есть — шляпу — и отправился во свояси!

Расторопинъ. Ну, полно, не горюй; немножко опростоволился, бѣда не велика....

Мякишъ. Слушай дальше.... Вчера я пришелъ ихъ навѣстить. Анюта не выходитъ, теща говоритъ, что у нея болитъ голова. Смотрю на тещу и она точно лимоновъ наѣлась.... Ну, думаю, плохо!... Между прочимъ, надо тебѣ сказать, что у насъ былъ уговоръ, что наканунѣ свадьбы она выдастъ мнѣ приданое и обѣщанныя деньжонки.... Я, было, сторовой намекнулъ.... какъ вспыхнетъ моя теща: да что вы, говоритъ, на деньгахъ что-ли женитесь? вы торговаться съ нами хотите? Да у моей дочки есть женихи, почише и помоложе васъ, которые возьмутъ ее безъ всякаго приданаго! И пошла, и пошла! Я, говоритъ, посмотрю еще, стоятъ-ли вы приданаго! Еще прежде вы такъ поживете.... Я закусилъ губу, она хлопнула дверью, ушла къ себѣ а я ушелъ съ носомъ!

Расторопинъ. Э! Ома Ильичъ, ты держи ухо востро; чтобъ тебѣ послѣ свадьбы не остаться на однихъ бобахъ.... это будетъ не вкусно!

Мякишъ. А чѣмъ-же помочь? Теперь ужъ поздно: черезъ часъ наша свадьба, гости приглашены; Его Превосходительство

отецъ посаженный, Марья Семеновна посажена мать.... это развѣ шутка?

Расторопинъ. Да, да, правда, правда, и ужинъ заказанъ.... Охъ, ужъ эти тещи, тещи!

Послушай ихъ: онѣ насажутъ,
Чего тебѣ не насулятъ;
До свадьбы по губамъ помажутъ,
А послѣ носъ и наклеятъ....
Иной женился безъ оглядки —
И главнаго не разсчиталъ:
Что послѣ свадьбы взятки гладки,
Чего ужъ нѣтъ, такъ конченъ балъ!
Самъ виноватъ, что прозѣвалъ!

Блаженъ тотъ мужъ, кому судьбою
Сварливой тещи не дано,
Тому съ любезною женою,
Прямое счастье суждено!
Но если на бѣду случится,
Что теща вторится въ ихъ домъ....
Мужъ голова, какъ говорится,
Но голова пойдетъ кругомъ
И домъ поставится вверхъ дномъ!

Мякишъ. Полно, братецъ, что ты меня передъ свадьбой такъ пугаешь!...

Расторопинъ. Да, развѣ теща-то будетъ жить вмѣстѣ съ вами?

Мякишъ. Нѣтъ, она хоть навѣрно не говорила, а можетъ быть!...

Расторопинъ. Можетъ быть?... Ну, любезный другъ, въ такомъ случаѣ, приготовься.

Мякишъ. Какъ, притовься?

Расторопинъ. То есть, пора тебѣ приготовиться. (*смотритъ на часы*) Того гляди Его Превосходительство пріѣдетъ.... а ты еще не готовъ.

Мякишъ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ!... Только ты меня смутилъ своими замѣчаніями!

Расторопинъ. Э, полно, зачѣмъ прежде свадьбы вѣшать голову; еще будетъ время; а можетъ быть, еще дѣло и уладится.

Игнатій (*входитъ*). Цирюльника привель.

Расторопинъ. Ступай-же, ступай. Прифрантись хорошенько, чтобъ, знаешь, этакъ лѣтъ двадцать съ востей долой!

Мякишъ. Хорошо, хорошо, ты вѣдь здѣсь останешься. Неравно прїѣдетъ кто-нибудь изъ поѣзжанъ, или Его Превосходительство, такъ знаешь неучтиво (*уходитъ*).

Расторопинъ. Будь покоенъ. Я ужъ знаю свое дѣло!

IV.

Расторопинъ. (*одинъ*). Эхъ, бѣдный старикашка; жаль мнѣ его; добрый малый, а по правдѣ сказать, не дѣло затѣваетъ.... нѣтъ, ужъ коли я вздумую жениться, такъ у меня чтобы все было предварительно сдѣлано — на гербовой... на слово ни тещѣ, ни тестю не повѣрю.... Чѣмъ красивѣе жена, тѣмъ больше потребуетъ расходовъ: Дай то, дай другое, — гдѣ взять? Безприданницы-то хороши только въ медовый мѣсяцъ!

V.

РАСТОРОПИНЪ И АВДОТЯ АНДРЕЕВНА.

Расторопинъ. А, здравствуйте, Авдотья Андревна!

Авдотья Андреевна. Здравствуйте, Иванъ Осиповичъ!

Расторопинъ. Вотъ легки на поминѣ. Мы только сейчасъ объ васъ говорили съ Омою Ильичемъ; онъ очень горевалъ, что вы вчера уѣхали, не простившись съ нимъ.

Авдотья Андреевна. Что ему обо мнѣ горевать! Иванъ Осиповичъ, Богъ съ нимъ!

Расторопинъ. Все-же, хоть бы простились, какъ слѣдуетъ!

Авдотья Андреевна. Что прощаться, Иванъ Осиповичъ! старого не воротишь; что было, то прошло.... Я не такой человекъ, чтобъ стала его попрекать, онъ не малый ребенокъ, самъ знаетъ, на что теперь пускается, очертя голову. Вы сами видѣли, какъ я за нимъ ухаживала, берегла каждую его копѣйку — бывало, безъ меня сукна на платьѣ не купить, обо всякой бездѣлицѣ посовѣтуется; даже во всемъ, въ чемъ усомнится, такъ все ко мнѣ: «какъ молъ, Авдотья Андревна, вы думаете? Какъ на вашъ взглядъ?» а теперь, теперь.... Богъ съ нимъ! пусть попробуетъ пожить своимъ умомъ, такъ и останется въ дуракахъ!

Расторопинъ. Въ самомъ дѣлѣ... какъ все это онъ неожиданно затѣялъ. На прошедшей недѣлѣ говоритъ мнѣ: пойдемъ, Иванъ, сегодня на преферацкикъ. Куда? я говорю... Да послѣ, говоритъ, узнаешь. Мы пришли къ Кутафьинимъ, а онъ, не говоря худаго слова, бацъ: честь имѣю, говоритъ, представить моего шафера, а тебѣ, говоритъ, рекомендую мою невесту! Я и ротъ разинулъ; думалъ, что онъ меня дурачить, право такъ....

Авдотья Андреевна. Видите, какой умница? даже и съ вами не посоветовался. А вы войдите въ мое-то положеніе, Иванъ Осипычъ, вѣдь я объ этой свадьбѣ узнала только четвертаго дня, на рынкѣ, въ мясной лавкѣ.

Расторопинъ. Э, скажите, пожалуйста!

Авдотья Андреевна. Да-съ, вотъ онъ каковъ.... я пришла съ рынку, да еще и смѣюсь ему: вотъ молъ, какія глупости говорятъ на рынкѣ, взглянула на него, а онъ, какъ вареный ракъ, такъ весь и вспыхнулъ!... Что же, я говорю, Оома Ильичъ, развѣ это правда? Онъ, мой сердечный, заплакалъ, а ужъ я не знаю, что со мной было.... Сами посудите, Иванъ Осиповичъ, ему за пятьдесятъ, а невестѣ восемнадцать! чего хорошаго ждать отъ этой женитьбы? Еслибъ онъ выбралъ женщину солидную, которая-бы знала хозяйство, я-бы ни слова не сказала, а то брать какую-то молоденькую попрыгунью, вѣдь это курамъ на смѣхъ.

Расторопинъ. Что же дѣлать? Видно его такая судьба.

Авдотья Андреевна. Ужъ, будетъ онъ кулакомъ слезы утирать, помяните мое слово.... я не сплетница, но всѣ говорятъ, что его будущая теща ужъ трехъ дочерей выдала безъ приданого; говорятъ, такая фурия, прости Господи.... что ни съ однимъ зятемъ не могла ужиться. Мнѣ все равно, я не хочу злословить; но про невесту я такія вещи узнала.... что... ну, да я не сплетница!

Расторопинъ. Э! такъ нашъ Оома Ильичъ, чего добраго идетъ на явную погибель?

Авдотья Андреевна. Ну, да ужъ тамъ послѣ узнаете. Конечно, еслибъ я была интриганка, такъ могла-бы помѣшать этой свадьбѣ.... пошла-бы къ самой тещѣ, или написала-бы къ ней, что вотъ-молъ: онъ пятнадцать лѣтъ любилъ другую, обѣщалъ-де жениться.... увѣрялъ въ своей любви.... и многое-бы могла сказать.... да Богъ съ нимъ!... Я не такая женщина, я дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей!

VI.

ТЪ ЖЕ и МЯКИШЬ. одѣтъ женихомъ, въ парикѣ.

Мякишь (*не видя ее*). Вотъ я совсѣмъ готовъ.... Посмотри-ко каково сшито.... а вѣдь все съ иголки.... Французу заказывалъ.... а? каково сидитъ?

Расторопинъ. Чудесно.... молодець-молодцомъ!

Мякишь. А взади каково? (*Обертывается прямо къ Авдотья Андреевна*.) Ай! Авдотья Андревна!

Расторопинъ. И взади хорошо!

Авдотья Андреевна (*сквозь слезы*). Хорошо, Оома Ильичъ, очень хорошо.

Мякишь. Ухъ! такъ варомъ и обдало! гм. гм. Вотъ въ этомъ мѣстѣ что-то жметъ! Какъ-будто тѣснитъ немножко!

Расторопинъ. Ничего — это еще разомнется!

Мякишь. Да, конечно.... Гм, гм! что такое я тебѣ еще хотѣлъ сказать?... Да теперь не могу вспомнить.... Да!... ты н чемъ сюда прѣхалъ?

Расторопинъ. На дрожкахъ....

Мякишь. На дрожкахъ? Вѣдь я и забылъ, братецъ.... мнѣ вѣдь карету надо нанять....

Расторопинъ. Конечно карету, какъ-же иначе?

Мякишь. Кого бы мнѣ послать.... Мой Игнатій такой безтолковый.

Расторопинъ. Постой-же, я самъ съѣзжу.... Тутъ вѣдь недалеко.... надо выбрать щегольскую на плоскихъ рессорахъ!

Мякишь. Сдѣлай милость, потрудись....

Расторопинъ. Изволь, изволь, сію-минуту.... Вотъ она шаферская-то должность какая! (*Уходитъ*.)

—

VII.

МЯКИШЬ и АВДОТЯ АНДРЕЕВНА, молчаніе.

Мякишь. Гм, гм, Авдотья Андревна! Повѣрьте мнѣ, что я всегда, то есть, чувствовалъ, вполне чувствовалъ — и цѣнилъ.... такъ сказать, ваше попеченіе, вашу дружбу, вашу хозяйственную часть.... и все прочее.... Истинно скажу вамъ, что мнѣ было прискорбно, что вы уѣхали вчера! уѣхали.... не простившись съ человѣкомъ.... который!... который.... Вѣдь пятнадцать лѣтъ Авдотья Андревна!

Авдотья Андреевна. Слишкомъ пятнадцать лѣтъ Оома Ильичъ.

Мякишь. Я, повѣрьте, понимаю ваше оскорбленіе.... я знаю, что вы теперь должны меня ненавидѣть, презирать....

Авдотья Андреевна. За что же мнѣ васъ ненавидѣть? Богъ съ вами, Оома Ильичъ.... Я не такой человѣкъ....

Мякишь. Вы не такой человѣкъ, да я то передъ вами выхожу скотина, неблагодарное животное!!

Авдотья Андреевна. Полноте, Оома Ильичъ.

Мякишь. Нѣтъ, нѣтъ, я кругомъ виновать передъ вами! Отчего я цѣлую недѣлю не могъ рѣшиться сказать вамъ о своей свадьбѣ?... Отчего вы узнали объ ней отъ постороннихъ, въ мясной лавкѣ?... Оттого, что меня совѣсть мучила, оттого что знаетъ кошка чье мясо съѣла!... Вотъ оно что, Авдотья Андреевна! Съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали, у меня точно оторвалось что нибудь.... отъ сердца! Я всю ночь не могъ глазъ сомкнуть. — И сегодняшнюю ночь, вѣрно, не буду спать.... я это чувствую!... Теперь только, какъ готовлюсь завязать узелъ супружества, я увидѣлъ, какъ крѣпко былъ къ вамъ привязанъ!

Авдотья Андреевна. Что пустяки говорить, Оома Ильичъ. Если вы меня истинно любили, вы бы не подумали жениться на другой!

Мякишь. Я ужъ право самъ не знаю, какъ это случилось, Авдотья Андреевна.... дурь какая-то, ей Богу.... Увлекся, какъ мальчишка. Съѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!

Авдотья Андреевна. Теперь ужъ поздно раскаиваться!

Мякишь (смотря на часы.) Да-съ, ваша правда! Поздно! Наступаютъ минуты, которыя должны рѣшить судьбу мою....

Авдотья Андреевна (сквозь слезы.) Дай Богъ вамъ всякаго благополучія!

Мякишь (тоже.) Инокорно васъ благодарю!

Авдотья Андреевна. Будутъ-ли только васъ такъ беречь и покоять, какъ я берегла и покоила? Вѣдь въ продолженіи пятнадцати лѣтъ вы ни о чемъ не думали....

Мякишь. Точно ни о чемъ!... совершенно ни о чемъ!

Авдотья Андреевна. Ваши годы и слабое здоровье требуютъ дружескаго попеченія....

Мякишь. Точно попеченія!

Авдотья Андреевна. А развѣ молодая жена способна на это? Я не хочу ее злословить, но согласитесь сами, неужели она не могла пайти себѣ лучшую партію?..

Мякишь. Точно, точно.... Нѣтъ, нѣтъ, позвольте, я что-то не понимаю: что вы хотите сказать?

Авдотья Андреевна. Вы человѣкъ доверчивый и легко-вѣрный, а кокетки всегда выбираютъ такихъ мужей....

Мякишь. Авдотья Андреевна!... Отъ вашихъ словъ меня вѣдь ознобъ пробираетъ.... Вы посмотрите, вѣдь у меня ужъ все освѣщено, а вы мнѣ такого туману въ глаза напустили, что даже зарябило въ глазахъ.... Объясните, пожалуйста....

Авдотья Андреевна. Зачѣмъ васъ смущать.... Теперь ужъ все кончено....

Мякишь. Какъ, конечно? Помилуйте, вѣдь мы еще не обвинены.... Раскаиваться никогда не поздно.... Вѣдь я вещи понимаю, когда мнѣ ихъ растолкуютъ.... Я человѣкъ съ благородными чувствами.... Еще вчера мнѣ теща такую злодѣйскую штуку закинула о приданомъ, что я и языкъ прикусилъ; она думаетъ, что и ви-вѣсть какое сокровище навязываетъ мнѣ на шею!

Авдотья Андреевна. Ваша теща ничего вамъ не дастъ.... я это знаю отъ вѣрныхъ людей.... она сама по уши въ долгахъ; она еще васъ же заставитъ ихъ платить, какъ и прежнихъ своихъ зятьевъ.... Она ябедница и сутяга.... она, просто, заѣстъ вашъ вѣкъ.

Мякишь. Заѣстъ! Бѣдный Мякишь! Въ самомъ дѣлѣ, въ какую несчастную минуту ты затѣялъ жениться!... Зачѣмъ тебя чортъ на галеру-то восплъ!

Авдотья Андреевна. Мнѣ очень прискорбно, что я должна васъ огорчить; но если дѣло пошло на откровенность, я должна вамъ все сказать....

Мякишь. Ну, говорите, говорите.... Несчастный Мякишь, укрѣпись!... Что-то ты еще услышишь?

Авдотья Андреевна. Узнайте же, что ваша невѣста одного молодого человѣка.... его фамилія Цыпкинъ, онъ сватался прежде васъ, ему отказали, онъ уѣхалъ отсюда, но какъ только услышалъ, что ее выдаютъ за васъ, онъ воротился, онъ теперь здѣсь.... и вотъ письмо, которое ему писала третьяго дня ваша невѣста....

Мякишь. Письмо! Третьяго дня??

Авдотья Андреевна. Вотъ оно! Не спрашивайте меня, какъ я достала это письмо.... Любя васъ, я хитростью выманила его отъ его тетки.... Прочтите, прочтите!

Мякишь. Прекрасно! Вотъ тебѣ и свадебная закуска!— «Любезный другъ мой! не обвиняйте меня несправедливо. Вы уѣхали отъ насъ, я думала, что вы забудете меня и принуждена была «согласить» я выйти за мужъ.... Отвратительный Мякишь ни-

«когда не былъ и не будетъ мною любимъ! Въ пятницу назначена наша свадьба, но вы этого не бойтесь; я еще не теряю надежды, что эта свадьба не состоится.... Еслижъ я и выйду за «мужъ за него, такъ все таки буду васъ любить.... Анна Кустафьнна.» — Что же это такое? Вѣдь это я ужъ не знаю, что такое! Стало быть, изъ Мякиша-то она хочеть стараго козла едѣвать? Нѣтъ, извините! Я вамъ этого не позволю! Я смиренъ, смиренъ, да вѣдь, какъ меня подожгутъ, такъ я самъ вспыхну! Я ничѣмъ не подорожу... Чортъ возьми!!

VIII.

ТЪ ЖЕ и ИГНАТІЙ.

Игнатій. Прикажете зажечь плошки на лѣстницѣ?...

Мякишъ. Что? Что зажечь?

Игнатій. Да плошки на лѣстницѣ пора, чай, зажигать?

Мякишъ. Жажигай! все жажигай! Гори все огнемъ! я ничего знать не хочу! Сегодня не моя свадьба.... сегодня женится какой-то дуракъ, который, не спросясь броду, суется въ воду! Ну, что-жъ ты глаза-то вытаращилъ?

Игнатій. Какъ дуракъ женится? а вы то что же?

Мякишъ. Что? я самъ знаю что.... это не твое дѣло.... Что ты тутъ еще пришелъ поджигать?...

Игнатій. Здѣсь-то ужъ все зажжено, а я говорю пока на лѣстницѣ засвѣтитъ, скоро поѣзжане прѣдутъ.

Мякишъ. Поѣзжане? Меня и безъ нихъ доѣхали! Пошелъ.... пошелъ! Хоть весь домъ зажги, такъ мнѣ все равно! (*Садится въ отчаяннѣ.*)

Игнатій. Экъ ему загорѣлось жениться; самъ не знаетъ, что говорить. (*Уходитъ.*)

Авдотья Андреевна. Полноте, полноте, Оома Ильичъ... Придите въ себя.... Теперь ужъ нельзя горю помочь.... вамъ надо быть веселымъ на свадьбѣ.... Скоро съѣдутся ваши приглашенные друзья.... Конечно, имъ все равно; былъ бы уживъ, да лишь бы выпить за чье нибудь здоровье; все же намъ надо ихъ привяты, обласкать.... Что они объ васъ подумаютъ? Посмотрите, какъ вы измѣнились; на васъ лица нѣтъ...

Мякишъ. Я знаю, что у меня очень глупое лицо, да ужъ тутъ нечего смотрѣть на лицо, какъ всѣ чувства выворотились на изнанку.

Авдотья Андреевна. Перестаньте, Оома Ильичъ! Я пришла съ вами проститься навсегда.... Мы ужъ никогда больше съ вами не увидимся! Простите меня, если я иногда досаждала вамъ моей экономіей; но вотъ плоды моей бережливости.... Вотъ тысяча руб. серебромъ, которыя я сэкономила въ продолженіе моей службы у васъ; я откладывала отъ каждаго вашего жалованья по бездѣлицѣ, берегла эти деньги на черный день.... Можетъ быть, сегодня самый черный день въ вашей жизни.... Возьмите же ихъ, чтобъ вамъ не входить въ долги послѣ свадебныхъ расходовъ!...

Мякишъ (*Вскакиваетъ*). Нѣтъ! Это ужъ слишкомъ! Этого ужъ я никакъ не ожидалъ! Какое примѣрное безкорыстіе! Я не зналъ цѣны вашей дружбѣ.... Авдотья Андреевна.... Эта тысяча дороже миллионъ! Это небывальщина.... Ахъ! я слѣпой сумасбродъ.

Я промѣнялъ на ястреба кукушку!
Гдѣ тысячу рублей теперь найдешь!
Ты берегла мнѣ каждую полушку,
А я тебя обидѣлъ ни за грошъ!
Кого твои дѣла не озадачутъ?
Кого въ нашъ вѣкъ они не удивятъ?
Хоть кое что всѣ экономки прячутъ,
Но ни одна не отдаетъ назадъ!

Авдотья Андреевна. Пойдите, пойдите.... Кто-то подѣхалъ.... Проститесь поскорѣе, пока злые люди не разлучили насъ на вѣки!

Мякишъ. Я не могу! Я теперь только за умъ взялся и готовъ надѣлать глупостей! Готовъ потушить всѣ эти брачныя огни, они меня жгутъ! Я стою, какъ на раскаленныхъ угольяхъ!

Авдотья Андреевна. А развѣ я на розахъ? Вы видите, какъ я страдаю!... Чего мнѣ будетъ стоять эта разлука! Ахъ! дурно! дурно!... (*Падаетъ къ нему на руки.*)

Мякишъ. Что это? Обморокъ! Нѣтъ этого я не могу пережить! Авдотья Андреевна.... опомнитесь! сядьте, голубушка, сядьте, а не то я самъ упаду, подъ бременемъ моего несчастія! (*сажаетъ ее на диванъ.*)

IX.

ТѢЖЕ и КУТАФЬИНА.

Мякишъ (на колынахъ). Авдотья Андревна! если вы меня любите, придите въ себя.... Ну, я не женюсь; ей Богу, не женюсь!... Сей-часъ же поѣду съ отказомъ, только придите въ себя!...

Кутафьина. Что я слышу!!

Мякишъ. Ай! теща!! пропала я!!

Кутафьина. И это онъ говоритъ при мнѣ, при моихъ глазахъ.... стоитъ передъ ней на колынахъ! Ахъ! какой ужасъ! Ноги подгибаются.... Дурно! дурно! (Садится въ кресла на другой сторонѣ.)

Мякишъ. Ну! и она съѣла! и съ ней обморокъ! что же я то буду дѣлать? Научите, добрые люди..

Вотъ минута роковая!

Вотъ межъ двухъ огней попалъ!

Здѣсь одна, — а тамъ другая;

Я совсѣмъ, совсѣмъ пропала!

Кажется, я самъ здѣсь лягу!

Что мнѣ дѣлать? что начать?

Научите: дать-ли тягу....

Караулъ-ли закричать!!

Барвара Степановна.... Авдотья Андревна.... Авдотья Андревна!
Барвара Степановна! (Бьгаеть то къ одной, то къ другой.)

Авдотья Андреевна. Гдѣ я?

Мякишъ. Слава Богу! одна приходитъ въ себя!...

Кутафьина. Извергъ! Чудовище!!

Мякишъ. Ну! и другая опомнилась!

Кутафьина (вскакиваетъ.) Ахъ, старый грѣховодникъ! Такъ стало быть это правда? Вотъ каковъ ты гусь?...

Мякишъ. Помилуйте, какой я гусь.... я теперь, какъ куръ во щи попался.

Кутафьина. И онъ еще смѣетъ говорить что нибудь.... И онъ, безсовѣстный, можетъ еще мнѣ смотрѣть въ глаза!

Мякишъ. Я смотрю, смотрю, но ей Богу ничего не вижу.... Я точно провалился во тьму кромѣчную!...

Кутафьина. Говори, говори, несчастный! Такъ это правда? правда? правда!

Отд. X.

Мякишъ. Что вы такое спрашиваете? Я ничего не понимаю.

Кутафьина. Не понимаешь? Кто эта женщина?

Мякишъ. Это?... это.... моя бывшая экономка, прежняя ключница....

Кутафьина. И старая любовь?

Мякишъ. Какъ старая!... помилуйте!...

Кутафьина. Да, да, вижу, вижу: она не такъ еще стара, чтобъ нельзя было чегонибудь подумать....

Мякишъ. Вы ошибаетесь, право, ошибаетесь, она просто мой другъ, истинный другъ....

Кутафьина. Да развѣ передъ друзьями становятся на колѣна? Развѣ цѣлуютъ у нихъ руки? Развѣ говорятъ имъ такія нѣжности?...

Мякишъ. Ухъ! умираю!

Кутафьина. Если она точно ключница, такъ развѣ здѣсь ей мѣсто? Пусть она сидитъ въ кухнѣ, а не за свадебнымъ столомъ.... Знай сверчокъ свой шестокъ....

Авдотья Андреевна. Сударыня, вы еще здѣсь не хозяйка, такъ, стало быть, не имѣете права распоряжаться....

Кутафьина. А! такъ вѣрно вы здѣсь хозяйка? Вы тутъ прекрасно распорядились; очень, очень хорошо! И это все за часъ до свадьбы.... и при мнѣ, при своей будущей тещѣ!

Мякишъ. Извините.... я право васъ не видалъ....

Кутафьина. Да я-то все видѣла... и слышала своими ушами: ты увѣрялъ ее, что не женишься, что поѣдешь къ намъ съ отказомъ?... Нѣтъ, чудовище, этого не будетъ.... мы сами тебя на порогъ къ себѣ не пустимъ, послѣ такого скандалу.... Ахъ! Что это за времена? Что же остается дѣлать молодымъ людямъ, если эта сѣдая телятина въ парикѣ осмѣлилась....

Мякишъ. Позвольте Варвара Степановна, вы напрасно изволите браниться; вы не принимайте этаго обстоятельства въ дурную сторону.... я вамъ сейчасъ объясню....

Кутафьина. Что тутъ объяснять? дѣло ясное.... Впрочемъ, я ничего не хочу слушать, пока эта противная женщина будетъ въ вашемъ домѣ!...

Мякишъ. Помилуйте, она ужъ вчера съѣхала отъ меня.

Кутафьина. Такъ зачѣмъ же она еще здѣсь?

Мякишъ. Она.... она.... пришла.... проститься со мною.

Кутафьина. И упала въ обморокъ? Ахъ, какія нѣжности!

Мякишъ. Но вѣдь она пятнадцать лѣтъ жила у меня....

Кутафьина. Ага! такъ это правда! Вы теперъ сами признае-

тесъ.... За чѣмъ же вы не сказали объ этомъ, когда сватались на моей дочери? а? За чѣмъ вы этого не сказали?

Мякишъ. Помилуйте, я думалъ, что это такая бездѣлица.

Кутафьина. Бездѣлица!! пятнадцать лѣтъ — бездѣлица! Огъ забылъ сказать объ этомъ! Теперь мнѣ все въ подробности извѣстно.... Читайте, сударь, читайте это письмо, которое я сейчасъ получила (*подаетъ ему письмо*).

Мякишъ. Письмо? Отъ кого?

Кутафьина. Отъ добраго человѣка, который хотѣлъ спасти насъ отъ такого изверга!... Читайте.... Читайте!

Мякишъ. Не могу, право, не могу!

Кутафьина. Такъ дайте же я сама прочту; слушайте: «Милостивая государыня, спѣшу предостеречь вашу милую дочь отъ явной гибели. Избранный вами женихъ вовсе не любитъ ее, а женится только по расчету; у него и теперь еще находится въ домѣ экономка, на которой онъ общалъ жениться. Если вы теперь же побѣдете къ вашему будущему зятю, то сами во всемъ удостовѣритесь....»

Мякишъ. Уфъ! что еслибъ можно было теперь провалиться сквозь землю!

Кутафьина. Ну, сударь.... что вы теперь скажете? улика на лицо!

Мякишъ.... (*хочетъ говорить и не можетъ*) Гм.... м... м....

Кутафьина. А, у васъ языкъ отнялся? Ну, такъ вы, г-жа экономка, потрудитесь сказать, правда-ли это?

Авдотья Андреевна. Теперь ужъ поздно объ этомъ говорить. Я вижу, что мнѣ не должно здѣсь оставаться.... я не хочу быть причиною вашего раздора и ухожу.... Прощайте, Ома Ильичъ!

Мякишъ (*тихо*) Что вы!... что вы дѣлаете. Вы меня оставляете съ ней наединѣ; вѣдь она меня съѣстъ....

Авдотья Андреевна. Прощайте... забудьте обо мнѣ навсегда (*тихо*). Не забудьте только о письмѣ, которое я вамъ отдала и помните, что васъ хотятъ одурачить....

Мякишъ. Да, да, хорошо, хорошо....

Кутафьина. И онъ еще смѣетъ съ ней шептаться! Э! я съ нимъ раздѣлаюсь!

X.

КУТАФЬИНА И МЯКИШЪ.

Кутафьина. А! наконецъ мы остались съ глазу на глазъ.... Теперь мы съ вами иначе поговоримъ... Признавайтесь, признавайтесь во всемъ, а не то—я ничѣмъ не подорожу... я васъ подь судъ упеку. Сейчасъ же съ этимъ письмомъ поѣду въ Управу Благочинія.

Мякишъ (*всторону*). Да-что же я поддаюсь, въ самомъ дѣлѣ! Поѣзжайте! Поѣзжайте, сударыня, да неугодно-ли къ вашей жалобѣ приложить вотъ и это маленькое письмецо моей невѣсты.

Кутафьина. Письмо моей дочери?

Мякишъ. Да-съ, вашей дочери, коли на то пошло, къ какому-то господину Цыпкину.

Кутафьина. Что я слышу!... Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ....

Мякишъ. Развѣ это не ея рука?..

Кутафьина. Рука ея, только, все таки, этого быть не можетъ! Алеша Цыпкинь, правда, сватался на моей дочери — въ прошломъ году, но я ему отказала и онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Мякишъ. Да-съ, а третьяго дня воротился, какъ только узналъ, что ее просватали за меня.... Стало быть, вамъ пѣтушиться-то здѣсь нечего, когда у васъ тамъ есть какіе-то Цыпкины.

Кутафьина (*прочтя письмо*). Ахъ! какой ужасъ! Какой скандалъ! и вся эта кутерьма вышла за часъ до свадьбы! Какой злой духъ вмѣшался въ это дѣло!.... Нѣтъ, нѣтъ... я сейчасъ поѣду домой, я ее спрошу и покажу ей эту записку!... я посмотрю....

Мякишъ. Поѣдьте-же, поѣдьте вмѣстѣ....

Кутафьина. Нѣтъ, вы останьтесь.... Это до васъ не касается.

Мякишъ. Какъ не касается? да что-же я то по вашему?...

Кутафьина. Оставьте меня, я вамъ говорю.... я васъ знать не хочу....

Мякишъ. Да, помилуйте, надо-же мнѣ узнать, женюсь я сегодня, или нѣтъ....

Кутафьина. Нѣтъ, нѣтъ; сегодня эта свадьба невозможна....

Я сама должна разобрать это дѣло... Пустите, пустите меня... (уходитъ).

Мякишъ. Что же мнѣ-то дѣлать? Остаться — пріѣдутъ поѣзжане, пріѣдетъ Его Превосходительство, пріѣдетъ Марья Семеновна... Что они всё обо мнѣ подумаютъ!... Ну!... была не была, поѣду за ней...

(Вбѣжитъ и натыкается на Игнатія, который несетъ лѣстницу). Ахъ! проклятый.

Игнатій (навеселъ). Извините, батюшка, ненарочно.

Мякишъ. Что тебя тутъ носитъ, болванъ?

Игнатій. Нѣтъ-съ, я лѣстницу несу, надо люстру засвѣтить.... Да.... тамъ еще музыканты пришли; куда ихъ прикажете дѣвать?

Мякишъ. Чортъ возьми! Пускай играютъ гдѣ хотятъ.... Мнѣ теперь ни до чего нѣтъ дѣла (убѣгаетъ).

Игнатій. Слушаю-съ! Такъ мы ихъ сюда позовемъ.... Эй вы! Нѣмцы! Подите сюда.

XI.

ИГНАТІЙ, МУЗЫКАНТЫ, ПОТОМЪ РАСТОРОПИНЪ.

Игнатій. Ну, дудите-ко здѣсь на здоровье, а я послушаю.... Ужъ праздникъ такъ праздникъ! Катай во всю Ивановскую!

Одинъ изъ Музыкантовъ. Какъ-манъ-шпиленъ?

Игнатій. Играй-знай.... Нечего тутъ разговаривать (Музыканты играютъ). Ай! важно! ай! лихо! знатно!

Расторопинъ. (Вбѣгаетъ) Что-вы! что-вы! Рано, рано! Кто имъ приказалъ играть?

Игнатій (на лѣстницѣ). Я приказалъ.

Расторопинъ. Ахъ, ты дрянъ этакая! да тебѣ-то кто позволилъ приказывать?

Игнатій. Баринъ позволилъ.... пусть, говоритъ, играютъ....

Расторопинъ. Что онъ напуталъ! Еще никого изъ гостей нѣтъ.... Не надо! Подите туда.... Лясен-зи....Лясен-зи! Тамъ вамъ покажутъ комнату.... Ступайте, ступайте. (Музыканты уходятъ). Вотъ она шаферская-то должность какая! Все надо самому распоряжаться. А что, невѣстинъ шаферъ еще не пріѣзжалъ?

Игнатій. Нѣтъ-съ, не пріѣзжалъ....

РАСТОРОПИНЪ (смотритъ на часы). Видно у нихъ еще не все въ исправности.... Ома Ильичъ! Омашка! карета готова.... на силу отыскалъ.... былъ въ трехъ мѣстахъ.... славная карета, съ фонарями, на плоскихъ рессорахъ....

ИГНАТИЙ. Да кому вы это говорите?

РАСТОРОПИНЪ. Какъ, кому? Омъ Ильичу.

ИГНАТИЙ. Ха, ха, ха! да онъ васъ не услышитъ.

РАСТОРОПИНЪ. Какъ, не услышитъ?

ИГНАТИЙ. Да вѣд онъ ужъ уѣхалъ.

РАСТОРОПИНЪ. Какъ уѣхалъ?

ИГНАТИЙ. Сію минуту уѣхалъ.... видно вашей кареты не могъ дожждаться.

РАСТОРОПИНЪ. Какъ-же это можно.... Уѣхалъ безъ шафера?... Я долженъ поѣхать впередъ.

ИГНАТИЙ. Ну, а теперь вы ужъ за нимъ поѣдете.

РАСТОРОПИНЪ. Да онъ съ ума сошелъ! все перепуталъ.... стало быть, и поѣзжанъ не было?

ИГНАТИЙ. Какіе поѣзжане!... пріѣзжала только одна теща....

РАСТОРОПИНЪ. Какъ, теща.... за чѣмъ?

ИГНАТИЙ. Да видно за нимъ....

РАСТОРОПИНЪ. Гдѣ-же это видано, чтобъ жениха теща отвозила?

ИГНАТИЙ. Я ужъ этого не знаю, не мое дѣло.... я.... вотъ люстру засвѣчу, такъ дѣло будетъ ясное....

РАСТОРОПИНЪ. Эге! да ты, кажется, ничего не видя, подгулялъ....

ИГНАТИЙ. Какое подгулялъ! Такъ-ли надо подгулять на баринной свадьбѣ! Впрочемъ, здѣсь сегодня есть официанты, они постоятъ за меня.

РАСТОРОПИНЪ. Что-же это, въ самомъ дѣлѣ?... не можетъ быть, чтобъ онъ уѣхалъ вѣнчаться, а развѣ что нибудь случилось.... Поѣду къ нимъ. Это будетъ всего короче.... Вотъ она, шаферская-то должность какая!!

XII.

ТѢЖЕ, БАХРОМКИНЪ, ЦЫМЛЯНСКІЙ, и ДЕРЮГИНЪ.

БАХРОМКИНЪ. А, Иванъ Осипычъ.... Здравствуй! что это? Не опоздали-ли мы?

ЦЫМЛЯНСКІЙ. Въ самомъ дѣлѣ, ты ужъ вѣдешь?

РАСТОРОПИИЪ. Нѣтъ, господа, я сейчасъ ворочусь, погодите здѣсь минуточку.

ДЕРЮГИИЪ. Фу! Какимъ ты молодцомъ... Тебя самага можно за жениха принять!

БАХРОМКИИЪ. Кто тебѣ шилъ фракъ?

ДЕРЮГИИЪ. Ахъ, жилетка славная!

РАСТОРОПИИЪ. Извините, господа, теперь некогда пустяки болтать.... Садитесь, садитесь.... Я сейчасъ ворочусь.... Охъ, ужъ эта шаферская должность! (*Уходитъ.*)

БАХРОМКИИЪ. Фу! чертъ возьми, какъ онъ важенъ.

ЦЫМЛЯНСКІЙ. Какъ ломается! думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ, франтомъ одѣлся.... а онъ точно съ цирюльной вывѣски сорвался...

ДЕРЮГИИЪ. И жилетка-то какая дурацкая; нынче никто этихъ не носитъ.

БАХРОМКИИЪ. Пустой человѣкъ, больше ничего!

ЦЫМЛЯНСКІЙ. Именно — пустой и надутый.

БАХРОМКИИЪ. Ну, да ужъ коли надутый, такъ и пустой.... известное дѣло.

ДЕРЮГИИЪ. А что, господа, говорятъ, у Макиша то невѣста прехорошенькая.

БАХРОМКИИЪ. Да, онъ мнѣ ее показывалъ на Невскомъ, не дурна, хоть-бы не ему старому кутилѣ. (*Входитъ официантъ.*) А! Семень! Ты здѣсь.... Господа, вѣдь это отъ Капитона Михайловича.... Что, Семень, уживъ будетъ?

Официантъ. Какъ же-съ: будетъ.

ЦЫМЛЯНСКІЙ. Ну, ужъ Капитонъ не ударитъ лицомъ въ грязь... А вино, отъ васъ же?

Официантъ. Никакъ нѣтъ-съ. Господи въ шаферъ закупалъ.

ЦЫМЛЯНСКІЙ. Ну, вотъ ужъ это напрасно. Шампанское, вѣрно, будетъ прескверное.

БАХРОМКИИЪ. Скоро-ли эта свадьба.... Я такъ голоденъ, что мочи нѣтъ...

ДЕРЮГИИЪ. Я самъ что то безъ аппетита сегодня обѣдалъ.... за то поужинаемъ на славу.

ЦЫМЛЯНСКІЙ. Я очень люблю быть на свадьбахъ, особенно на купеческихъ; однихъ родственныхъ тостовъ въ цѣлый часъ не выпьешь: здоровье Анкудина Тимоѣича! ура! Здоровье Матрены Федуловны! ура! Григорья Прохорыча! Семена Петровича!... и пошли и пошли.... всю родословную переберутъ. Признаюсь, господа, что я на чужихъ обѣдахъ всегда бываю въ своей тарелкѣ.

БАХРОМКИИЪ. Жаль только, что въ плоской.

Цымлянскій. Пересолилъ, братъ, пересолилъ, не остро.

Дерюгинъ. А вы не слышали господа, кто здѣсь отецъ посаженный?

Бахромкинъ. Какъ кто? Его Превосходительство.

Дерюгинъ. Неужели? и самъ сюда на квартиру прѣдетъ.

Бахромкинъ. Разумѣется.

XIII.

ТѢЖЕ, ЛАЗЕНКО и ВЬЮШКИНЪ.

Лазенко. Bon soir, господа, bon soir!

Вьюшкинъ. Здравствуйте, здравствуйте.

Оба. Что, мы еще не опоздали?

Бахромкинъ. Нѣтъ, нѣтъ; еще молодой не выходилъ.

Лазенко. А что, господа, ничего, что я въ черномъ галстухъ.

Цымлянскій. Ничего; вѣдь это Фомка женится.

Лазенко. Я признаться нарочно надѣлъ черный галстухъ, чтобъ за официанта не приняли.

Бахромкинъ. Хорошъ же ты гусь, если только галстухомъ можешь отличиться отъ официанта.

Дерюгинъ (У окна). Господа! кто-то подѣхалъ на четвернѣ.

Бахромкинъ. Это Станиславъ Станиславичъ.

Всѣ. Да, да да... Это онъ самъ....

XI.V

ТѢЖЕ и КАПОРСКІЙ, потомъ МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Капорскій (человѣкъ почтенныхъ лѣтъ и важной наружности, входитъ, и садится на диванъ). Здравствуйте (молодые люди составляютъ кружки и говорятъ между собою шопотомъ).

Капорскій. Садитесь, господа, садитесь....

Всѣ. Покорно благодаримъ. (Иные садятся. Молчаніе.)

Капорскій. А кто здѣсь шаферъ?

Бахромкинъ. Расторопинъ.... Иванъ Осипычъ.

Капорскій. Странно; гдѣ же это онъ?

Бахромкинъ. Онъ сейчасъ куда-то уѣхалъ-съ....

Капорскій. Странно, очень странно!

(Дверь отворяется. — Входитъ Марья Семеновна, дама среднихъ лѣтъ, довольно тучная, одѣта безъ большаго вкуса, въ токъ съ перьями, въ шали; осматриваетъ все съ недовольнымъ видомъ, кланяется и садится; молодые люди почти не замѣчаютъ ее.)

Цымлянскій (тихо). Кто эта мадамъ?...

Бахромкинъ. Должно быть посаженная мать. (Молчаніе).

Марья Семеновна. Что же это такое? Гдѣ же Гома Ильичъ?

Бахромкинъ. Не знаю-съ; вѣрно еще не готовъ.

Марья Семеновна. Это удивительно!

Капорскій. Странно, очень странно!

Бахромкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, господа, надо бы спросить хоть у человѣка...

Марья Семеновна. Потрудитесь, пожалуйста — спросите, что это такое?

Бахромкинъ (въ двери.) Эй! Какъ тебя! Поди сюда. (Входитъ Игнатій пошатываясь).

Игнатій. Что прикажете?

Марья Семеновна. Ты! докладывалъ своему барину, что мы пріѣхали?

Игнатій. Никакъ нѣтъ-съ.

Марья Семеновна. Такъ что-жъ ты не доложишь?

Игнатій (смѣясь.) Да кому-же доложить?

Марья Семеновна. Какъ, кому? Твоему барину.

Игнатій. Да гдѣ-же его взять? Барина-то съ четверть часа, какъ нѣтъ.

Всѣ. Какъ нѣтъ?

Игнатій. Точно такъ-съ; они уѣхали.

Всѣ. Куда же уѣхалъ?

Игнатій. Не могу знать-съ, ничего не сказали. Впрочемъ, они по вечерамъ никогда не бываютъ дома.

Капорскій (встаетъ.) Что это? что это? Ну, такъ гдѣ же шаферъ, по-крайней-мѣрѣ?

Игнатій. И шафера нѣтъ-съ.

Капорскій. Что это? что это? Какіе безпорядки! Вѣдь сказано было въ семь часовъ.

Всѣ (вынимаютъ часы.) Точно такъ-съ, ужъ 7 часовъ.

Капорскій. Странно, очень странно!

Бахромкинъ. Вотъ кто-то пріѣхалъ.... вѣрно они. ...

IV.

ТЪЖЕ И РАСТОРОПИНЪ.

Расторопинъ. Господа.... Мое почтение.... Ваше Превосходительство.... Честь имѣю кланяться.

Капорскій. А! Наконецъ и вы пожаловали! Я торопился, ду- малъ, что вы меня дожидаетесь, а вышло на оборотъ: мы васъ цѣлый часъ ждемъ.

Расторопинъ. Извините, Ваше Превосходительство, вышло маленькое недоразумѣніе.... Я, право, не виноватъ.... Ахъ, мое почтение Марья Семеновна, я васъ не видалъ.... (*Цѣлуетъ ея руку*).

Марья Семеновна. Какъ у васъ все странно дѣлается въ Петербургѣ — у насъ въ губерніи попросту; посаженую мать встрѣчаетъ женихъ съ шаферомъ на лѣстницѣ или на крыльцѣ.

Расторопинъ. Простите великодушно, Марья Семеновна, я не виноватъ, совершенно не виноватъ!... Вотъ она шаферская-то должность какая!

Капорскій. Что же, намъ бы пора ужъ собираться. Гдѣ же нашъ женихъ?

Расторопинъ. Женихъ-съ.... онъ, изволите видѣть, Ваше Превосходительство.... онъ... Вотъ шаферская-то должность какая! прошу теперь вывертываться.... Онъ поручилъ мнѣ покорнѣйше просить у васъ извиненія.... потому что... какъ-бы вамъ доложить, Ваше Превосходительство.... происшествіе такое неожиданное.... и эта свадьба, по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ, сегодня не можетъ состояться....

Всѣ. Какъ?! Свадьбы не будетъ?

Цымлянскій. Стало-быть и ужина не будетъ? слышите?

Вьюшкинъ и Лазенко. Не можетъ-быть?

Дерюгинъ, Бахромкинъ и другіе. Что же это значить? Отчего? Что такое?

Расторопинъ. Въ подробности, положительно, я ничего не могу сказать.... знаю только, что сегодня свадьба отмѣняется.

Капорскій. Стало-быть намъ здѣсь и дѣлать нечего? Странно!

Марья Семеновна. Точно странно! Какъ же это господа вы поутру меня не увѣдомили?

Расторопинъ. Да это сейчасъ только случилось!

Марья Семеновна. Все равно, надо бы было предупредить...

Капорскій. Конечно.... я сегодня отказался отъ приглашенія на балъ нарочно для этой несчастной свадьбы.

Расторопинъ. Онъ завтра прїѣдетъ извиниться передъ Вашимъ Превосходительствомъ и передъ вами Марья Семеновна.

Марья Семеновна. Къ чему-же? Скажите ему, чтобъ онъ не беспокоился: меня цѣлый день дома не будетъ!

Капорскій. Я тоже завтра очень занятъ.... Если его свадьба назначится въ другое время, то попросите его, чтобъ онъ кого-нибудь другаго пригласилъ вмѣсто меня. Прощайте (*уходитъ*).

Марья Семеновна. Я удивляюсь, какъ въ столицѣ позволяютъ дѣлать такія вещи. Прощайте. (*Уходитъ*).

Расторопинъ. Вотъ шаферская должность какая! Молодой въ сторонѣ — а ты тутъ пляши за него!...

Цымлянскій и Дерюгинъ. Что-же это за исторія?

Бахромкинъ. Какая исторія — комедія!...

Лазенко. Вѣрно семейная драма?

Бахромкинъ. Иванъ Осиповичъ, объясните намъ, пожалуйста, какъ это случилось?

Всѣ. Да, да, что это такое? отчего?

Расторопинъ. Что вы, господа, ко мнѣ пристааете? Развѣ это мое дѣло! Вонъ онъ самъ идетъ — спрашивайте его, какъ хотите.

Цымлянскій. Господа, женихъ безъ невѣсты идетъ!

VI.

ТѢЖЕ И МЯКИШЪ.

Бахромкинъ. Какъ намъ васъ жаль, Оома Ильичъ!

Мякишъ. (*Жметъ руку каждому по очереди*).

Цымлянскій. Какое неприятное обстоятельство!

Дерюгинъ. Какъ это такъ неожиданно!

Лазенко. Какихъ вѣдъ расходовъ стоитъ и все понапрасну! (*Подходитъ къ столу и беретъ фрукты*)

Вьюшкинъ. Вѣдъ у васъ ужинъ, кажется, заказанъ?

Бахромкинъ. Да, да, и десертъ и свадебный столъ, и все это съ такимъ вкусомъ. (*Беретъ конфекты и прячетъ въ карманъ*).

Мякишъ. Кушайте, господа, кушайте, если вамъ угодно!... Я велю подавать ужинать....

Всѣ. О, помилуйте, развѣ мы за этимъ прїѣхали?!...

Мякишъ. Не обижайтесь, господа.... Я сказалъ по простотѣ

души... За что же вамъ-то со мной пить горькую чашу?... Ышьте и пейте, я ничего не хочу!

Всѣ. О, какъ это можно!

Мякишъ. Отчего же?... Мнѣ, разумѣется, кусокъ въ горло не пойдетъ, а вамъ вѣдь все равно.... Ступайте, господа, въ столовую, тамъ подадутъ вамъ чай, шоколадъ, мороженое, потомъ ужинъ.... Кушайте на здоровье.... Куда же мнѣ все это дѣвать.... Вѣдь не собакамъ же бросать....

Цымлянскій. Какъ вамъ не стыдно? Мы душевно соболѣзуемъ....

Бахромкинъ. Поѣдьте, господа.... Зачѣмъ его беспокоить.... поѣдьте....

Цымлянскій. Нѣтъ, поѣдимте, господа.... Вѣдь онъ очень жалокъ, мы его хоть развлечемъ.

Бахромкинъ. Нѣтъ, господа, неловко, неприлично.

Цымлянскій. Останемся, это довольно оригинально: свадебный столъ безъ жениха и невѣсты.

Лазенко (*подходитъ къ Мякишу*). Не горюйте, Оома Ильичъ, вы не въ потерѣ, я говорю это по опыту, я самъ человѣкъ женатый!

Дерюгинъ. Конечно, все къ лучшему....

Бахромкинъ. Прощайте господа, я уйду....

Цымлянскій. Полноте на голодный желудокъ великодушничать.

Дерюгинъ и Вьюшкинъ. Потѣшимъ его, господа.... видите, какъ онъ огорченъ. Пойдемте въ столовую (*уходятъ*).

Цымлянскій. Пожалуй.... ужъ и я за компанію (*уходитъ*).

Бахромкинъ. Ну, ужъ такъ и быть и я не отстану.

Лазенко. Что же мнѣ одному здѣсь оставаться (*тоже*).

XVII.

МЯКИШЪ И РАСТОРОПИЦЪ.

Расторопицъ. Чортъ возьми, они всѣ ушли въ столовую.... Ай, да друзья объѣдали.... имъ-бы только поѣсть. Однакожь, какъ мнѣ самому ѣсть хочется.... мочи вѣтъ! Вотъ шаферская-то должность какая! Просто другу и недругу закажу....

Мякишъ (*вскакиваетъ*). Ахъ я старый болванъ! (*сбрасываетъ парикъ*) а все вотъ отъ этаго! съ него начались всѣ мои несчастья!! (*ходитъ по комнатѣ*).

Расторопицъ. Полно, Оома Ильичъ, зачѣмъ рвать на себѣ

волосы.... Теперь ужъ пособить нечемъ, ужъ видно судьба твоя такая. Да, въ самомъ дѣлѣ, ты мнѣ давеча не досказалъ, какъ это все сдѣлалось?

Мякишъ. Да что рассказывать! Мы только что успѣли съ тещей прѣхать, глядимъ откуда ни возьмись Цыпкинъ, бросился на колѣна, дочь тоже.... Мать и руками и ногами.... Цыпкинъ вынулъ пистолетъ; застрѣлюсь, говоритъ, сію же минуту застрѣлюсь, если вы насъ разлучите! Мать вскрикнула.... дочь заплакала.... Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что ихъ соединили, а я остался въ дуракахъ, вотъ и все!

Расторопинъ. Напротивъ, ты бы, можетъ быть, остался въ дуракахъ, еслибъ женился; была-бы охота жениться, а за невѣстой дѣло не станетъ!

Мякишъ. Гдѣ - то моя бѣдная Авдотья Андревна? Что, если и она меня оставила! тогда.... я погибшій человекъ!...

XVIII.

ТѢЖЕ И АВДОТЯ АНДРЕЕВНА.

Авдотья Андреевна (*вошла прежде*) Оома Ильичъ!!

Мякишъ (*бросается въ ея объятія*) Авдотья Андревна! простите-ли вы меня!...

Авдотья Андреевна. Прощаю, отъ всего сердца прощаю!

Расторопинъ. Прекрасно! Вотъ тебѣ и невѣста на лицо! Чѣмъ ушибся, тѣмъ лечись! Старая любовь не ржавѣетъ.

Мякишъ. Авдотья Андревна! я сегодня видѣлъ на опытѣ твою безкорыстную привязанность!... я былъ виноватъ передъ тобою, виноватъ... какъ мальчишка, но хочешь ли я буду мужемъ, то есть, твоимъ мужемъ! понимаешь? Согласна-ли ты, Авдотья Андревна?

Авдотья Андреевна. И ты меня объ этомъ спрашиваешь?

Расторопинъ. Bravo! Bravo! А я, какъ будущій вашъ шаферъ, соединяю васъ и говорю: старыя дѣти мои, будьте счастливы!

Мякишъ. Спасибо, дружище, спасибо.... Одно только меня беспокоитъ: что-то въ публикѣ скажутъ объ насъ?

Расторопинъ. Ну, ужъ я за это не отвѣчаю, и спрашивать не смѣю!

Мякишъ. Ты, братецъ, шаферъ, узнай, какъ нибудь, стороной!...

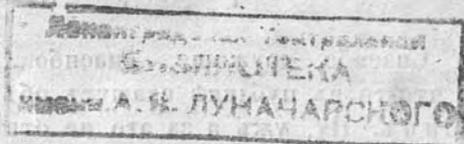
Расторопкинъ. Охъ-ужь эта шаферская должность, обо всемъ хлопочи.... что будешь дѣлать! (*Къ Публикѣ*).

Я какъ шаферъ съ порученьемъ
 Къ Вамъ явлюся отъ нихъ :
 Осчастливьте снисхожденьемъ
 Нашихъ старыхъ-молодыхъ...
 Еслибъ мной куплетъ пропѣтый,
 Отголосокъ въ Васъ нашель !
 Чтобъ-какъ ужинъ подогрѣтый,
 Не былъ Свадебный нашъ столъ!
 Это сдѣлать Вамъ бездѣлки ;
 Нуженъ маленькій приемъ...
 И тогда въ своей тарелкѣ,
 Всѣ мы будемъ за Столомъ!

—
 III

ЛИБРЕТТО

10760

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются все лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *л. л.* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались бы на „Пантеонъ“, не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго* номера и со *всеми* приложеніями.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“, за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“, въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по смотенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просить обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.